Вор...
LIBRARY OF THE
APR 4 1961
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2

МОСКВА · 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1961 г.

Вопросы истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Выдающиеся документы современности 3

СТАТЬИ

Член-корреспондент АН СССР **М. П. Ким, А. В. Фадеев** — Об основных проблемах отечественной истории 14

Ф. Д. Кретов — К вопросу о создании многотомной истории СССР 54

П. И. Климов — Из истории возникновения и развития межколхозных производственных связей 67

П. А. Зайончковский — Советская историография реформы 1861 года 85

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

И. И. Сиволап — К 200-летию со дня рождения Бабефа 105

Новые документы Гракха Бабефа 109

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. В. Ефимов (Ленинград), **С. Б. Окунь** (Ленинград), **М. Б. Рабинович** (Ленинград) — «Всемирная история». Т. VI. 117

В. П. Ефимов — Книга о создании механизаторских кадров на селе 128

М. Е. Найденов — Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года (60-е годы XIX ст.) 133

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Г. А. Ватьян — Ст. Шаумян. Письма. 1896—1918; **В. М. Растяпин** — Н. В. Черненко. Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и консолидацию рабочего класса Украины в 1921—1925 гг.; **А. А. Дризул** (Рига) — М. И. Козин. Крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века; **А. И. Данилов** (Казань) — Я. А. Левицкий. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв.; **Н. П. Комолова** — Б. Лопухов. Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920—1922 гг.); **В. Я. Масюкевич** — С. А. Гонионский. Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений 138

Новые книги 154

Статьи в советских исторических журналах 157

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н. С. Печатальщикова (Свердловск) — О работе исторического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького 160
Хроникальные заметки 163

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. С. Альперович — Современная мексиканская историография войны за независимость 166

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ю. М. Григорьян — Лео Штерн. Филипп Меланхтон. Гуманист, реформатор, «учитель Германии»; **Б. Л. Вульфсон** (Великие Луки) — Анри Жискар д'Эстен. От Эстергази к Дрейфусу; **И. С. Свенцицкая** — Г. Дунст. Заметки о греческих надписях 177

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 182
Заметки о статьях 184
Рецензии на книги советских авторов 200

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Ученый секретарь Института истории партии при ЦК РРП **Титу Джорджеску** — О деятельности Института истории партии при Центральном Комитете Румынской рабочей партии 202

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

И. Р. Лаврецкий — Реплика профессору Дж. Грегори Освальду . . 206
А. И. Брюханов, М. К. Гаврилов, Н. А. Филатов — Страница истории, ждущая своих исследователей 209
В. В. Мавродин (Ленинград), **С. Б. Окунь** (Ленинград), **В. Г. Ревуненков** (Ленинград), **Н. Я. Иванов** (Ленинград), **С. А. Могилевский** (Ленинград), **Г. П. Морозов** (Ленинград) — Наши впечатления о журнале «Вопросы истории» (№№ 8—10 за 1960 г.) . . 212

Условия конкурса на составление учебников для начальных и средних школ 214

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в данном номере журнала 216
Резюме статей на английском языке 217

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОКУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В ноябре 1960 г. в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, явившееся историческим событием мирового значения. Принятые на Совещании Заявление и Обращение к народам всего мира — важнейшие марксистско-ленинские документы современности. Они являются замечательным результатом коллективного разума коммунистических и рабочих партий, образцом творческого развития марксизма-ленинизма. Документы Совещания мобилизуют трудящихся всех стран на борьбу за мир, демократию и социализм, против угрозы новой войны, за светлое будущее человечества. «Это Совещание,— говорится в докладе Н. С. Хрущева «За новые победы мирового коммунистического движения», произнесенном на общем собрании партийных организаций Высшей партийной школы, Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 6 января 1961 г.,— подвергло глубокому анализу современную международную обстановку, выработало общие для нашего движения позиции по важнейшим вопросам. В результате этого Совещания, которое прошло в обстановке братского единства, еще теснее сплотилась на основе марксизма-ленинизма многомиллионная семья коммунистов всех стран, умножились их силы в героической борьбе за торжество дела мира и социализма».

Январский Пленум ЦК КПСС, рассмотрев вопрос об итогах Совещания, постановил одобрить политическую линию и деятельность делегации КПСС во главе с Н. С. Хрущевым на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий и принятые Совещанием Заявление и Обращение к народам всего мира.

Документы Совещания единодушно одобрены всеми советскими людьми, трудящимися всего социалистического лагеря. Они приковывают к себе внимание мировой общественности. Их горячо одобряют все, кому дорого дело мира, демократии и социализма.

Заявление и Обращение Совещания содержат глубокий анализ и развернутую характеристику современного этапа развития человечества. «Наша эпоха,— указывается в Заявлении,— основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе».

В документах Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. нашли свое дальнейшее развитие и обогащение на основе обобщения нового исторического опыта идеи Декларации и Манифеста мира 1957 года. Правильность этих идей была целиком и полностью подтверждена событиями последних трех лет. Важнейшим итогом этих лет явился, как указывается в Заявлении, «стремительный рост могущества и международного

влияния мировой социалистической системы, активный процесс распада колониальной системы под ударами национально-освободительного движения, нарастание классовых битв в капиталистическом мире, дальнейший упадок и разложение мировой капиталистической системы. На мировой арене все более проявляется перевес сил социализма над империализмом, сил мира над силами войны».

Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Документы Совещания содержат важнейшие теоретические и политические выводы относительно дальнейшего развития мировой социалистической системы. Отметив, что в масштабах всей системы социализм одержал решающие победы, Совещание указало, что мировая социалистическая система вступила в новый этап своего развития, который характеризуется тем, что Советский Союз успешно осуществляет развернутое строительство коммунистического общества, а другие социалистические страны успешно закладывают основы социализма, причем некоторые из них уже вступили в период строительства развитого социалистического общества.

Советский Союз, успешно выполняя 7-летний план развития народного хозяйства, быстрыми темпами создает материально-техническую базу коммунизма, он первым в истории прокладывает путь к коммунизму для всего человечества, являясь ярким примером и могущественным оплотом для народов всего мира в их борьбе за мир, демократические свободы, национальную независимость и социальный прогресс.

Сокрушительным ударом по позициям империализма в Азии явилась народная революция в Китае, в огромной мере способствовавшая изменению соотношения мировых сил в пользу социализма.

Народно-демократические республики Европы и Азии, образовавшие вместе с Советским Союзом могучий социалистический лагерь, за короткий исторический срок добились огромных успехов в строительстве социализма. В этих странах господствующую роль в народном хозяйстве играют социалистические производственные отношения, успешно проходит социалистическая индустриализация, успешно решен или решается наиболее трудный вопрос социалистического строительства — добровольный переход крестьянства с пути мелкого частнособственнического хозяйства на путь крупного кооперативного социалистического хозяйства; главной силой общества стал рабочий класс; под его руководством упрочился союз рабочих и крестьян; на основе успешного развития экономики создаются материальные условия для культурного развития общества, для непрерывного повышения материального уровня жизни народных масс; сформировался и окреп союз трудящихся всех национальностей, торжествует марксистско-ленинская национальная политика; социалистическая идеология одержала заметные успехи в борьбе против буржуазной идеологии.

Теперь не только в Советском Союзе, но и в других социалистических странах ликвидированы социально-экономические возможности реставрации капитализма. Объединенные силы социалистического лагеря надежно гарантируют каждую социалистическую страну от посягательств со стороны империалистической реакции. Сплочение социалистических государств в единый лагерь, его крепнущее единство и растущая мощь обеспечивают в рамках всей системы в целом полную победу социализма.

Социалистический лагерь представляет собой социальное, экономическое и политическое содружество свободных, суверенных народов, объединенных тесными узами международной социалистической соли-

дарности, единством общих интересов и целей и идущих по пути социализма и коммунизма. В социалистическом лагере обеспечиваются подлинное равноправие и самостоятельность каждой входящей в него страны. У государств и народов, входящих в социалистическую систему, нет объективных причин для противоречий и конфликтов между ними; интересы всей социалистической системы в целом и национальные интересы гармонично сочетаются. В настоящее время социалистические государства, образующие мировую систему социализма, стали интернациональной силой, оказывающей могучее воздействие на мировое развитие.

Совершенно иное положение складывается в капиталистической системе. Империализм пытался военным путем задержать ход исторического развития, и эти попытки закончились крахом и полным разгромом его ударной силы — фашизма. В гигантской схватке Великой Отечественной войны были убедительно доказаны сила и непобедимость социализма. Не смог империализм преградить путь социалистическим революциям в Европе и Азии. Провалились попытки империализма помешать экономическому росту социалистических государств. Безуспешными оказались его усилия сохранить систему колониального рабства, и эта система быстро рушится.

Мировая капиталистическая система переживает процесс глубокого упадка и разложения. В развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап, своеобразие которого состоит в том, что он возник не в связи с мировой войной, а в обстановке соревнования и борьбы двух систем, все большего изменения соотношения сил в пользу социализма, резкого обострения всех противоречий империализма, в условиях, когда борьба миролюбивых сил за осуществление и упрочение мирного сосуществования не позволила империалистам сорвать своими агрессивными действиями общий мир, в обстановке подъема борьбы широких народных масс за демократию, национальное освобождение и социализм. Особенности нового этапа общего кризиса капитализма убедительно говорят о том, что капитализм идет к своему закату и что время работает на социализм и коммунизм.

Однако реакционные империалистические силы не хотят понять простой истины, состоящей в том, что действие объективных законов исторического развития человечества необратимо. Рассчитывая силой повернуть историю вспять, они объединяются в военно-политические союзы во главе с США, чтобы вести совместно борьбу против социалистического лагеря, национально-освободительного движения и социалистического движения. Опыт последних лет дал бесспорные доказательства того, что американский империализм является главным оплотом мировой реакции и международным жандармом, врагом народов всего мира. Основы капиталистического мира ныне настолько ослабли, что во многих странах правящая империалистическая буржуазия не смогла бы самостоятельно, без поддержки со стороны правящих кругов США, противостоять растущим силам демократии и прогресса. Однако и позиции американского империализма — самого крупного международного эксплуататора — не прочны. В экономике Соединенных Штатов Америки, не преодолевшей еще отрицательных последствий экономического кризиса 1957—1958 гг., вновь нарастают кризисные явления; неустойчивой является экономика и других капиталистических стран. Созданная США система военных блоков ослабляется как борьбой между их участниками, так и борьбой масс за ликвидацию таких блоков. Народы все решительнее поднимаются против империализма, все революционные силы объединяются против империалистического гнета и эксплуатации. «Совершенно очевидно, что образование мировой системы социализма, быстрый процесс распада колониальной системы, небывалый подъем борьбы рабочего класса за свои жизненные права и интересы — все это

подрывает устои капитализма, усиливает его общий кризис. Потери капитализма в результате этих ударов носят необратимый характер»,— отмечал Н. С. Хрущев в докладе «За новые победы мирового коммунистического движения».

Превращение социалистической системы в интернациональную силу, оказывающую могучее воздействие на мировое развитие и ослабление капитализма, создало реальные возможности для решения ряда важнейших проблем современности по-новому, в интересах мира, демократии и социализма.

Самой жгучей проблемой нашего времени является проблема войны и мира. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий ясно и четко изложены позиции этих партий относительно возможности предотвратить новую мировую войну, определены силы, способные пресечь попытки империалистических агрессоров развязать вооруженный мировой конфликт. Совещание отметило, что опасность новой мировой войны еще не миновала и что, пока сохраняется империализм, будет оставаться и почва для агрессивных войн. Главной силой агрессии и войны является американский империализм, воплощающий в своей политике идеологию воинствующей реакции, создавший агрессивные военные блоки, опутавший все зависимые от него капиталистические страны сетью своих военных баз. Эта агрессивная политика американского империализма ставит под угрозу всеобщий мир и безопасность.

Американский империализм при участии империалистов Англии, Франции и Западной Германии вовлекает многие страны в военные блоки под флагом защиты от «угрозы коммунизма». Агрессивные силы США, Англии и Франции вступили в преступный сговор с западногерманским милитаризмом. Империалисты США активно возрождают очаг войны и на Дальнем Востоке. Объединенными усилиями империалисты всячески пытаются сорвать предложения Советского Союза и других миролюбивых государств, направленные на разоружение, продолжают гонку вооружений, наращивают запасы ядерного оружия.

В Заявлении Совещания отмечается, что агрессивная природа империализма не изменилась; однако сложились реальные силы, способные сорвать его агрессивные планы, и поэтому фатальной неизбежности войны не существует. Опыт недавней истории подтверждает, что можно эффективно бороться против локальных войн, развязанных империализмом, успешно ликвидировать очаги таких войн. «Наступило время, когда можно пресечь попытки империалистических агрессоров развязать мировую войну. Объединенными усилиями мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить».

Документы Совещания призывают народы к величайшей бдительности, к тому, чтобы неустанно разоблачать империалистическую политику, непрерывно усиливать активные действия народных масс в защиту мира. Задача сил, борющихся за мир, состоит в создании непреодолимых препятствий для развязывания империалистами войны. Борьбу против опасности новой мировой войны нужно развертывать, не дожидаясь, когда начнут падать атомные и водородные бомбы.

Коммунисты считают, что для обеспечения дела мира необходимо прежде всего прекратить гонку вооружений, запретить атомное оружие, его испытание и производство, ликвидировать иностранные военные базы и вывести иностранные войска с чужих территорий, распустить военные блоки, заключить мирный договор с Германией, превратить Западный Берлин в демилитаризованный вольный город, пресечь агрессивные

происки западногерманских реваншистов, не допустить возрождения японского милитаризма. «История,— говорится в Заявлении,— возложила великую ответственность за предотвращение новой мировой войны в первую очередь на международный рабочий класс. Империалисты вступают в сговор и объединяются, чтобы развязать термоядерную войну. Международный рабочий класс должен сплотить свои ряды, чтобы спасти человечество от катастрофы новой мировой войны».

Важнейшее значение имеет содержащийся в Заявлении Совещания вывод о том, что еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключения мировой войны из жизни общества. Победа социализма во всем мире окончательно устранит социальные и национальные причины возникновения всяких войн.

Совещание подтвердило, что ныне вопрос стоит только так: или мирное сосуществование между государствами с различными социально-экономическими системами, или разрушительная война. Политика мирного сосуществования отвечает коренным интересам народов, всех тех людей, кто не хочет новых кровопролитных войн. В условиях мирного сосуществования создаются благоприятные возможности для развертывания классовой борьбы в капиталистических странах и национально-освободительного движения народов в колониальных и зависимых странах. Поэтому мирное сосуществование государств не означает, как утверждают ревизионисты, отказа от классовой борьбы; оно не означает также примирения социалистической и буржуазной идеологии. В свою очередь, успехи революционной, классовой и национально-освободительной борьбы содействуют упрочению мирного сосуществования.

В Заявлении отмечается, что осуществление выдвинутой Советским Союзом программы всеобщего и полного разоружения имеет исключительно важное историческое значение для судеб человечества, ибо гонка вооружений не является ни сдерживающим войну фактором, ни фактором высокой занятости и благосостояния населения, она ведет к войне. Поэтому разоружение стало теперь боевым требованием народных масс, назревшей исторической необходимостью.

«Коммунисты,— указывается в Заявлении,— видят свою историческую миссию не только в том, чтобы упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе и навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества, но уже в современную эпоху избавить человечество от кошмара новой мировой войны. Коммунистические партии всех стран посвятят осуществлению этой великой исторической миссии все свои силы и энергию».

Совещание уделило большое внимание проблемам национально-освободительного движения и констатировало, что в настоящее время наступил новый исторический период в жизни человечества. На огромном пространстве земного шара победили национально-освободительные революции. Ход освободительного движения народов в течение последних лет убедительно свидетельствует о том, что полный крах колониализма неминуем.

Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения является вторым по своему историческому значению явлением после образования мировой системы социализма.

На основании анализа конкретных фактов, сопутствовавших завоеванию колониальными народами Азии и Африки независимости, Совещание еще раз подтвердило, что народы колониальных стран завоевывают свою независимость как путем вооруженной борьбы, так и невоен-

ным путем, что прочной победы они добиваются на основе мощного национально-освободительного движения, что империалистические державы не даруют свободу народам колоний и добровольно не покидают эксплуатируемые ими страны. В настоящее время главным оплотом колониализма являются Соединенные Штаты Америки.

В результате бурного развития национально-освободительного движения в послевоенный период около полутора миллиардов человек, то есть половина населения земного шара, сбросили колониальные путы. За последние 15 лет только в Африке возникло 26 новых государств, причем 16 из них появились в прошедшем году. Это — замечательное свидетельство того, что темпы исторического развития многократно возросли в наше время, что колониализм приближается к своему окончательному краху.

В Заявлении подчеркивается, что успехи национально-освободительного движения в огромной степени были обусловлены такими историческими событиями, как победа СССР во второй мировой войне, установление строя народной демократии в ряде стран Европы и Азии, торжество социалистической революции в Китае, образование мировой социалистической системы. Силы мирового социализма решающим образом содействуют борьбе народов колониальных и зависимых стран за освобождение от гнета империализма. Большую поддержку национально-освободительному движению оказывает международное рабочее движение. Совещание вооружило коммунистические партии государств, получивших независимость в ходе национально-освободительной борьбы, конкретной программой действий, направленных на последовательное доведение до конца антиимпериалистических, антифеодальных, демократических революций, на создание государств национальной демократии.

Страны социализма являются искренними и верными друзьями народов, борющихся за освобождение или освободившихся от империалистического угнетения. Они оказывают всемерную помощь и поддержку молодым национальным государствам в их развитии по пути прогресса, в создании отечественной промышленности, развитии и укреплении национальной экономики, в подготовке собственных кадров, сотрудничают с ними в борьбе за мир во всем мире, против империалистической агрессии.

Совещание коммунистических и рабочих партий сформулировало важнейшие проблемы, стоящие перед этими партиями, действующими в развитых капиталистических странах, и указало новые возможности для их решения. Главный удар в современных условиях все решительнее направляется против капиталистических монополий, в ликвидации которых заинтересованы как рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, так и мелкая и средняя буржуазия города, ибо гнет крупных монополий становится все более тяжелым для всех слоев нации.

Совещание поставило перед рабочим движением в качестве его важнейшей задачи достижение единства действий рабочего класса и укрепление его союза с трудовым крестьянством. Совещание указало, что главным препятствием на пути к достижению рабочим классом своей цели продолжает оставаться раскол его рядов, в сохранении которого в национальном и международном масштабах заинтересованы господствующие классы, правые вожди социал-демократии и профсоюзов. Выступая решительно за преодоление этого раскола, коммунисты будут продолжать критику идеологических позиций и правооппортунистической практики социал-демократии. Но они в то же время твердо убеждены, что имеющиеся между ними и социал-демократами идейные разногласия не должны препятствовать обмену мнениями по назревшим проблемам рабочего движения и совместной борьбе, в особенности против военной опасности.

Империалистические круги с целью вызвать недоверие к коммунистическому движению и его идеологии распространяют лживые утверждения, будто коммунисты заинтересованы в войне между государствами как средстве для свержения капиталистического строя и установления социалистического порядка. Совещание решительно отвергло эту клевету на коммунистическое движение и подчеркнуло, что марксисты-ленинцы никогда не считали, что путь к социальной революции проходит через войны между государствами. Они всегда были против экспорта революции. Но в то же время они решительно борются против империалистического экспорта контрреволюции. Интернациональный долг коммунистических партий — активно действовать, чтобы предотвратить или дать решительный отпор вмешательству империалистов в дела народа любой страны, поднявшегося на революцию.

Совещание подтвердило положения Декларации 1957 г. по вопросу о формах перехода различных стран от капитализма к социализму, указав, что в каждой стране формы и пути развития социалистической революции будут зависеть от конкретного соотношения классовых сил, от организованности и зрелости рабочего класса и его авангарда, от степени сопротивления господствующих классов. Марксисты стремятся осуществить социалистическую революцию мирным способом, ибо это соответствует интересам рабочего класса, всего народа, общенациональным интересам страны. Однако в условиях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду возможность немирного перехода к социализму. Независимо от того, в какой форме будет установлена диктатура пролетариата в той или иной стране, она всегда будет означать расширение демократии, переход от формальной буржуазной демократии к подлинной, социалистической демократии, демократии для всех трудящихся.

В Заявлении Совещания говорится о взаимоотношениях между марксистско-ленинскими партиями всего мира. Эти отношения основываются на полном равноправии, взаимной поддержке и интернациональной солидарности. Единство и сплоченность коммунистических и рабочих партий основаны на их верности марксистско-ленинскому учению. Дальнейшее сплочение коммунистических партий на основе принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма является важнейшим условием объединения всех сил рабочего класса, сил демократии и прогресса, залогом новых побед международного коммунистического и рабочего движения в его великой борьбе за светлое будущее всего человечества, за торжество дела мира и социализма.

Само Совещание явилось образцом такого единства. Буржуазная пресса в недели, предшествовавшие Совещанию, и в дни его работы много писала о том, будто бы в коммунистическом движении имеет место «раскол». Империалистические круги не скрывали, что им очень хотелось, чтобы руководители Союза коммунистов Югославии, оторвавшие свою страну от социалистического лагеря, поставившие ее в зависимость от так называемой «помощи» американских и других империалистов и тем самым создавшие угрозу потери революционных завоеваний югославского народа, достигнутых им в героической борьбе, нашли бы своих последователей в других странах социалистического лагеря и в марксистско-ленинских партиях капиталистических стран. Империалисты не скрывали, что их очень устроил бы такой раскол, так как он ослабил бы социалистический лагерь и причинил бы ущерб делу социализма и мира.

Империалистам радоваться не пришлось. Московское Совещание подтвердило существование монолитного единства в мировом коммунистическом движении, продемонстрировало могучую силу, какой является это движение в наши дни. «Враги социализма,— указывала в этой связи газета Компартии Австрии «Фольксштимме»,— вынашивали надежду на

раскол среди коммунистических и рабочих партий, на то, что в их рядах обнаружатся идеологические противоречия. Однако эти надежды врагов не оправдались. Совещание с новой силой продемонстрировало монолитность и сплоченность международного коммунистического движения». Надежды империалистов на ослабление фронта социализма и возникновение разногласий в мировом коммунистическом движении не сбылись. «Колониалистский империализм,— писала индийская газета «Свадхината»,— напуган единодушным решением участников Совещания. Глашатаи империалистических господствующих кругов и буржуазная печать, которые с такой яростью изобретали сообщения о разногласиях в международном коммунистическом движении и о расколе социалистического лагеря, ныне молчат».

Московское Совещание отметило, что общие цели борьбы всех коммунистов мира требуют единства воли и действий коммунистических партий всех стран. Поэтому для обмена опытом, ознакомления со взглядами и позициями друг друга и выработки единых взглядов путем консультаций и согласования совместных действий в борьбе за общие цели коммунистические и рабочие партии по мере необходимости проводят совещания. Оценки и выводы, выработанные на таких совещаниях, солидарно соблюдаются каждой партией.

Московское Совещание коммунистических и рабочих партий показало, что международное коммунистическое движение находится на большом подъеме, что оно стало важнейшим фактором общественного развития. Если в ноябре 1957 г. в мире было 75 марксистско-ленинских партий, то ныне их уже насчитывается 87. За истекшие три года новые компартии появились в 12 странах. Это является убедительной демонстрацией роста сил мирового коммунизма. Этот рост еще более очевиден, если сравнить нынешнее положение международного коммунистического движения с тем, каким оно было накануне второй мировой войны. Тогда во всех частях света в общей сложности имелось 4,2 млн. коммунистов. В настоящее время их число превышает 36 млн. человек. Чего стоит в свете этих фактов утверждение некоторых буржуазных историков о том, будто бы благодаря «мудрой» политике правой социал-демократии идеи марксизма-ленинизма ныне теряют свое влияние на массы и умами якобы овладевают идеи так называемого «государства всеобщего благоденствия»! С проповедью подобной, не имеющей ничего общего с наукой и с жизнью концепции, выступали на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме американские и некоторые западноевропейские буржуазные историки. В наше время триумфальных успехов международного коммунистического движения могут не заметить лишь те, кто сознательно не хочет их видеть.

Влияние на массы правых лидеров социал-демократии, являющихся активными пропагандистами идей «государства всеобщего благоденствия», непрерывно сокращается, чему наряду с другими факторами способствует то, что трудящиеся на своем опыте убеждаются, что так называемое «государство всеобщего благоденствия» является лишь весьма примитивной маскировкой современного хищнического монополистического капитализма.

Глубокий оптимизм, несокрушимая вера в торжество дела мира и коммунизма являются лейтмотивом документов, принятых представителями мирового коммунистического движения.

Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий вооружают советских историков глубокой научной характеристикой современной эпохи. В них содержатся глубокие теоретические выводы по коренным проблемам современного общественного развития. Это значит, что историки-марксисты, занимающиеся изучением процессов в социалистической системе и в капиталистических странах, получи-

ли в свои руки компас, руководствуясь которым они могут уверенно и успешно продвигаться по пути исследования главных проблем нашей великой эпохи.

Документы Московского Совещания ставят перед советскими историками, равно как и перед другими работниками идеологического фронта, большие задачи. В своей научно-исследовательской, общественной и педагогической работе советские историки должны руководствоваться теоретическими выводами Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Обеспечить это можно только в результате всестороннего изучения и глубокого усвоения всего теоретического содержания этих выдающихся документов творческого марксизма-ленинизма.

Материалы Совещания вооружают историков основополагающими теоретическими выводами и методологическими положениями для научной работы, определяют круг наиболее актуальной для нашего времени проблематики исследовательской деятельности. Разработка наиболее важных тем, выдвигаемых жизнью, повышение научно-теоретического уровня исторических работ, активная борьба против буржуазных фальсификаторов истории — важнейшая задача советских ученых.

«В современных условиях,— указывается в Заявлении,— вопросы идеологии приобретают особое значение. Успехам социализма класс эксплуататоров противопоставляет все более активную идейную обработку масс, старается удержать их в духовном плену буржуазной идеологии». Коммунисты видят свою задачу в том, чтобы развернуть решительное наступление на идеологическом фронте, добиться высвобождения той части народных масс капиталистических стран, которая еще находится под влиянием буржуазной пропаганды, из духовной кабалы всех видов и форм буржуазной идеологии, в том числе из-под тлетворного влияния реформизма; в распространении среди масс передовых идей, обеспечивающих общественный прогресс, свободолюбивых демократических идей, идеологии научного социализма. В своей работе историки-марксисты должны исходить из того, что на их долю выпала почетная и важная роль в этом решительном наступлении на идеологическом фронте против растленной буржуазной идеологии и пережитков капитализма в сознании людей.

В выполнении этих задач большую роль должны сыграть прежде всего исследователи, работающие в научных учреждениях, входящих в Отделение исторических наук Академии наук СССР, а также журналы Отделения исторических наук. Долг исследователей — создать в короткий срок полноценные научные труды, раскрывающие существо процессов, происходящих в современном мире.

Совещание дало высокую оценку опыту Коммунистической партии Советского Союза. «Пример КПСС и ее братская солидарность,— говорится в Заявлении,— вдохновляют все коммунистические партии в их борьбе за мир и социализм и являются выражением применения революционных принципов пролетарского интернационализма на практике». Это означает, что долгом советских историков является дать в самое ближайшее время крупные исследования, в которых получили бы обобщение исторический опыт Советского Союза и его Коммунистической партии в борьбе за социализм и коммунизм, за укрепление мира во всем мире. Поэтому необходимо ускорить подготовку исследований по истории народов СССР эпохи социализма, предусмотренных семилетним планом научно-исследовательской работы институтов Отделения исторических наук, и развернуть активную исследовательскую работу по изучению социалистического и коммунистического строительства в СССР в послевоенный период. При этом главное внимание исследователи должны уделять освещению руководящей и организующей роли Коммунисти-

ческой партии Советского Союза, показу созидательной деятельности всех народов нашей многонациональной страны.

Важной задачей, стоящей перед советскими историками, являются изучение и обобщение опыта социалистического строительства в других странах лагеря социализма. История индустриализации, социалистических преобразований в области развития сельского хозяйства, показ руководящей роли братских коммунистических и рабочих партий, творческой активности трудящихся масс в строительстве социализма, решения национального вопроса, борьбы против империалистической агентуры в странах народной демократии должны находить все более широкое и глубокое освещение в исследованиях по истории этих стран.

Большое внимание должно быть уделено исследованию закономерностей развития мировой системы социализма, показу могучего влияния социалистического лагеря на ход всемирной истории, братской взаимопомощи социалистических стран, роли Советского Союза, стран народной демократии, их коммунистических партий в росте и укреплении международных сил коммунизма. Эта работа должна вестись советскими учеными в самой тесной связи с историками, работающими в странах народной демократии.

Большое внимание исследователи должны уделять освещению современного этапа коммунистического и рабочего, а также общедемократического движения, показу роли коммунистических и рабочих партий капиталистических стран и выступающих под их руководством трудящихся масс в борьбе против монополий, милитаризма и реакционных правительств, раскрытию первостепенного значения единства рабочего класса для победы дела свободы, демократии, социализма.

Материалы Совещания нацеливают историков-марксистов на глубокую разработку вопросов современной истории международных отношений и внешней политики Советского Союза. Ученые призваны разоблачать агрессивную политику империалистических государств и прежде всего реакционных кругов США, показывать борьбу советской державы, стран народной демократии, прогрессивных сил в капиталистических государствах против войны, за мир, международную безопасность, за разоружение, мирное сосуществование государств с различным общественно-экономическим строем. Создание работ по данной проблематике явится вкладом историков в дело борьбы народов за предотвращение войны.

Должно быть усилено внимание к изучению процессов, происходящих в современном капиталистическом мире. За последнее время советскими историками достигнуты некоторые успехи в изучении новейшей истории ряда капиталистических государств. Работу в этом направлении следует всячески расширять, обратив особое внимание на исследование процессов, происходящих в капиталистическом мире после второй мировой войны и прежде всего характерных черт нового этапа общего кризиса капиталистической системы, обострения всех ее противоречий.

Крупным недостатком в деятельности советских историков является то, что они до сих пор не обеспечили вузы и средние школы учебниками, в которых рассматривалась бы история капиталистического мира в период после второй мировой войны. Работа в этом направлении ведется, однако сейчас задача состоит в том, чтобы ускорить подготовку учебников по этому периоду всемирной истории.

Большие и ответственные задачи ставят документы Совещания перед историками, занятыми изучением истории народов Азии, Африки и Латинской Америки. Должна быть воссоздана многовековая история этих народов, показан их вклад в сокровищницу мировой цивилизации, прослежена их история в период колониального порабощения, изучена

героическая борьба народов за свою национальную свободу, приведшая к распаду колониальной системы и торжеству национально-освободительных революций на огромных территориях. Читатель ждет от историков книг, показывающих значение существования и успехов СССР и социалистического лагеря для вовлечения колониальных народов в общий поток всемирного революционного движения, содействие сил мирового социализма борьбе народов колоний и зависимых стран за свое освобождение от гнета империализма. Требуют развернутого изучения роль и место вновь возникших государств в мировой политике, изменения в расстановке международных сил в связи с появлением этих государств на мировой арене, борьба народов под руководством коммунистических партий за последовательное доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции.

Особое внимание должно быть уделено историками усилению борьбы против антикоммунизма, этого отравленного оружия буржуазии. Современная буржуазия, являясь уже внутренне мертвым классом, идущим к своей неминуемой и близкой гибели, не может выдвинуть какие-либо конструктивные идеи, которые могли хотя бы в малейшей степени конкурировать с победоносными идеями марксизма-ленинизма. Это результат глубокого идейного кризиса и крайней степени деградации буржуазной идеологии. Поэтому буржуазия взяла на свое идейное вооружение антикоммунизм, возникший еще на заре рабочего движения, и при помощи его ведет борьбу против марксистско-ленинской идеологии. Антикоммунизм — это грубая клевета на марксистско-ленинское учение, на социалистический общественный строй, это фальсификация политики и целей коммунистов. Решительное разоблачение антикоммунизма является важнейшей задачей советских историков.

В документах Совещания подчеркивается важность задачи вести решительную борьбу на два фронта — как против ревизионизма, который остается главной опасностью, так и против догматизма и сектантства.

Заявление коммунистических и рабочих партий и Обращение к народам всего мира имеют первостепенное значение для коммунистического воспитания трудящихся. На историков, как и на всех работников идеологического фронта, ложится ответственная задача пропаганды среди широких народных масс итогов работы Московского Совещания. Работники советской исторической науки, систематически выступая с докладами, лекциями, ведя педагогическую работу, принимая участие в выпуске научно-популярной литературы, должны раскрывать теоретические положения, содержащиеся в материалах Совещания, мобилизовывать советских людей на дальнейшее коммунистическое строительство, на более упорную борьбу против сил империализма, реакции и войны, в поддержку международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки, за мир и международную безопасность. Активнейшую роль в этом должны сыграть исторические журналы.

Советские историки должны не только посвятить себя созданию исследований, в которых анализировались бы процессы, происходящие в социалистическом и капиталистическом мире, они должны принять самое активное участие в политико-воспитательной работе, проводимой нашей партией, нести идеи, содержащиеся в документах Совещания коммунистических и рабочих партий, в массы, активно участвовать в воспитании масс.

СТАТЬИ

ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ*

(К ПОДГОТОВКЕ МНОГОТОМНОГО ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ СССР)

Член-корреспондент АН СССР М. П. Ким,
А. В. Фадеев

Институт истории АН СССР в сотрудничестве с другими научными учреждениями приступил к подготовке многотомного труда по истории СССР. Издание его приурочено к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Первые шесть томов намеченной серии будут посвящены дореволюционному периоду, остальные пять томов — истории советского общества. Таким образом, этот коллективный труд советских историков охватит историю народов нашей Родины с древнейших времен до эпохи развернутого строительства коммунизма. В области изучения отечественной истории у нас еще не было книг с таким полным охватом исторического прошлого.

Другой особенностью создаваемого труда по истории СССР является то, что в отличие от ранее вышедших вузовских учебников и девятитомной серии «Очерков истории СССР» он рассчитан на гораздо более широкий круг читателей. Авторы будут стремиться к тому, чтобы новое, богато иллюстрированное издание сочетало в себе строгую научность изложения с красочным литературным оформлением. Многотомник, без сомнения, привлечет к себе внимание советской общественности. Книги этой серии возьмут с библиотечной полки или с витрины магазина инженер и врач, агроном и писатель, любой слушатель университета культуры. Можно надеяться, что к многотомной «Истории СССР» проявят интерес и представители прогрессивной общественности зарубежных стран. Ныне в различных частях света миллионы людей проявляют большой интерес к прошлому нашей Родины, к изучению опыта революционного творчества нашего народа.

Отечественная история является неиссякаемым источником патриотических чувств, способствует воспитанию в советском человеке лучших гражданских качеств. Но для того, чтобы героические образы и величественные картины минувшего вдохновляли наших современников на патриотические подвиги во имя торжества коммунизма, надо повествовать о них не бесстрастно, а взволнованным голосом борца и мыслителя, которому дороги судьбы родного народа, родной страны. Не секрет, что иные авторы превращают рассказ о думах и деяниях народа, о его беззаветной борьбе за лучшую долю, о его вдохновенном труде в сухой перечень отдельных фактов или отвлеченную социологическую схему, оторванную от реальной исторической действительности, всегда столь яркой

---

* Публикуя данную статью и приложение к ней (схему многотомника, подготовленную Институтом истории АН СССР), а также статью Ф. Д. Кретова «К вопросу о создании многотомной истории СССР», редакция приглашает читателей поделиться своими соображениями о создании многотомной «Истории СССР».

и многогранной в своих конкретных проявлениях. Пора покончить с этой консервативной традицией! Новый коллективный труд советских историков должен отличаться не только новизной фактических данных и логичностью суждений, но и живостью повествования, остротой характеристик, разнообразием форм и приемов подачи материала.

Облаченные в докторские мантии прислужники империалистической реакции потратили немало усилий для того, чтобы как-нибудь принизить всемирно-историческое значение революционного подвига советского народа. Непомерно преувеличивая своеобразие истории нашей страны, они пытаются доказать невозможность революционных преобразований в странах Западной Европы и Америки. Ради этого ими преднамеренно извращается смысл многих исторических событий, происходивших на территории России. Создание многотомной «Истории СССР», основанной на незыблемых принципах марксистско-ленинской методологии, явится новым ударом по фальсификаторским построениям и клеветническим вымыслам реакционных буржуазных историков.

Новый коллективный труд по истории СССР призван подытожить изучение отечественной истории и обобщить исследования, проведенные в этой области за все время существования советской исторической науки. Нет нужды говорить о том, насколько расширились наши представления об историческом прошлом народов СССР благодаря многим монографиям и сводным, обобщающим трудам, созданным учеными в центре и на местах, насколько обогатили нашу науку многочисленные статьи и сообщения, помещенные в исторических журналах, сборниках, ученых записках, а также публикации выявленных в архивах документов. Настало время обобщить накопленный материал, отобрать наиболее интересные и ценные наблюдения, выделить главное и основное из тех достижений, которыми по праву могут гордиться советские историки.

Вместе с тем многотомная «История СССР» должна послужить основой для развертывания новых исследований наиболее актуальных проблем отечественной истории. В процессе подготовки этого издания, несомненно, возникнут вопросы, имеющие крупное научное значение, будут введены в научный оборот новые материалы. Творческое обсуждение этих вопросов с широким привлечением научной общественности явится исходным моментом для последующего развития советской исторической науки.

Уже сейчас вырисовываются контуры тех основных проблем, которые займут центральное место в научной работе авторского коллектива томов, посвященных истории народов СССР досоциалистических эпох. Это прежде всего так называемые сквозные проблемы, являющиеся главным идейным стержнем для всей серии и в равной мере привлекающие внимание всех авторов, независимо от того, каким периодом отечественной истории они ограничивают круг своих исследований.

Будучи историками-марксистами, авторы нового коллективного труда по истории СССР строят изложение материала глав и разделов таким образом, чтобы довести до сознания читателя идею объективной закономерности исторического процесса.

Как известно, в свое время лучшие представители буржуазной историографии по-своему признавали закономерность исторического развития. Идея внутренней обусловленности и закономерности исторического процесса лежала, например, в основе концепции крупнейшего русского буржуазного историка С. М. Соловьева. Однако, оставаясь на идеалистических позициях, эти историки не могли вскрыть материальную основу общественного развития. Тот же С. М. Соловьев сводил проблему

исторической закономерности к идее общественного прогресса, трактуемой явно в идеалистическом плане. Что же касается современных представителей буржуазной историографии, то для большинства из них характерно непонимание, а зачастую и отрицание объективных закономерностей общественного развития, ибо признание последних в конечном счете неизбежно ведет к признанию неминуемого крушения капитализма. Понятно, что апологеты и защитники капиталистической системы пытаются поэтому оспаривать историческую обусловленность и закономерность пролетарской революции, утверждая, например, что социальные перевороты, подобные Великой Октябрьской социалистической революции, являются результатом случайного стечения обстоятельств и якобы не могут считаться закономерными для истории стран Западной Европы и Америки. Нет нужды объяснять, насколько актуальна задача разоблачения этих антинаучных построений реакционных буржуазных историков. Весь ход изложения материала по истории России дореволюционного периода должен убеждать читателя в том, что причины Октябрьской революции глубоко коренились в социально-экономическом развитии России, которая не представляла, однако, в этом отношении чего-либо совершенно исключительного среди других стран.

Внимание авторов нового коллективного труда по отечественной истории неизбежно будет привлечено к вопросам, связанным с возникновением и сменой общественно-экономических формаций. Недаром за последнее время проблема становления феодальных отношений у различных народов нашей страны, равно как и проблема генезиса капитализма в России, не раз служила предметом творческих дискуссий среди советских историков. Несмотря на наличие ряда ценных исследований, эти проблемы отнюдь еще не являются решенными. Можно напомнить, какие разноречивые мнения по вопросу о времени зарождения капиталистических отношений в России высказывались, например, участниками симпозиумов по аграрной истории в Москве в декабре 1959 г. и в Киеве в сентябре 1960 года. Одни относили это явление к началу XVII в. и даже к XVI в., а другие — чуть ли не к середине XIX столетия. По-видимому, вопросы первоначального накопления капитала, формирования внутреннего рынка, возникновения буржуазной собственности в России изучены еще недостаточно.

История нашей Родины дает возможность проследить смену всех общественно-экономических формаций — от первобытнообщинной до социалистической. При этом необходимо помнить указание К. Маркса, который писал: «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [1]. Поэтому не следует подгонять факты под общую схему, если они выражают собой нечто своеобразное, обусловленное местными особенностями. Напротив, наряду с выявлением общих закономерностей исторического процесса необходимо показывать и его специфику в различных районах и у разных народов.

Известно, например, что на крайнем юге нашей Родины, в Закавказье и Средней Азии, сложились в древности сильные рабовладельческие государства, тогда как на территории, занятой славянскими племенами, рабовладельческие отношения не стали господствующими, хотя рабство в его патриархальной форме существовало и здесь. Известно также, каким многообразием отличались у народов нашей страны конкретные формы развития феодальных отношений. Можно лишь пожа-

[1] К. Маркс. Капитал. Т. III. М. 1955, стр. 804.

леть, что некоторые авторы хотят, например, во что бы то ни стало доказать наличие в Восточном Закавказье дореформенной эпохи точно такого же крепостного права, какое имело место в России и в некоторых европейских странах. Они не учитывают того, что на аграрный строй Азербайджана и Армении оказало влияние мусульманское право, возникшее в условиях пустынь и сухих степей Среднего Востока, где максимальная концентрация земельной собственности являлась необходимой предпосылкой для сооружения и поддержания оросительных систем. Эти авторы не замечают того, что природные условия Куро-Араксинской низменности имели много сходного с естественными условиями великих речных долин Передней Азии, где господство государственной земельной собственности исключало необходимость прикрепления крестьян к земле и где возникали иные, хотя и не менее тяжелые формы феодальной зависимости крестьян. А сколь своеобразны были патриархально-феодальные отношения у горцев Северного Кавказа, у кочевников Средней Азии и Казахстана? Дискуссия о феодализме у кочевых народов, проведенная в 1954—1956 гг., конечно, не могла исчерпать всех вопросов, относящихся к этой проблеме, которая требует дальнейшего изучения.

Новый многотомный труд по истории СССР должен отразить основные этапы исторического развития всех народов, населяющих нашу многонациональную Родину. На протяжении веков эти народы соприкасались между собой в процессе культурного освоения обитаемых ими земель и совместной борьбы со своими классовыми врагами. Они обменивались не только продуктами труда, но также производственным опытом, социальными идеями, творениями искусства. Исторические предпосылки дружбы народов нашей страны складывались в течение длительного времени. В этом процессе сближения народов особенно велика роль русского народа как силы, сплачивавшей другие народы. Долг советского историка — отнюдь не затушевывая того, что в прошлом разделяло народы, прежде всего обращать внимание на то, что сближало их в процессе труда, в многовековом развитии культуры, в ходе совместной борьбы против иноземных захватчиков и особенно против общих классовых врагов.

Подчеркивая это растущее сближение народов, нельзя забывать, что оно происходило в условиях господства эксплуататорских классов, военных столкновений. Надо полностью раскрыть антинародную сущность режима жесточайшего порабощения в периоды татаро-монгольского ига, владычества Тимура и т. п. Нужно раскрыть военно-феодальный характер царского колониализма, страстными обличителями которого выступали передовые представители русской интеллигенции. Современники декабристов сравнивали политику царизма на окраинах Российской империи с деятельностью испанских колонизаторов в их заокеанских владениях. Об этом писал, например, друг А. С. Пушкина и декабристов Н. Н. Раевский[2], являвшийся участником Кавказской войны. Разумеется, нужно не только обращать внимание на такого рода сходство, но и объяснять, в чем состояли особенности колониальной политики русского царизма.

Вместе с тем на страницах многотомной «Истории СССР» должен найти отражение процесс развития революционных связей между народными массами метрополии и колониальных окраин России, на основе которого происходило формирование боевого союза революционных сил русского народа и всех других народов нашей страны, их сплочение вокруг многонационального российского пролетариата и его авангарда —

[2] «Акты Кавказской археографической комиссии». Т. IX. № 434.

Коммунистической партии. Такого сплочения угнетенных колониальных народов вокруг пролетариата метрополии не знали ни Британская, ни Французская, ни Голландская колониальные империи. Целая серия коллективных работ по истории союзных и автономных республик, опубликованных за последние годы, а также монографические исследования по истории отдельных народов нашей страны помогут правильно осветить эту важную проблему на страницах нового многотомного труда по истории СССР. Залогом успеха в данном случае является сотрудничество ученых Москвы, Ленинграда и других центров Российской Федерации с научными работниками республиканских академий в подготовке этого издания.

Возможно более полное раскрытие подлинной роли народных масс в истории нашей Родины — такова еще одна важнейшая задача авторов нового коллективного труда. В игнорировании деятельности народных масс передовые мыслители давно видели едва ли не главный порок современной им историографии. «До сих пор история писала только о царях и героях... О народе, его нуждах, о его щастии или бедствиях, мы ничего не ведали...» [3],— отмечал более ста лет назад декабрист Николай Бестужев. «История народа принадлежит царю» [4] — такова была формула апологета самодержавия, дворянского историка Н. М. Карамзина. «История народа принадлежит народу, и никому более» [5] — таков был тезис декабристов, решительно протестовавших против восхваления коронованных тиранов. Эту мысль развивали впоследствии революционеры-демократы, видевшие в народе подлинного творца истории. Говоря об антифеодальных движениях русского крестьянства, А. И. Герцен отмечал: «Преданный, проданный, обманутый земледелец боролся целое столетие (XVII-ое), проливал свой пот, проливал свою кровь и упал, наконец, избитый и связанный во власть свирепой солдатчины и низкой бюрократии, которые — вместе с государем — работают в пользу дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной и непонятой на Западе; ее оклеветали на родине» [6]. Но идеалистическое представление об историческом процессе мешало и декабристам и А. И. Герцену правильно понять роль народных масс и значение народных движений. А дворянские и буржуазные историки продолжали либо замалчивать эту тему, подобно В. О. Ключевскому, либо извращать и заведомо неправильно истолковывать ее, подобно П. Н. Милюкову.

Ключ к подлинно научному познанию процесса общественного развития и в первую очередь истории классовой борьбы дал марксизм-ленинизм. Только историки-марксисты смогли правильно подойти к решению проблемы роли народных масс в истории. «...Прежние теории не охватывали как раз действий м а с с населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность... исследовать общественные условия жизни масс...» [7]. Являясь не только свидетелями, но и непосредственными участниками величайших исторических событий, обнаруживших могучие творческие силы народа, навеки сбросившего ярмо эксплуатации, советские историки всегда уделяли большое внимание изучению роли народных масс и народных движений в истории. Ими впервые были опубликованы сборники документов по истории крестьянских войн под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Известные монографии академиков Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Н. М. Дружинина и других советских ученых позволили по-новому представить историю русского крестьянства и его борьбы против крепостной неволи. Развернулась работа по сбору материалов о жизни и борь-

---

[3] Н. А. Б е с т у ж е в. Статьи и письма. М.-Л. 1933, стр. 93.
[4] См. «Очерки истории исторической науки». Т. I. М. 1955, стр. 291.
[5] «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5. Птгр. 1921, стр. 115.
[6] А. И. Г е р ц е н. Сочинения. Т. IX. Птгр. 1919, стр. 154.
[7] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 21, стр. 40.

бе рабочих дореволюционной России, и появились первые исследования по истории российского пролетариата. Изданная в 1950—1952 гг. трехтомная публикация «Рабочее движение в России в XIX веке» под редакцией академика А. М. Панкратовой увенчала первый этап работы советских историков в этом направлении. Накануне Великой Отечественной войны, когда уже ощущалось приближение великих и грозных испытаний для нашей страны, внимание советской общественности привлекала тема патриотических народных движений, направленных против иноземных захватчиков. В годы войны советские историки не раз обращались к таким сюжетам, как история ополчения Минина и Пожарского, Ледовое побоище, Куликовская битва и т. п.

Можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране историки не занимались так тщательно изучением жизни и творческой деятельности народных масс, как в Советском Союзе. Нигде не издано столько книг по истории пролетариата и крестьянства, как в СССР. И тем не менее нас не могут удовлетворить достигнутые успехи. Как можно мириться с тем, что у нас так мало работ, посвященных героическим подвигам русского рабочего класса, что у нас до сих пор нет солидных монографических исследований о восстаниях Разина и Пугачева?

Роль народных масс в отечественной истории проявлялась по крайней мере в четырех аспектах: 1) в экономическом освоении степных и таежных просторов Восточной Европы и Северной Азии, в расширении ареала земледельческой культуры в этих суровых по своим природным условиям районах нашей планеты; 2) в защите отечества от иноземных завоевателей, в борьбе за национальную независимость; 3) в освободительной борьбе против эксплуататорских классов и охранявших их господство политических режимов; 4) в создании сокровищ материальной и духовной культуры. Естественно, что исследовательская работа советских историков не могла развернуться сразу по всем четырем направлениям. Сначала главное внимание уделялось истории освободительных народных движений, затем роли народных масс в защите отечества. В меньшей степени исследованы вопросы, связанные с трудовой и созидательной деятельностью народных масс.

Все историки-марксисты придают большое значение изучению базисных явлений, но не все умеют раскрыть в конкретно-историческом плане ленинскую формулу, гласящую, что «первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» [8]. И не все должным образом показывают, что производственные отношения — это отношения, складывающиеся в процессе производства между людьми. Некоторые авторы, излагая сведения по экономической истории, настолько абстрагируются от фактов, составляющих самую ткань исторического процесса, что в их сочинениях за колонками цифр и статистическими таблицами вовсе исчезают живые образы трудящихся людей. Между тем кому, как не историкам, необходимо всегда помнить указание Ф. Энгельса: «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [9].

В свое время А. И. Герцен, говоря о заселении и освоении Сибири, посвятил простым русским трудовым людям такие прекрасные слова: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана...» [10]. А мы еще до сих пор не рассказали в этом плане о великом трудовом подвиге русского народа! Мало у нас хороших исследований об отважных русских земле-

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 334.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. Изд. 2-е, стр. 102.
[10] А. И. Герцен. Соч. Т. IX, стр. 458.

проходцах, достигших берегов Студеного моря и переплывших Тихий океан, чтобы основать поселения на американском континенте. Нет у нас книг о безвестных русских хлеборобах, раздвигавших все дальше границы пашни в донских, предкавказских, заволжских степях, в зауральских, сибирских просторах.

Эта волнующая тема должна быть широко раскрыта на страницах многотомной «Истории СССР». Надо, наконец, показать на живых и ярких примерах, что не Собакевичи и Ноздревы двигали вперед культуру русского земледелия, а творческая мысль подвластных им крепостных крестьян, искавших и находивших решение сложнейших агрономических проблем в упорной борьбе с природой. Какой-нибудь псковский крестьянин выращивал новый сорт льна-долгунца, муромский земледелец — новые овощные культуры, донской казак выводил новые породы скакунов, ставропольский новосел — новых тонкорунных овец. И не Демидовы и Строгановы двигали вперед русскую промышленность, а вдохновенный труд находчивых и опытных мастеровых, подвластных этим заводчикам. И не только со страниц уральских сказов, но и с пожелтевших листов подлинных архивных документов смотрят на нас образы замечательных русских умельцев, о которых мы еще не рассказали полным голосом нашим современникам. Недостаточно раскрыта до сих пор и роль народных масс в сооружении древних оросительных систем Закавказья и Средней Азии, в создании величественных архитектурных памятников Бухары, Самарканда, Ани и Мцхета. О царе Давиде Строителе в книгах по истории Грузии сказано, к сожалению, значительно больше, нежели о подлинных строителях выдающихся сооружений той эпохи, чей труд оплодотворял каменистую землю Кавказа и служил оплотом могущества и процветания царства Багратидов.

И, наконец, есть еще одна сквозная проблема, которая должна найти отражение в тексте всех томов, посвященных дооктябрьскому периоду отечественной истории. Это вопрос о месте и роли нашей Родины в мировой истории, о зарубежных культурных и политических связях народов России, о вкладе их в европейскую цивилизацию, в мировую культуру, о влиянии прогрессивных идей Запада и Востока на развитие общественной мысли в нашей стране в различные периоды ее истории.

Вопрос этот, конечно, не исчерпывается анализом внешней политики государств, существовавших на территории страны, и участия их в международных конфликтах. Речь идет не только об отношениях правительств, правящих классов, но в первую очередь об отношениях народов. Разумеется, важно определить место державы Урарту в политической системе Древнего Востока или указать на роль русской дипломатии в эпоху Тридцатилетней войны. Но еще важнее правильно осветить вопрос об участии славянских племен в сокрушении Римской империи или вопрос о славянах как защитниках Европы от натиска кочевых масс в период средних веков. И не менее важно полным голосом сказать о решающем значении Отечественной войны русского народа 1812 года для национально-освободительной борьбы народов Европы против наполеоновской тирании, когда, по выражению поэта, русские своей «кровью искупили Европы вольность, честь и мир» [11].

Но и это еще не исчерпывает данной проблемы. Какое влияние на исторические судьбы народов Европы и Азии оказали события, происходившие внутри России? Разве такой вопрос не должен привлечь наше внимание? Ведь не секрет, что среди современных буржуазных историков Запада довольно широко распространено мнение о том, что Россия лишь географически принадлежала Европе, а исторически не была органиче-

---

[11] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. III. М. 1957, стр. 223.

ски связана с ней. О России как особом мире, в корне отличном от Европы, писал бельгийский историк Ж. Пиренн: «...Громадная Россия, которая занимает в XIX веке место великой державы, остается миром, совершенно чуждым западному гуманизму»[12]. Ему вторят английский историк Б. Сэмнер и др. Изображая Россию как безнадежно отсталую страну, не знавшую якобы ни экономического и культурного прогресса, ни крупных социальных движений, эти историки заведомо искажают подлинную картину русской истории.

Да, Россия была веками придавлена крепостничеством, царским деспотизмом, а Российская империя являлась «тюрьмой народов». Она долгое время была оплотом европейской реакции, как, впрочем, и олигархическая Англия. Но в обстановке чудовищного гнета и произвола крепостников в русском народе накапливалась небывалая по своей силе революционная энергия. По мере назревания кризиса крепостнической системы классовая борьба в стране обострялась. Прогрессивные деятели Запада узнали тогда другую Россию — отечество декабристов и революционных разночинцев. Позднее наша страна стала ареной великих классовых битв российского пролетариата, родиной ленинизма, явившегося новым этапом в развитии марксизма. Самоотверженная борьба русского народа против царского самодержавия приобретала все бо́льшее международное значение. Показать богатство интернациональных связей передовой русской интеллигенции и ее непосредственное общение с прогрессивными зарубежными кругами, проследить на широком историческом фоне процесс перемещения в Россию центра мирового революционного движения — это ли не почетная задача для авторов многотомного труда по истории СССР?

Таковы лишь некоторые общие вопросы, встающие при подготовке этого издания. Но в ходе работы над каждым из шести томов, посвященных дооктябрьскому периоду, придется еще решать немало частных вопросов, имеющих подчас серьезное теоретическое и методологическое значение.

Для первого тома, охватывающего огромный период — с древнейших времен до монгольских завоеваний XIII в.,— большое значение будут иметь вопросы, связанные с распадом первобытнообщинного строя и кризисом рабовладельческого общества, рождением новой, феодальной формации на территории нашей страны. Успешному решению этих вопросов во многом способствуют исследования советских археологов — академика Б. А. Рыбакова, члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева, А. П. Окладникова, Б. Б. Пиотровского и др., а также открытия, сделанные Хорезмской археологической экспедицией, руководимой членом-корреспондентом АН СССР С. П. Толстовым, и Новгородской археологической экспедицией, возглавляемой членом-корреспондентом АН СССР А. В. Арциховским. Новые страницы древней истории нашей Родины раскрыты в результате удостоенных Ленинской премии трудов Г. А. Меликишвили «Наири-Урарту» и «Урартские клинообразные надписи». Советские историки всегда широко использовали материалы археологических исследований. Не случайно первый том нового многотомного издания готовит авторский коллектив, состоящий в основном из сотрудников Института археологии АН СССР, а редактором его является академик Б. А. Рыбаков, известный своими трудами в области истории материальной культуры.

Большое место в первом томе займет история огромной славянской державы, сложившейся в Восточной Европе в конце первого тысячелетия и получившей в нашей исторической литературе название Киевской Руси. Несмотря на то, что этой теме посвящены известные работы акаде-

---

[12] Цит. по книге: И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 333.

миков Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова и других советских историков, многие вопросы нуждаются еще в дополнительном исследовании. О некоторых из них говорил академик Б. А. Рыбаков в своем докладе на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме [13].

Естественно, что в первом томе должны будут найти отражение и вопросы этногенеза, ибо начало истории современных этнических общностей восходит к древнейшим историческим эпохам, относящимся ко II и даже III тысячелетиям до нашей эры. Нет нужды закрывать глаза на трудности, которые встают перед учеными при решении этих вопросов. Но вместе с тем было бы непростительной ошибкой уклоняться от их решения. Народы Советского Союза хотят знать своих предков. Очень хорошо говорил в свое время М. И. Калинин: «С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев... Каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого союза народов, я не человек без роду и племени,— вот моя родословная, которой я горжусь, и хочу, чтобы и вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной!» [14]. Не случайно за последние годы вопросы этногенеза все больше привлекают внимание историков многих наших национальных республик.

Одной из центральных проблем второго тома является вопрос о формировании и укреплении Российского централизованного государства. Наряду с этим значительное место в томе займут главы, посвященные народным движениям против феодального гнета и чужеземных завоевателей. Обе проблемы давно интересуют советских историков, и вклад последних в научную разработку этих проблем является весьма значительным. Изучению истории формирования централизованного феодального государства в России способствовало издание законодательных памятников, неизвестных ранее летописных сводов и публицистических произведений, а также расширение археологических исследований. Не раз данная проблема служила предметом оживленных творческих дискуссий. Так, в 1946 г. на страницах журнала «Вопросы истории» возникла дискуссия о причинах образования централизованного государства в XIV—XV веках. Монографическое изучение различных сторон исследуемой проблемы имело результатом появление ценных научных трудов академиков Б. Д. Грекова [15] и М. Н. Тихомирова [16]. Весьма интересные наблюдения были сделаны молодыми исследователями, в частности А. Д. Горским [17] и А. М. Сахаровым [18].

Недавно вышла в свет монография Л. В. Черепнина, посвященная указанной проблеме в целом [19]. Это исследование обобщает и подытоживает все предшествующие исследования, проделанные историками. Однако автор отмечает, что его книга «далеко не исчерпывает всех вопросов темы» [20]. Л. В. Черепнин своим трудом вносит значительный вклад в разработку ряда вопросов, относящихся к избранной им теме, но он сам признает, что некоторые из них еще «остаются дискуссионными». К ним принадлежат: периодизация процесса становления централизованного

---

[13] Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. «Вопросы истории». 1960, № 9.

[14] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Госполитиздат. 1959, стр. 45.

[15] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М. 1946.

[16] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва XII—XV вв. М. 1947.

[17] А. Д. Горский. Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. III. М. 1959.

[18] А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960.

[19] Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960.

[20] Там же, стр. 11.

феодального государства, а также некоторые сюжеты политической истории того времени (роль городов и феодальных войн в политическом объединении страны) [21].

Время с XIII до середины XVII в. было в истории нашей Родины эпохой героической борьбы народов за освобождение от иноземного владычества и феодального гнета. «Юрьева ночь» в Эстонии и Куликовская битва, Грюнвальдская победа объединенных славян и восстание Георгия Саакадзе в Грузии, освободительные походы Минина и Пожарского в 1612 г.— это звенья одной и той же линии. Развитие другой линии завершается для данного периода крестьянской войной под руководством Ивана Болотникова. Не все из этих народных движений в равной мере изучены советскими историками, но крупнейшим из них посвящены известные монографические исследования И. И. Смирнова [22], П. П. Смирнова[23] и др. Значительный материал по истории народных движений указанного периода накоплен историками Украины, Грузии, Армении, Узбекистана и других национальных республик.

В авторский коллектив второго тома, руководимый академиком М. Н. Тихомировым, входят А. А. Зимин, С. Т. Еремян, Р. Н. Набиев, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, Ш. А. Месхиа, В. И. Шунков и др. Их творческое содружество способно обеспечить высокий уровень научной разработки основных проблем данного тома.

История народных движений будет широко представлена и в третьем томе, охватывающем период от середины XVII до конца XVIII века. Освободительная война украинского народа под водительством Богдана Хмельницкого и антифеодальные восстания русского крестьянства под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева были самыми крупными, но не единственными из этих движений. Возраставшей активностью народных масс ознаменован XVIII век и в истории народов Кавказа, Башкирии, Средней Азии. Торжество абсолютизма в России сочетается в данный период с началом разложения феодально-крепостнического строя. С этим связано обострение классовой борьбы внутри страны и усиление экспансии царизма в сторону причерноморских и предкавказских степей. Несмотря на то, что данным проблемам посвящены недавно изданные монографии В. А. Голобуцкого («Черноморское казачество». Киев. 1956), Е. И. Дружининой («Северное Причерноморье в 1775—1800 гг.». М. 1959), А. В. Фадеева («Очерки экономического развития Степного Предкавказья». М. 1957) и др., остается еще немало вопросов, требующих дальнейшей научной разработки. К ним относятся особенности первоначального накопления и развития мануфактурного производства в условиях России, специфика политики «просвещенного абсолютизма» и формирования буржуазной идеологии в нашей стране. В конечном счете все эти сюжеты подчинены проблеме длительного сосуществования устаревших, феодальных и новых, капиталистических производственных отношений. Установить причины этого явления и предстоит авторам третьего тома, среди которых имеются известные советские исследователи во главе с ответственным редактором третьего тома профессором Б. Б. Кафенгаузом.

Основным вопросом четвертого тома является переход от феодальной формации к капиталистической. Это был двуединый процесс, поскольку разложение крепостнической системы хозяйства происходило одновременно с вызреванием в недрах ее новых, буржуазных отношений. Отражением данного процесса было неуклонное нарастание массового освободительного движения, известная эволюция государственных форм

---

[21] Там же, стр. 139.

[22] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. М. 1951.

[23] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.-Л. 1947—1948.

и сдвиги в политике правительства, борьба прогрессивных и реакционных тенденций в общественной и культурной жизни страны. Задачей авторского коллектива этого тома, возглавляемого академиком М. В. Нечкиной, и является анализ тех внутренних противоречий, осложнявшихся внешними потрясениями, которые в конце концов привели к первой революционной ситуации в России на рубеже 50—60-х годов XIX века. В течение первой половины XIX в. в состав Российской империи были включены территории Финляндии, Бессарабии, Закавказья, Казахстана, что оказало серьезное влияние на дальнейшее историческое развитие населявших эти земли народов. Вместе с тем вследствие расширения границ империи приобрела более широкие масштабы освободительная борьба народных масс против царского деспотизма и феодального произвола. Эта борьба расшатывала крепостническую систему, ускоряя ее крушение. На страницах четвертого тома найдут также широкое отражение события жизни угнетенных народов бывшей царской империи. Разумеется, для освещения этих событий будут привлечены историки из национальных республик. Так, разделы по истории Грузии данного периода поручено написать И. Г. Антелава и М. К. Думбадзе, по истории Азербайджана — И. М. Гасанову и И. А. Исмаилову и т. д.

Пятый том будет посвящен пореформенному периоду (1861—1900 гг.). Развитие капитализма и связанные с этим перемены в социальной структуре общества и политическом строе России послужат одним из главных предметов исследования. Большое внимание будет уделено истории общественного движения и политической мысли. Выдвижение на авансцену общественно-политической жизни России революционного пролетариата, начало нового этапа в развитии марксизма, связанного с именем В. И. Ленина, и борьба за создание марксистской партии — таковы центральные проблемы, которые должны быть решены в этом томе. Авторский коллектив тома призван также показать вызревание условий, породивших неизбежность буржуазной-демократической революции в России и определивших ее специфику. Среди авторов пятого тома такие советские историки, как академик Н. М. Дружинин (он же автор нескольких глав IV тома), член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов, С. Н. Валк, Ш. М. Левин, В. Д. Мочалов (редактор тома), М. К. Рожкова, А. С. Нифонтов, В. К. Яцунский и др. В подготовке разделов по истории национально-демократического движения принимают участие ученые из национальных республик: Н. Н. Лещенко, Я. П. Крастинь, С. А. Лазутка, З. Ш. Раджабов, А. Н. Усманов, Э. Я. Янсен, Ц. П. Агаян и др.

Основные проблемы шестого тома определяются тем, что он охватывает период империализма, когда сложились исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. За последнее время были изданы многочисленные сборники документов по истории трех русских революций. Появились и крупные монографические исследования, преимущественно по экономической истории предреволюционной России [24]. Однако до сих пор остаются спорными некоторые моменты такой проблемы, как особенности империализма в России. Так, нет полного единства в понимании формулы «военно-феодальный империализм». Продолжаются споры об уровне капиталистического развития предреволюционной России. Некоторые историки склонны преуменьшать степень развития капитализма в сельском хозяйстве России, а значит, и глубину социальной дифференциации русского крестьянства и остроту борьбы против кулачества. Определяя аграрный строй России

---

[24] А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М. 1960; К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М. 1958; Р. С. Лифшиц. Размещение промышленности в дореволюционной России. М. 1955, и др.

как «полуфеодальный»[25], они недооценивают факт распространения на обширных пространствах нашей страны земледельческого капитализма. Известно, что В. И. Ленин еще в 90-х годах XIX в. называл всю степную полосу Юга и Юго-Востока от предгорий Карпат до Урала типичным районом земледельческого капитализма, отмечал быстрое развитие здесь торгового земледелия и распространение наемного труда[26]. Поэтому вряд ли правомерно, исходя из наличия сильных крепостнических пережитков в некоторых районах внутренней России, только под этим углом зрения рассматривать социально-экономическое развитие всей страны на протяжении последних двух десятилетий перед революцией. Но не следует и преуменьшать значение этих пережитков, что имеет место в работах некоторых авторов[27].

Во всяком случае, перед советскими историками еще стоит задача исследования в конкретно-историческом плане проблемы двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве России и двух социальных войн в русской деревне предреволюционного периода. Надо надеяться, что авторский коллектив шестого тома, возглавляемый профессором А. Л. Сидоровым, сумеет успешно справиться с этой задачей, а также обеспечить правильное освещение и других актуальных вопросов отечественной истории данного периода.

Такова в самых общих чертах проблематика первых шести томов многотомной «Истории СССР».

★

Чем дальше человечество продвигается вперед в своем развитии, тем больше убыстряются темпы исторических свершений. В этом легко убедиться, сравнивая современный этап всемирной истории с прошлыми этапами. Об этом наглядно свидетельствует история стран социализма и прежде всего СССР. В 1922 г. В. И. Ленин отмечал: «Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые мерки...»[28]. В дальнейшем темпы общественного развития в СССР становились все более стремительными. Советская эпоха в истории народов СССР охватывает немногим более сорока лет. Но то, что осуществлено за этот короткий исторический срок, превосходит все, что было достигнуто за столетия прошлой истории. Рабочие и крестьяне нашей страны, вдохновляемые и направляемые Коммунистической партией, навсегда покончили с эксплуататорским, буржуазным строем и утвердили социалистический общественный строй, при котором трудящиеся всех национальностей в братском содружестве свободно трудятся на благо всего общества. Построив социализм, советский народ теперь успешно осуществляет развернутое строительство коммунистического общества.

К. Маркс писал, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»[29]. Действительная история человечества начинается с победы пролетарской революции и утверждения социалистических общественных порядков. Ныне человечество переживает эпоху перехода от предыстории к своей действительной истории, эпоху перехода от капитализма к социализму. Начало этому историческому переходу положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Рабочий класс нашей страны явился зачинателем строительства нового общества. Именно благодаря этому обстоятельству в новей-

---

[25] А. М. Анфимов. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. «Исторические записки». Т. 65. М. 1959, стр. 162.

[26] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 218—222.

[27] См., например, Н. А. Егиазарова. Аграрный кризис конца XIX века в России. М. 1959.

[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 312.

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 8.

шее время Россия встала во главе всего прогрессивного человечества. Всемирно-историческая заслуга советского народа и его коммунистического авангарда состоит в том, что они первыми начали претворять в жизнь великие идеи марксизма-ленинизма о коммунистическом переустройстве общества, превратили социализм из идеи в реальный общественный строй и тем самым проложили путь к коммунистическому будущему для всего человечества. «В наше время уже можно утверждать, что социализм работает на историю, так как основное содержание современного исторического процесса составляет становление и утверждение социализма в международном масштабе» [30],— говорил Н. С. Хрущев в докладе «За новые победы мирового коммунистического движения».

На заре Советской власти В. И. Ленин говорил: «Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется...Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» [31]. За сорок с лишним лет своей истории Советская страна прошла славный путь борьбы и побед; советский народ и Коммунистическая партия накопили богатейший опыт революционно-преобразовательной и созидательной работы. Успехи, достигнутые народами СССР в ходе социалистического и коммунистического строительства в нашей стране, являются подлинным триумфом марксизма-ленинизма, мудрой политики КПСС. Советский опыт имеет неоценимое значение для теории и практики научного коммунизма. Он приобретает особенно актуальное и важное политическое значение в современную эпоху, когда «мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества» [32]. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий подчеркнуто, что интересы дальнейшего успешного развития мировой социалистической системы требуют изучения коллективного опыта, накопленного в ходе социалистического строительства странами социалистического лагеря. «Всестороннее изучение братскими партиями этого опыта, его творческое применение и обогащение с учетом конкретных условий и национальных особенностей — непреложный закон развития каждой социалистической страны» [33].

Естественно, что, изучая коллективный опыт социалистического лагеря, все страны социализма обращаются прежде всего к опыту СССР. Советский опыт социалистического и коммунистического строительства занимает особое место в истории развития мирового коммунизма, ибо это первый и вместе с тем наиболее богатый опыт социалистического переустройства общественной жизни, опыт последовательного осуществления программных идей научного коммунизма. В. И. Ленин писал в 1920 г. в своем классическом труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение». И далее: «...Русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» [34]. Жизнь подтвердила этот гениальный ленинский вывод.

---

[30] Журнал «Коммунист», 1961, № 1, стр. 5.

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 377.

[32] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат. 1960, стр. 8.

[33] Там же, стр. 19—20.

[34] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 5—6.

В связи с образованием мировой социалистической системы вместе с социализмом из рамок одной страны вышел и советский опыт социалистического преобразования общества. Если прежде советский опыт являлся для марксистских партий других стран лишь предметом теоретического изучения, то теперь он сделался для многих из них достоянием живой практики, применения этого опыта в жизни новых стран социализма. Советский опыт революции и социалистического строительства имеет всемирно-историческое значение. По пути, проложенному СССР, идут все социалистические страны, в жизни которых действуют те же общие закономерности развития, которые действовали в нашей стране в ходе социалистического строительства. Советский опыт социалистического преобразования общества являет собой образец претворения в жизнь идей научного коммунизма, теории социалистической революции. Это единодушно признают все марксистско-ленинские партии. «Опыт КПСС, накопленный в борьбе за победу рабочего класса, в строительстве социализма и в осуществлении развернутого строительства коммунизма, имеет принципиальное значение для всего международного коммунистического движения» [35].

Разумеется, когда речь идет о значении советского опыта социалистических преобразований, то имеется в виду не только практический, но и теоретический аспект. Этот опыт служит одним из главных животворных источников для творческого развития марксистско-ленинского учения. Опираясь на опыт СССР, на коллективный опыт социалистического лагеря, КПСС и другие марксистско-ленинские партии успешно разрабатывают новые проблемы научного коммунизма, формулируют новые теоретические положения и выводы.

Всестороннее освещение истории социалистических преобразований в СССР, обобщение опыта, накопленного Коммунистической партией и народом, имеют огромное значение и для самой Советской страны, ныне идущей к высшей, коммунистической фазе своего развития. Коммунизм является прямым продолжением социализма. Для успешного строительства коммунистического общества необходимо исходить из опыта строительства социализма, опираться на этот опыт. Понятно, почему Коммунистическая партия органически связывает задачу «исследования новых вопросов, выдвигаемых жизнью», с задачей «творческого обобщения опыта хозяйственного и культурного строительства» [36].

При творческом исследовании проблем, связанных с переходом от социализма к коммунизму, необходим строго исторический подход. Выработка новых положений и выводов, относящихся к коммунистическому строительству, к процессу, в ходе которого прокладываются неизведанные пути развития,— это дело смелого творчества, которое основывается на глубоком изучении истории, на обобщении опыта социалистического преобразования общества, накопленного СССР и другими странами социализма. Научное обобщение опыта социалистического строительства и глубокая разработка проблем коммунистического строительства приобрели особенно актуальный смысл и потому, что только на этом пути можно успешно разить идейных врагов коммунизма, разоблачать ревизионистов и буржуазных фальсификаторов.

Исторический XXI съезд КПСС указал, что работники общественных наук «должны создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, и разработать проблемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму. Важнейшей задачей работников общественных наук является критика современного ревизионизма и буржуазной идео-

[35] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 54.

[36] См. «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС». Госполитиздат. 1959, стр. 152.

логии»[37]. Первейший долг исторической науки — внести свой вклад в это благородное дело. Это значит, что историки должны работать над созданием капитальных исследований, которые на конкретном историческом материале раскрывали бы закономерности общественного развития в эпоху социализма. Подготовка пяти томов предполагаемого фундаментального издания по отечественной истории, посвященных советскому периоду,— серьезная попытка наших историков решить эту проблему.

Перед авторским коллективом стоит весьма ответственная и вместе с тем сложная задача — создать труд, который по своему научному уровню и идейному содержанию отвечал бы высоким требованиям народа и партии.

В пяти томах, посвящаемых в новом издании истории советского общества, должен быть правдиво и ярко показан славный и многотрудный путь борьбы и побед, пройденный советским народом под мудрым водительством Коммунистической партии,— от Октябрьской революции до вступления в период развернутого коммунистического строительства. В нем должны быть убедительно раскрыты величие рожденного Октябрьской революцией социалистического общественного и государственного строя, его коренные преимущества перед отживающим свой век буржуазным строем, показаны всемирно-исторические завоевания социализма, объяснена историческая неизбежность победы коммунизма в СССР.

В краткой статье, конечно, нельзя охватить все проблемы истории становления и развития социалистического строя в СССР, которые найдут всестороннее освещение в новом труде. Остановимся лишь на некоторых из них и в общих чертах изложим те требования, которыми авторский коллектив будет руководствоваться, работая над созданием многотомного труда по истории СССР эпохи социализма.

Советское общество, как и всякое общество, в своем развитии подчиняется определенным историческим законам. Одна из главных задач многотомника состоит в том, чтобы показать глубоко закономерный характер Великой Октябрьской социалистической революции, утверждения в СССР социалистического строя и его дальнейшего развития в коммунизм. Вместе с тем нужно раскрыть те социально-экономические, политические и идеологические условия, которые определяли и определяют особенности исторических закономерностей социалистического общественного развития в отличие от закономерностей развития классово-антагонистических обществ. Как подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, «успехи стран социализма и всего социалистического лагеря были достигнуты благодаря правильному применению общих закономерностей социалистического строительства с учетом исторических особенностей каждой страны и интересов социалистической системы в целом...»[38]. Авторы томов, посвященных советскому периоду, будут стремиться раскрыть это положение применительно к истории СССР, осветить общие закономерности и национальные особенности исторического процесса в их органической связи. Новый труд покажет, что Советская страна в ходе социалистического и коммунистического строительства проложила столбовую дорогу к коммунизму для всего человечества и вместе с тем развитие ее имело свои специфические особенности.

Одной из коренных закономерностей развития социалистического общества является активное творчество народных масс. Социализм — это дело сознательного творчества миллионов трудящихся. В нашей стране народ, руководимый Коммунистической партией, впервые в исто-

[37] Там же, стр. 243—244.

[38] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 18—19.

рии выступил как сознательный творец, строитель новой жизни. Все завоевания социализма в СССР достигнуты на основе соединения двух революционно-творческих начал: ленинского руководства КПСС и героической борьбы и труда советского народа. История советского общества — это история пробуждения масс к сознательному историческому творчеству, история самоотверженной созидательной деятельности масс. В. И. Ленин еще в первые месяцы революции говорил: «Мир не видел ничего подобного тому, что происходит сейчас у нас в России, в этой огромной стране, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов: колоссальная организационная работа во всех уездах и областях, организация низов, непосредственная работа масс, творческая созидательная деятельность, которая встречает препятствия со стороны различных буржуазных представителей империализма. Они, эти рабочие и крестьяне, начали небывалую по своим титаническим заданиям работу и вместе с Советами сломят до конца эксплуатацию капитализма, и, в конце концов, гнет буржуазии будет раз навсегда низвергнут» [39].

Сознательное активное творчество масс имеет глубокие причины. Они заложены в социалистической природе Октябрьской революции и Советской власти. Осуществив всеобщее раскрепощение, Октябрьская революция коренным образом изменила положение трудового народа. В рожденном этой великой революцией новом мире труд стал его владыкой, человек труда — хозяином своей судьбы. Впервые за многовековую историю все богатства, материальные и духовные, стали принадлежать тем, кто их создает. «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров,— отмечал В. И. Ленин,— является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры» [40]. Октябрьская революция покончила с политическим бесправием и угнетенным положением трудящихся. С установлением диктатуры пролетариата рука трудового народа легла на руль государственного управления. Иначе говоря, была реализована та форма исторического творчества народных масс, которая невозможна в условиях антагонистических формаций.

В последние годы советские историки уделяют самое серьезное внимание показу роли масс в истории социалистического и коммунистического строительства. Однако эта задача решается все еще слабо. Часто дело сводится или к общему, декларативному признанию решающей роли масс, или к примерам, иллюстрирующим трудовые подвиги и политическую активность отдельных лиц. Необходимо преодолеть эти недостатки и освещать историческое творчество масс всесторонне и глубоко, раскрывать подлинно массовую природу каждого проявления героизма в жизни и деятельности советских людей, анализировать внутреннюю связь между инициативой отдельных рабочих или крестьян и всенародной поддержкой любого передового начинания, показывать, как почин отдельных тружеников перерастает в творческую активность масс. Необходимо показать как историческую закономерность неуклонный рост трудовой активности рабочего класса, всех трудящихся, обусловленный наряду с материальными стимулами непрерывно усиливающимися моральными стимулами. «По мере продвижения к коммунизму роль морального фактора будет неуклонно повышаться,— указывал Н. С. Хрущев в докладе «За новые победы мирового коммунистического движения».— Он и теперь имеет большое значение. Выдающееся явление советской действительности — возникновение и развитие движения бригад, цехов и предприятий коммунистического

---

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 433.
[40] Там же. стр. 368.

труда»[41]. История зарождения и развития коммунистического отношения к труду, история социалистического соревнования — от первых коммунистических субботников до движения бригад коммунистического труда — это тема, которой авторы многотомника уделят должное внимание.

Раскрытие роли народа невозможно без правдивого освещения организующей и направляющей роли Коммунистической партии. Показать роль Коммунистической партии Советского Союза на всех этапах борьбы за построение социализма и коммунизма в нашей стране — такова центральная задача авторского коллектива многотомника. Отличительная особенность Коммунистической партии заключается прежде всего в ее неразрывной связи с народом, в том, что она живет жизнью масс, ставя превыше всего заботу о благе народа. Партия в своей политике всегда опирается на народ, на его творческую инициативу и самодеятельность. Она черпает мудрость из родника народного гения, учится у масс. Вместе с тем Коммунистическая партия как передовой отряд трудящихся видит свою задачу в том, чтобы повседневно воспитывать массы, организовывать трудящихся для достижения высоких коммунистических целей. Ей всегда была чужда идеология хвостизма, политика приспособления к отсталым настроениям. В этой связи необходимо вспомнить слова В. И. Ленина: «Партия — это авангард класса, и задача ее вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой»[42]. Авторы нового труда должны показать, как партия и народ в неразрывном единстве творили историю, осуществляя великие свершения в СССР.

Проблема роли масс в социалистическом и коммунистическом строительстве имеет и такой важный аспект, как союз рабочего класса и крестьянства, сотрудничество рабочих и крестьян в процессе развития советского общества. В. И. Ленин считал союз рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса высшим принципом диктатуры пролетариата, ее основой. Союз рабочих и крестьян имел жизненно важное значение для судьбы социализма в СССР. Во-первых, наша страна была преимущественно крестьянской страной, в которой без сплочения крестьянских масс «соло пролетарской революции» могло превратиться в ее «лебединую песню». Во-вторых, Советской стране пришлось строить социализм одной, в условиях капиталистического окружения, в силу чего решающее значение для пролетариата имело завоевание внутреннего союзника — крестьянства. «...Только соглашение с крестьянством,— говорил В. И. Ленин,— может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»[43]. При переходе нашей страны к мирному строительству на базе новой экономической политики В. И. Ленин, рисуя перспективу социалистического развития советского общества, подчеркивал, что «в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»[44].

Союз рабочих и крестьян — это особая форма классового союза. Пока крестьянство оставалось на почве мелкотоварного хозяйства, это был союз между передовым, социалистическим пролетариатом и несоциалистическим крестьянством. Естественно, что этот союз предполагал ведущее положение в нем рабочего класса, всемерное усиление позиций и руководящей роли рабочего класса и социалистическую переделку крестьянства. Цель союза рабочих и крестьян заключается не в том, чтобы сохранить крестьянство как класс мелких производителей

[41] «Коммунист», 1961, № 1, стр. 14.
[42] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 288.
[43] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 192.
[44] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 444.

и собственников, а в том, чтобы преобразовать его в духе социализма, превратить его в социалистический класс.

Жизненную основу объединения рабочих и крестьян России составляла общность их коренных экономических и политических интересов. Их сближало общее стремление раз и навсегда покончить со старыми общественными порядками, стремление к свободному труду, к свободной жизни. Революционные меры пролетарской власти, направленные на уничтожение буржуазно-помещичьего господства, в частности ее аграрные мероприятия, вызвали глубокое и бесповоротное доверие крестьянских масс к рабочему классу. Но в доколхозный период наряду с общностью коренных интересов рабочих и крестьян существовало и противоречие между ними. Крестьянство в силу своей двойственной природы колебалось и проявляло неустойчивость. В истории советского общества, особенно на первых порах, иногда случалось, что враги диктатуры пролетариата, прежде всего кулачество, пользуясь колебанием и неустойчивостью крестьянства, вели за собой отсталые слои деревни. Ценой огромных усилий рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, отвоевал трудовое крестьянство у буржуазии и сделал его своим верным союзником в строительстве социалистического общества. Большое значение при этом имели ликвидация кулацкого засилья в деревне, преодоление влияния кулачества на середняцко-бедняцкие массы, а также обезвреживание всякого рода враждебных ленинизму течений и групп, пытавшихся расстроить союз рабочих и крестьян,— троцкистов, правых, буржуазных националистов.

В ходе социалистического строительства претерпевало изменения конкретное содержание союза рабочих и крестьян. В доколхозный период, когда в деревне существовали различные социальные группы — беднота, середняки и кулаки,— отношение рабочего класса к этим разным имущественным слоям было классово-дифференцированным. Оно определялось формулой В. И. Ленина, выдвинутой им еще в конце 1918 г.: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...» [45]. Победа колхозного строя в корне изменила социальную природу крестьянства, его различных групп. Кулачество было ликвидировано как класс, а бедняки и середняки, объединившиеся в колхозах, составили новый, социалистический класс колхозного крестьянства, являющийся прочной опорой Советской власти в деревне. Таким образом, рабочий класс и крестьянство стали социалистическими классами, а союз их приобрел силу нерасторжимой дружбы.

Создание союза рабочего класса и крестьянства и его непрерывное укрепление относятся к основным чертам советского опыта, имеющим всеобщее, международное значение. В. И. Ленин учил, что самый коренной, самый существенный вопрос нашей революции и всех будущих социалистических революций — это отношение рабочего класса к крестьянству, это союз рабочего класса с крестьянством. Он подчеркивал, что соединение рабочих и крестьян в прочный союз — это задача не только русской, но и мировой революции. «Только в упрочении союза рабочих и крестьян,— говорил В. И. Ленин,— лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует...» [46].

Союз рабочего класса и крестьянства — та решающая сила общественного развития, от которой зависела судьба социализма в СССР.

---

[45] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 171.
[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 130.

Авторы томов, посвященных истории советского общества, видят свою задачу в том, чтобы всесторонне осветить развитие союза рабочих и крестьян в этот период, их совместную борьбу и труд во имя социализма и коммунизма. Само собой разумеется, что в центре внимания авторского коллектива должен быть и исторический путь развития рабочего класса — этой ведущей силы в строительстве коммунизма,— крестьянства, интеллигенции.

История СССР есть история народов СССР. Это особенно правильно для советской эпохи. Разбив цепи колониального гнета и уничтожив расовую и национальную дискриминацию, Октябрьская революция вывела на широкую дорогу исторического творчества многочисленные трудовые массы всех национальностей и народностей СССР, в том числе народностей, в недалеком прошлом еще стоявших «в стороне от истории».

С возникновением в обществе классового антагонизма действует как его неизменный спутник и противоречие между разными народами. Корень зла здесь — в политике эксплуататорских классов, которые в интересах сохранения своей власти над «своими» и «чужими» трудящимися натравливают народы друг на друга, поддерживают вражду между ними. Царская Россия представляла собой типичную картину национальных распрей и взаимного недоверия народов. Это было выгодно царизму, так как разобщало народы и ослабляло их способность к борьбе против колониального насилия и гнета. Октябрьская революция положила конец этой гнусной политике. «Мы властвуем,— говорил В. И. Ленин на историческом III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г.,— не разделяя, по жестокому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединяющая ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования»[47]. Наступила новая эпоха в истории взаимоотношений народов — эпоха дружбы и братского сотрудничества.

Дружба народов — это новая форма исторического творчества народных масс. Трудовые массы каждой нации в условиях социалистического общественного строя имеют возможность свободно творить историю, активно участвовать в общем прогрессе в полную меру своих способностей и талантов, вносить в общее дело свой национальный вклад и вместе с тем обогащать взаимно культуру друг друга. Каждая социалистическая нация в своей творческой деятельности опирается не только на собственные материальные и духовные богатства, но также и на богатства, накопленные и создаваемые всеми другими социалистическими нациями. В СССР действует совершенно новая закономерность, свойственная только взаимоотношениям между народами социалистической эпохи, закономерность, которую можно выразить формулой: все за одного, один за всех.

Таким образом, в СССР впервые в истории полностью решен национальный вопрос. В период Октябрьской революции народы СССР добились полной свободы и равноправия, установления правового равенства; в дальнейшем, в ходе социалистического строительства, все ранее отсталые народы добились также и полного фактического равенства. В ходе социалистического строительства народы, до революции находившиеся на докапиталистической стадии развития, совершили исторический скачок к социализму, минуя капитализм. Всеми своими успехами народы СССР обязаны творческому сотрудничеству между собой, братской помощи великого русского народа, который играет роль ведущей силы в семье советских народов. Коренным образом преобразился облик

[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 435.

народов СССР: из буржуазных наций и донациональных общностей они превратились в передовые социалистические нации. Образование Союза Советских Социалистических Республик явилось подлинным триумфом ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Перед авторским коллективом стоит почетная и вместе с тем нелегкая задача — осветить историю СССР, правильно сочетая при этом общесоюзный материал с материалом, отражающим историю отдельных народов, показать строительство социализма как дело объединенных творческих усилий всех народов, вместе с тем ярко осветить и роль отдельных республик и народов в борьбе за общие цели.

Социалистическое преобразование старой экономики и дальнейшее развитие экономики социализма — это основа всех исторических процессов в жизни советского общества. Понятно, что научное освещение истории социалистической эпохи, объяснение ее закономерностей возможны только на базе исследования истории развития социалистической экономики в СССР. Центральными проблемами историко-экономических исследований в новом издании являются: история создания и развития социалистической промышленности; история коллективизации и развития социалистического сельского хозяйства в СССР.

В новом труде должна быть раскрыта жизненная необходимость, закономерность для СССР социалистической индустриализации, ее решающее значение для победы социализма; вместе с тем в нем должен получить глубокое и всестороннее освещение процесс строительства социалистической промышленности. Организующая роль партии и Советского государства, самоотверженный труд советского народа, прежде всего рабочего класса; полное вытеснение частного капитала из сферы промышленности и утверждение безраздельного господства в ней социалистических производственных отношений; сопротивление капиталистических элементов и обострение классовой борьбы в промышленности на первом этапе индустриализации; преодоление стоявших на пути индустриализации неимоверных трудностей, обусловленных технической отсталостью страны, недостатком материальных и финансовых ресурсов, а также антисоветскими происками международного империализма; реконструкция всех старых предприятий и осуществление грандиозной строительной программы в промышленности; создание новых отраслей промышленности и техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства; освоение новой техники и новых производств, завоевание технической независимости от капиталистического мира и т. д. — вот некоторые вопросы истории социалистической индустриализации, которые будут подробно рассмотрены в томах, посвященных довоенному периоду.

Претворение в жизнь программы социалистической индустриализации положило начало новому периоду в экономическом развитии СССР, периоду мощного подъема социалистической промышленности, дальнейшего расширения и укрепления материально-технической базы социализма. В течение этого периода советская промышленность, несмотря на ущерб, причиненный ей за годы Великой Отечественной войны, совершила громадный скачок в своем развитии. Особенно велики успехи, достигнутые ею во второй половине 50-х годов. Перестройка управления промышленностью и строительством в огромной мере способствовала ускорению темпов роста промышленного производства, лучшему использованию внутренних резервов производства и природных богатств всех районов страны, повышению трудовой активности и развитию инициативы рабочих и инженерно-технических работников, дальнейшему быстрому техническому прогрессу, мощному росту производительных сил страны.

Вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма знаменует собой новый мощный подъем промышленности, которая должна обеспечить создание материально-технической базы коммуниз-

ма. Современному этапу промышленного развития СССР в подготавливаемом труде будет уделено наибольшее внимание.

Но как бы ни были велики успехи социалистической промышленности, для полной победы социализма в нашей стране необходимо было преобразовать и сельское хозяйство на социалистических основах. Это является общим требованием переходного периода для всех стран, вступивших на социалистический путь. Экспроприация помещиков и отмена частной собственности на землю сами по себе еще не могли изменить в корне направление развития деревни. «Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма» [48],— указывал В. И. Ленин. Оставаясь мелкотоварным, крестьянское хозяйство, хотя оно и развивалось на земле, принадлежащей пролетарскому государству, постоянно и в массовом масштабе рождало капиталистические элементы. Получилось так, что в социалистической промышленности, с одной стороны, и сельском хозяйстве — с другой, действовали разные законы, противоположные тенденции: развитие промышленности вело к уничтожению капиталистических элементов в народном хозяйстве, а крестьянское хозяйство, наоборот, рождало их.

Интересы социализма требовали революционного преобразования крестьянской экономики на базе крупного обобществленного производства, приведения этой экономики в соответствие с советским политическим строем и социалистической промышленностью. Коллективизация сельского хозяйства диктовалась и жизненными интересами самого трудового крестьянства, интересами полного избавления его от дальнейшего разорения и нищеты. Таким образом, объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные обобществленные хозяйства являлось исторической необходимостью. Этот путь был определен ленинским кооперативным планом. Основная идея этого плана — переход к социалистическим отношениям в сельском хозяйстве, основанном на современной технике. Принципиальным требованием ленинского кооперативного плана является требование постепенного — в меру материально-технической, политической и психологической подготовленности самих крестьянских масс — и добровольного объединения крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства. «Поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян,— учил В. И. Ленин,— представители Советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых. Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике» [49]. Предостерегая от какого бы то ни было принуждения крестьян, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что кооперирование крестьянских хозяйств, коллективизация сельского хозяйства не могут совершиться стихийно; он требовал неустанной помощи социалистического государства и рабочего класса крестьянству в деле его перехода на рельсы социализма. Претворение Коммунистической партией в жизнь ленинского кооперативного плана привело к утверждению в советской деревне социалистического колхозного строя. С победой колхозного строя промышленность и сельское хозяйство СССР превратились в два однотипных элемента единой социалистической системы. Создание прочного фундамента социалистической экономики было завершено.

Опыт социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР, теперь уже подтвержденный практикой социалистического преобразования в странах народной демократии, доказывает, что ленинский

---

[48] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 367.
[49] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 194.

кооперативный план в принципе имеет всеобщее значение. Разные страны будут по-разному, с точки зрения конкретных методов, форм и темпов переустройства, осуществлять перевод мелких крестьянских хозяйств в крупные, социалистические хозяйства. Но с принципиальной точки зрения путь коллективизации, проделанный советским крестьянством, является универсальным, всемирно-историческим путем, ведущим к утверждению социализма в деревне.

В новом труде будет всесторонне проанализировано развитие социалистического сельского хозяйства на современном этапе. Особое внимание авторы уделят обобщению опыта осуществления мероприятий Коммунистической партии в области сельского хозяйства, обеспечивших преодоление отставания и быстрый подъем его в последние годы. Освоение целинных и залежных земель; борьба тружеников сельского хозяйства за подъем земледелия и животноводства, за достижение и превышение уровня США в производстве сельскохозяйственных продуктов на душу населения; восстановление принципа материальной заинтересованности и его роль в подъеме колхозного производства; реорганизация МТС и значение ее для дальнейшего развития колхозной экономики; рост командных кадров в колхозах и совхозах; помощь города деревне в укреплении колхозного строя — все эти вопросы должны получить освещение на страницах нового издания. Понятно, что в центре внимания авторов будет и вопрос о развитии социалистической экономики в деревне на современном этапе, о процессе превращения колхозно-кооперативной собственности в общенародную собственность. Громадное значение для авторского коллектива будут иметь при этом решения Коммунистической партии по вопросам сельского хозяйства и в первую очередь выступление Н. С. Хрущева на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Одной из важнейших и актуальных проблем советской исторической науки является история Советского государства и развития советской демократии. Марксизм-ленинизм учит, что установление диктатуры пролетариата является главной, непосредственной целью освободительной борьбы пролетариата, всякой социалистической революции. Пролетарская революция облекается плотью в диктатуре рабочего класса: без диктатуры рабочего класса нет полной победы социалистической революции, нет перехода от капитализма к коммунизму. Накануне Октябрьской революции в своей работе «Государство и революция» В. И. Ленин, развивая учение К. Маркса, писал: «...Переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата»[50]. В то время как буржуазная революция, означающая замену власти одной эксплуататорской группы властью другой эксплуататорской группы, не нуждается в сломе старой государственной машины, пролетарская революция, означающая свержение власти всех и всяких эксплуататоров, требует слома старого, буржуазного государственного аппарата и замены его новым аппаратом власти.

Диктатура рабочего класса — это главное орудие социалистического переустройства общества. Уже в период революции Советское государство наряду с подавлением сопротивления буржуазии широко осуществляло свои коренные функции — хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную. Без организаторской деятельности Советского государства невозможны были бы успехи в социалистическом строительстве. Сила диктатуры рабочего класса состоит прежде всего в том, что она возводит к руководству обществом самый передовой класс современного общества — рабочий класс, делает трудящихся вершителями всех дел, обеспечивает им полную возможность сознательного

---

[50] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 431—432.

строительства новой, коммунистической жизни. «Коммунизм,— говорил В. И. Ленин,— предполагает Советскую власть, как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить все дела,— без этого коммунизм немыслим» [51]. Диктатура рабочего класса в СССР являет собой образец нового, высшего типа демократии — демократии пролетарской, демократии для трудящихся, для народа. История Советского государства — история развития и укрепления советской демократии, подлинного народовластия. Нет нужды доказывать, как важно ярко и полно отразить в новом труде эту историю и сделать ее, таким образом, достоянием советского и зарубежного читателя.

На современном этапе, когда СССР вступил в период развернутого строительства коммунизма, актуальное теоретическое и практическое значение приобрел вопрос о дальнейшей судьбе государства. Партия дала ответ на этот важнейший вопрос. «В нашей стране, где давно уже нет эксплуататорских классов, происходит процесс постепенного отмирания органов государственного административного управления, в первую очередь тех, которые выполняют функции принуждения,— подчеркнул Н. С. Хрущев в докладе «За новые победы мирового коммунистического движения».— Наша партия твердо держит курс на дальнейшее развитие демократии, на передачу отдельных функций государственных органов общественным организациям, на развитие общественных начал во всех областях политической и культурной жизни, на привлечение самых широких масс трудящихся к делу управления хозяйством, к охране общественного порядка, к борьбе с правонарушениями и т. д. Этот курс не только не ослабляет, а укрепляет социалистическое общество и отвечает перспективам перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление» [52].

В связи с приведенными положениями особенно важным представляется изучение истории развития советской демократии, в частности истории участия трудящихся и их общественных организаций в управлении государством, хозяйственным и культурным строительством, а также в обеспечении общественного порядка. Большое практическое значение имеет обобщение опыта деятельности профсоюзов, комсомола и других общественных организаций в области культурно-бытового обслуживания трудящихся, в соблюдении норм общежития.

К числу стержневых проблем истории советского общества относится и проблема социалистической революции в культуре и идеологии. В новом коллективном труде будет всесторонне показан путь духовного роста советского народа, который за годы Советской власти достиг выдающихся успехов в развитии науки и искусства. До недавнего времени историки недостаточно уделяли внимания истории культурного строительства. В последние годы выпущен в свет ряд работ по этой теме. Вопросы культуры и науки неизменно освещаются и во всех сводных трудах по истории отдельных народов СССР. Но надо заметить, что в освещении этих вопросов наблюдается некоторая бессистемность, к тому же зачастую они рассматриваются вне органической связи с вопросами экономического и политического развития страны. В подготавливаемом издании этот недостаток должен быть преодолен.

При изложении истории советской культуры авторы уделят особое внимание таким ее аспектам, как демократизация культуры и превращение всех ее завоеваний в безраздельное достояние народа, творчество трудящихся масс в культурном развитии, освобождение культуры от власти буржуазной идеологии и антинаучного мировоззрения, соединение завоеваний науки и культуры с социалистической идеологией и марксистско-ленинским мировоззрением, формирование народной интел-

---

[51] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 392.
[52] «Коммунист», 1961, № 1, стр. 14.

лигенции, достижения советской науки и искусства и т. д. Предметом специального рассмотрения явятся успехи в культурном развитии народов СССР, особенно тех, которые от средневековой отсталости и забитости совершили скачок к социалистической культуре. Гармоническое сочетание национальной формы культуры с ее социалистическим содержанием, братское сотрудничество и взаимное культурное обогащение народов — вот тайна всех выдающихся, изумляющих весь мир успехов, достигнутых в культурном развитии народов СССР. И эта «тайна» должна быть в полной мере раскрыта в новом труде.

Состояние теоретической и конкретно-исторической разработки истории культурной революции позволяет решить спор о начальном и конечном рубежах культурной революции в СССР. Авторскому коллективу предстоит внести ясность в этот вопрос. Культурная революция, означающая преобразование буржуазной культуры в социалистическую, представляет собой закономерность переходного от капитализма к социализму периода. Она началась с момента Октябрьской революции и завершилась в основном в конце 30-х годов, когда кончился переходный период. Победа социализма означала и победу культурной революции. Некоторые склонны считать, что культурная революция продолжается и в наше время. При этом они ссылаются на факты революции в науке и технике (разгадка тайн атома, освоение космоса и т. д.). Но культурная революция и революции в науке и технике не одно и то же. Великие открытия и достижения, знаменующие целые революции в науке и технике, будут и в будущем, для них нет предела. Но это не означает, что в жизни социалистического общества без конца будет продолжаться культурная революция.

Остановимся еще на одной проблеме, которая должна быть в центре внимания авторских групп всех пяти томов, посвященных истории советского общества. Это международные отношения и внешняя политика СССР.

К. Маркс в 1870 г. пророчески писал: «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — труд!»[53]. История международных отношений Советского Союза с большой убедительностью доказывает, что в лице Советского государства на международной арене действительно появилось государство, которое строит свою внешнюю политику на принципе равноправия и суверенитета всех народов и государств, последовательно проводит политику мира во всем мире. В своих отношениях с буржуазными странами оно всегда руководствовалось и руководствуется ленинскими принципами мирного сосуществования и деловых связей с ними. В истории международных отношений и внешней политики СССР явственно выделяются два наиболее общих периода: 1) от Октябрьской революции до образования мировой социалистической системы, когда Советский Союз находился во враждебном капиталистическом окружении; 2) со времени возникновения мирового социалистического лагеря, когда на международной арене появились дружественные СССР социалистические страны и возникла мировая социалистическая система.

Необходимо, чтобы в новом издании были ярко освещены взаимоотношения между СССР и другими социалистическими странами, представляющие новый, социалистический тип взаимоотношений между народами и государствами. Характер и сущность взаимоотношений между странами социалистического лагеря глубоко и всесторонне раскрываются в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий и в докладе Н. С. Хрущева «За новые победы мирового комму-

[53] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 449.

нистического движения». В Заявлении говорится: «Социалистический лагерь — это социальное, экономическое и политическое содружество свободных, суверенных народов, объединенных тесными узами международной социалистической солидарности, единством общих интересов и целей, идущих по пути социализма и коммунизма. Нерушимым законом взаимоотношений между социалистическими странами является строгое соблюдение принципов марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма. В социалистическом лагере обеспечено подлинное равноправие и самостоятельность каждой входящей в него страны. Руководствуясь принципами полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, социалистические государства совершенствуют всестороннее экономическое, политическое и культурное сотрудничество, что отвечает как интересам каждой социалистической страны, так и социалистического лагеря в целом»[54]. Задача авторов многотомника — дать конкретно-исторический анализ принципов, на которых зиждутся взаимоотношения между странами социалистического лагеря.

Не менее важно хорошо осветить все возрастающее влияние Советского Союза на современную международную политику, на судьбы народов всего мира, растущий его успех в борьбе за мир для всего человечества, за всеобщее и полное разоружение и мирное сосуществование двух социальных систем. Ни одно государство в истории еще не оказывало столь могучего прогрессивного воздействия на жизнь других государств и народов, какое оказывает Советский Союз. В новом коллективном труде необходимо показать, как исторически осуществлялось это воздействие первой страны социализма на остальной мир.

Наконец, должно иметь в виду и задачу критики ревизионистов и фальсификаторов истории СССР.

Историография давно уже стала ареной жестокой борьбы между реакционной буржуазной идеологией и социалистической идеологией. Представители буржуазии во имя своих классовых интересов всегда шли на любую фальсификацию истории. Еще Ф. Энгельс отмечал: «В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей (буржуазии.— *Авт.*) свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»[55]. Реакционные идеологи буржуазии, а также современные ревизионисты в историографии основным предметом для своих фальсификаторских и клеветнических измышлений сделали историю СССР, прежде всего советский опыт социалистического строительства. «Продукция» буржуазных фальсификаторов истории советского общества с научной точки зрения абсолютно несостоятельна и не заслуживает в этом плане никакого внимания. Тем не менее советские историки обязаны знать эти «труды», чтобы показывать их тенденциозный характер, ибо авторы подобных «трудов», распространяя неправду о нашей стране и ее истории, вводят в заблуждение неискушенного зарубежного читателя, помогают империалистам вести «холодную войну» против СССР и других стран социализма.

В последние годы наши ученые усилили работу по разоблачению буржуазных фальсификаторов. Этому в значительной мере способствуют исторические журналы, которые из номера в номер выступают с критическими статьями и заметками по поводу писаний буржуазных историков и ревизионистов. Однако эта работа пока еще отстает от требований жизни. Во-первых, несоразмерно мало делается в количественном отношении. Многое из того, что пишут буржуазные фальсификаторы и что требует немедленного разоблачения, не получает должной отповеди.

---

[54] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 21.

[55] «Архив Маркса — Энгельса». Т. 10. М. 1948, стр. 104.

Во-вторых, наша разоблачительная и критическая работа ведется бессистемно. Нередко в поле зрения наших историков оказываются совсем не те объекты, которые следовало бы подвергнуть критике в первую очередь. Кроме того, необходимо, чтобы критика фальсификаторов истории СССР в новом многотомном издании базировалась на прочной фактической и теоретической основе и носила наступательный характер.

В историографических разделах многотомника будет дан обзор зарубежной литературы по истории СССР, в котором, в частности, будет дана критика литературы, созданной нашими идейными врагами.

Таковы некоторые важнейшие вопросы истории советского общества, относящиеся к «сквозным проблемам», которые должны быть последовательно освещены в пяти томах серии, посвященной советскому периоду в истории нашей Родины.

Наряду со «сквозными», общими для всех томов проблемами есть и специфические для каждого тома проблемы. Разумеется, о каждой из них нет необходимости говорить. Остановимся лишь на немногих.

Советская серия нового издания откроется томом, посвященным Октябрьской революции и гражданской войне в СССР (ответственный редактор — академик И. И. Минц). Задача авторов облегчается тем, что указанный период является наиболее изученным. Недавно завершено пятитомное издание «История гражданской войны в СССР». Значительное количество книг и брошюр по ряду вопросов этого периода выпущено историками в центре и на местах, в национальных республиках. По темам тома осуществлена сравнительно большая публикация документов. Однако от авторов потребуется еще серьезная дополнительная работа, чтобы создать труд, отвечающий современным требованиям.

Раскрытие закономерного характера Октябрьской революции и ее всемирно-исторического значения как революции, положившей начало переходу человечества от капитализма к социализму, начало новой эры во всемирной истории является центральной задачей тома. Вместе с тем необходимо полнее показать такие отличительные черты Октябрьской революции, как ее глубокий гуманизм, на редкость бескровный характер и сравнительную легкость ее успеха и т. п. Как известно, революция, начавшаяся в центре, в течение трех-четырех месяцев совершила «триумфальное шествие» и победила по всей необъятной стране, причем в большинстве важнейших пунктов страны власть Советов установилась мирным путем. Эта особенность революции имеет свои глубокие причины, которые в литературе пока недостаточно объяснены. Причины эти надо искать прежде всего в мудром ленинском руководстве большевистской партии и в революционности российского пролетариата, сумевшего сплотить под своим знаменем трудовое крестьянство, обеспечить поддержку революции со стороны большинства народа.

Авторам тома необходимо углубить и трактовку вопроса о характере и удельном весе буржуазно-демократических задач, которые пришлось «походя и мимоходом» решать Октябрьской революции, четко определить влияние этого обстоятельства на ход всей революции, особенно в деревне и в национальных районах. Об Октябрьской революции в национальных районах уже немало написано. Однако особенности ее в условиях национальных районов в полной мере еще не раскрыты. Ждет глубокого исследования и правильного освещения, в частности, вопрос о национальных движениях в период Октябрьской революции, о классовом размежевании внутри национального фронта в ходе Октябрьской революции, о национальных политических партиях и тактике коммунистов по отношению к ним и т. д.

Значительное место в первом томе советской серии займут вопросы созидательной работы революции: организация органов Советской вла-

сти и развитие государственного строительства, создание социалистического уклада в экономике и налаживание хозяйственной жизни, первые шаги социалистической революции в культуре и идеологии.

Второй том советской серии издания (ответственный редактор — кандидат исторических наук Ю. А. Поляков) охватывает 1921—1937 годы. В течение этих лет были успешно разрешены коренные проблемы переходного периода, осуществлены социалистическая перестройка всей экономической жизни и культурная революция, было построено в основном социалистическое общество. Этот период исследован историками неравномерно. Сравнительно лучше изучены годы восстановления народного хозяйства после гражданской войны. Что касается десятилетия, 1927—1937 гг., то оно исследовано далеко не достаточно. Правда, в последнее время уже начали появляться отдельные содержательные книги по истории индустриализации и коллективизации.

Главнейшим вопросом, решению которого подчинялось все в жизни страны в тот период, был вопрос «кто кого», который В. И. Ленин выдвинул при переходе к нэпу, к мирному строительству. Возрождение капитализма или победа социализма — вот в чем заключался смысл этого вопроса. Через весь том красной нитью должна проходить ленинская идея построения социализма в СССР и борьба партии и рабочего класса за претворение ее в жизнь. Социалистическая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, вытеснение капиталистических элементов из экономики, а затем ликвидация последнего капиталистического класса, кулачества,— таков был путь победы социализма над капитализмом в области экономики.

На этом пути рабочий класс и трудовое крестьянство встретили отчаянное противодействие эксплуататорских классов. Классовая борьба все более обострялась, пока не были полностью ликвидированы эксплуататорские классы. К концу же переходного периода в связи с ликвидацией этих классов классовая борьба пошла на убыль. К сожалению, история классовой борьбы в СССР пока еще не нашла в литературе всестороннего и глубокого освещения, хотя в последнее время историческая литература и пополнилась книгами на эту тему. Особого внимания требует вопрос о классовой борьбе в деревне, которая была связана с сопротивлением кулачества, его контрреволюционными действиями. Надо отметить, что в показе политики Советского государства по отношению к кулачеству в связи с массовой коллективизацией у нас в литературе допускается некоторая однобокость: обычно авторы ограничиваются тем, что рассказывают об экспроприации кулаков и выселении их из районов сплошной коллективизации, умалчивая о том, что Советская власть, переселив основную массу кулаков в новые районы, создавала им условия для того, чтобы они могли начать трудовую жизнь, перевоспитаться. Это характеризует гуманность Советской власти, а вместе с тем ее силу и прочность. Пока еще слабым местом в исторической литературе является изучение социально-экономических отношений в доколхозной деревне. Заметим в этой связи, что у нас нет единого, четкого определения производственных отношений, господствовавших в сельском хозяйстве до начала коллективизации. Распространенное определение их как капиталистических, на наш взгляд, является неточным, поскольку при этом имеется в виду крестьянское хозяйство.

В годы развернутого строительства социализма глубочайшие перемены переживали народы СССР, особенно ранее отсталые народы. На основе экономических и культурных достижений социализма было ликвидировано фактическое неравенство народов, что означало окончательное разрешение национального вопроса, унаследованного от старой, дореволюционной России. Ранее отсталые народы совершили исторический скачок от средневековых отношений к социализму, минуя мучительную стадию капитализма. Следует сказать, что в изучении истории на-

ционального строительства в СССР у нас еще немало нерешенных вопросов. К ним, в частности, относится вопрос о характере аграрных мероприятий, осуществленных в Средней Азии и Казахстане в середине 20-х годов. Одни считают их буржуазно-демократическими, другие — социалистическими. Необходимо путем тщательного изучения фактов и плодотворных, творческих обсуждений найти правильное решение этого и других подобного рода вопросов.

Центральная проблема третьего тома советской серии, охватывающего 1938—1945 гг.,— это история Великой Отечественной войны. В настоящее время Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС успешно осуществляется подготовка шеститомного труда по истории Великой Отечественной войны. Институт готовит также однотомное издание по истории этой войны. Задача авторского коллектива соответствующего тома нового издания этим обстоятельством одновременно и облегчается и осложняется. С одной стороны, он может опираться на фундаментальные исследования авторского коллектива ИМЛ при ЦК КПСС, а с другой — не должен только повторять то, что уже сказано.

История тринадцатилетнего периода — 1945—1958 гг.— будет изложена в четвертом томе советской серии многотомника (ответственный редактор — доктор исторических наук И. Б. Берхин). Это период быстрого восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства в послевоенные годы, завершения строительства социализма в СССР. Огромная часть страны, находившаяся в первые годы войны временно под фашистской оккупацией, в течение 2—3 лет поднялась из руин, восстановила свои жизненные силы. В этом ярко сказались преимущества социалистического строя. Рассказ о самоотверженной борьбе за восстановление разрушенного войной народного хозяйства, в которой участвовали все народы нашего многонационального государства, составит яркие, волнующие страницы в томе.

Успешно решив эту задачу, Советский Союз вступил в завершающий этап строительства социализма. В жизни советского общества в 1953—1958 гг. произошли крупные события, знаменовавшие мощный подъем во всех ее областях. Освоение целинных и залежных земель и крутой подъем сельского хозяйства, перестройка управления промышленностью и бурный технический прогресс, перестройка системы народного образования, выдающиеся достижения советской науки в освоении космоса, восстановление ленинских норм партийного и государственного руководства и дальнейшее развитие советской демократии, неуклонно возрастающий авторитет Коммунистической партии, усиление ее организующей и направляющей роли — все это должно быть ярко и полно раскрыто в новом издании. В нем будут широко показаны также замечательные перемены в жизни наших национальных республик.

Исторический XXI съезд КПСС, утвердивший директивы по семилетнему плану развития народного хозяйства, и начало осуществления этого великого плана ознаменовали вступление СССР в период развернутого строительства коммунизма. Последний том создаваемого коллективного труда будет посвящен этому новому историческому этапу. Движение ударников, бригад, цехов и предприятий коммунистического труда, принявшее массовый характер, усиливающаяся активность трудящихся в управлении государством, великие достижения в строительстве материально-технической базы коммунизма, мероприятия Коммунистической партии по дальнейшему подъему сельского хозяйства, нашедшие яркое отражение в работе январского (1961 г.) Пленума ЦК КПСС и в речи Н. С. Хрущева на этом Пленуме, невиданный расцвет культуры и науки, а также растущий международный престиж Советского государства и успех его политики мира и сосуществования стран с различным социально-политическим строем — вот вопросы, которые составят главное содержание заключительного тома. Понятно, что о задачах авторского кол-

лектива этого тома можно говорить пока лишь в самом общем плане.

Создание фундаментального труда по истории советского общества — весьма сложное, нелегкое дело. Недостаточная разработка ряда стержневых проблем, отсутствие полноценных публикаций документов, особенно архивных, а также наличие немалого количества не решенных пока вопросов — все это требует от авторского коллектива и редакторов больших и напряженных творческих усилий. Здесь плодотворная теоретическая работа должна сочетаться с кропотливыми исследованиями в области конкретных фактов.

Новый многотомный труд по истории СССР будет основываться на последних достижениях советской исторической науки. Наши ученые добились немалых успехов в изучении истории советского общества, в обобщении исторического опыта социалистического строительства в СССР. Наряду с учебным пособием по истории советского общества для вузов и новой книгой по истории партии уже созданы сводные труды по истории народов всех союзных республик, почти всех автономных республик. За последние два-три года историческая литература пополнилась книгами по истории народного хозяйства, государственного строительства, культурного развития, а также по отдельным периодам истории СССР. Авторский коллектив нового сводного труда будет опираться на уже достигнутое. Вместе с тем задача его состоит в том, чтобы поднять еще выше уровень теоретического обобщения и конкретного исследования истории советского общества.

К написанию многотомной истории советского общества привлекаются крупные силы — ведущие историки центра и национальных республик. Участие в подготовке нового труда принимают также и представители других общественных наук — экономисты, правоведы, литературоведы, искусствоведы, этнографы.

История человечества — это неиссякаемый источник, откуда наука черпает неопровержимые доводы в пользу коммунизма, его исторически неизбежной победы. Все гениальные выводы научного коммунизма подсказаны историей человечества, представляют собой обобщение фактов истории, подытожение опыта истории. В. И. Ленин писал, что «история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре»[56] (то есть о диктатуре пролетариата). Классики марксизма-ленинизма, исходя из опыта истории, формулировали свои теоретические выводы о диктатуре пролетариата. Это же относится и к другим вопросам научного коммунизма. С другой стороны, неоценимо великое воспитательное значение истории. Знание о тяжелой жизни трудящихся в прошлом, о бесчеловечных порядках в эксплуататорском обществе помогает формированию у трудящихся социалистической идеологии. Особенно важно знание передовых и революционных традиций прошлого: оно воспитывает людей в духе революционной самоотверженности в борьбе за коммунистические идеалы.

Работая над новым многотомным коллективным трудом по истории СССР, советские историки сознают свою большую ответственность. Их долг — создать такие книги, которые будут способствовать историческому просвещению и коммунистическому воспитанию советских людей.

---

[56] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 314.

СОДЕРЖАНИЕ МНОГОТОМНОЙ «ИСТОРИИ СССР» *

ТОМ I

Введение (общее ко всем 6 томам).

Часть первая. Первобытнообщинный строй. 1. Источники. 2. Каменный век. Палеолит. Неолит. 3. Древнейшие землевладельцы. 4. Бронзовый век.

Часть вторая. Рабовладельческий строй. 1. Древнейшие рабовладельческие государства Закавказья. 2. Скифы. 3. Рабовладельческое общество в Причерноморье и Средней Азии. 4. Древние славяне. 5. Кочевники IV — VI вв.

Часть третья. Первые феодальные государства. 1. Кризис первобытнообщинного и рабовладельческого строя. Феодализм. 2. «Великое переселение народов». Славяне в VI в. 3. Феодальные государства Армении и Грузии в IV — IX вв. 4. Киевская Русь IX — XI вв. 5. Кочевые народы в IX — XIII вв. 6. Государства Закавказья и Средней Азии в IX — XIII вв. 7. Русские княжества и их соседи в XI — XIII вв. 8. Культура народов СССР в X — XIII вв.

ТОМ II

Глава I. Монгольские завоевания XIII века. § 1. Монгольские завоевания первой четверти XIII в. Первое наступление татаро-монгольских войск на Русь. § 2. Монгольские завоевания второй четверти XIII в. Борьба русского народа с новым татаро-монгольским вторжением в 30—40-х годах XIII в. § 3. Установление монгольского ига и народно-освободительная борьба с ним.

Глава II. Складывание Российского государства в XIV — первой половине XV в. § 1. Социально-экономическое развитие русских земель в XIV — первой половине XV в. Феодальная деревня. § 2. Социально-экономическое развитие русских земель в XIV — первой половине XV в. Феодальный город. § 3. Политическое объединение русских земель и борьба русского народа против иноземных захватчиков до конца XIV в. § 4. Политическое объединение русских земель и борьба русского народа против иноземных захватчиков в конце XIV и в XV в. § 5. Русская культура в XIV — первой половине XV в. § 6. Русь и другие народы нашей Родины. § 7. Международное положение складывающегося Российского государства в XIV — первой половине XV в.

Глава III. Образование Российского централизованного государства во второй половине XV — первой трети XVI в. § 1. Социально-экономический строй России. § 2. Завершение объединения русских земель. § 3. Международное положение России. § 4. Общественная мысль и культура.

Глава IV. Украина, Белоруссия и Литва в составе Великого княжества Литовского. Прибалтика в XIV — XV вв. § 1. Социально-экономическое развитие Украины, Белоруссии и Литвы в XIV—XV вв. § 2. Классовая борьба на землях Великого княжества Литовского. § 3. Государственный строй земель Великого княжества Литовского. Феодальная раздробленность. § 4. Украинские земли под властью Литвы, Польши, Венгрии, Молдавии. Установление господства литовских феодалов на территории Белоруссии. § 5. Агрессия литовских феодалов против объединяемой Москвой Руси. § 6. Борьба с Тевтонским орденом. § 7. Возникновение казачества. § 8. Движение на Украине и в Белоруссии за воссоединение с Русью. § 9. Социально-экономическое развитие Прибалтики в XIV — XV вв. § 10. Государственный строй Ливонии. § 11. Агрессия Ордена против Руси и Литвы. § 12. Классовая и национально-освободительная война эстонского и латышского народов против немецких завоевателей.

Глава V. Народы Средней Азии и Закавказья во второй половине XIII—XV в. § 1. Народы Средней Азии в XIII—XV вв. § 2. Закавказье в XIII—XV вв.

Глава VI. Укрепление Российского государства и народы, вошедшие в его состав. § 1. Подъем экономики Российского государства в середине XVI в. § 2. Боярская реакция в малолетство Ивана Грозного. § 3. Обострение классовой борьбы в середине XVI в. § 4. Реформы правительства Ивана Грозного середины XVI в. § 5. Вхождение народов Поволжья и Западного Приуралья в Российское государство. § 6. Развитие общественной мысли и культуры в середине XVI в.

Глава VII. Развитие феодально-крепостнических отношений в России второй половины XVI в. § 1. Ливонская война и опричнина. § 2. Усиление крепостнического гнета во второй половине XVI в. § 3. Внутренняя и внешняя политика Бориса Годунова.

Глава VIII. Крестьянская война в России начала XVII века. § 1. Основные предпосылки крестьянской войны в России. § 2. Первые волнения крестьян и крепостнические меры правительства Бориса Годунова. § 3. Движение Хлопка и волнения в Северской земле и других районах России. § 4. Осложнение крестьянской войны, появление и поход Лжедмитрия I. § 5. Крепостнические меры в царствование Лжедмитрия I, его свержение и династический кризис. § 6. Восстание Болотникова, восстания в Поволжье. § 7. Царствование Василия Шуйского и его поход против Болотникова.

---

* Материал представлен Институтом истории АН СССР.

Глава IX. Иностранная интервенция и борьба России за независимость в начале XVII в. § 1. Начало интервенции польских феодалов и образование тушинского лагеря. § 2. Свержение Василия Шуйского и начало междуцарствия. § 3. Шведская интервенция на Севере России и занятие шведскими войсками Великого Новгорода. § 4. Семибоярщина и избрание королевича Владислава на московский престол. § 5. Взятие Смоленска войсками короля Сигизмунда. § 6. Образование местных правительств в ряде городов (Псков, Казань, Астрахань). § 7. Начало освободительного движения и «ссылки» между городами. § 8. Первое ополчение, существование в Москве двух правительств (бояре в Кремле, Трубецкой и Заруцкий). § 9. Усиление освободительного движения и второе ополчение. Минин и Пожарский. § 10. Освобождение Москвы от войск интервентов. § 11. Земский собор и организация власти. Избрание Михаила Романова. § 12. Борьба с интервентами и постепенное очищение от них России. § 13. Деулинское перемирие и Столбовский мир.

Глава X. Россия в первой половине XVII в. § 1. Производительные силы и социально-экономический строй. § 2. Государственное устройство. § 3. Классовая борьба. § 4. Международное положение и внешняя политика. § 5. Русская культура.

Глава XI. Сибирь в конце XVI — первой половине XVII в. § 1. Родовой и племенной состав народов Сибири к XVII в. § 2. Состояние производительных сил и социально-экономические отношения. § 3. Присоединение Сибири к Русскому государству. Политика царизма. § 4. Организация управления Сибирью. § 5. Русское население Сибири. § 6. Взаимоотношения русского и местного населения. § 7. Первые итоги совместной жизни.

Глава XII. Украина, Белоруссия, Литва и Прибалтика в XVI — первой половине XVII века. Образование Речи Посполитой. § 1. Социально-экономическое развитие Украины, Белоруссии и Литвы в XVI — первой половине XVII века. § 2. Культура украинского народа и формирование украинской народности. § 3. Культура белорусского народа и складывание белорусской народности § 4. Культура литовского народа и образование литовской народности. § 5. Запорожская Сечь. § 6. Люблинская и Брестская унии. Создание Речи Посполитой и усиление классового и национально-религиозного гнета со стороны польских феодалов на Украине и в Белоруссии. § 7. Борьба украинского и белорусского народов против социального и национально-религиозного гнета. § 8. Борьба украинского и белорусского народов с турецко-татарской агрессией. § 9. Движение на Украине и в Белоруссии за воссоединение с Россией. § 10. Эстонская культура и образование эстонской народности. § 11. Культура Латвии и складывание латышской народности. § 12. Ливонская война и ее последствия для народов Прибалтики. § 13. Эстония в составе России в период Ливонской войны. Латвия и Россия в период Ливонской войны. § 14. Расчленение Эстонии и Латвии между Польшей, Швецией и Данией. Создание вассальных государств на территории Прибалтики. § 15. Классовая и освободительная борьба народов Прибалтики против шведско-польского владычества.

Глава XIII. Народы Средней Азии и Закавказья в XVI и первой половине XVII в. § 1. Народы Средней Азии в XVI и первой половине XVII в. § 2. Грузия в XVI и первой половине XVII в.

ТОМ III

(С 40-х годов XVII в. до конца XVIII в.)

Глава I. Экономическое развитие России (с 40-х годов XVII в. до конца XVIII в.). § 1. Аграрный строй в XVII—XVIII вв. § 2. Торгово-промышленное развитие города.

Глава II. Внутренняя политика и классовая борьба (1640—1700 гг.). § 1. Городские восстания и Уложение 1649 г. § 2. Восстание Богдана Хмельницкого и Украина во второй половине XVII в. § 3. Внутренняя политика второй половины XVII в. § 4. Восстание Разина; башкирские восстания; стрелецкое восстание.

Глава III. Преобразования Петра I и внутренняя политика в 1690—1762 гг. § 1. Административные реформы Петра. § 2. Классовая борьба в первой половине XVIII в. § 3. Дворцовые перевороты и внутренняя политика.

Глава IV. Внутренняя политика и «просвещенный абсолютизм». § 1. Дворцовый переворот 1762 г. и просвещенный абсолютизм (1762—1772 гг.).

Глава V. Восстание Пугачева и внутренняя политика (1770—1790 гг.). § 1. Крестьянская война § 2. Реформы 1775—1785 гг. и процессы Радищева и Новикова.

Главы VI—VII. Внешняя политика России. § 1. Внешняя политика в 1640—1695 гг. § 2. Внешняя политика Петра I. § 3. Внешняя политика второй четверти XVIII в. § 4. Семилетняя война. § 5. Русско-турецкие войны. § 6. Россия и Французская революция.

Глава VIII. Церковь в XVII—XVIII вв. § 1. Раскол. § 2. Церковь при Петре I. § 3. Сектантство и масонство.

Глава IX. Общественная мысль. § 1. Общественная мысль (вторая половина XVII—конец XVIII в.). § 2. Революционная идеология.

Глава X. Культура в XVII—XVIII вв. § 1. Культура во второй половине XVII в. § 2. Русская культура при Петре I. § 3. Ломоносов. § 4. Литература и искусство XVIII в.

Глава XI. Особенности в истории народов СССР (Средняя Азия, Закавказье, Молдавия и др.).

ТОМ IV

РОССИЯ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

(С конца 1790-х годов до конца 1850-х годов)

Глава I. Разложение и кризис феодально-крепостной формации и развитие капиталистических отношений в первой половине XIX в. § 1. Конфликт между развитием производительных сил и феодальными производственными отношениями. Назревание кризиса феодализма. § 2. Начало промышленного переворота в России. § 3. Разложение феодально-крепостных отношений в сельском хозяйстве. § 4. Развитие торговли. Рост городов. Мелкие крестьянские промыслы. § 5. Экономическая политика самодержавия. Колониальная политика. § 6. Особенности социально-экономического развития народов России. § 7. Массовое антифеодальное движение.

Глава II. Международное и внутреннее положение России в первой четверти XIX века. Отечественная война 1812 г. § 1. Внутреннее и международное положение России в начале XIX в. § 2. Присоединение Грузии. § 3. Царская Россия и первые войны с Наполеоном. § 4. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813—1814 гг. § 5. «Священный союз». Аракчеевщина.

Глава III. Движение декабристов. § 1. Возникновение движения декабристов. Ранние декабристские общества. § 2. Северное и Южное общества. § 3. Конституционные проекты декабристов. § 4. Восстание 14 декабря. Южное восстание. § 5. Место декабристов в русском революционном движении. Ленинская периодизация революционного движения в России.

Глава IV. Антикрепостническое движение 30—50-х годов XIX в. Внутренняя политика царизма. § 1. Массовое движение во второй четверти XIX в. § 2. Польское восстание 1830—1831 гг. § 3. Внутренняя политика царизма в эпоху кризиса феодальной формации.

Глава V. Внешняя политика царской России в 1821—1849 гг. «Восточный вопрос». § 1. Россия и «восточный кризис». § 2. Русско-иранская война 1826—1828 гг. § 3. Присоединение Армении. § 4. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. § 5. Россия и Греция. Россия и Сербия. § 6. Россия и «восточный вопрос» в 1830—1840 гг. § 7. Дальневосточная политика России. Разграничение Приамурских земель. Русско-китайские отношения. § 8. Царизм и революция 1848 г.

Глава VI. Общественное движение и идейная борьба во второй четверти XIX века. § 1. Теория «официальной народности» и борьба с ней передовых течений. § 2. Возникновение революционно-демократической идеологии. Молодой Герцен. В. Г. Белинский. Размежевание демократического и либерального лагерей. § 3. «Западники» и «славянофилы». § 4. Великий украинский демократ Т. Г. Шевченко. Кирилло-Мефодиевское общество. § 5. Тайное общество Петрашевского. § 6. Оживление общественного движения у народов России.

Глава VII. Национально-колониальная политика царизма и освободительная борьба народов России.

Глава VIII. Крымская война 1853—1856 гг. § 1. Причины и поводы войны. § 2. Начальный период войны (октябрь 1853—март 1854 гг.). § 3. Второй период войны (март — август 1854 г.). § 4. Оборона Севастополя. § 5. Парижский мир. Итоги войны.

Глава IX. Русская культура и культура народов России в первой половине XIX в. § 1. Просвещение. § 2. Наука и техника. § 3. Художественная литература. § 4. Искусство. § 5. Особенности русской культуры. § 6. Особенности культуры народов России.

ТОМ V

(1861—1900 гг. Период промышленного капитализма)

Глава I. Первый демократический подъем в России и «крестьянская реформа». § 1. Назревание революционной ситуации в конце 50-х годов. § 2. Подготовка и сущность реформы 1861 года. § 3. Подъем крестьянского и революционно-демократического движения (1861—1863 гг.). § 4. Польское восстание 1863 г. и отношение к нему различных общественных течений. § 5. Реализация реформы 1861 г. и распространение ее принципов на национальные окраины и на другие категории крестьян.

Глава II. Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в. § 1. Общая программа правительственных реформ и усиление реакции с 1863 г. § 2. Земская, судебная, школьная и другие реформы 60-х годов. § 3. Обострение классовых противоречий в деревне и в городе в 70-х годах. § 4. Завершение правительственных реформ 60—70-х годов и их значение.

Глава III. Социально-экономическое развитие России в эпоху домонополистического капитализма. Раздел I. Развитие капитализма в России в 60—70-х годах XIX в. § 1. Общая характеристика экономического развития России после отмены крепостного права. § 2. Развитие капитализма в сельском хозяйстве в 60—70-х годах. § 3. Рост капиталистической промышленности в 60—70-х годах. § 4. Формирование пролетариата. Дворянство и буржуазия в 60—70-х годах. Раздел II. Развитие капитализма в России в 80—90-х годах. § 1. Особенности социально-экономического развития России в 80—90-х годах. § 2. Состояние сельскохозяйственного производства в 80—90-х годах. Аграрный кризис. § 3. Железнодорожное строительство. § 4. Развитие промышленности в 80—90-х годах. § 5. Денежное обращение и кредит в 80—90-х годах. Денежная реформа 1897 года. § 6. Социальный состав населения России по переписи 1897 г. Раздел III. Население России в 1861—1900 гг. § 1. Рост населения. Заселение южных и восточных окраин. Рост городов. § 2. Национальные окраины в системе пореформенного российского капитализма.

Глава IV. Народническое движение и второй демократический подъем. § 1. Революционно-демократическое движение во второй половине 60-х годов. «Народное дело» и Бакунин. Русская секция I Интернационала. § 2. Крестьянское движение 70-х годов. § 3. Народничество 70-х годов в оценке классиков марксизма-ленинизма. Хождение в народ. «Земля и воля». § 4. Рабочее движение 70-х годов. «Северный союз русских рабочих». «Южнороссийский союз рабочих». § 5. Вторая революционная ситуация конца 70-х — начала 80-х годов. Земское движение. Идейный кризис народничества. § 6. «Народная воля» и «Черный передел».

Глава V. Внутренняя правительственная политика 80—90-х годов XIX в. § 1. «Кризис верхов» и режим Лорис-Меликова. § 2. 1 марта 1881 г. и правительственные колебания. Министерство Игнатьева. § 3. Социальная политика реакции. Контрреформы 80—90-х годов. § 4. Реакция в области науки и культуры. § 5. Национально-колониальная политика. § 6. Конец века.

Глава VI. Рабочее и буржуазно-демократическое движение 80—90-х годов. Борьба за создание марксистской партии. § 1. Группа «Освобождение труда» и критика народничества Г. В. Плехановым. § 2. Положение рабочего класса и рабочее движение в 80-х и первой половине 90-х годов. § 3. Начало социал-демократического движения в Центральной России, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и Закавказье. § 4. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и массовый подъем рабочего движения в середине 90-х годов. § 5. Теоретические труды В. И. Ленина и его борьба с либеральным народничеством и «легальным марксизмом». § 6. Первый съезд РСДРП и социал-демократическое движение в конце XIX в. § 7. Буржуазно-демократическое и либеральное движение.

Глава VII. Национально-демократическое движение народов России во второй половине XIX века. § 1. Формирование наций и возникновение буржуазно-национальных движений. Две тенденции в национальном движении. § 2. Буржуазно-национальное движение на Украине и в Молдавии. § 3. Буржуазно-либеральное движение в Белоруссии и Литве. § 4. Национальные движения в Латвии и Эстонии. § 5. Буржуазные движения в Грузии, Армении и Азербайджане. § 6. Джадидизм. § 7. Исторические корни дружбы народов России. Содружество наций в антифеодальной, демократической борьбе. Роль межнациональных связей в освободительном движении.

Глава VIII. Присоединение Средней Азии. § 1. Народы Средней Азии накануне присоединения. § 2. Наступление царского правительства на территорию среднеазиатских ханств (1864—1876 гг.). Образование Туркестанского генерал-губернаторства. Бухара и Хива под царским протекторатом. § 3. Присоединение Туркмении и установление границ среднеазиатских владений Российской империи (1879—1885 гг.). § 4. Значение присоединения Средней Азии к России.

Глава IX. Внешняя политика России (1856—1900 гг.). § 1. Международное положение царской России после Парижского мира. Классовая сущность и основные вопросы внешней политики России в конце 50-х годов. Русско-французские отношения в конце 50-х — начале 60-х годов. Россия и вопрос об объединении Италии. § 2. Русская дипломатия и польское восстание 1863 г. § 3. Россия и гражданская война в США. § 4. Россия и Балканы в 60-х годах. § 5. Россия и войны Пруссии за объединение Германии. Борьба за пересмотр Парижского трактата. § 6. Внешняя политика царской России на Дальнем Востоке в 1856—1871 гг. § 7. Новая международная обстановка в результате франко-прусской войны и внешняя политика России в 1871—1875 гг. Соглашение трех императоров и военная тревога 1875 г. § 8. Внешняя политика России в годы ближневосточного кризиса и русско-турецкая война 1877—1878 гг. Берлинский конгресс и его последствия. Россия и воссоздание болгарского государства. § 9. Восстановление союза трех императоров. Англо-русские отношения. Экспедиция в Туркмению и афганский кризис 1885 г. Англо-русские противоречия в Иране. § 10. Болгарский вопрос в 1879—1886 гг. Распад союза трех императоров. § 11. Военная тревога 1887 г. и договор «перестраховки». § 12. Заключение франко-русского союза. Таможенная война с Германией и русско-германский торговый договор. § 13. Германская экспансия в Турции и позиция России. Русская дипломатия и ближневосточный кризис 1895—1897 гг. § 14. Внешняя политика России на Дальнем Востоке в конце XIX в. Международное положение России к исходу XIX в.

Глава X. Развитие культуры народов России во второй половине XIX в. § 1. Исторические условия и основные черты развития русской культуры и культуры братских народов России во второй половине XIX в. § 2. Просвещение и школа. § 3. Гуманитарные науки. Естествознание. Научные центры. § 4. Литература и литературная критика. § 5. Искусство (музыка, театр, живопись и скульптура). § 6. Культурные взаимоотношения народов России. Влияние русской культуры на культурное развитие других народов страны. § 7. Культурные связи России с Западом и Востоком. Международное значение русской культуры.

ТОМ VI

РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава I. Экономическое развитие России в период империализма (1900—1913 гг.). Развитие промышленности. Сельское хозяйство России. Особенности российского империализма.

Глава II. Россия накануне первой русской революции. Массовое революционное движение в России в начале XX в. Кризис «верхов». Образование мелкобуржуазных и буржуазных партий. II съезд РСДРП. Русско-японская война.

Глава III. Революция 1905—1907 годов в России. Начало революции. Революционное движение летом 1905 г. Всеобщая Октябрьская политическая стачка. Высший подъем революции. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. Буржуазия и царизм в годы революции. Отступление революции. I и II Государственные думы. Третьеиюньский переворот. Уроки революции.

Глава IV. Третьеиюньская монархия (1907—1914 гг.). III дума. Аграрное законодательство Столыпина. Начало кризиса третьеиюньской монархии.

Глава V. Революционный подъем в 1910—1914 гг. Революционное движение в 1910—1912 гг. Ленский расстрел. Массовое революционное движение в 1912—1914 гг. Большевики во главе революционного движения. Июльские дни.

Глава VI. Внешняя политика России в 1907—1914 гг. Образование «Тройственного согласия». Усиление русско-австрийских и русско-германских противоречий. Дальневосточная политика царизма. Политика царизма на Балканах и в Турции. Подготовка России к войне.

Глава VII. Россия в первой мировой войне. Вступление России в войну. Военные действия на Восточном фронте. Экономика России в годы войны. Революционный кризис в стране в 1915—1916 гг.

Глава VIII. Февральская революция. Канун революции. Восстание в Петрограде. Свержение царизма. Двоевластие. Возвращение В. И. Ленина в Россию.

Глава IX. Развитие культуры в период империализма. Просвещение и школа. Развитие науки. Литература и театр. Музыка. Изобразительное искусство и архитектура. Кино.

ТОМ VII

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1917—1920 гг.)

Введение. Историография (обзор советской и зарубежной литературы).

Часть первая. Великая Октябрьская социалистическая революция.

Глава I. Переход революции к социалистическому этапу. Период мирного развития революции. § 1. Обстановка в стране после Февральской буржуазно-демократической революции. Двоевластие. § 2. Установка большевистской партии на социалистическую революцию. § 3. Подъем революционного движения в стране в условиях мирного развития революции.

Глава II. Нарастание социалистической революции. Мобилизация сил революции на вооруженное восстание. § 1. Курс партии большевиков на вооруженное восстание. § 2. Наступление буржуазной контрреволюции и маневры соглашателей. § 3. Углубление хозяйственного кризиса. Экономическая платформа партии большевиков. § 4. Общенациональный революционный кризис. Подготовка Октябрьского штурма.

Глава III. Октябрьский социалистический переворот. § 1. Победоносное восстание в Петрограде. § 2. Второй Всероссийский съезд Советов. § 3. Рождение Российской республики Советов. Советская власть — государственная форма диктатуры пролетариата. § 4. Партия большевиков — руководящая сила социалистической революции и Советского государства.

Глава IV. Подавление первых выступлений контрреволюции. Триумфальное шествие Советской власти. § 1. Контрреволюционный заговор буржуазии и помещиков против Советской власти. Начало гражданской войны. § 2. Подавление мятежа Керенского — Краснова и ликвидация антисоветского выступления юнкеров в Петрограде.

§ 3. Разгром контрреволюционного мятежа и победа Советской власти в Москве. § 4. Упрочение Советской власти в столице и подавление антисоветских выступлений. § 5. Ликвидация контрреволюционной Ставки. Победа социалистической революции на фронте. § 6. Установление Советской власти в центральных районах страны. § 7. Победа революции на Украине и в Молдавии. Образование Украинской Советской Социалистической Республики. § 8. Победа революции в Белоруссии и Прибалтике. § 9. Борьба за победу Советской власти на Дону и на Кавказе. § 10. Победа революции в Туркестане и Степном крае. § 11. Установление Советской власти на Южном Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. § 12. Общий итог борьбы трудящихся России за установление Советской власти в стране.

Глава V. Организация советской государственной власти. § 1. Слом старой государственной машины и создание центрального советского государственного аппарата. § 2. Строительство вооруженных сил Советской республики. § 3. Строительство советского государственного аппарата на местах. § 4. Роспуск Учредительного собрания. Третий Всероссийский съезд Советов.

Глава VI. Начало социалистического преобразования России. § 1. Первые акты социалистической революции по всеобщему раскрепощению трудящихся. § 2. Создание социалистического уклада в экономике страны. § 3. Осуществление декрета о земле и ликвидация класса помещиков. § 4. Начало строительства социалистической культуры.

Глава VII. Брестский мир и завоевание мирной передышки. § 1. Борьба Советской республики за всеобщий демократический мир. § 2. Интервенционистские действия Антанты против Советской республики. § 3. Заключение Брестского мирного договора. § 4. Борьба трудящихся против австро-германских оккупантов на Украине и Кавказе, в Белоруссии и Прибалтике.

Глава VIII. Упрочение Советской власти. Принятие Конституции РСФСР. § 1. Ленинский план строительства основ социалистической экономики. § 2. Обострение классовой борьбы в деревне весной и летом 1918 г. Борьба за хлеб — борьба за социализм. § 3. V Всероссийский съезд Советов и принятие Конституции РСФСР.

Глава IX. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Часть вторая. Советская страна в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Глава X. Нападение международного империализма на Советскую республику. Первый период гражданской войны. § 1. Международное и внутреннее положение Советской страны к лету 1918 г. § 2. Вторжение войск Антанты в Советскую Россию. Объединение внешних и внутренних антисоветских сил. § 3. Начало Отечественной войны советского народа. Перестройка жизни страны на военный лад. § 4. Строительство и укрепление массовой регулярной Красной Армии. § 5. Первые успехи Красной Армии. § 6. Конец первой мировой войны и усиление интервенции Антанты.

Глава XI. Упрочение внутреннего положения Советской страны. § 1. Укрепление Советов. Вовлечение трудящихся в управление страной. § 2. Рост авторитета Коммунистической партии. Банкротство и крах буржуазных и мелкобуржуазных партий. § 3. Ускорение экспроприации буржуазии. Мобилизация промышленности и транспорта на нужды обороны. § 4. Новый этап социалистической революции в деревне. Комитеты бедноты. § 5. Переход к политике «военного коммунизма». § 6. Создание военно-политического союза рабочего класса с крестьянством. § 7. Боевые действия на Южном, Восточном и Северном фронтах в конце 1918 — начале 1919 г. § 8. Изгнание немецких оккупантов. Образование Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик.

Глава XII. Решающие победы Красной Армии. Второй период гражданской войны. § 1. Положение Советской республики к весне 1919 г. § 2. Разгром похода Колчака. § 3. Создание военно-политического союза советских республик. § 4. Разгром похода Деникина.

Глава XIII. Ликвидация иностранной военной интервенции. Окончание гражданской войны. § 1. Разгром войск помещичье-буржуазной Польши и Врангеля. § 2. Изгнание интервентов и разгром белогвардейцев в Средней Азии. Победа народных революций в Хорезме и Бухаре. § 3. Изгнание интервентов и разгром буржуазно-националистической контрреволюции в Закавказье. Образование Азербайджанской, Армянской и Грузинской Советских Социалистических Республик.

Глава XIV. Национальное строительство в годы гражданской войны. § 1. Задачи национально-государственного строительства в условиях диктатуры пролетариата. § 2. Образование и строительство автономных республик и областей РСФСР. § 3. Образование независимых социалистических республик. Советское строительство на Украине, в Белоруссии и в республиках Закавказья. § 4. Укрепление связей независимых социалистических республик с РСФСР.

Глава XV. Социально-экономическое развитие страны в 1919—1920 гг. § 1. Завершение национализации промышленности и транспорта, организация управления ими. § 2. Изменения в социально-экономической жизни деревни. Первые шаги социализма в сельском хозяйстве.

Глава XVI. Культурное строительство страны в 1918—1920 гг. § 1. Организация новой, советской системы народного образования. Борьба за ликвидацию безграмотности. § 2. Становление советской науки. § 3. Первые мероприятия Советской власти в области искусства и литературы.

Глава XVII. Рост мирового революционного движения и помощь международного пролетариата Советской России.

ТОМ VIII

БОРЬБА СОВЕТСКОГО НАРОДА ЗА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР (1921—1937 гг.)

Введение. Историография (обзор советской и зарубежной литературы).

Часть первая. Восстановление народного хозяйства. Образование СССР.

Глава I. Переход Советского государства к мирному строительству. § 1. Международное и внутреннее положение Советской страны к началу восстановительного периода. § 2. Переход Советского правительства к новой экономической политике. § 3. Перестройка управления народным хозяйством на рельсах нэпа. § 4. Начало восстановления народного хозяйства (1921—1922 гг.). § 5. Оживление капиталистических элементов. Новые формы классовой борьбы. § 6. Укрепление советского государственного и общественного строя. § 7. Дальнейшая разработка В. И. Лениным плана строительства социализма.

Глава II. Образование СССР. § 1. Политическая и экономическая необходимость объединения советских республик в союзное многонациональное государство. § 2. Создание Союза Советских Социалистических Республик. § 3. Укрепление и развитие Советского союзного государства в 1923—1925 гг.

Глава III. Борьба за восстановление народного хозяйства в 1923—1925 гг. § 1. Трудности восстановления народного хозяйства и их преодоление. § 2. Ускорение восстановления промышленности. Консолидация рабочего класса и рост его трудовой активности. § 3. Социально-экономическое развитие деревни. Успехи в восстановлении сельского хозяйства. § 4. Борьба социалистических и капиталистических элементов в торговле и промышленности. § 5. Особенности восстановления народного хозяйства в национальных республиках. § 6. Итоги восстановления народного хозяйства.

Глава IV. Общественно-политическая жизнь страны в 1923—1925 гг. § 1. Политическая обстановка в стране. Смерть Ленина. Ленинский призыв. § 2. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства. § 3. Оживление Советов. Совершенствование государственного аппарата. § 4. Советские вооруженные силы в мирных условиях. Военная реформа. § 5. Классовая борьба в стране. Борьба с буржуазной идеологией. § 6. Рост активности общественных организаций. § 7. Вопрос о победе социализма в одной стране. Поражение антиленинских группировок.

Глава V. Укрепление международного положения СССР. § 1. Борьба Советской республики за нормализацию отношений с капиталистическими странами. Генуэзская и Гаагская конференции. § 2. Установление дипломатических отношений между СССР и основными капиталистическими странами. § 3. Укрепление интернациональных связей в 1921—1925 гг.

Глава VI. Культура и быт народов СССР в 1921—1925 гг. § 1. Улучшение благосостояния трудящихся масс. Изменения в быту рабочих и крестьян. § 2. Борьба за ликвидацию неграмотности. Культурно-просветительная работа среди трудящихся. § 3. Развитие советской школы. § 4. Советская наука в годы восстановления народного хозяйства. § 5. Литература и искусство.

Часть вторая. Развертывание реконструкции народного хозяйства. Борьба за индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства (1926—1932 гг.).

Глава VII. Международное положение СССР в 1926—1932 гг. § 1. Провал антисоветской империалистической кампании в 1926—1929 гг. § 2. Мировой экономический кризис. Новые антисоветские происки международного империализма. § 3. Внешняя политика СССР в 1930—1932 гг. § 4. Рост международной солидарности трудящихся.

Глава VIII. Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства. Борьба за индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. § 1. Советский Союз перед началом социалистической реконструкции. § 2. Курс на социалистическую индустриализацию. Первые успехи индустриализации. § 3. Обострение классовой борьбы в городе. § 4. Разгром троцкистско-зиновьевского блока. § 5. Курс на коллективизацию сельского хозяйства. Сплочение бедноты и середнячества, развертывание наступления на кулачество. § 6. Новые формы смычки города и деревни. Рост колхозного движения в 1928—1929 гг. § 7. Десятилетие Советской власти.

Глава IX. Подготовка и развертывание наступления социализма по всему фронту. § 1. Разработка и принятие первого пятилетнего плана. § 2. Разгром правой оппозиции. § 3. Укрепление Советов в городе и деревне. Активизация советской общественности. § 4. Развертывание массового социалистического соревнования. § 5. Вытеснение частника из промышленности и торговли. § 6. Переход к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Глава X. Великое промышленное строительство. Превращение СССР в индустриальную державу. § 1. Ускорение процесса индустриализации страны. Развертывание капитального строительства. § 2. Мероприятия по улучшению работы промышленности и транспорта и руководства ими. § 3. Борьба за освоение новых производств и новой техники. § 4. Создание кадров квалифицированных рабочих и ИТР. § 5. Рост трудового героизма рабочего класса. Новые формы социалистического соревнования.

Глава XI. Революционный переворот в сельском хозяйстве. § 1. Развертывание сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса. § 2. Победа колхозного строя. § 3. Трудности реорганизационного периода и борьба за их преодоление.

Глава XII. Развитие советских национальных республик в 1926—1932 гг. § 1. Особенности социалистической реконструкции в национальных республиках и областях. § 2. Решающие успехи в преодолении фактического неравенства народов. § 3. Создание новых национальных республик и областей. § 4. Укрепление сотрудничества народов СССР в борьбе за построение социализма.

Глава XIII. Создание экономического фундамента социализма. § 1. Итоги первой пятилетки в области промышленности. § 2. Рост рабочего класса и его качественные изменения. Ликвидация безработицы. § 3. Итоги первой пятилетки в области сельского хозяйства. Возникновение класса колхозного крестьянства. § 4. Укрепление советского общественно-политического строя.

Глава XIV. Культура и быт народов СССР в 1926—1932 гг. § 1. Изменения в быту трудящихся СССР. § 2. Всенародное движение за всеобщую грамотность. § 3. Всеобщее обязательное начальное обучение. § 4. Успехи в области подготовки специалистов. § 5. Развитие советской науки. § 6. Советская литература и искусство. § 7. Культурно-политическое просвещение трудящихся. § 8. Исторические сдвиги в сознании масс.

Часть третья. Завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Победа социализма в СССР (1933—1937 гг.).

Глава XV. Международное положение и внешняя политика СССР в 1933—1937 гг. § 1. Ухудшение международной обстановки. § 2. Борьба СССР за разоружение и коллективную безопасность. § 3. Агрессивные действия империалистических держав. Борьба СССР за обуздание фашистских агрессоров. § 4. Обострение положения на Дальнем Востоке.

Глава XVI. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР и начало его выполнения. § 1. Разработка и принятие второго пятилетнего плана. § 2. Борьба за выполнение второго пятилетнего плана в области промышленности и транспорта в 1933—1934 гг. § 3. Борьба за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов в 1933—1934 гг. § 4. Советское строительство в первые годы второй пятилетки. VII съезд Советов СССР.

Глава XVII. Борьба советского народа за досрочное выполнение плана второй пятилетки. § 1. Борьба за завершение технической реконструкции народного хозяйства. Подготовка квалифицированных кадров рабочего класса. § 2. Возникновение и развитие стахановского движения — нового этапа социалистического соревнования. § 3. Досрочное выполнение второго пятилетнего плана в области промышленности и транспорта. § 4. Новый колхозный устав. Подъем социалистического соревнования в колхозной деревне. Завершение коллективизации в СССР. § 5. Совхозное строительство во второй пятилетке. Развитие производительных сил сельского хозяйства.

Глава XVIII. Культура и быт народов СССР в 1933—1937 гг. Решающие успехи культурной революции в СССР. § 1. Развитие народного благосостояния. § 2. Осуществление всеобщего обязательного обучения. Коренное улучшение работы советской школы. § 3. Достижения высшей школы в подготовке специалистов. Создание народной интеллигенции. § 4. Подъем советской науки. § 5. Развитие культурно-просветительной и политико-воспитательной работы в массах. Советская печать в годы второй пятилетки. § 6. Расцвет советской литературы и искусства.

Глава XIX. Советские национальные республики к концу переходного периода. § 1. Коренные преобразования в национальных республиках в результате победы социализма. § 2. Братское сотрудничество народов СССР и укрепление Советского многонационального государства. § 3. Завершение процесса формирования социалистических наций.

Глава XX. Победа социализма в СССР. Новая Советская Конституция. § 1. Итоги переходной эпохи от капитализма к социализму. § 2. Разработка и принятие новой Конституции СССР — конституции победившего социализма. § 3. Международное значение победы социализма в СССР.

ТОМ IX

СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1938—1945 гг.)

Введение. Историография (обзор советской и зарубежной литературы).

Часть первая. Советский Союз перед Великой Отечественной войной.

Глава I. Международная обстановка и внешняя политика СССР в 1938—1939 гг. § 1. Развязывание новой империалистической войны. Мюнхенская политика, как политика поощрения агрессии. § 2. Борьба СССР против фашизма и империалистической войны.

Глава II. Вступление СССР в новую полосу развития. Третий пятилетний план. § 1. Вступление СССР в эпоху завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Подготовка и принятие плана третьей пятилетки. § 2. Перестройка органов государственного управления и народного хозяйства на основе Советской Конституции. § 3. Рабочий класс в предвоенные годы. § 4. Развитие промышленности и транспорта в первые годы третьей пятилетки. Укрепление экономической и оборонной мощи Советского государства. § 5. Социалистическое сельское хозяйство в 1938—1941 гг. § 6. Идеологическая работа партии в 1938—1941 гг. Дальнейшие успехи советской культуры.

Глава III. Борьба Советского государства за укрепление своей безопасности и обороноспособности в условиях начавшейся второй мировой войны. § 1. Происхождение и характер второй мировой войны. § 2. Социалистическое строительство в новых советских республиках. § 3. Подготовка фашистской Германии к войне против Советского Союза. § 4. Укрепление обороноспособности СССР.

Часть вторая. СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

Глава IV. Начало Великой Отечественной войны. Мобилизация сил советского народа для защиты Родины. § 1. Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по мобилизации всех сил страны на Отечественную войну. § 2. Великий патриотический подъем советского народа. § 3. Военные действия летом и осенью 1941 г. § 4. Организация партизанского движения и борьбы советского народа в тылу врага. § 5. Перестройка жизни страны на военный лад. § 6. Великая Отечественная война Советского Союза и новый этап второй мировой войны. Образование антигитлеровской коалиции.

Глава V. Контрнаступление советских войск под Москвой. Провал гитлеровского плана молниеносной войны. § 1. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. § 2. Общее наступление Красной Армии зимой 1942 г. § 3. Международное значение разгрома немцев под Москвой.

Глава VI. Военные действия летом и осенью 1942 г. Завершение перестройки народного хозяйства. § 1. Боевые действия на фронтах летом и осенью 1942 г. Героическая оборона Сталинграда. § 2. Немецко-фашистский оккупационный режим. Развертывание всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков § 3. Мероприятия по дальнейшей мобилизации сил страны. Завершение перестройки народного хозяйства для обслуживания нужд фронта. § 4. Сплочение советского народа вокруг партии. Патриотическое движение в помощь фронту. § 5. Международное положение к концу 1942 г. Укрепление антигитлеровской коалиции.

Глава VII. Коренной перелом в ходе войны. § 1. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Начало массового изгнания врага с советской земли. § 2. Курская битва. § 3. Партизанское движение в 1943 г. § 4. Коренной перелом в работе советского тыла. § 5. Начало восстановления народного хозяйства в освобожденных от оккупации районах страны. § 6. Рост международного престижа СССР. Начало распада блока фашистских государств.

Глава VIII. Решающие победы Советской Армии и изгнание немецко-фашистских оккупантов с советской территории. § 1. Наступательные действия Советской Армии в первой половине 1944 г. § 2. Всенародная борьба в тылу врага в 1944 г. § 3. Международная военно-политическая обстановка. Открытие второго фронта. § 4. Полное освобождение территории СССР (вторая половина 1944 г.).

Глава IX. Советский тыл на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944—1945 гг.). § 1. Деятельность партийных и государственных органов на завершающем этапе войны. § 2. Промышленность на завершающем этапе войны. § 3. Сельское хозяйство СССР в 1944—1945 гг. § 4. Успехи восстановления народного хозяйства на освобожденной территории Советского Союза. § 5. Начало перестройки народного хозяйства на мирный лад.

Глава X. Культура и наука в 1941—1945 гг. § 1. Идейно-политическая и культурно-воспитательная работа среди трудящихся в годы Великой Отечественной войны. § 2. Вклад советской науки в завоевание победы в Великой Отечественной войне.

§ 3. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. § 4. Литература и искусство на службе Великой Отечественной войны.

Глава XI. Победоносное завершение Великой Отечественной войны. § 1. Военно-политическая обстановка к началу 1945 г. § 2. Освободительная миссия Красной Армии в странах Европы. Борьба народов этих стран против фашистской оккупации и реакционных режимов. § 3. Полный разгром фашистских войск. Окончание войны с Германией. § 4. Потсдамская конференция (июль — август 1945 г.). § 5. Разгром империалистической Японии. Конец мировой войны. § 6. Всемирно-историческое значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

ТОМ X

СССР В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА (1945—1958 гг.)

Введение. Историография (обзор советской и зарубежной литературы).

Часть первая. Послевоенное восстановление народного хозяйства и его дальнейшее развитие в 1945—1953 гг.

Глава I. Коренное изменение соотношения сил социализма и капитализма на мировой арене. Внешняя политика СССР в 1945—1953 гг. § 1. Образование мировой системы социализма. § 2. Углубление общего кризиса капитализма. Развязывание империалистическими государствами «холодной войны» против СССР и стран народной демократии. § 3. Внешняя политика СССР в 1945—1953 гг.

Глава II. Переход Советского Союза к мирному строительству. § 1. СССР к началу мирного периода. § 2. Перестройка работы партийных и государственных органов, общественно-политической жизни страны. § 3. Перевод народного хозяйства на мирные рельсы. § 4. Выборы Верховного Совета СССР второго созыва. Утверждение четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.

Глава III. Общественно-политическая жизнь страны в 1946—1953 гг. § 1. Деятельность Коммунистической партии в 1946—1953 гг. § 2. Деятельность Советов в 1946—1953 гг. § 3. Деятельность профсоюзных, комсомольских и общественных организаций в 1946—1953 гг. § 4. Рост политической активности трудящихся.

Глава IV. Восстановление и дальнейшее развитие промышленности и транспорта в 1946—1953 гг. § 1. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по быстрейшему восстановлению и развитию промышленности и транспорта. § 2. Количественный и качественный рост рабочего класса и руководящих кадров. Трудовой подъем среди работников промышленности и транспорта. § 3. Послевоенное восстановление промышленности и транспорта в освобожденных районах. § 4. Развитие промышленности и транспорта в 1946—1953 гг. § 5. Итоги восстановления и развития промышленности и транспорта в 1946—1953 годах.

Глава V. Сельское хозяйство СССР в 1946—1959 годах. § 1. Задачи и пути восстановления и развития сельского хозяйства. § 2. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства. § 3. Рост и улучшение кадров сельского хозяйства. § 4. Укрепление общественного хозяйства колхозов. Укрупнение колхозов. § 5. Состояние сельского хозяйства к 1953 г. Причины его серьезного отставания. § 6. Социалистическое преобразование сельского хозяйства прибалтийских республик и воссоединенных областей Белорусской ССР, Молдавской ССР и Украинской ССР.

Глава VI. Рост материального благосостояния советского народа в послевоенный период (1945—1953 гг.). § 1. Подъем материального уровня жизни советского народа в 1946—1953 годах. § 2. Развитие советской торговли и рост народного потребления. § 3. Восстановление городов. Улучшение жилищных условий трудящихся СССР. § 4. Развитие здравоохранения, физической культуры и спорта в СССР.

Глава VII. Развитие советской культуры и науки в 1945—1953 гг. § 1. Усиление идеологической, культурно-воспитательной деятельности Коммунистической партии и Советского государства. § 2. Народное образование. Подготовка специалистов. § 3. Развитие советской науки. § 4. Советская литература и искусство в 1946—1952 годах.

Часть вторая. Мощный подъем советской экономики и расцвет социалистической демократии в 1953—1958 гг. Завершение строительства социализма в СССР.

Глава VIII. Международное положение и внешняя политика СССР в 1953—1958 гг. § 1. Дальнейшее изменение соотношения сил между двумя мировыми системами в пользу социализма. § 2. Усиление агрессивности международного империализма во главе с США. Борьба СССР за ослабление международной напряженности, за сохранение и упрочение мира. § 3. Дальнейшее сплочение стран мировой социалистической системы.

Глава IX. Новый этап в развитии социалистической демократии и дальнейшее

укрепление советского государственного строя. § 1. Усиление руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве. XX съезд КПСС. § 2. Дальнейшее упрочение государственного строя. Укрепление социалистической законности. § 3. Расширение прав союзных республик и повышение роли советской автономии в коммунистическом строительстве. § 4. Расширение прав и улучшение деятельности профсоюзов. § 5. Усиление роли комсомола в коммунистическом строительстве и воспитании подрастающего поколения.

Глава X. Новый подъем социалистической промышленности и транспорта в 1953—1958 гг. Борьба за ускорение технического прогресса. § 1. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по обеспечению нового подъема промышленности и транспорта. § 2. Дальнейший количественный и качественный рост рабочего класса и командных кадров. Самоотверженный труд работников промышленности и транспорта. § 3. Дальнейшее развитие промышленности и транспорта в 1953—1958 гг. § 4. Социалистическая промышленность и транспорт к началу семилетки.

Глава XI. Борьба за крутой подъем сельского хозяйства в 1953—1958 гг. § 1. Мероприятия КПСС и Советского государства по обеспечению крутого подъема сельского хозяйства. § 2. Рост трудовой инициативы колхозных масс. § 3. Подъем всех отраслей сельскохозяйственного производства. § 4. Совхозы в 1953—1958 гг. § 5. Упрочение экономических связей между городом и деревней. § 6. Дальнейшее развитие и укрепление колхозного строя. Значение крутого подъема сельского хозяйства в поступательном движении советского общества к коммунизму.

Глава XII. Дальнейшее повышение материального благосостояния советского народа в 1953—1958 гг. § 1. Итоги пятой пятилетки в области подъема материального уровня жизни народа. § 2. Борьба за осуществление директив XX съезда КПСС в области подъема материального уровня жизни советского народа. § 3. Достижения советского здравоохранения и организация отдыха трудящихся в 1953—1958 гг. § 4. Достижения советского спорта и дальнейшее развитие физической культуры в СССР в 1953—1958 гг.

Глава XIII. Расцвет советской культуры и науки в 1953—1958 гг. § 1. Развитие народного образования. Укрепление связи школы с жизнью. § 2. Расширение и улучшение системы подготовки специалистов. § 3. Расцвет советской науки. § 4. Развитие литературы и искусства. § 5. Усиление политико-просветительной работы по коммунистическому воспитанию советского народа.

Схема последнего, XI тома, посвященного периоду развернутого строительства коммунизма в СССР, будет разработана позже.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МНОГОТОМНОЙ ИСТОРИИ СССР

Ф. Д. Кретов

Академия наук СССР приступила к созданию многотомной истории Союза Советских Социалистических Республик. Жизненная необходимость в таком издании назрела давно, и поэтому невозможно переоценить его огромное научно-познавательное, политическое и особенно воспитательное значение в свете разработанной XXI съездом КПСС программы развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

Надо сказать, что в настоящее время советская историческая наука имеет все необходимые условия для успешного выполнения в сравнительно короткий срок столь важной патриотической задачи. За годы Советской власти под руководством Коммунистической партии Советского Союза выросли и окрепли многочисленные кадры историков—марксистов-ленинцев. Сложилась разветвленная и уже хорошо проявившая себя в практических делах сеть исторических институтов и кафедр высших учебных заведений, архивных учреждений, музеев во всех союзных и автономных республиках, национальных областях и районах страны.

В настоящее время созданы курсы не только истории СССР в целом, но и отдельных союзных и автономных республик. Близится к завершению издание многотомной «Всемирной истории», в которой факты из прошлого народов нашей страны занимают видное место. Вышла в свет серия «Очерков истории СССР», охватывающая период с древнейших времен до конца XVIII века. Нашим исследователям ныне широко доступны огромные богатства многочисленных архивохранилищ страны. Уже накоплен богатый опыт написания коллективных обобщающих трудов по отдельным разделам истории СССР. Об этом свидетельствуют, например, пятитомная «История гражданской войны» и вышедший в свет первый том «Истории Великой Отечественной войны». Советская историческая наука располагает также значительным числом монографий и ценных публикаций документов и материалов по самым различным периодам и вопросам отечественной истории. Наличие широкой источниковедческой и историографической базы дает возможность, творчески применяя теорию исторического материализма и умело используя имеющиеся научные силы, создать к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции многотомную «Историю СССР».

В настоящей статье в порядке предварительной постановки излагаются некоторые соображения по вопросам, относящимся к предмету и содержанию истории СССР.

★

История СССР — это история всех народов нашей страны; в ней история русского народа не может быть оторвана от истории других народов СССР, и, наоборот, история народов СССР — от истории русского народа.

История народов СССР уходит далеко в глубь веков. В течение многих столетий наши предки — предки всех современных народов и народностей СССР — созидали нашу Родину в жесточайшей борьбе с природой, со «своими» и «чужими» эксплуататорскими классами.

25 октября (7 ноября) 1917 г. российский пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством Коммунистической партии освободил наконец народы и народности России от социального и национального рабства, а в декабре 1922 г. они оформили свое добровольное объединение в Союз Советских Социалистических Республик.

Советскими историками давно признано, что история нашей Родины включает в себя историю всех народов СССР. Поэтому может даже показаться, что напоминание об этом излишне. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что практически очень трудно обеспечить именно такой подход к изложению истории СССР.

Впервые серьезный шаг в этом направлении был сделан авторами учебника по истории СССР для исторических факультетов университетов и педагогических институтов, первый том которого вышел в 1939 г., а второй — в 1940 году. Сравнительно лучше справились с указанной выше задачей авторы первого тома; меньше удалось это авторскому коллективу второго тома. Однако в целом в учебнике, по нашему мнению, история народов СССР излагается еще не так, как мы ее себе представляем и как, видимо, представляют ее сами авторы учебника, которые во введении к нему писали, что «в учебнике истории СССР история русского народа должна быть дана в тесной связи с историей других народов нашей Родины» [1]. Последовавшие затем два переиздания учебника мало что изменили в его содержании. Авторам обоих томов учебника не удалось показать историю других народов нашей Родины в тесной связи с историей русского народа. Вероятно, это объяснялось главным образом тем, что в период, когда готовились оба тома учебника, не было еще накоплено достаточных знаний по истории народов СССР и еще не окрепли кадры историков в ряде национальных республик и областей.

Что же касается третьего тома вузовского учебника истории СССР, которым является вышедшее в свет в 1957 г. учебное пособие «История СССР. Эпоха социализма», то его авторы, как нам представляется, вообще ушли от задачи изложить историю Советского Союза как историю всех народов, составляющих великий, многонациональный советский народ. Надо признать, что авторам этого тома, не в пример авторам первых двух томов, было особенно трудно осуществить такой подход к истории СССР, результатом которого было бы написание действительной гражданской истории всех народов нашей многонациональной Родины, навеки сплотившихся в борьбе за построение самого справедливого и совершенного общества на земле. Но трудно — совсем не значит невозможно. Тем более это верно теперь, когда накоплен богатый опыт работы над учебными пособиями по истории СССР и когда советские историки значительно обогатили свои знания по истории всех народов нашего социалистического отечества.

Здесь по необходимости был приведен пример с вузовским учебником по истории СССР. Однако то же самое можно было бы сказать и о других обобщающих работах по различным периодам отечественной истории.

Все народы и народности СССР, как и другие народы мира, имеют свою историю. Все они творили ее, внося определенный вклад в развитие общества. Деление народов на «исторические» и «неисторические» чуждо советским историкам, они решительно выступают против признания права на историю только за отдельными народами. С подлинно научным пониманием истории вообще несовместимо выпячивание каких-

[1] «История СССР». Т. I. С древнейших времен до 1861 года. М. 1956, стр. 9.

то «избранных» народов в качестве единственных субъектов исторического процесса и изображение всех остальных народов только в качестве объектов «цивилизаторского» воздействия со стороны «избранных» народов. Такого рода взгляды являются отражением расизма и великодержавного шовинизма в историографии. В противоположность антигуманистическим, каннибальским бредням фальсификаторов науки наши историки исходят из неоспоримого положения: все народы были и являются творцами собственной истории. Поэтому прошлое всех народов СССР, как нам кажется, должно быть представлено в многотомной истории СССР не постольку лишь, поскольку они когда-то сделались объектами захватнической политики и грабительских войн русских помещиков и капиталистов, но прежде всего как творцы собственного исторического бытия. Отсюда, в свою очередь, следует, что история каждого народа СССР должна включаться в общую историю СССР не с того момента, когда он вошел в состав Российской империи, а со времени своего появления на исторической арене.

Исходя из принципов марксистско-ленинской исторической науки, советские ученые изучают историю всех народов СССР. Наши историки не игнорируют историю существовавших в прошлом государств, в составе которых оказались те или иные народы, населявшие тогда территорию нашей страны (например, государств Чингис-хана или Тамерлана). Они не рассматривают их как нечто внешнее и постороннее по отношению к истории народов СССР. Без истории этих государств нельзя дать объективно полную и правдивую историю народов СССР. При этом необходимо помнить, что все цари, султаны, ханы, князья и другие правители независимо от цвета их кожи и национальной принадлежности всегда представляли в первую очередь интересы господствующих классов. При рассмотрении их деятельности советский историк руководствуется единственно правильным классовым подходом. Этот основной принцип не мешает, однако, в необходимых случаях показывать прогрессивную, с точки зрения истории, роль тех или иных правителей в жизни народов, в создании и укреплении национальных государств, в экономическом и культурном развитии страны и т. п.

История СССР, конечно, должна быть совершенно свободна от необъективного и тенденциозного подхода к освещению различных сторон исторического процесса у отдельных народов Советского Союза. Недостатки такого рода еще встречаются в нашей исторической литературе. Например, в литературе по истории казахского народа не так давно допускались серьезные ошибки, выражавшиеся в идеализации патриархально-феодального прошлого, в недооценке прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, в неправильной трактовке реакционных, феодально-монархических движений и т. д. Правда, за последнее время проделана немалая работа по исправлению подобных ошибок, о чем свидетельствует хотя бы вышедший в 1957 г. первый том «Истории Казахской ССР», получивший в основном положительную оценку научной общественности и партийной печати.

Но достигнутыми в этой области успехами нельзя довольствоваться, так как еще и поныне встречаются историки, склонные преувеличивать значение национальной специфики в ущерб действительной роли общих закономерностей, в силу которых развивается процесс сближения социалистических наций Советского Союза. Ошибки буржуазно-националистического характера были вскрыты в 1959 г. в работах ряда азербайджанских историков, которые допускали искажения исторических фактов для того, чтобы «подкрепить» свои неправильные взгляды. Увлекшись подчеркиванием национальных моментов, эти историки фактически отошли от принципа пролетарского интернационализма при изучении рабочего движения, исказив, например, историю организации «Гуммет». Имела место и необъективность в освещении роли отдельных деятелей

революционного движения. Вместе с тем проявлялось стремление идеализировать явления прошлого, неверно изображать уровень социально-экономического развития дореволюционного Азербайджана, что объективно вело к умалению величайших успехов, достигнутых Коммунистической партией Советского Союза в осуществлении ленинской национальной политики в нашей стране, и наносило ущерб делу интернационального воспитания трудящихся. Издательства Грузинской ССР также выпустили за последние годы книги, в которых прошлое трактуется в ряде случаев совершенно неправильно, а дофеодальный и феодальный периоды в истории Грузии идеализируются. «Необходимо,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»,— вести непримиримую борьбу против проявлений буржуазного национализма, тенденций к идеализации и затушевыванию социальных противоречий прошлого, к извращению подлинной истории той или иной нации и ее взаимоотношений с другими народами СССР, против отдельных проявлений национальной замкнутости и исключительности» [2].

При освещении противоречий, конфликтов и вооруженных столкновений между народами нашей страны, имевших место в дореволюционное время, нельзя забывать, что все эти и подобные им явления были делом рук эксплуататорских классов, а не самих народов. Поэтому не может быть надклассовой, абстрактной постановки вопроса о «врагах» или «друзьях» того или иного народа. Во всех случаях подход к событиям прошлого должен быть конкретно-историческим, пролетарско-интернационалистским. Симпатии историка-марксиста всегда на стороне угнетенных и порабощенных народов, боровшихся или борющихся против иноземных поработителей, и поэтому героическая борьба каждого народа СССР против разбойничьих, агрессивных нападений и захватнических нашествий одинаково важна и дорога для советских историков. Вместе с тем они должны видеть и правильно характеризовать подлинно историческое значение отдельных империй. Например, о России Ф. Энгельс писал, как известно, что она «действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [3]. Но самое главное, что надо иметь в виду,— это те неоценимые всемирно-исторические преимущества, которые получили народы СССР с победой Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной русским пролетариатом в союзе с трудящимися массами угнетенных народов России под руководством Коммунистической партии.

Последовательное соблюдение изложенных выше положений, как нам представляется, поможет создать такую многотомную историю народов СССР, в которой все они найдут подлинно научное освещение своего прошлого. Выполняя благородную задачу написания именно такого обобщающего труда по истории нашей Родины, авторы его обязаны проявлять величайшую чуткость и братское внимание к национальным чувствам и особенностям каждого народа. Признавая и отстаивая в борьбе с расистскими мракобесами и шовинистами право всех народов и народностей на свою историю, советские ученые отнюдь не считают одинаковой роль всех народов и народностей в истории. Как показывает изучение процесса развития человеческого общества, место, занимаемое разными народами и народностями в истории, весьма различно. Это в особенности касается их роли в развитии материальных производительных сил, техники, науки, искусства и литературы, социальной и национально-освободительной борьбы и т. п. Даже одни и те же народы

---

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV. Изд. седьмое. М. 1960, стр. 601.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

на разных этапах истории играли далеко не одинаковую роль. Указанные различия обусловлены рядом факторов и обстоятельств, подлежащих специальному исследованию.

Русский народ, как известно, сравнительно давно занял видное место в истории человечества. Благодаря своему героическому рабочему классу и возглавляющей его великой Коммунистической партии он стал после победы социалистической революции первым среди равных народов СССР и вместе с ними идет теперь в авангарде всего прогрессивного человечества. Под руководством рабочего класса и его партии русский народ поднял знамя социального и национального освобождения угнетенных во всем мире, показав образец братского содружества с народами своей страны, и впервые в истории построил вместе с ними социализм на одной шестой части земного шара. Поэтому, если советский историк действительно желает показать историю русского народа во всем ее величии, не следует сводить историю СССР к истории одной только Руси, надо показать историю русского народа в теснейшей органической связи с историей всех других народов СССР, всячески при этом подчеркивая то, что сближало их между собой.

В многотомной истории СССР прошлое всех народов нашей Родины, независимо от их численности, «возраста» и роли в истории, обязательно должно, по нашему мнению, получить свое отражение. Это, конечно, не означает, что в указанном обобщающем труде надо «стричь» историю всех народов СССР «под одну гребенку». Задача издания заключается, по-видимому, в том, чтобы показать прошлое народов СССР сообразно с ролью каждого из них и с тем конкретным местом, которое они занимали в историческом процессе. Такой принцип отбора исторических фактов дает возможность установить наиболее правильные пропорции в изложении истории отдельных народов и самую структуру создаваемого многотомника. Например, древней Армении, средневековой Грузии или Хорезму должно быть отведено такое место, которое соответствовало бы их действительной роли в истории народов нашей страны, подобно тому как это принято сейчас делать в отношении Киевской Руси или Московского великого княжества. Необходимо, следовательно, в полном соответствии с правильно понятой исторической перспективой воспроизводить роль всех народов СССР в каждую данную эпоху, сообразно с этим определять место каждого из них в истории СССР и таким образом устанавливать пропорции при распределении материала в многотомном издании.

Подлинно научная история человеческого общества является глубоко интернациональной областью научного исследования. Поэтому создаваемый капитальный труд по истории нашей страны должен строиться таким образом, чтобы знакомство с ним культивировало в массах идею объединения, побуждало их к дальнейшему сплочению, всячески способствовало укреплению дружбы и сотрудничества между народами. Это тем более важно отметить, что не только в отдельных работах наших историков, но даже «в некоторых партийных организациях,— как отмечал ЦК КПСС в своем постановлении «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»,— не придается должного значения вопросам воспитания трудящихся в духе социалистического интернационализма, нерушимой, постоянно крепнущей дружбы народов, непримиримости к пережиткам буржуазного национализма, к восстановлению и искусственному насаждению под маркой «национальных традиций» отсталых, реакционных обычаев и нравов, к малейшим попыткам противопоставления ложно понятых местных «интересов» общим интересам борьбы советского народа за коммунизм» [4].

---

[4] «КПСС в резолюциях и решениях...». Ч. IV, стр. 594.

В многотомной истории СССР, как нам представляется, следует излагать историю русского и других народов в тесной взаимосвязи, не отрывая историю каждого народа от истории всех остальных народов СССР. Советский Союз есть союз равных, призванный обеспечить свободное развитие всех национальных республик; он является совершенно новой формой сотрудничества народов в рамках единого союзного государства. Поэтому в многотомной истории СССР материал следует отбирать, по нашему мнению, таким образом, чтобы обеспечивалось полное отражение не только общего хода исторического развития нашей страны в целом, но и особенностей исторического пути, пройденного каждым народом и народностью СССР, начиная с древнейших времен и кончая сегодняшним днем. «Нас касается всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа... Мы, коммунисты,— непримиримые принципиальные противники буржуазного национализма во всех его разновидностях. Но мы не сторонники национального нигилизма и никогда не должны выступать в качестве таковых. Задача воспитания рабочих и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма — это одна из основных задач всякой коммунистической партии. Но тот, кто думает, что это позволяет ему и даже заставляет плевать на все национальные чувства широких трудящихся масс, тот далек от подлинного большевизма...»[5].

Выявление взаимной связи истории всех народов СССР имеет огромное политическое и научное значение. Исследуя и раскрывая ход событий, оказывавших определенное влияние на развитие отдельных народов СССР, историк может выяснить существенно важные причины того или другого исторического явления, без чего зачастую совершенно невозможно расшифровать некоторые «белые пятна» исторического процесса в целом. Однако постановка вопроса о взаимной связи истории народов СССР абсолютно исключает чисто механическое сцепление фактов прошлого разных народов СССР по синхронистическому или какому-либо иному принципу. В многотомной истории СССР следует со всей полнотой раскрыть действительную причинную связь и взаимную обусловленность истории всех народов СССР.

Вместе с тем история СССР не должна отрываться от мировой истории, составной частью которой она является. Между отдельными событиями мировой истории и истории СССР существует реальная причинная взаимосвязь. Главной тенденцией развития человеческого общества, как известно, является тенденция к интернациональному братству и единству всех народов земли, а Советский Союз представляет собой вдохновляющий пример такого братства и единства. Поэтому если нельзя правильно понять и научно объяснить историю какого-либо народа СССР вне связи с историей русского и других народов СССР, то историю СССР, в свою очередь, нельзя правильно понять и научно объяснить без связи с мировой историей. Эту связь надо учитывать конкретно, как она сложилась на каждой данной ступени исторического развития. Только исследуя и раскрывая связь истории СССР с мировой историей, можно выявить истинную роль народов СССР в мировой истории, их вклад в общечеловеческую культуру, то есть показать на протяжении всей истории действительную силу и характер взаимодействия народов мира и народов СССР и таким образом выяснить, почему СССР стал ныне подлинным центром мира и авангардом, вокруг которого сплачивается все передовое человечество.

«Советский Союз первым в истории прокладывает путь к коммунизму для всего человечества,— говорится в Заявлении Совещания пред-

---

[5] Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. М. 1935, стр. 77.

ставителей коммунистических и рабочих партий.— Он является самым ярким примером и самым могущественным оплотом для народов всего мира в их борьбе за мир, демократические свободы, национальную независимость, социальный прогресс»[6].

Чтобы создать научную многотомную историю СССР, необходимо, как нам кажется, покончить с пережитками европоцентризма, стремящегося свести мировую историю к событиям, имевшим место только в Европе, игнорируя историю Востока. Между тем без знания последней нельзя правильно понять и объяснить многие факты из истории народов СССР. Известно, что когда народы Востока имели уже высокоразвитую культуру, население Западной Европы находилось еще на очень ранних ступенях общественного развития. Уже в глубокой древности история многих народов СССР была тесно связана с историей Востока. Потом начали подниматься народы Западной Европы, с историей которых также связано прошлое многих народов СССР. Таким образом, народы СССР оказались как бы на стыке между Западом и Востоком. Отсюда ясно, что нельзя сводить связь истории народов СССР с мировой историей к связи с одной только европейской историей и недооценивать связь с историей Востока. Следует изучать эти связи такими, какими они были в действительности в каждую данную эпоху, не забывая при этом об огромном политическом значении Востока в наше время, когда он стал могучим фактором мирового прогресса.

При этом хотелось бы особо подчеркнуть, что решение вопроса о связи истории народов СССР с мировой историей в многотомнике ни в коем случае не должно сводиться к приведению лишь некоторых общих сведений из мировой истории в целях создания так называемого фона или сравнительно-исторического рассмотрения некоторых проблем. Необходимо вскрыть подлинную взаимосвязь фактов и событий истории СССР и мировой истории, чтобы объяснить полно и всесторонне все перипетии исторического прошлого народов СССР. Лишь при исследовании не только внутренних, но и внешних причин тех или иных явлений можно добиться правдивого освещения истории народов СССР. Этим, на наш взгляд, определяется и подход к установлению пропорции при распределении материалов отечественной и всемирной истории в многотомном издании по истории СССР. Главное место в нем, конечно, займет собственно история СССР, а факты всемирной истории должны привлекаться в качестве одного из важнейших источников для более полного познания сущности многих явлений в истории народов нашей страны. Нарушение этого принципа может привести к извращению подлинной истории СССР.

Основной движущей пружиной истории народов СССР в период существования антагонистических формаций в нашей стране была классовая борьба. Как показывают исторические факты, в условиях антагонистических обществ ответственность за рознь, взаимное недоверие и вражду между народами несут не народы, а эксплуататорские классы, господствовавшие над ними. Главенствующим по отношению к иным народам был в далеком прошлом не один русский народ, в такой роли выступали на различных этапах истории и другие народы (например, татаро-монголы, поляки и т. д.). Указанные явления необходимо тщательно изучить, чтобы отчетливо представить себе происхождение великодержавного шовинизма и местного национализма и тем самым способствовать окончательной ликвидации подобных пережитков.

[6] «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», Госполитиздат, 1960, стр. 15—16.

Сложившееся в ходе истории объединение народов СССР в рамках единого государства, развитие их взаимных связей и братского содружества, их нынешняя роль в жизни человечества исторически обусловлены. В прошлом существовало довольно много внутренне слабо связанных конгломератов, в состав которых входили и отдельные народы нашей страны (греко-македонское государство Александра Великого или державы Чингис-хана и Тамерлана и т. д.). Это были насильственные, а поэтому нежизненные комбинации и соединения народов. Советский Союз является добровольным союзом, братским единством освобожденных от национального гнета и эксплуатации народов. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий указано, что «в многонациональных социалистических государствах сформировался и окреп нерушимый союз трудящихся всех национальностей. Торжество марксистско-ленинской национальной политики в странах социализма, подлинное равноправие национальностей, подъем их экономики и культуры служат вдохновляющим примером для народов, ведущих борьбу против национального угнетения»[7].

В эпоху капитализма в развитии человечества обнаруживаются две противоположные тенденции: одна из них ведет к раздроблению, взаимному отчуждению и обособлению народов; другая — к уничтожению их замкнутости, к хозяйственному и культурному сближению между ними, к объединению громадных территорий в одно целое, в чем находит отражение определенный рост производительных сил и обмена. Наибольшего развития эта вторая тенденция достигает, когда складывается и быстро растет мировой рынок, получает широкое распространение вывоз капитала и пр., благодаря чему народы мира связываются узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Отражая объективные потребности развития производительных сил, этот процесс является прогрессивным. Но указанная тенденция развивалась и развивается в условиях капитализма в таких формах и такими методами, которые не соответствуют, противоречат ее историческому объективно-прогрессивному содержанию. Она развивалась и развивается не путем добровольного сотрудничества народов, а путем насилия и опустошительных войн, угнетения и эксплуатации порабощенных народов господствующими классами империалистических держав. Бесчисленные грабежи и захваты, иноземный гнет и неравноправное положение различных народов, борьба так называемых «цивилизованных» народов и наций между собою за господство над «варварами» — вот суть тех форм и методов, которыми осуществлялась и осуществляется при капитализме тенденция к объединению.

Наряду с развитием таких методов и форм объединения развивалось и развивается стремление к их уничтожению, стремление, которое достигло огромной силы в современную эпоху. Оно выражается в нарастающем возмущении угнетенных масс против империалистических форм объединения и сводится к требованию объединить народы на началах сотрудничества и полного равноправия. Эта великая историческая тенденция была и остается прогрессивной.

Непримиримое противоречие между указанными выше тенденциями и борьба между ними являются коренной причиной внутренней несостоятельности и органической неустойчивости многонациональных буржуазных государств и колониальных империй. Признание объективно существующего и постоянно развивающегося процесса такой борьбы непосредственно подводит историков, в частности, к выяснению подлинных истоков и конкретных условий национально-освободительного движения народов нашей страны в прошлом, а также дает возможность по-

---

[7] Там же, стр. 17.

нять и в полной мере учесть значение таких исторических явлений, как своеобразный процесс образования в России многонационального государства; оттеснение в нем народов и народностей, не успевших еще консолидироваться в нации; взбудораживание этих народов и приведение их в движение в связи с развитием капитализма; зарождение и усиленное развитие «национальных чувств» и «национальных идей» у оттесненных народов; препятствия на пути развития их в самостоятельные государства; конкретно-исторические причины и условия создания глубокого экономического, политического и культурного неравенства народов Российской империи (в том числе и в особенности роль русского царизма, помещиков и капиталистов).

Многонациональные государства, построенные на господстве эксплуататорских классов главенствующей над остальными народами нации, представляют собой широкую арену национального гнета и национальных движений. Всякая попытка «уравнять» нации или как-то «оградить» от гнета национальные меньшинства в условиях существования частной собственности на орудия и средства производства и классового неравенства обречена на провал и неминуемо приводит к еще большему обострению национальных столкновений. Поучительны в данной связи уроки того периода истории России, который начался с победой Февральской буржуазно-демократической революции, когда зародились такие буржуазно-националистические организации, как «Национальные советы» (в Латвии, Эстонии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и на Среднем Поволжье), «Курултаи» (в Крыму и Башкирии), «Автономное правительство» (в Туркестане) и другие «общенациональные» институты, вокруг которых национальная буржуазия собирала свои силы и при помощи которых она добивалась образования национальных буржуазных государств с тем, чтобы обеспечить только для себя право эксплуатации трудящихся «своей» национальности. Дальнейшее развитие революции, конечно, не входило и не могло входить в расчеты всех этих буржуазно-националистических институтов, так как оно противоречило коренным интересам национальной буржуазии.

Однако как только образовавшиеся на окраинах «общенациональные» институты стали проявлять тенденцию к самостоятельности, они встретили противодействие со стороны империалистического Временного правительства России. В то же время национальная буржуазия, утверждая свою власть, оставалась глухой к коренным интересам «своих» рабочих и крестьян, что вызывало среди последних ропот и недовольство. В этих условиях становилось очевидным, что освобождение угнетенных национальностей России и действительное уничтожение национального гнета были немыслимы без разрыва с империализмом, без свержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими массами. Все это, вместе взятое, исчерпывающе объясняет роль Великой Октябрьской социалистической революции как освободительницы народов нашей страны от национального гнета.

Самыми последовательными и активными борцами против иноземных насильников и угнетателей всегда являлись трудящиеся. Так как борьба за независимость, национально-освободительная борьба были связаны и переплетались с социально-освободительной борьбой, то эксплуататорские классы во время глубоких «внутренних кризисов», смертельно опасных для них «социальных потрясений» всегда становились изменниками и предателями «своих» народов и «своих» отечеств. «...Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции по-

казывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»[8].

Великая Октябрьская социалистическая революция, победив в центре, прошла триумфальным маршем по всей стране. Но на окраинах она натолкнулась на бешеное сопротивление образовавшихся еще до Октября «национальных советов» и «областных правительств». Последние подняли мятеж против власти рабочих и крестьян, против Советского правительства и создали многочисленные очаги контрреволюции, что привело к дальнейшему разжиганию гражданской войны, начатой свергнутыми в России эксплуататорскими классами. Но против «национальных советов» и «областных правительств» на окраинах, против этих буржуазных по своей классовой природе учреждений выступили рабочие и крестьяне местных национальностей, возглавляемые своими революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Рабочие и крестьяне местных национальностей и окраинных областей никогда не разрывали связей со своими русскими братьями, добивались победы над «своей» буржуазией и боролись за торжество социализма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции упрочила союз рабочих и крестьян окраин и Центральной России. А война так называемых «национальных правительств» с Советской властью вызвала открытое восстание трудящихся против этих «правительств». Разбитые наголову «национальные правительства», как известно, поспешили обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада. В результате началась полоса иностранного вмешательства в дела нашей страны и оккупация ряда ее областей. Тем самым были лишний раз разоблачены продажность и контрреволюционный характер «национальных» и «областных правительств». Социалистический союз рабочих и крестьян всей России, сложившийся в ходе борьбы против контрреволюционного блока русских капиталистов и помещиков, эксплуататорских классов и национально-буржуазных «правительств» окраин России и мирового империализма, был одним из самых важных факторов, обеспечивших решительную победу советского народа в гражданской войне и социалистическом строительстве.

Великая Октябрьская социалистическая революция не только освободила от национального гнета народы нашей страны, не только уничтожила «тюрьму народов», но и создала почву для их сплочения, наметила основные линии объединения народов в единое союзное государство. В начальный период революции, когда трудящиеся массы ранее угнетенных национальностей почувствовали себя самостоятельными величинами, а угроза иностранной военной интервенции пока что не представляла реальной опасности, сотрудничество народов не имело еще строго установившейся формы. Но в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда интересы военной защиты национальных советских республик выступили на первый план, сотрудничество приняло форму военно-политического союза. После победоносного завершения гражданской войны и полного изгнания интервентов, когда вопросы восстановления разрушенных войной производительных сил выдвинулись на передний план, военно-политический союз, как известно, был дополнен союзом хозяйственным. Претворение в жизнь ленинской идеи объединения национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик явилось новым этапом в развитии сотрудничества, принявшего на этот раз характер экономического и политического объединения народов в едином многонациональном Советском государстве. Образование Союза ССР увенчало великое дело добровольного объединения и создания нерушимой дружбы народов России.

Процесс сплочения народов нашей страны и расцвет союзного госу-

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 9.

дарства обеспечивается правильной национальной политикой Коммунистической партии Советского Союза. «В своей национальной политике партия исходила и исходит из указания великого Ленина о том, что «только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие...» (Соч., т. 33, стр. 349). Нашей партии удалось устранить взаимное недоверие, существовавшее между народами царской России, соединить все народы Советского Союза узами братской дружбы именно потому, что она всегда проявляла глубокое внимание к интересам этих народов, к их национальным особенностям и чаяниям, сочетая это с воспитанием трудящихся всех национальностей в духе социалистической общности, заботы об общегосударственных интересах. В результате ранее угнетенные и отсталые нации старой России достигли огромных успехов в своем развитии и заняли равноправное место в дружной семье народов Советского Союза» [9].

Многотомная история СССР как подлинно научная история должна показывать действительный ход исторического процесса. Для этого, как нам представляется, необходимо, с одной стороны, вести борьбу против возможных рецидивов пустого, метафизического социологизирования в связи с недостаточным знанием фактической истории; а с другой — полностью и до конца преодолеть ползучий эмпиризм, являющийся очень удобным прикрытием для противников марксистско-ленинской исторической науки. Известно, что исторический материализм рассматривает общество «как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития». С точки зрения марксизма-ленинизма в этом отношении «все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций» [10].

Социологизаторы или схематисты, извращая и выхолащивая сущность учения об общественно-экономической формации, пренебрежительно относятся к анализу фактов действительной истории. Ф. Энгельс по этому поводу саркастически говорил, что «материалистическое понимание истории имеет теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать истории. ...Наше понимание истории,— разъяснял Ф. Энгельс,— есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства» [11]. Реальная, живая история делается людьми и совершается в соответствии с объективными законами общественного развития. Поэтому она необыкновенно богата содержанием и представляет собой поразительно яркую картину жизни, действия.

Расположение материала в создаваемой многотомной истории СССР должно строиться в строго хронологическом порядке, чтобы обеспечить последовательное и связное изложение исторических событий с показом при этом живых людей, народных масс как творцов истории. Это требование может быть осуществлено лишь при научной периодизации истории СССР, которая отражает процесс возникновения, развития и гибели данной общественно-экономической формации и замену ее другой, более прогрессивной. При этом в качестве отправного пункта при из-

[9] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М. 1956, стр. 101.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 148.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 232, 233.

ложении материала должна служить история того народа, который достиг в своем развитии в каждую данную эпоху наиболее передовой общественно-экономической формации и который оказывает определяющее влияние на жизнь и судьбы других народов. В установленный по такому принципу раздел следует включить историю не только этого народа, но и всех остальных народов СССР, независимо от уровня их развития, руководствуясь существовавшими в изучаемое время конкретно-историческими отношениями и связями. Такая периодизация могла бы обеспечить воспроизведение реальной истории народов СССР с показом неравномерности их развития, яркой картины социальных противоречий и своеобразных условий их жизни. В этой связи приобретает важное научное значение вопрос о том, с изложения прошлого каких народов следует начинать многотомную историю СССР. При решении указанной проблемы необходимо помнить, что первые государственные образования на территории СССР возникли не в Восточной Европе, а в Средней Азии и Закавказье.

Многотомная история СССР немыслима без показа этногенеза народов СССР. Между тем советские антропологи, этнографы и историки, как нам кажется, еще очень мало работают в этом направлении. Здесь предстоит: в международном плане — дать сокрушительный отпор современным мракобесам и полностью разоблачить их расистские теории; во внутреннем плане — выявить и разгромить националистические пережитки, чтобы поднять еще выше дело интернационального воспитания советского народа. Для решения этих задач нет более убедительного материала, чем факты из истории народов СССР. Они наглядно показывают, что общее развитие ведет не к раздроблению и разъединению, а к объединению человечества, к преодолению расовых и национальных перегородок. Проблему этногенеза народов СССР невозможно разрешить без обстоятельного изучения и учета взаимной связи, существовавшей между разными народами СССР, а также между ними и другими народами Востока и Запада.

Многотомная история СССР должна строиться таким образом, чтобы в ней был отображен процесс формирования наций. В России этот процесс протекал, например, не так, как в Англии или во Франции. Там образование наций совпало по времени с созданием централизованных государств, там нации приобрели государственную оболочку, развились в рамках самостоятельных буржуазных национальных государств. На Руси в силу особой исторической обстановки раньше образовалось централизованное государство, а потом уже произошла ликвидация феодализма, развился капитализм и образовались нации. В России сложилось многонациональное государство, в котором роль объединителя сыграла сильная и организованная русская дворянская военная бюрократия. Другие народы и народности, оттесненные русскими господствующими классами, не успели консолидироваться в нации, у них этот процесс настолько растянулся, что большинство из них оформилось уже в социалистические нации благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции под руководством и при самой энергичной поддержке русского рабочего класса. Пролетарская революция освободила в нашей стране и возродила к самостоятельной жизни большое число наций, национальных групп и народностей; она дала им совершенно новое направление в историческом развитии, приобщив их к более высокой культуре.

Таким образом, Великая Октябрьская социалистическая революция не уменьшила, а увеличила количество наций, на протяжении сравнительно короткого периода времени выдвинув на политическую арену, разбудив к новой жизни ряд новых национальностей. Однако этот факт не противоречит общей тенденции развития интернационального единства трудящихся. В условиях победившего социализма национальные

культуры должны развиться настолько, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру [12]. Но это совершится лишь после того, как все человечество перешагнет порог коммунизма.

Многотомная история СССР должна, следовательно, отобразить процесс образования социалистических наций, показывая невиданный расцвет культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, памятуя при этом, что «социализм не только не уничтожает национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей. Поэтому мы обязаны не пренебрегать этими особенностями и различиями, а учитывать их самым внимательным образом во всей своей практической работе по руководству хозяйственным и культурным строительством» [13].

Согласно учению марксизма-ленинизма, люди делают историю потому, что они производят — и к тому же определенным способом — свою жизнь. Совокупность материальных, жизненных отношений есть гражданское общество, представляющее собою во все времена основу социальных, политических и духовных процессов жизни. Поэтому истинную арену истории представляет гражданское общество. И сама история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое использует переданные ему предшественниками производительные силы и производственные отношения. Это значит, что каждое новое поколение, с одной стороны, продолжает деятельность своих предшественников, а с другой — видоизменяет старую обстановку. Только при таком понимании истории представляется возможным научно объяснить и показать процесс развития таких элементов человеческой культуры, как техника, наука, искусство и т. п. До сих пор эта сторона человеческой деятельности выделялась в особую область исторического исследования и освещалась до известной степени изолированно от гражданской истории. Но нам нужна такая многотомная история СССР, которая бы соответствовала всем требованиям настоящей гражданской истории, охватывала все стороны конкретно-исторической жизни каждого народа, показывала одновременно и в органической связи развитие культуры каждого народа и всей нашей страны в целом, развитие науки, техники, искусства и т. п. с древнейших времен до наших дней, которая давала бы современным и грядущим поколениям достаточно полное представление о всех сокровищах культуры, полученных в наследство от прошлого. Создать такую историю СССР нельзя без кропотливой работы по изучению и отбору наследства, без чуткого и бережного отношения даже к малейшему вкладу любого народа СССР в мировую культуру.

---

[12] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 12, стр. 369; т. 13, стр. 5.

[13] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 104.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖКОЛХОЗНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

П. И. Климов

Развернутое строительство коммунизма в нашей стране выдвигает перед советской исторической наукой ряд больших научных проблем. Одной из таких проблем, представляющих серьезный научный и практический интерес, является вопрос о путях развития колхозно-кооперативной собственности. Эти пути на основе теоретического обобщения практики коммунистического строительства и опыта передовых колхозов были определены XXI съездом КПСС.

Важное значение в повышении колхозной собственности до уровня общенародной имеет развитие межколхозных производственных связей. Коммунистическая партия и Советское правительство всемерно укрепляют эти связи, видя в них элементы перерастания колхозно-кооперативной собственности в общенародную собственность.

Межколхозные производственные связи зародились в довоенный период, но широкое распространение они получили после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. С каждым годом эти связи расширяются и совершенствуются. Этот процесс будет продолжаться во все более широких масштабах и в будущем.

На роль межколхозных производственных связей в сближении двух форм социалистической собственности было специально обращено внимание в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС [1], в выступлениях ряда делегатов и в решениях съезда. «Намечаемая программа дальнейшего развития сельского хозяйства,— говорится в резолюции съезда,— будет сопровождаться совершенствованием социалистических производственных отношений, сближением двух форм социалистической собственности — колхозной и общенародной. Это проявится в дальнейшем развитии колхозного строя, в росте производственных фондов, увеличении неделимых фондов колхозов и правильном их использовании, расширении межколхозных производственных связей по линии совместной организации промышленных, строительных и других хозяйственных предприятий, совместного строительства электростанций, дорог, оросительных и осушительных систем, предприятий по переработке и хранению сельскохозяйственных продуктов, школ, особенно школ-интернатов, домов для престарелых, больниц, клубов» [2].

История возникновения и развития межколхозных производственных связей почти не исследована. Лишь в последние три года появились статьи в партийных и экономических журналах, брошюры, в которых освещается опыт создания и деятельность межколхозных строительных организаций, предприятий, электростанций, межколхозных откормочных пунктов, домов отдыха, клубов и других учреждений. Главное внимание в них уделено анализу внутренней структуры межколхозных организаций и предприятий, взаимоотношений между их членами, раскрытию природы и экономической эффективности межколхозной производственной кооперации.

---

[1] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 г.». Стенографический отчет, Т. 1. М, 1959, стр. 100—102.

[2] Там же. Т. II, стр. 492.

Примечательно, что авторами статей и брошюр во многих случаях являются практические работники. Они хорошо знают жизнь межколхозных организаций и предприятий, показывают успехи, вскрывают трудности. Это важный и ценный источник для исследования поставленной проблемы [3].

Появление и развитие межколхозных производственных связей расширяет проблематику советской исторической науки, ставит перед ней ряд новых задач по исследованию материальных предпосылок возникновения этих связей, форм, в которых они осуществляются, влияния их на подъем экономики колхозов и совершенствование социалистических производственных отношений, на рост культуры и коммунистической сознательности колхозного крестьянства. Задача советских историков — глубоко изучать новые проблемы, выдвигаемые жизнью.

В настоящей статье на основе архивных и опубликованных материалов сделана попытка осветить некоторые вопросы, связанные с историей зарождения и развития межколхозных производственных связей. Конечно, данной статьей далеко не исчерпывается решение важной темы. К тому же отдельные вопросы здесь лишь поставлены и требуют дальнейшего изучения. Основное внимание автор сосредоточил на исследовании предпосылок развития межколхозных производственных связей, форм этих связей, а также их роли и значения в процессе сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной собственностью.

Возникновение межколхозных производственных связей исторически было подготовлено всем ходом развития и укрепления общественного хозяйства колхозов, колхозной собственности, важнейшей составной частью которой являются неделимые фонды. На заре массового колхозного дви-

[3] С. И. Семин. Межколхозные производственные объединения. М. 1960; А. Барышев, И. Полонский. Межколхозные строительные организации. М. 1960; Ю. И. Волков. Рост неделимых фондов колхозов и возникновение межколхозных связей. Ташкент. 1960; И. Молчанов, В. Нефедов. Межколхозные объединения в Оренбургской области. Оренбург. 1960; Б. Ф. Драченко. Межколхозные строительные организации Полтавской области. Харьков. 1960 (на украинском языке); Р. П. Абрамкин. Межколхозное строительство. Харьков, 1960 (на украинском языке); Л. Мамаев. Местные материалы и колхозная стройка. Саранск. 1959; Б. Щербак. Межколхозная строительная. Ульяновск. 1960; Ю. К. Никишин. Межколхозстрой. Пермь. 1959; Ю. И. Смирнов. Межколхозная строительная организация. Отдел информации и печати ВДНХ СССР. М. 1960; М. А. Снастин, С. Д. Евсиков. Экономическая эффективность межколхозных предприятий. М. 1959; Л. Брагинский. Развитие межколхозных производственных связей. «Коммунист», 1959, № 17; В. Антоненко. Больше животноводческой продукции высокого качества. «Партийная жизнь», 1960, № 10; Н. Бубновский. Максимально использовать резервы сельского хозяйства. «Партийная жизнь», 1960, № 15; Г. Котов. Развитие межколхозных производственных связей. «Вопросы экономики», 1959, № 8; С. Семин. Развитие межколхозных кооперативных связей. «Вопросы экономики», 1959, № 10; М. Моисеев. Ленинский путь деревни к коммунизму. «Вопросы экономики», 1960, № 4; Л. Андриенко. О развитии межколхозных производственно-экономических связей. «Экономика сельского хозяйства», 1959, № 4; П. Голубков, В. Овчинникова. О неделимых фондах колхозов и межколхозной производственной кооперации. «Вопросы экономики», 1958, № 12; С. Сдобнов. Неделимые фонды колхозов. «В помощь политическому самообразованию», 1958, № 5; А. Сенчугова. Шире развивать межколхозную кооперацию. «Коммунист Украины», 1958, № 12; Г. Абакумов. Развитие межколхозных производственных связей. «Советы депутатов трудящихся», 1959, № 2; Г. Буньковский. Новая строительная организация на селе. «Земледелие и животноводство Молдавии», 1958, № 10; Г. Пономарев. Организация межколхозных откормочных пунктов в Полтавской области. «Молочное и мясное животноводство», 1959, № 6; «Расширять и укреплять межколхозные производственные связи». «Сельский строитель», 1959, № 3; И. Алексеев, Ю. Афонин. Крепнут межколхозные связи. «Сельский строитель», 1959, № 10, и др. Серьезный интерес представляет также недавно вышедшая книга «Социалистическое сельское хозяйство на современном этапе и вопросы аграрной теории» (Сборник статей. М. 1960).

жения неделимые фонды образовывались главным образом путем зачисления (в зависимости от размера и мощности хозяйства) от четверти до половины стоимости обобществленного имущества каждого вступающего в колхоз крестьянского двора. В неделимый фонд зачислялись также вступительные взносы. В дальнейшем неделимые фонды росли преимущественно за счет отчислений от доходов общественного хозяйства колхозов. В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели в неделимые фонды должно отчисляться от 12 до 20% всех денежных доходов колхоза. В среднем по стране отчисления в неделимый фонд в 1932 г. составили 14,1%, в 1938 г.— 14,1% и в 1940 г.— 15,7% [4].

По мере развития и укрепления общественного хозяйства колхозов, роста их денежных доходов непрерывно увеличивались неделимые фонды колхозов. В 1932 г. они составили 4,7 млрд. руб., в 1937 г.— 12,3 млрд., в 1940 г.— 27,7 миллиарда [5].

В годы Великой Отечественной войны сельскому хозяйству СССР был нанесен большой ущерб. Чтобы залечить раны, нанесенные войной, потребовались гигантские усилия советских людей. В сравнительно короткие сроки была восстановлена сеть колхозов и осуществлены некоторые мероприятия по их организационно-хозяйственному укреплению. Однако в силу крупных недостатков и ошибок, допущенных до 1953 г. в руководстве колхозами и совхозами, дальнейший рост сельскохозяйственного производства затормозился. Посевы зерновых культур не достигли довоенных размеров, а производство зерна в течение длительного времени находилось почти на уровне дореволюционной России. В 1953 г. было заготовлено в стране 1 899 млн. пудов хлеба, а израсходовано 2 020 млн. пудов. Часть зерна пришлось взять из государственного резерва [6].

Особенно сильно отставало животноводство. По поголовью многих видов скота не был достигнут довоенный уровень, а продуктивность общественного животноводства была крайне низкой. Многие колхозы были экономически слабыми, а доходы колхозников невысокими.

В то же время неделимые фонды колхозов с 1940 по 1952 г. удвоились [7]. Немало колхозов представляли собой экономически крепкие хозяйства. Именно в первые послевоенные годы получили некоторое развитие межколхозные производственные связи первоначально в форме совместного строительства электростанций, что имело важное значение для дальнейшего подъема экономики участвовавших в нем колхозов. Колхозные электростанции, строившиеся в годы четвертой пятилетки, были небольшими по мощности, но они вносили определенный вклад в электрификацию села. Если на 1 января 1941 г. в СССР было электрифицировано 10 тыс. колхозов, то к концу 1952 г.— 18,6 тыс., а всего пользовались электроэнергией 20,3 тыс. колхозов [8].

Особенно широкий размах строительства электростанций наблюдался в колхозах Украинской ССР. Инициаторами в этом деле явились колхозники артели «Переможец», Хмельницкого района, Винницкой области; в 1945 г. они построили в своем селе гидроэлектростанцию, а затем через газету «Правда Украины» обратились с призывом организовать массовый поход за электрификацию села, соорудить в области в 1946 г. 200 электростанций. Это предложение было одобрено Советом Министров Украинской ССР и ЦК КП(б) Украины. В области развернулось социалистическое

---

[4] М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954, стр. 648.

[5] «Народное хозяйство СССР в 1958 году». Статистический ежегодник. М. 1959, стр. 494. Все данные в статье приведены в ценах до 1 января 1961 года.

[6] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15—19 декабря 1958 года». Стенографический отчет. М. 1958, стр. 12—13.

[7] Н. С. Хрущев. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. М. 1953, стр. 5.

[8] Архив Министерства сельского хозяйства (АМСХ) СССР, оп. 457, св. 1453, д. 11, л. 17; «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1956, стр. 149.

соревнование за быстрейшее строительство электростанций. Большую помощь колхозникам оказали рабочие фабрик и заводов. К 1 сентября 1946 г. в Винницкой области было сооружено 200 небольших электростанций [9].

Развернулось движение за сооружение сельских электростанций и в других республиках, краях и областях страны. Известную роль в этом сыграло постановление СНК СССР от 8 февраля 1945 г. «О развитии сельской электрификации» [10].

В ходе электрификации сельского хозяйства зародилась идея создания межколхозных электростанций. Многие колхозы, не окрепшие еще от последствий войны, не имели возможности своими силами построить для себя гидроэлектростанции. К тому же не во всех колхозах имелись и гидроресурсы. Поэтому несколько сельскохозяйственных артелей стали объединять свои усилия и совместно строить гидроэлектростанции. Для этой цели колхозы обычно выделяли свои средства, рабочую силу и транспорт, а строительство осуществляли конторы «Главсельэлектро». Так, в плане капитальных работ на 1947 г. из 994 780 тыс. руб., предусмотренных на работы по сельской электрификации, средства и труд колхозов оценивались в 638,5 млн. рублей [11].

Сеть сельских гидроэлектростанций постепенно увеличивалась: на 1 января 1947 г. их было 2 459, в 1948 г.— 3 479, в 1949 г.— 4 821, в 1950 г.— 10 525, в 1951 г.— 18 025. Среди них большой удельный вес занимали колхозные и межколхозные электростанции [12].

Одной из крупных межколхозных станций того времени явилась Рассыпухинская гидроэлектростанция на реке Мокше мощностью 2 тыс. киловатт. Строительство этой ГЭС началось в 1948 году. В ее сооружении приняли участие колхозники 60 сельскохозяйственных артелей Сасовского, Кадомского, Ермишинского и Петелинского районов, Рязанской области. На строительство станции правительство выделило колхозам кредит в сумме 17 млн. рублей. Рабочие Москвы, Ленинграда, Харькова и Рязани послали на стройку инженеров, техников, квалифицированных рабочих, выделили сложные механизмы. 19 февраля 1953 г. гидроэлектростанция вступила в строй. Электрическую энергию получили свыше 130 сел и деревень, 532 животноводческие фермы, 110 молотильных токов, 1 200 общественных учреждений, 12 тыс. колхозных домов. Наиболее трудоемкие процессы сельскохозяйственного производства были механизированы [13].

Межколхозные объединения создавались в тот период также для строительства оросительных каналов и производства строительных материалов. Еще в 1939 г. с помощью государства колхозники Узбекистана и Таджикистана построили Большой Ферганский канал протяженностью 270 километров. В последующие годы колхозами Узбекской ССР были сооружены Южно-Ферганский канал, Урта-Токайское и Катта-Курганское водохранилища.

Однако в годы четвертой пятилетки развитие межколхозных производственных связей встречало немало трудностей. Многие колхозы, будучи, как уже отмечалось, экономически слабыми, не имели необходимых денежных средств для сооружения более или менее мощных электростанций, оросительных систем, дорог и других предприятий. В ряде случаев они не могли выполнить обязательств по выделению рабочей силы и транспорта для сооружения таких объектов. В 1951 г., например, стройки колхозных и межколхозных гидроэлектростанций были обеспечены рабочими в среднем только на 57%. В результате план 1951 г. по вводу в

---

[9] «Правда», 7 сентября 1946 года.
[10] «Правда», 16 февраля 1945 года.
[11] АМСХ СССР, оп. 457, св. 1422, д. 7, л. 14.
[12] Там же, св. 1453, д. 11, лл. 73, 84.
[13] «Правда», 20 февраля 1953 года.

действие колхозных и межколхозных гидроэлектростанций был выполнен всего лишь на 48% [14].

На основе исторических решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС в короткий срок было преодолено отставание сельского хозяйства СССР, укрепилась экономика колхозов, выросли их доходы. Многие колхозы из экономически слабых, какими они были несколько лет тому назад, превратились в мощные и развитые хозяйства. Резко возросли денежные доходы колхозов. В среднем на один колхоз они в 1953 г. составляли 547 тыс., в 1958 г.— 1 957 тыс., в 1959 г.— уже 2 561 тыс. рублей [15]. Если в 1953 г. колхозами было получено всего доходов 49,6 млрд. руб., то в 1956 г.—94,6 млрд., а в 1959 г.— уже 136,9 млрд. рублей [16].

Общий подъем экономики и увеличение денежных доходов колхозов, повышение материального благосостояния колхозников позволили многим артелям значительно пополнить свои неделимые фонды. В 1954 г. отчисления на пополнение этих фондов составили 17,7% всех денежных доходов колхозов [17], в 1955 г.— 17,5% [18], в 1956 г.— 18,2% [19], в 1957 г.— 17,6%. В некоторых республиках процент отчислений на пополнение неделимых фондов был выше общесоюзного. Так, колхозы Молдавской ССР отчислили в 1957 г. 19,6% своих денежных доходов, колхозы Украинской ССР — 18,4%, РСФСР — 18,2% [20]. Всего в 1953 г. в неделимые фонды было отчислено 8,7 млрд. руб., в 1956 г.— 16,7 млрд., а в 1958 г.— уже 30,3 млрд. рублей [21]. Наиболее значительно эти фонды выросли в колхозах РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской и Молдавской ССР.

Огромную роль в образовании и неуклонном росте неделимых фондов играет Советское государство, систематически предоставляя колхозам необходимые кредиты, ссуды и т. д. Только в 1954—1956 гг. с колхозов была списана задолженность по взносам на счет капиталовложений в сумме около 1 млрд. рублей [22]. Государство затрачивает большие средства на подготовку квалифицированных кадров для социалистического сельского хозяйства. Социалистическая промышленность бесперебойно, из года в год все в более возрастающих масштабах снабжает колхозы мощной сельскохозяйственной техникой. Только за последние семь лет тракторный парк в сельском хозяйстве страны увеличился с 1 239 тыс. (в пересчете на 15-сильные) в конце 1953 г. до 1 899 тыс. в 1959 г., количество зерновых комбайнов соответственно — с 318 тыс. до 492 тыс., грузовых автомобилей — с 424 тыс. до 729 тысяч [23]. В связи с реорганизацией МТС 56 тыс. (или 94%) всех колхозов СССР купили у государства 512 тыс. тракторов, 221 тыс. зерновых комбайнов, 543 тыс. тракторных сеялок, 401 тыс. тракторных плугов, 122 тыс. сенокосилок и много других машин [24].

Процессы, происшедшие за последние годы в колхозном производстве, обусловили качественные изменения колхозной собственности и ее экономической основы—неделимых фондов. До недавнего времени основными элементами неделимых фондов были хозяйственные постройки, рабочий и продуктивный скот, инвентарь и оборудование, многолетние насаждения. Теперь структура этих фондов стала иной. Помимо указанных элементов, в состав неделимых фондов входят: техника, купленная колхо-

---

[14] АМСХ СССР, оп. 457, св. 1428, д. 38, лл. 5, 7.
[15] «Народное хозяйство СССР в 1959 году». Статистический ежегодник. М. 1960, стр. 424.
[16] Там же, стр. 423.
[17] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 28, д. 5, л. 71.
[18] Там же, св. 32, д. 16, л. 65.
[19] Там же, св. 34, д. 22, л. 49.
[20] Там же, св. 36, д. 30, л. 82.
[21] «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 494.
[22] П. Голубков, В. Овчинникова. Указ. соч., стр. 83.
[23] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 416.
[24] «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 506.

зами в МТС, производственные и бытовые мастерские, электростанции, культурно-бытовые учреждения (школы, клубы, больницы, детские ясли, дома отдыха и т. д.). При изучении динамики неделимых фондов колхозов в 1954—1958 гг. бросается в глаза характерная особенность. Она состоит в том, что за эти годы особенно сильно в составе основных средств производства выросла стоимость продуктивного скота, сельскохозяйственных машин, транспортных средств, построек и сооружений производственного назначения. Об этом свидетельствует следующая таблица.

Стоимость основных средств производства колхозов СССР на 1 января каждого года
(в млн. руб.)

Год	Рабочий скот	Продуктивный скот, птицы и пчелы	С/х машины, орудия и двигатели	Инвентарь и оборудование	Трансп. средства	Постройки, сооружения и многолетние насаждения
1954	6 728,2	14 091,6	4 534,2	5 193,9	7 912,1	32 474,9[25]
1955	6 252,4	14 515,4	4 344,2	5 943,6	9 562,9	39 465,5[26]
1956	6 018,5	16 363,2	6 411,3	6 732,8	10 965,7	46 855,9[27]
1957	5 377,9	16 563,0	6 667,3	6 745,3	10 983,5	45 185,5[28]

Как видно из таблицы, удельный вес стоимости сельскохозяйственных машин, орудий и двигателей, инвентаря и оборудования, транспортных средств в общей стоимости основных средств производства составил к началу 1957 г. уже свыше 26%. В настоящее время после покупки техники у МТС он значительно повысился. В создание указанных средств производства вложен труд не только колхозников, но всего советского народа. А это значит, что по своему характеру производственные фонды колхозов начинают приближаться к государственным, а колхозная собственность постепенно поднимается до уровня общенародной социалистической собственности. Недаром многие колхозы ставят вопрос о том, чтобы считать неделимые фонды общенародной собственностью, ибо они создаются коллективным трудом колхозников под руководством и при активном участии рабочего класса, всего нашего народа [29].

На основе роста неделимых фондов колхозы получили возможность с каждым годом увеличивать капиталовложения. Если в 1954 г. на один наличный двор они составляли 825 руб.[30], то в 1957 г. уже 1 266 рублей [31]. Всего на капитальные вложения в 1958 г. колхозами страны было израсходовано 28 172 млн. руб. против 21 831 млн. руб., затраченных в 1957 году [32].

В последние годы широкий размах приняло в колхозах строительство школ и культурно-бытовых учреждений. На эти цели колхозы Украины в 1957 г. израсходовали 12 394 тыс. руб., а колхозы Белоруссии только на строительство домов — 10 147 тыс. рублей [33]. В этом же году в колхозах Узбекской ССР было построено 25 711 жилых домов, 308 школ, 188 клубов и много других объектов [34]. Лишь за последние пять лет в колхозе

---

[25] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 28, д. 5, лл. 32, 33.
[26] Там же, св. 32, д. 16, лл. 31, 32.
[27] Там же, св. 34, д. 22, лл. 38, 39.
[28] Там же, св. 36, д. 30, лл. 44, 45.
[29] См. Н. С. Хрущев. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. Доклад и заключительное слово на первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 27 и 31 марта 1958 года. М. 1958, стр. 35.
[30] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 32, д. 16, л. 68.
[31] Там же, св. 36, д. 30, л. 85.
[32] «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 631.
[33] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 36, д. 30, лл. 22, 23.
[34] Там же, св. 55, д. 8, л. 124.

имени Ленина, Тираспольского района, Молдавской ССР, было построено 800 домов колхозников, Дом культуры на 500 мест, широкоэкранный кинотеатр на 900 мест, радиоузел на 1 200 точек. Кроме того, в колхозе сооружены больница стоимостью в 900 тыс. руб. и водопровод [35]. Таких примеров можно привести много.

Однако в организации строительства в колхозах было немало недостатков. Как правило, оно велось наемными бригадами, без типовых проектов и обходилось колхозам очень дорого. В Витебской, Минской и Могилевской областях, например, только в 1957 г. таким бригадам было переплачено против сметы свыше 12 млн. рублей [36].

Многие колхозы не имели возможности создать свои постоянные строительные бригады, организовать предприятия по производству строительных материалов, да это было и нецелесообразно. Бригады не были бы полностью загружены, колхоз не смог бы по-настоящему механизировать строительные работы и в результате на них затрачивалось бы слишком много средств. К тому же выросший объем строительства нередко был не под силу даже экономически мощным хозяйствам.

Для успешного осуществления капитального строительства жизнь настоятельно требовала объединения усилий и средств колхозов — создания межколхозных строительных организаций и предприятий по производству строительных материалов.

В связи с увеличением производства сельскохозяйственных продуктов появилась необходимость их переработки непосредственно в колхозах. Встал вопрос об организации колбасных, консервных, винодельческих и других заводов. Вполне естественно, что такие предприятия было целесообразно создавать не каждому колхозу, а усилиями нескольких колхозов. Неуклонное повышение материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства вызвало к жизни создание межколхозных социально-культурных учреждений — Домов культуры, школ-интернатов, театров, больниц, домов отдыха, санаториев.

Возникновению и быстрому распространению межколхозных предприятий и учреждений способствовало и укрупнение колхозов, начатое в 1950—1952 гг. по инициативе самих колхозников. В 1940 г. в стране насчитывалось 235,5 тыс. сельскохозяйственных артелей, в 1953 г.— 91,2 тыс., а в 1959 г.— 53,4 тысячи [37]. Процесс укрупнения колхозов продолжается и в наши дни. Во многих районах число сельскохозяйственных артелей сократилось в несколько раз. Само собою разумеется, что меньшему количеству колхозов, экономически выросших и окрепших в последние годы, легче договориться о создании межколхозных строительных организаций, предприятий и учреждений.

Большое значение в развитии межколхозных производственных связей имела и имеет все возрастающая помощь Советского государства. За последние годы социалистическая промышленность во все возрастающих масштабах стала снабжать колхозную деревню мощной и сложной строительной техникой и механизмами, использовать которую отдельным колхозам было не под силу. Это также создавало возможность для организации межколхозных предприятий.

Таким образом, общий подъем экономики колхозов и прежде всего рост их неделимых фондов создал материальные предпосылки для развития межколхозных производственных связей. «Укрепление и расширение неделимых фондов, — говорил Н. С. Хрущев на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС, — одна из важнейших предпосылок для постепенного перерастания колхозной, кооперативной собственности в общенарод-

---

[35] «Правда», 15 мая 1959 года.
[36] П. Голубков, В. Овчинникова. Указ. соч., стр. 88.
[37] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 423.

ную. Вместе с тем неделимые фонды свидетельствуют о росте общественного богатства колхозов, о повышении благосостояния колхозников. Поэтому забота о пополнении неделимых фондов должна быть кровным делом всех колхозников»[38].

Межколхозные производственные связи стали особенно быстро развиваться после январского Пленума ЦК КПСС (1955 г.) и XX съезда КПСС. В докладе на январском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев в целях улучшения дела строительства в колхозах советовал на паевых началах создавать межколхозные строительные организации, являющиеся одной из форм межколхозных производственных связей[39]. XX съезд КПСС наряду с созданием межколхозных строительных организаций рекомендовал сооружать межколхозные заводы по производству строительных материалов[40].

Указания партии и правительства способствовали быстрому развитию межколхозных производственных связей. По имеющимся в нашем распоряжении данным, уже в 1956 г. в 11 союзных республиках многие колхозы стали на паевых началах создавать межколхозные организации и предприятия. Всего в межколхозное строительство было вложено в этом году 243 162 тыс. рублей[41]. С каждым годом сеть межколхозных организаций и предприятий расширялась, о чем свидетельствуют следующие данные.

Количество межколхозных строительных организаций, предприятий и электростанций в СССР

	1957 г.[42]	1958 г.[43]	1959 г.[44]
Строительных организаций	613	около 1 тыс.	1 389
Предприятий по выработке строительных материалов	291	426	около 500
Межколхозных электростанций	746	624	свыше 500

Особенно выросло число межколхозных организаций и предприятий на Украине. Ими охвачено подавляющее большинство колхозов республики. В настоящее время на Украине насчитывается 1 290 межколхозных строительных организаций, откормочных пунктов, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, в которых принимает участие 90% всех колхозов. Межколхозные строительные организации осуществляют свыше четверти производственного и культурно-бытового строительства[45].

Появились межколхозные организации и предприятия и в других республиках, краях и областях. В первой половине 1959 г. в Белоруссии межколхозные организации существовали в 130 районах и объединяли

---

[38] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15—19 декабря 1958 года», стр. 69.

[39] Н. С. Хрущев. Об увеличении производства продуктов животноводства. М. 1955, стр. 46.

[40] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. М. 1956, стр. 70.

[41] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 34, д. 22, л. 32.

[42] Там же, св. 35, д. 27, т. I, л. 4. В таблице не учтены другие формы межколхозных производственных связей, о чем будет сказано ниже.

[43] Г. Котов. Указ. соч., стр. 36—37.

[44] Л. Брагинский. Указ соч., стр. 21. В. Воропаев. Развитие межколхозных производственных связей. «Экономика сельского хозяйства». 1960, № 11, стр. 98. Количество межколхозных электростанций сократилось в связи с передачей ряда станций в ведение государственных органов.

[45] Н. Бубновский. Указ. соч., стр. 13.

3/4 всех колхозов республики [46]. К этому же времени в Сибири работало около 50 межколхозных строительных организаций, пайщиками которых состояло до 300 колхозов [47], в Ростовской области — свыше 30, объединяющих около 50% колхозов [48], в Пермской области — 22 «Межколхозстроя» [49]. В Латвии межколхозные строительные организации начали появляться в 1956 году. В 1957 г. их насчитывалось уже 26, а в 1959 г. — 40 [50].

Межколхозные предприятия и организации создаются по инициативе самих колхозников при содействии и активной поддержке местных партийных и советских организаций. Обычно вопрос об организации межколхозного предприятия обсуждается на собрании колхозников заинтересованных артелей. Так, при решении вопроса о строительстве электростанции на реке Суна (Кировская область) присутствовали колхозники шести артелей: имени Ворошилова, «Динамо», имени Кирова, «Герой», имени Тельмана, «Первомайский» [51]. Нередко бывает и так, что предложение о создании той или иной межколхозной организации или предприятия предварительно рассматривается на совещании председателей колхозов в райкоме партии и райисполкоме. Затем вопрос обсуждается на общем собрании колхозников, которое и выносит решение об участии своего колхоза в создаваемой межколхозной организации.

Райкомы партии и райисполкомы оказывают межколхозным организациям и предприятиям содействие в создании производственно-технической базы, в укреплении их опытными кадрами. Приведем один пример. С помощью райкома партии Жлобинская межколхозная организация (Гомельская область), созданная в 1958 г., приобрела механизмы и оборудование, направила на решающие участки квалифицированных работников. Это быстро сказалось на результатах ее деятельности. В первый год своего существования Жлобинская межколхозная организация построила и сдала колхозам в эксплуатацию 39 объектов на общую сумму 2 222 тыс. рублей [52].

В развитии и укреплении межколхозных организаций и предприятий важное значение имело создание в них партийных и комсомольских организаций, а в цехах — партийных групп. Это дало возможность усилить партийное влияние в коллективах, обеспечить авангардную роль коммунистов. Секретарь Черкасского обкома КП Украины Б. Вольтовский подчеркивал в статье «Создавать условия для успешного строительства на селе», что деятельность межколхозных строительных организаций с первых же дней началась успешно главным образом потому, что при них сразу же были созданы партийные организации, которые сумели сплотить коллективы, организовать их на выполнение планов строительства. За три года (1956—1958) в области было создано 34 межколхозных строительных организации, объединивших 600 колхозов. В 1957 г. этими организациями были выполнены строительно-монтажные работы на сумму 30 млн. руб., а в 1958 г. — более 80 млн. рублей [53]. Это отнюдь не единичный пример. Там, где партийные организации повседневно занимаются межколхозными предприятиями, они успешно развиваются, а межколхозные производственные связи обогащаются все новыми и новыми формами.

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС еще более возросли масштабы строительства межколхозных электростанций, явившихся первоначальной формой межколхозных производственных связей. Меж-

---

[46] «Партийная жизнь», 1959, № 10, стр. 24.
[47] «Сельский строитель», 1959, № 7, стр. 11.
[48] «Сельский строитель», 1959, № 10, стр. 15.
[49] «Сельский строитель», 1959, № 3, стр. 1.
[50] С. И. Семин. Межколхозные производственные объединения, стр. 10.
[51] «Агитатор», 1959, № 22, стр. 44.
[52] «Партийная жизнь», 1959, № 10, стр. 24.
[53] См. «Партийная жизнь», 1958, № 23, стр. 26—27.

колхозные станции существуют ныне во всех республиках, краях и областях: особенно много их в РСФСР, на Украине и в Грузии. Так, в последние годы в Абхазии сооружено 7 межколхозных электростанций; в их строительстве участвовало 53 колхоза [54]. В конце 1957 г. 23 колхоза Мельнице-Подольского, Скала-Подольского, Борщевского районов, Тернопольской области, и Орининского района, Хмельницкой области, закончили строительство межколхозной гидроэлектростанции мощностью 800 киловатт [55].

Строительство межколхозных электростанций осуществляется на средства колхозов-пайщиков, объем капиталовложений устанавливается по договору в зависимости от доли проектной мощности, предназначенной для каждого участника строительства. Помимо этого, колхозы выделяют на стройку рабочую силу и материалы. Отличительной особенностью этой формы межколхозных производственных связей является то, что, как правило, строительство межколхозных электростанций ведут государственные подрядные организации.

В строительстве отдельных электростанций принимают участие государственные и кооперативные организации, представители которых входят в совет по руководству строительством и эксплуатацией электростанции. В свою очередь колхозы некоторых областей участвуют в строительстве государственных электростанций, выделяя для этого средства. Так, в 1957 г. колхозы Узбекской ССР вложили в строительство гидроэлектростанций 6 869 тыс. рублей [56]. В настоящее время в Андижанской области (Узбекская ССР) сооружается ГЭС при участии трех колхозов Андижанского района и четырех колхозов соседних районов — Московского и Алтин-Кульского. «С пуском Андижанской ГЭС,— рассказывает секретарь Андижанского райкома КП Узбекистана К. Усманов,— колхозы Андижанского района получат возможность к 1964—1965 гг. полностью электрифицировать все кишлаки, заменить ручное доение коров электрическим, механизировать трудоемкие процессы в животноводстве, в первую очередь поение, приготовление и подачу кормов, вывозку навоза» [57].

XXI съезд КПСС наметил широкую программу дальнейшей электрификации социалистического сельского хозяйства. К концу семилетки в основном будет завершена электрификация всех колхозов страны, а электрификация совхозов и ремонтно-тракторных станций будет закончена еще раньше. Наряду с расширением энергоснабжения колхозов от государственных энергосистем и электростанций съезд поставил задачу широко привлекать средства колхозов на строительство межколхозных и межрайонных электростанций. Массовое внедрение электричества в колхозное производство будет иметь важное значение в повышении уровня его механизации, в постепенном превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, в решении проблемы преодоления существенного различия между городом и деревней.

Самой распространенной формой межколхозных производственных связей в настоящее время стали межколхозные строительные организации. В 1959 г. ими было охвачено около 18,5 тыс. колхозов [58]. В начале 1959 г. в РСФСР насчитывалось до 400 межколхозных строительных организаций, в Узбекской ССР — 35, в Белоруссии их пайщиками были 75% всех колхозов, в Казахстане — 16% [59].

Межколхозные строительные организации создаются для осуществ-

---

[54] П. Голубков, В. Овчинникова. Указ. соч., стр. 91.
[55] А. Сенчугова. Указ. соч., стр. 15—16.
[56] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 55, д. 8, л. 12.
[57] «Правда Востока», 28 февраля 1959 года.
[58] Л. Брагинский. Указ. соч., стр. 21.
[59] С. Семин. Развитие межколхозных кооперативных связей, стр. 124; Ю. И. Волков. Указ. соч., стр. 26.

ления капитального строительства в участвующих в них колхозах. Руководящие органы этой, как и других межколхозных, организации образуются на демократических началах. Высшим органом является собрание уполномоченных, избираемых в количестве от 1 до 4 человек от каждого колхоза. Оно определяет размер долевого участия колхоза, утверждает ежегодные планы работы, разрабатывает договоры с колхозами, которые утверждаются общими собраниями колхозников и исполкомами районных Советов депутатов трудящихся.

Для повседневного руководства деятельностью межколхозной организации собрание уполномоченных избирает совет или правление, в состав которых входят представители от каждого колхоза — участника межколхозной организации.

Материальная база, оборотные средства межколхозной строительной организации, как и других форм межколхозных объединений, образуются за счет долевых вложений колхозов-пайщиков. В большинстве случаев долевые взносы устанавливаются в размере 15—20 руб. и более с гектара пашни или земельных угодий. Например, колхозы — члены Сорокской межколхозной строительной организации в Молдавской ССР (в 1957 г. в ее состав входили 18 колхозов) — определили долевые взносы в размере 40 руб. с га земельных угодий. В среднем каждый колхоз внес для создания основных и оборотных средств по 80—100 тыс. рублей. Помимо денег, в счет долевых взносов колхозы передали 6 автомашин, станки и другое оборудование [60].

За сравнительно короткий период своего существования многие межколхозные организации создали мощную производственную базу. На паевые взносы и внутренние накопления они приобрели оборудование, построили заводы и мастерские, купили автомашины, передвижные электростанции и строительные механизмы. В начале 1959 г. межколхозные строительные организации Украины, например, имели 331 кирпичный завод общей мощностью 480 млн. штук кирпича в год, 304 мастерских по производству черепицы, 277 столярных мастерских, 612 лесопильных установок, 318 карьеров по добыче камня, 3 025 автомашин, 257 передвижных электростанций и другое оборудование. Стоимость основных фондов колхозов Украины выросла до 2 млрд. рублей [61]. Упомянутая уже нами Сорокская межколхозная организация через два года после основания (1958 г.) имела 5 карьеров для добычи камня и 4 — для добычи песка, 12 автомашин, 6 станков для изготовления черепицы и другие механизмы. Основные средства Самарской межколхозной строительной организации (Ростовская область) в 1959 г. составили 800 тыс. руб., а оборотные — 1,4 млн. рублей. Организация имела столярную и механическую мастерские, лесопильный цех, кирпичный завод, гараж, склады, 11 автомашин [62].

Основные кадры межколхозных строительных организаций (каменщиков, плотников и др.) комплектуются из числа колхозников. На Украине в строительных организациях насчитывается свыше 40 тыс. квалифицированных рабочих. В Регорской межколхозной строительной организации Таджикской ССР, объединяющей все 11 колхозов района, насчитывается 335 человек. Среди строителей — арматурщики, бетонщики, маляры, плотники, каменщики и рабочие других специальностей [63].

Благодаря широкому применению механизмов многие рабочие добиваются высокой производительности труда на межколхозных стройках. Там обычно внедряется в строительство новая индустриальная техника. Создаются постоянные бригады рабочих, вводится передовая культура социалистического города. В постоянных бригадах оплата труда

---

[60] Г. Буньковский. Указ. соч., стр. 61.
[61] Л. Андриенко. Указ. соч., стр. 40.
[62] «Сельский строитель», 1959, № 10, стр. 15.
[63] «Сельский строитель», 1959, № 3, стр. 15.

производится по расценкам и выплачивается в форме заработной платы. Массовое применение в бригадах новой техники и передовых методов труда — яркое свидетельство ускоряющегося процесса сближения между городом и деревней.

Опыт работы межколхозных организаций подтверждает их жизненность и большое прогрессивное значение в деле постепенного повышения колхозной собственности до уровня общенародной. За сравнительно небольшой срок существования они построили тысячи животноводческих помещений, десятки тысяч жилых домов и производственно-хозяйственных зданий, тысячи культурно-бытовых учреждений. Только в 1957 г. межколхозными строительными организациями Украины было сдано в эксплуатацию 912 животноводческих помещений, 733 производственно-хозяйственных объекта. 127 культурно-бытовых зданий[64]. Лишь за последнее время в Ростовской области за счет колхозных средств было построено 7 межколхозных электростанций, 15 электроподстанций, несколько оросительных систем, более 50 водоемов, 15 кирпичных заводов, 100 школ, 30 лечебных учреждений, свыше 20 клубов[65].

Межколхозные организации, как правило, добиваются значительного снижения стоимости строительных работ. Например, колхозу «Путь Ильича», Сальского района, Ростовской области, типовой коровник на 113 голов обошелся при строительстве хозяйственным способом в 295 тыс. рублей. Такой же коровник Сальская районная межколхозная организация построила в колхозе «Рассвет» за 271 тыс. рублей[66]. За счет лучшего использования механизмов и правильной организации труда Березнинская межколхозная строительная организация (Черниговская область) снизила стоимость строительства свинарника на 300 голов в колхозе имени Ворошилова на 19%, а стоимость строительства коровника на 102 головы в колхозе имени Шевченко — на 25%[67].

Снижая стоимость строительства, многие межколхозные организации добились рентабельности своей работы. Так, Самарская межколхозная организация Ростовской области получила в 1957 г. 280 тыс. руб. прибыли, в 1958 г.— 265 тысяч. Прибыль была использована для укрепления материально-технической базы организации[68]. В ряде случаев полученная прибыль после отчислений в фонд расширения и укрепления организации распределяется между колхозами-участниками пропорционально их долевому участию.

Значительный размах получила во многих республиках, краях и областях такая форма межколхозных производственных связей, как межколхозные предприятия по производству строительных материалов. Как уже отмечалось, таких предприятий в 1958 г. в стране, по неполным данным, насчитывалось 426, их пайщиками состояли 3 765 колхозов. В 1959 г. численность их возросла. Например, только в Воронежской области в 1959 г. функционировало 46 межколхозных кирпичных заводов с проектной мощностью до 60 млн. штук кирпича в год. На некоторых заводах — в Лево-Россошанском, Эртильском, Острогожском районах — основные процессы производства кирпича механизированы[69]. Колхозы Ломоносовского района, Ленинградской области,— «Победа», «Весна», имени М. В. Фрунзе, имени М. В. Ломоносова, «Красный бор», «Трудовик» и имени XX партсъезда — в 1958 г. решили совместными усилиями начать разработку торфяного болота площадью 1 200 га. Для этой цели

---

[64] А. Сенчугова. Указ. соч., стр. 14—15.

[65] С. Сдобнов. Указ. соч., стр. 57.

[66] «Сельский строитель», 1959, № 10, стр. 15.

[67] Л. Брагинский. Кредитование межколхозных организаций. «Финансы СССР», 1959, № 1, стр. 77.

[68] «Сельский строитель», 1959, № 10, стр. 15.

[69] «Пути развития и сближения колхозно-кооперативной и общенародной форм социалистической собственности (методический материал в помощь лекторам и докладчикам)». Воронеж. 1959, стр. 11.

они создали межколхозное торфопредприятие, выделили 86,6 тыс. руб., избрали совет из 3 человек. За два месяца 1958 г. было добыто 1 250 т торфа. Характерно, что в 1959 г. в качестве членов-пайщиков в это предприятие пожелали вступить и некоторые совхозы[70].

Во многих районах межколхозные предприятия по производству строительных материалов существуют в составе межколхозных строительных организаций.

В связи с реорганизацией МТС и продажей колхозам тракторов и другой сельскохозяйственной техники родилась новая форма межколхозных связей — межколхозные ремонтные мастерские. «Купив технику,— говорил в докладе на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев,— многие колхозы начали строить у себя ремонтные мастерские. Целесообразно ли это? Не лучше ли колхозам объединить имеющиеся у них средства и на паях покупать или строить межколхозные мастерские? Колхозы будут иметь тогда хорошо оснащенные мастерские, которые смогут не только полностью обеспечить ремонт машинно-тракторного парка, но и обслуживать другие производственные потребности колхозов»[71].

Одним из примеров является возникшее в январе 1959 г. Толмачевское межколхозное ремонтно-техническое объединение Лихославльского района, Калининской области. Восемь колхозов, обслуживаемых прежде Толмачевской МТС, купили у нее мастерскую, хозяйственные постройки, 6 автомашин, 2 токарных станка, электросварочный аппарат и другое оборудование и организовали на паевых началах (каждый колхоз внес по 15 руб. с га пашни) ремонтно-техническое объединение. В течение февраля — сентября 1959 г. в мастерской этого объединения были капитально отремонтированы 40 тракторов, 10 автомашин, 15 комбайнов и другие машины. Объединение снабжает колхозы горючим. Мастерская имеет постоянные кадры рабочих (22 чел.). В период уборки урожая в мастерской было организовано круглосуточное дежурство. При межколхозном объединении создана бригада по механизации наиболее трудоемких работ в животноводстве[72]. В этом же районе было создано ремонтное объединение, обслуживающее 6 колхозов. Его оборотные фонды составили 80 тыс. рублей. Ремонт сельскохозяйственных машин обходится в мастерской объединения сравнительно дешево[73].

В ряде республик и областей создаются межколхозные объединения для строительства водохранилищ. На эти цели колхозы Узбекской ССР в 1956—1957 гг. израсходовали 32 798 тыс. рублей. Но особенно широкий размах приняло долевое участие колхозов Узбекистана в строительстве государственных водохранилищ. В 1957 г. они внесли на это строительство 58 268 тыс. рублей[74]. В 1958 г. колхозы Александрово-Гайского района, Саратовской области, построили межколхозную систему лиманного орошения. Это дало возможность оросить и обводнить свыше 32 тыс. га земли[75]. Мероприятия аналогичного характера осуществляются и в некоторых других районах.

Призыв XXI съезда КПСС о всемерном увеличении производства мяса, молока и масла на душу населения встретил единодушное одобрение всего советского народа и вызвал огромный трудовой подъем работников сельского хозяйства. Укрепляя кормовую базу, улучшая уход за скотом, многие тысячи колхозов уже добились значительного повышения

---

[70] М. П. Житников. Межколхозное торфопредприятие. «Сельское хозяйство северо-западной зоны», 1959, № 4, стр. 45—47.

[71] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15—19 декабря 1958 года», стр. 60.

[72] «Сельское хозяйство», 1 октября 1959 года.

[73] «Сельское хозяйство», 11 апреля 1959 года.

[74] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 17, д. 2, л. 13; св. 55, д. 8, л. 12.

[75] «Правда», 22 октября 1959 года.

продуктивности общественного животноводства. В ходе работы рождаются все новые и новые формы межколхозных производственных связей — откормочные пункты, птицеводческие фабрики, играющие крупную роль в увеличении производства продуктов животноводства. Широкое развитие получили эти формы межколхозных связей на Украине.

Как известно, на Украине расположено много сахарных и спиртоводочных заводов, отходы от производства которых в виде свекловичного жома и барды представляют ценный корм для скота. Построить близ этих заводов откормочные пункты для лучшего использования отходов многим колхозам, особенно находящимся вдали от заводов, трудно. Поэтому колхозы, расположенные сравнительно недалеко от сахарных и спиртовых заводов, стали совместно строить пункты по откорму скота. Такие пункты существуют в Полтавской, Харьковской, Винницкой, Хмельницкой, Николаевской и других областях Украины. В 1959 г. на межколхозных пунктах Украины откармливалось свыше 200 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1960 г. намечено было откормить 400 тыс. голов [76]. Для выполнения этого задания при сахарных, маслодельных и сыроваренных заводах Украины было открыто 300 межколхозных пунктов по откорму крупного рогатого скота и свиней [77].

Откормочные пункты создаются на средства колхозов — участников межколхозных объединений. Колхозы выделяют рабочую силу, строительные материалы, концентрированные и грубые корма. Строительство обходится колхозам недорого. В 1959 г. 16 колхозов Глобинского района, Полтавской области, в течение месяца создали откормочный пункт на 1 500 голов скота. Для этого они построили 7 корпусов облегченного типа. Затраты на эту стройку составляли 450 тыс. руб., или 300 руб. на ското-место, в то время как при строительстве хозяйственным способом одно ското-место обходится в 2 500—2 700 рублей. Во главе откормочных пунктов обычно стоят советы уполномоченных, которые для практической работы избирают правления [78].

Создание откормочных пунктов — новый резерв увеличения производства мяса. За короткий срок существования этих пунктов многие колхозы получили дополнительно тысячи тонн мяса. В течение 1957—1959 гг. колхозы Старо-Константиновского района, Хмельницкой области, на межколхозном пункте при сахарном заводе откормили 2,5 тыс. голов и получили только за счет прироста 867 ц мяса. Среднесуточный привес с одной головы составил 500—600 граммов [79]. На Глобинском откормочном пункте Полтавской области среднесуточный привес одной головы составляет 1 014 г, причем себестоимость 1 кг привеса обходится колхозам в 4 рубля 21 копейку [80].

Важное значение в повышении качества животноводческой продукции имел Всесоюзный семинар по организации и технике откорма скота на межколхозных откормочных пунктах, состоявшийся в феврале 1960 г. в Полтаве. Участники семинара подвели первые итоги работы пунктов, признали их большую эффективность и наметили пути расширения этой формы межколхозных связей [81].

В увеличении производства мяса большая роль принадлежит птицеводству. Желая как можно быстрее увеличить производство птичьего мяса и яиц, некоторые колхозы стали создавать межколхозные утиные фермы и птицеводческие фабрики. Одной из первых является межколхоз-

---

[76] Из доклада Н. В. Подгорного на декабрьском Пленуме ЦК КПСС, «Правда», 23 декабря 1959 года.

[77] Н. Бубновский. Указ. соч., стр. 13.

[78] Г. Пономарев. Указ. соч., стр. 40.

[79] «Сельское хозяйство», 21 апреля 1959 года.

[80] «Сельское хозяйство», 2 августа 1959 года.

[81] В. Антоненко. Указ. соч., стр. 20.

ная птицеводческая ферма водоплавающей птицы на побережье Азовского моря, созданная в 1957 г. 6 колхозами Приморского района, Сталинской области. В течение года на ферме было выращено 70 тыс. уток и произведено 1 070 ц птичьего мяса. Доход фермы составил 114,2 тыс. рублей[82]. В 1958 г. 3 межколхозные утиные фермы были созданы в Демянском районе, Новгородской области. В них участвуют 17 колхозов района. В первом же году 3 фермы дали 456 ц утиного мяса[83]. Особенно быстро стали расти межколхозные птицеводческие фермы после XXI съезда КПСС.

Намечая программу увеличения производства мяса и яиц в предстоящем семилетии, XXI съезд КПСС указал специально на необходимость дальнейшего развития свиноводства и птицеводства. В ответ на решения съезда многие колхозы взяли обязательства по резкому увеличению производства птичьего мяса. На указанных фермах Демянского района, Новгородской области, в 1959 г. уже выращивалось свыше 60 тыс. уток (в 1958 г.— 32 тыс. шт.). В 1959 г. в 8 районах Саратовской области были созданы межколхозные птицефабрики. Одной из крупных является Лысогорская, созданная на базе бывшей Сосновской МТС. Фабрика имеет свои основные и оборотные фонды (600 тыс. руб.). За 4 месяца 1959 г. на этой птицефабрике было выращено 230 тыс. цыплят, из которых 140 тыс. было передано для пополнения ферм колхозам — участникам объединения. Себестоимость центнера куриного мяса составила 700 рублей[84]. В настоящее время в большинстве районов Саратовской области имеются птицефабрики, организовавшие круглогодовое выращивание и откорм птицы. Благодаря этому область в течение года увеличила поголовье птицы в три раза и сдала государству около 100 млн. яиц[85].

Создание широкой сети межколхозных откормочных пунктов и птицеводческих фабрик содействует осуществлению поставленной XXI съездом КПСС задачи — быстрее создать обилие сельскохозяйственных продуктов, что является важнейшим условием перехода к коммунизму.

В связи с быстрым ростом производства сельскохозяйственных продуктов встает вопрос о расширении сети предприятий по их переработке и хранению. Создать во всех районах страны государственные перерабатывающие предприятия невозможно, да и экономически нецелесообразно. Лучшим решением этого вопроса является создание межколхозных предприятий по переработке и хранению сельскохозяйственных продуктов. Такие предприятия уже существуют на Украине, в Молдавии и Азербайджане, в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской, Оренбургской и ряде других областей РСФСР, однако их опыт недостаточно освещен в литературе.

Неоценимое значение для подъема культурного уровня тружеников деревни имеет сеть культурных учреждений. На основе роста неделимых фондов колхозы в последние годы стали значительно больше строить школ, клубов, библиотек, радиоузлов, театров. В результате сеть культурных учреждений на селе значительно расширилась. В 1959 г. колхозы страны имели 26 097 клубов, 11 267 библиотек с книжным фондом в них 15 257 тыс. экземпляров[86]. Строительство культурных объектов, производственных зданий и жилых домов нередко осуществляют межколхозные строительные организации. Характерно, что в некоторых районах строятся теперь межколхозные школы-интернаты, клубы, театры, дома отдыха, пионерские лагеря, больницы, обслуживающие нужды и потребности многих колхозов. Например, в 1957 г. в Курганской области было

[82] А. Сенчугова. Указ. соч., стр. 7.
[83] «Сельское хозяйство», 9 июля 1959 года.
[84] «Сельское хозяйство», 28 августа 1959 года.
[85] «Правда», 22 октября 1959 года.
[86] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 763, 769.

построено 16 межколхозных радиоузлов, радиофицировано 60 колхозов. Межколхозные радиоузлы созданы также в Ивановской, Курской, Брянской и других областях. Колхозники Ташлакского района, Ферганской области, на территории колхоза «Совет» построили межколхозный санаторий на 25 мест. Средства на содержание и оборудование санатория и лечение больных выделяются колхозами [87]. В районном центре Каушаны, Молдавской ССР, построен межколхозный театр. Артисты для него были подобраны по конкурсу из участников художественной самодеятельности. В этом же районе на берегу Днестра колхозы построили межколхозный пионерский лагерь. В 1959 г. в нем отдыхало 400 детей [88].

Межколхозные пионерские лагеря имеются и во многих других районах страны. С лета 1957 г. в Анненском районе, Воронежской области, функционирует межколхозный дом отдыха, созданный на средства колхозов района. Расходы этого дома отдыха покрываются за счет продажи путевок, которые распределяются по колхозам в зависимости от размера их долевых взносов [89]. Колхозники Илекского района, Оренбургской области, построили межколхозный пионерский лагерь «Дружба». Строительство было начато зимой 1958 г. и закончено к лету того же года. Около 70% путевок передается детям колхозников, остальные — детским домам и профсоюзам. Летом 1958 г. в лагере отдыхало 300 детей, в 1959 г. — уже 410 [90].

Межколхозные производственные связи не ограничиваются рамками отдельных районов. Новая ступень в развитии этих связей — создание областных межколхозных советов по строительству и производству местных строительных материалов. Они создаются на базе районных «Межколхозстроев» в целях лучшего использования сил и средств колхозов при строительстве объектов, имеющих большое хозяйственное значение. Одним из первых таких объединений является Черниговский областной совет по строительству и производству местных стройматериалов, созданный в 1958 году. Совет объединяет 552 колхоза, пайщиками его являются 27 районных «Межколхозстроев». Годовой объем строительных работ исчисляется в 75 млн. рублей. В распоряжении совета находятся 22 кирпичных завода, лесозаготовительные конторы, мощная автоколонна, межколхозные проектные организации [91].

На базе межколхозных строительных организаций создан также Ставропольский краевой межколхозный совет по строительству и производству строительных материалов («Краймежколхозстрой»). Высшим органом, осуществляющим практическое руководство работой совета, является правление, избранное на собрании уполномоченных. «Краймежколхозстрой» руководит всей хозяйственной и финансовой деятельностью межколхозных организаций, осуществляет контроль за планированием, утверждает стройфинпланы, проводит мероприятия по механизации и индустриализации строительства, внедрению передовых методов труда, набору кадров, осуществляет курсовые мероприятия по повышению квалификации работников, организует материально-техническое снабжение районных «Межколхозстроев». С созданием «Краймежколхозстроя» было упразднено краевое управление по строительству в колхозах, а его функции переданы краевому совету по строительству и производству строительных материалов [92]. Обязанности государственного органа, следовательно, переданы общественной организации в лице «Краймежколхозстроя».

---

[87] П. Голубков, В. Овчинникова. Указ. соч., стр. 91, 93.
[88] «Сельское хозяйство», 17 сентября 1959 года.
[89] З. С. Беляева. Правовое положение межколхозных организаций. М. 1958, стр. 90.
[90] И. Молчанов, В. Нефедов. Указ. соч., стр. 26—27.
[91] «Сельский строитель», 1959, № 4, стр. 16.
[92] «Сельский строитель», 1959, № 4, стр. 16—17.

Таким образом, в настоящее время межколхозные связи охватывают как производство, так и культурное строительство колхозного села. С каждым днем они расширяются, принимают все новые и новые формы. На собственном опыте колхозы убеждаются в жизненности и большой экономической выгоде межколхозных предприятий. Об этом свидетельствует рост вложений колхозов в межколхозные организации и предприятия. В 1956 г. долевое участие колхозов в межколхозных предприятиях составило, по неполным данным, по стране 243,2 млн. руб., в 1957 г.— 450 млн. рублей[93].

Однако не следует забывать, что создание межколхозных организаций и предприятий было сопряжено с большими трудностями. В первое время многие организации не имели достаточной производственно-технической базы и необходимых материалов. Испытывали они серьезные затруднения с обеспечением опытными кадрами, в то время как административно-хозяйственный персонал иногда был чрезмерно велик; не выполнялись принятые планы. С помощью местных партийных организаций, при активной поддержке широких трудящихся масс межколхозные предприятия постепенно преодолевают эти трудности, совершенствуют методы и формы своей деятельности. Долг партийных и советских организаций — всемерно помогать колхозам в устранении недостатков и всячески содействовать развитию межколхозных производственных связей.

Создаваемая в ходе развития межколхозных производственных связей межколхозная собственность является крупным шагом на пути перерастания колхозной собственности в общенародную, хотя по своей природе она не является какой-то новой, третьей формой социалистической собственности. Это более развитая форма колхозной собственности. По степени своего обобществления она шире собственности отдельных колхозов и ближе, чем колхозная собственность, стоит к общенародной государственной собственности. Межколхозные строительные организации, предприятия и заведения обслуживают нужды и потребности многих колхозов, районов и даже целых областей. Целый ряд межколхозных предприятий уже удовлетворяет нужды не только колхозов и колхозников, но также рабочих и служащих ближайших населенных пунктов.

Участие государства в создании межколхозных предприятий с каждым годом все возрастает. Наиболее ярко это проявляется при строительстве некоторых межколхозных электростанций, где наряду с колхозами принимают участие и государственные учреждения. Здесь происходит своеобразное соединение колхозных средств с общенародными.

Новые ответственные задачи в дальнейшем увеличении производства сельскохозяйственных продуктов поставлены решениями январского Пленума ЦК КПСС (1961 г.). Отметив успехи в развитии сельского хозяйства нашей страны, Пленум подверг острой, принципиальной критике недостатки в руководстве колхозами и совхозами. Достигнутый уровень и темпы роста производства сельскохозяйственных продуктов являются еще недостаточными. В интересах коммунистического строительства и подъема благосостояния советского народа необходимы более быстрые темпы развития сельского хозяйства. «Вопросы развития сельского хозяйства,— указано в постановлении Пленума,— должны быть всегда в центре внимания нашей партии. Без хорошо развитого сельского хозяйства, без обилия сельскохозяйственных продуктов не может быть процветающей социалистической экономики. Борьба за неуклонный подъем сельского хозяй-

[93] АМСХ СССР, ф. 1, оп. 16, св. 34, 54—56, дд. 1, 2, 6, 8, 10, 12, 14, 16—24. (Подсчеты произведены автором по годовым отчетам колхозов союзных республик.)

ства — это важнейшее условие построения коммунистического общества, это поистине всенародное дело»[94].

Пленум обратил внимание и на всемерное развертывание межколхозных производственных связей, на повышение их роли в укреплении экономики колхозов, в совершенствовании социалистических производственных отношений. Для этого необходимо прежде всего продолжить работу по созданию на селе современной строительной базы, вооружать сельское хозяйство новейшими механизмами, расширять производство строительных материалов, растить кадры квалифицированных строителей.

Много внимания на Пленуме было уделено также подъему животноводства, которое является одной «из наиболее сложных отраслей сельскохозяйственного производства»[95]. Наряду с ростом поголовья коров, всемерным развитием свиноводства, созданием прочной кормовой базы в повышении продуктивности животноводства известную роль будет играть развитие межколхозных откормочных пунктов при сахарных, спиртовых и других предприятиях пищевой промышленности.

При развертывании форм межколхозной производственной кооперации необходимо устранить недостатки и приложить все усилия к тому, чтобы использовать имеющиеся возможности для увеличения производства мяса, молока и других продуктов в текущем и последующих годах.

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что межколхозные производственные связи получили особенно широкое развитие в условиях крутого подъема сельского хозяйства, наступившего после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Дальнейшее развитие и укрепление этих связей является одной из характерных черт нового этапа развития колхозного строя, совершенствования социалистических производственных отношений — отношений взаимопомощи и товарищеского сотрудничества. В различных формах межколхозной производственной кооперации происходит объединение средств и сил колхозов для осуществления крупных мероприятий, рассчитанных на дальнейший подъем экономики и культуры колхозов. Развитие межколхозных производственных связей повышает уровень колхозно-кооперативной собственности, сближает ее с общенародной социалистической собственностью.

Начавшийся процесс сближения форм собственности, перерастания колхозной собственности в общенародную не означает ее свертывания или того, что колхозно-кооперативная собственность уже исчерпала свои возможности и является тормозом развития производительных сил. На протяжении определенного периода эта форма собственности еще будет активно содействовать развитию производительных сил сельского хозяйства.

Дальнейший подъем экономики колхозов, рост их неделимых фондов будет способствовать укреплению колхозной собственности, постепенному стиранию граней между колхозной и общенародной собственностью. «Исторически неизбежное слияние колхозно-кооперативной и общенародной форм собственности,— говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС,— произойдет в будущем не в результате свертывания колхозно-кооперативной собственности, а путем повышения уровня ее обобществления при помощи и поддержке со стороны социалистического государства»[96].

---

[94] «Правда», 20 января 1961 года.

[95] Н. С. Хрущев. Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Речь на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 года. «Правда», 22 января 1961 года.

[96] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Т. I, стр. 102.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМЫ 1861 года

П. А. Зайончковский

«Крестьянская реформа» 1861 г. является одним из важнейших событий истории России в XIX веке. Говоря о причинах, вызвавших проведение реформы, В. И. Ленин отмечал: «Какая же сила заставила их (крепостников.— *П. З.*) взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу» [1]. Действительно, ход экономического развития неуклонно требовал освобождения крестьян от крепостной зависимости, что особенно наглядно показала Крымская война. Однако как в представлении самого Александра II, так и его окружения основной причиной, требовавшей отмены крепостного права, являлась боязнь крестьянского восстания. Александр II, весьма консервативно настроенный, еще будучи наследником престола, всячески противодействовал проведению мер, ограничивавших в какой-то степени крепостное право. Однако позднее он выступил за отмену крепостного права. Причина этого заключалась в страшной боязни революционных потрясений.

Эта боязнь нашла свое выражение не только в заявлении Александра II московскому дворянству, но и в ряде других его высказываний. В середине 1857 г. известный исследователь аграрных отношений в России Гакстгаузен обратился к Александру II через Горчакова с запиской, в которой ставил вопрос о необходимости отмены крепостного права. «Мы живем,— писал он,— в эпоху, когда мысли и мнения не выжидают, как прежде, годов и столетий для своего полного развития и распространения. Распространяемые печатью, паром и электричеством, они... бороздят Европу с одного конца до другого, и нет народа, нет страны, которые могли бы предохранить себя от их влияния. Я говорю это, дабы напомнить, что в России нельзя останавливаться на полпути, что невозможно важнейшие вопросы народного существования предоставить их собственному развитию, что правительство обязано первое принять в них обдуманное и деятельное участие, дабы события, опередив его, не завладели браздами и не вырвали от него уступок, которые повлекли бы его к падению» [2]. Против последней фразы записки царь сделал пометку: «Совершенно справедливо, и в этом моя главная забота» [3]. В конце июля 1857 г., ознакомившись с докладом председателя Секретного комитета гр. А. Ф. Орлова, а также с мнением членов его, полагавших невозможным приступить сразу к отмене крепостного права, Александр II

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т 17, стр. 95.

[2] См. П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. Изд. 2-е. М. 1960, стр. 79.

[3] Там же, стр. 79.

писал: «Я прочел все бумаги с большим вниманием. Из чтения всех сих бумаг я еще больше убедился, как дело это трудно и сложно, но при всем этом желаю и требую от вашего комитета общего заключения как к сему приступить, не откладывая оного под разными предлогами в долгий ящик. Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу» [4].

В период подготовки реформы в деревне сложилась напряженная предгрозовая обстановка. Опубликование рескриптов по крестьянскому вопросу в конце 1857 г. значительно усилило стремление крестьян к воле. Они отказывались от выполнения барщинных повинностей, уплаты оброка. Наблюдалось массовое неподчинение крепостной администрации (старостам, бурмистрам и др.). «Крестьяне,— писал во всеподданнейшем отчете за 1858 г. шеф жандармов кн. Долгоруков,— находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражаться от какого-либо внешнего повода. У них, как выражаются помещики, руки опустились и они не хотят ни за что приниматься с усердием... Беспорядки, тем более теперь случающиеся, состоят в том, что крепостные люди или уклоняются от платежей оброка и от других повинностей, или оказывают неповиновение старостам и самим владельцам» [5]. Положение, сложившееся в деревне, оказало серьезное влияние на подготовку реформы и заставило правительство пойти на известные уступки в смысле более радикального решения крестьянского вопроса по сравнению с программой, содержавшейся в рескриптах. И все же надо отметить, что размах массовых активных крестьянских выступлений в период подготовки реформы был относительно невелик. Причина этого, по нашему мнению, заключалась в вере крестьян в царя. Именно эта вера и обусловливала надежду крестьян на подлинное освобождение в результате подготовляемой реформы. Усиление крестьянского движения могло произойти лишь тогда, когда крестьяне убедились бы, что надежды их не оправдывались. Это, как известно, и произошло весной 1861 года, хотя и в это время крестьянские волнения по-прежнему носили царистский характер. Царь дал волю, а чиновники и баре ее скрыли от народа — таков был лейтмотив крестьянских выступлений указанного времени.

Боязнь правительства и самого Александра II была настолько велика, что они ожидали восстания даже в столице, как в день утверждения Положений, то есть 19 февраля, так и в момент опубликования манифеста. В правительственных инстанциях был разработан детальный план подавления восстания в Петербурге. С этой целью были заблаговременно заготовлены распоряжения начальствующим лицам и командирам войск о мерах, которые следует предпринять для подавления восстания. Стереотипное начало всех предписаний гласило: «По случаю возникшего в столице беспорядка государь император высочайше повелеть соизволил...» [6]. В конце января 1861 г. на заседании Совета министров обсуждался вопрос об «обеспечении порядка» с помощью войск во время опубликования Положений [7]. Особые меры в этом отношении принимались и церковью. Синод направил во все епархии циркулярное предписание, требовавшее от священников проведения специальных церковных поучений и бесед, чтобы разъяснить крестьянам необходимость добросовестного исполнения ими своих обязанностей в отношении помещиков.

Опубликование манифеста и Положений вызвало огромный рост крестьянских волнений, принявших массовый характер. Весна 1861 г.

---

[4] Там же, стр. 81.

[5] «Крестьянское движение 1827—1869». Вып. 1. М. 1931, стр. 124.

[6] П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958, стр. 45.

[7] «О правительственных мерах для подавления народных волнений в период отмены крепостного права». «Исторический архив». 1957, № 1, стр. 151—193.

явилась наивысшим этапом в развитии революционной ситуации, сложившейся в стране накануне отмены крепостного права. Последующий этап крестьянского движения носил более длительный и менее бурный характер. Этот этап, связанный с составлением и введением в действие уставных грамот, длился с осени 1861 до конца 1863 года. Крестьянские волнения носили тогда массовый характер, и в подавлении их принимали активное участие полевые войска. Военный министр Д. А. Милютин в начале 1862 г. во всеподданнейшем докладе Александру II, касаясь вопроса о сокращении численности армии, цинично заявил: «...Значительные сокращения могут оказаться возможными... лишь только крестьяне ознакомятся со всеми благами даруемой им свободы» [8].

Подчеркивая огромное значение крестьянского движения, получившего особенно после опубликования Положений большой размах, нельзя вместе с тем переоценивать его роль. «В России,— писал В. И. Ленин,— в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли» [9].

Сложившаяся в России обстановка не привела к ликвидации крепостного права революционным путем. Реформа 1861 г. носила крепостнический характер, ибо ее проводили помещики и правительство. Однако она не утратила, несмотря на это, своего объективно буржуазного содержания. В результате ее в стране создались условия для утверждения капитализма, хотя процесс его развития и осложнялся наличием сильных крепостнических пережитков.

★

Классики марксизма-ленинизма придавали большое значение отмене крепостного права в России. Еще в период подготовки ее К. Маркс выступил со статьями, посвященными этому вопросу, в которых писал о причинах, вызвавших отмену крепостного права, охарактеризовал деятельность дворянских губернских комитетов, а также дал общую оценку подготовляемой реформы [10]. В пореформенный период он тщательно изучал результаты реформы, штудируя целый ряд публицистических произведений и исследований по этому вопросу, в частности рукописи Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса», содержавшие критику крестьянской реформы, работу А. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», в которой имелись данные о ходе подготовки реформы, и т. д. Особое внимание К. Маркс обращал на выяснение результатов реформы. В связи с этим он читал книгу Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», вышедшую первым изданием в конце 70-х годов, изучал данные первого выпуска «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России», изданной П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Большое значение для понимания сущности реформы имеют также заметки К. Маркса об отмене крепостного права в России и ее пореформенном развитии. «Освобождение сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать личностью крестьянина, продавать его и пр.,— писал К. Маркс.— Это личное рабство уничтожено. Помещики потеряли власть над личностью крестьянина» [11].

Исключительное внимание проблеме падения крепостного права в России уделял В. И. Ленин. Без преувеличения можно сказать, что

---

[8] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, стр. 173.
[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 65.
[10] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12. Изд. 2-е, стр. 605—608, 692—701.
[11] «Архив Маркса и Энгельса». Т. XII, стр. 14.

буквально все стороны реформы были теоретически осмыслены В. И. Лениным. Он впервые поставил вопрос о существовании революционной ситуации в России в конце 50 — начале 60-х годов. Полемизируя с народниками, В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам, непосредственно связанным с отменой крепостного права. Огромное значение для изучения экономических результатов реформы имеет ленинское исследование «Развитие капитализма в России». В этом труде на основе изучения различных статистических материалов, в первую очередь земских, характеризуется пореформенная обстановка в русской деревне. В. И. Ленин подробно останавливается на экономических результатах реформы, заключавшихся не только в создании условий для развития капитализма, но и в сохранении феодально-крепостнических пережитков, тормозивших это развитие. «Крестьянское хозяйство,— писал он,— не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.» [12].

Не менее важное значение для понимания положения в пореформенной деревне имеет другая ленинская работа — «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Большое внимание уделяется здесь влиянию феодально-крепостнических пережитков на процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. Резюмируя результаты своего исследования, В. И. Ленин отмечал: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов» [13].

Непосредственно падению крепостного права [14] В. И. Ленин посвятил, как известно, три статьи: «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «По поводу юбилея» и «Пятидесятилетие падения крепостного права». Все эти статьи написаны в 1911 г. в связи с пятидесятилетием реформы 1861 года. В указанных статьях разоблачались официальные правительственные, либеральные и народнические воззрения на реформу. Вместе с тем В. И. Ленин останавливается здесь на основных вопросах реформы и ее результатах, дает классическое определение причин, вызвавших необходимость отмены крепостного права, определяет расстановку классовых сил в период подготовки реформы. В этих статьях В. И. Ленина содержится всесторонняя оценка реформы 1861 года. Так, характеризуя наделы крестьян по Положениям 19 февраля, В. И. Ленин писал в статье «По поводу юбилея»: «В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а прикрепление к земле кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.» [15].

---

[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 160.

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 125.

[14] Нам представляется совершенно правомерным употребление обоих терминов: «падение крепостного права» и «отмена крепостного права». Первый можно применять тогда, когда говорят о причинах, сделавших неотвратимой отмену крепостного права, второй — когда речь идет о самой отмене как юридическом акте.

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 86.

Наиболее подробно все важнейшие вопросы, связанные с оценкой реформы, с характеристикой причин, вызвавших ее, и т. д., содержатся в ленинской статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Здесь же определяется влияние реформы на дальнейшее развитие революционного движения в России. «1861-ый год породил 1905-ый,— писал В. И. Ленин.— Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905-го года. Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905-му году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков» [16]. Ленинские работы явились той методологической основой, на которой начало развиваться изучение проблемы падения крепостного права советскими историками.

Разработка истории отмены крепостного права в дореволюционной историографии велась, как известно, довольно слабо. Во-первых, исследовался преимущественно процесс подготовки реформы; во-вторых, и это самое главное, все вопросы рассматривались в идеалистическом плане, сквозь призму восприятия дворянско-буржуазных историков. Первой книгой о реформе явилась монография И. Иванюкова «Падение крепостного права в России», вышедшая первым изданием в 1882 году. Она страдала всеми недостатками, присущими дворянско-буржуазной историографии, и в этом смысле может служить классическим образцом. Автор полностью игнорировал общественно-экономические условия, вызвавшие отмену крепостного права, сведя причины этого акта к развитию идей. «Гуманно-прогрессивные, социально-реформаторские идеи,— пишет Иванюков,— распространялись у нас, как мы видели, не теми общественными классами, для которых распространение этих идей было выгодно, а образованною частью дворянства — единственного сословия в России, в которое до сих пор сколько-нибудь значительно проникло просвещение» [17]. Образованное дворянство, зараженное этими идеями, вопреки своим выгодам выступило инициатором освобождения крестьян. Вследствие этого и борьба вокруг реформы изображалась Иванюковым как столкновение носителей гуманных идей с их противниками — «реакционерами-крепостниками». Крестьянство же в период подготовки реформы, по мнению автора, «спокойно ожидало воли». «Распоряжение министра о печатании рескриптов в губернских ведомостях и рассылке их по селам было в высшей степени целесообразно. Благодаря этой мере рассеялось неосновательное ожидание манифеста, в крестьянах явилась уверенность на скорое улучшение их быта... Вместе с тем стали исчезать и опасения крестьянских волнений, нарушений общественного порядка» [18].

Такова концепция автора, классически либеральная по своему содержанию. Иванюков не касается вопроса о реализации реформы, однако в главе «Наделы и повинности крестьян» говорит все же об их экономическом положении после отмены крепостного права. Характеризуя обеспеченность землей всех категорий крестьян (помещичьих, удельных, государственных) в восьми центральных губерниях, он сделал такой вы-

[16] Там же, стр. 99.
[17] И. Иванюков. Падение крепостного права в России. СПБ. 1903, стр. 114.
[18] Там же, стр. 49.

вод: «Приняв 4 десятины за норму удовлетворительного крестьянского надела, а участки ниже двух десятин за совершенно не обеспечивающие крестьянский быт, мы получим следующие процентные выводы относительно окончательного результата поземельной реформы: достаточно обеспеченные — 34½%, скудно обеспеченные — 54%, остались не обеспеченными землей — 11½%»[19]. Дабы ликвидировать это ненормальное положение, Иванюков предлагал ряд мер, которые полностью соответствовали планам гр. Лорис-Меликова (организация переселения в многоземельные губернии, устройство ипотечного кредита, понижение выкупных платежей и т. д.).

Следующей работой, получившей определенную известность, явилась книга Л. В. Ходского «Земля и земледелец», вышедшая в 1891 году. Во втором томе ее есть специальная глава, посвященная реализации Положений 19 февраля. Концепция автора, по существу, сходна с воззрениями Иванюкова, хотя в отличие от последнего характеристика результатов реформы дана им с апологетических позиций. Желая доказать «благодетельность» реформы, Ходский прибегал к «своеобразным» статистико-экономическим приемам. За величину, обеспечивающую крестьян землей, он принимал надел государственных крестьян. В результате получается, что 13,9% помещичьих крестьян получили «щедрые» наделы, а 43,5% — «достаточные». Следовательно, по его разумению, около 60% крестьян получили нормальный земельный надел[20], что находится в явном противоречии с действительным положением вещей. Таким образом, научная ценность работы Ходского также невелика. В аналогичном духе прославления «великой реформы» характеризуется отмена крепостного права и в книге Г. Джаншиева «Эпоха великих реформ», выдержавшей с 1892 по 1907 г. 10 изданий.

Рост крестьянского движения в начале XX столетия, а главное — революционные события 1905—1907 гг. заставили представителей буржуазной историографии проделать известную эволюцию в своих взглядах. В 1905 г. кадетский историк А. А. Корнилов в популярной книге «Крестьянская реформа» результаты реформы и борьбу в губернских комитетах оценивал иначе, нежели Иванюков. «На примере разных губернских комитетов,— пишет Корнилов,— я старался... показать, какое значение имели материальные интересы помещиков при образовании партий и направлений в различных губернских комитетах и как от воздействия этих интересов были несвободны даже такие несомненно идейные деятели, как Унковский, Головачев, Европеус, с одной стороны, Самарин и кн. Черкасский — с другой»[21].

В 1906 г. демократически настроенный экономист А. Е. Лосицкий опубликовал брошюру «Выкупная операция». Она преследовала сугубо политическую цель — доказать незаконность взимания выкупных платежей в 1906 году. В основе брошюры лежал доклад «О выкупной операции», прочитанный автором в Крестьянской комиссии Вольного экономического общества. Доклад и приложенные к нему таблицы представляли собою сжатое изложение хода выкупной операции и являлись плодом серьезного исследования, которое остается до сих пор лучшей работой по этому вопросу.

Наконец, необходимо остановиться на многотомном издании «Великая реформа», вышедшем к пятидесятилетию отмены крепостного права. Среди потока различной низкопробной литературы, прославлявшей «царя-освободителя» и «великий акт 19 февраля», указанное издание представляется наиболее серьезным. В нем отразилась та эволюция во взгля-

---

[19] Там же, стр. 315. Эти данные все же не отражали истинного положения вещей. Обеспеченность крестьян землей была в действительности значительно хуже.

[20] Л. В. Ходский. Земля и земледелец. Т. 2. СПБ. 1891, стр. 243.

[21] А. А. Корнилов. Крестьянская реформа. СПБ. 1905, стр. 103.

де на реформу, которая произошла у представителей буржуазной исторической науки в связи с революционными событиями 1905—1907 годов. В издании, состоящем из научно-популярных статей, принимали участие виднейшие специалисты в области русской истории, и в частности такие демократически настроенные исследователи, как В. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Игнатович, А. З. Попельницкий, В. И. Пичета. В предисловии к нему давалась характеристика историографии, в которой говорилось: «Экономические причины, сделавшие неизбежной отмену крепостного права в интересах самих же помещиков, соображения государственной безопасности, заставлявшие торопиться с реформой под угрозой всероссийской пугачевщины, все это не было достаточно выяснено научным анализом. Жалкие для крестьян результаты освобождения: рост малоземелья, переходивший в прямой земельный голод, рост недоимочности, ложившийся сокрушающим бременем на крестьянские хозяйства, учащение голодовок, сделавшихся постоянным спутником деревенской жизни,— эти факты не ставили в связь с основами реформы, с ее нерешительностью и робостью, с ее скупой филантропией и заботливым вниманием к помещику»[22]. Все же в целом содержание «Великой реформы» было либеральным. В издании можно найти идеализацию Александра II и деятелей реформы и типично либеральное толкование борьбы различных общественных группировок во время ее подготовки. Однако ряд статей издания знаменовал собою известный, хотя и небольшой, шаг вперед в деле научного изучения проблемы. Среди них следует отметить статьи И. И. Игнатович — «Бездна», В. И. Анисимова — «Наделы».

Резюмируя все сказанное о дореволюционной историографии реформы 1861 г., надо еще раз подчеркнуть, что фактическая история отмены крепостного права осталась малоизученной. При этом меньше всего была исследована наиболее важная сторона проблемы — реализация реформы. Собственно по этому вопросу, кроме работ Серебрякова и Рихтера, буквально ничего сделано не было[23].

В первые годы Советской власти господство «школы» Покровского тормозило развитие исторической науки, в том числе и изучение проблемы падения крепостного права. Концепция Покровского по этому вопросу была глубоко ошибочна, ибо он отрицал буржуазный характер реформы 1861 года. По его мнению, наделение крестьян землей задерживало развитие капитализма в стране. В двадцатые и в начале тридцатых годов серьезных сдвигов в изучении проблемы падения крепостного права не произошло. В первой половине двадцатых годов издается лишь ряд краеведческих работ, основанных на привлечении архивных источников. Среди них необходимо отметить небольшую брошюру А. В. Флоровского «Воля панская и воля мужицкая. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии» (Одесса. 1921). Автор на основе изучения

[22] «Великая реформа». Т. I. М. 1911, стр. 3.

[23] Земский статистик В. Серебряков подсчитал на основе уставных грамот данные об отрезках по Саратовской губернии («Землевладение в Саратовской губернии и степень обеспеченности крестьян землей». Сборник «Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Саратовской губернии». Саратов. 1903), введенные затем в научный оборот А. Е. Лосицким в его статье «Хозяйственные отношения при падении крепостного права» (журнал «Образование», 1906, № 11-а). Д. Г. Рихтер произвел обработку выкупных актов Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской губерний для определения количества земли, полученной крестьянами по реформе 1863 г., а также установленного с них оброка. См. Д. Рихтер. Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1900. № 39. Данные Рихтера приводятся в книге: П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, стр. 390, 399, 412, 420.

архивного фонда новороссийского генерал-губернатора осветил крестьянское движение в 1861—1863 гг., то есть в период опубликования Положений и составления уставных грамот. Он не только привел интересные факты о крестьянском движении, но и попытался, на наш взгляд, удачно, дать общую его картину, определив и число его участников. Работа А. В. Флоровского впервые вводила в научный оборот архивные данные о крестьянском движении. Брошюра В. И. Писарева «Ликвидация крепостного права в Приазовье в 1857—1863 гг.»[24] показывала вкратце процесс подготовки реформы и первый этап ее проведения. Автор пользовался также архивными материалами.

Заслуживает внимания первая попытка анализа уставных грамот, предпринятая И. И. Полосиным и В. Н. Бочкаревым в Ярославском педагогическом институте. Обработка уставных грамот производилась по специальной схеме, разработанной И. И. Полосиным[25]. Аналогичная работа проводилась под их же руководством студентами Тверского педагогического института и Нижегородского государственного университета. К сожалению, результаты этого важного предприятия в подавляющей своей части не увидели света. Были опубликованы лишь статьи Н. П. Синотова «Аграрная реформа 19 февраля 1861 года в Ярославской губернии (Бурмакинская волость Ярославского уезда)»[26], основанная на изучении 27 уставных грамот, А. Н. Вершинского «Салтыковская вотчина в XIX столетии»[27], в которой также использованы уставные грамоты, а также исследование И. И. Полосина «Шуваловщина»[28], представляющее собою результаты анализа 32 уставных грамот имения графа П. И. Шувалова в Вышегородской волости, Верейского уезда, Московской губернии. Таким образом, анализ уставных грамот производился лишь в пределах отдельной волости, что обусловливалось прежде всего методикой анализа их, разработанной И. И. Полосиным. Однако, несмотря на это, И. И. Полосин, несомненно, был пионером в области обработки уставных грамот в советское время.

В двадцатые годы в РАНИОН в Москве также было предпринято изучение отдельных вопросов подготовки реформы. Так, Н. М. Дружинин изучал «Журнал землевладельцев», являвшийся рупором реакционного дворянства[29], В. И. Пичета исследовал деятельность Московского губернского комитета, в частности вопрос о крестьянских усадьбах[30]. В конце тридцатых годов в связи с пятидесятилетием со дня смерти Н. Г. Чернышевского усилился интерес к выяснению его роли в период отмены крепостного права. Это нашло свое выражение в весьма обстоятельных работах А. М. Панкратовой и М. В. Нечкиной[31]. В общих рабо-

---

[24] В. И. Писарев. Ликвидация крепостного права в Приазовье в 1857—1863 гг. Ростов-Дон. М. 1924.

[25] Эта схема содержала в себе несколько десятков вопросов. Она опубликована в «Трудах» Общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М. 1930.

[26] «Труды» Ярославского педагогического института. Т. III. Вып. IV. Ярославль. 1929.

[27] «Известия» Тверского педагогического института. Вып. V. Тверь. 1929.

[28] «Труды» Общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М. 1930.

[29] Н. М. Дружинин. «Журнал землевладельцев» 1858—1860. Ч. I («Труды» Института истории РАНИОН. Вып. I. М. 1926); ч. II («Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 2. М. 1927).

[30] В. И. Пичета. Вопрос об усадебной оседлости в Московском губернском комитете. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 5. М. 1929; его же. Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете по крестьянскому делу. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 4. М. 1929.

[31] А. М. Панкратова. Чернышевский и крестьянская реформа 1861 года. «Н. Г. Чернышевский». Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов. 1939; М. В. Нечкина. Чернышевский в годы революционной ситуации. «Исторические записки». Т. 10. 1941.

тах о реформе 1861 г. (Е. А. Мороховца, И. Д. Шахназарова, А. Л. Фраймана) было правильно определено отношение революционных демократов к этому акту царизма. Наконец, в тридцатые же годы начинается изучение вопроса об отмене крепостного права в национальных районах. А. В. Фадеев опубликовал работу о реформе в Абхазии[32], а Г. А. Кокиев — о реформе в Северной Осетии[33].

Большая роль в изучении реформы 1861 г. с марксистско-ленинских позиций принадлежала Е. А. Мороховцу. В 1937 г. он издал научно-популярный очерк «Крестьянская реформа 1861 года», в котором впервые изложена с марксистских позиций история отмены крепостного права в России. В ней достаточно подробно характеризовались причины, сделавшие неизбежным проведение крестьянской реформы, подробно освещался ход ее подготовки. Работа Е. А. Мороховца имела ряд недостатков. Наиболее крупным из них является то, что автор все внимание концентрировал на причинах, вызвавших реформу, и на ее подготовке. Наиболее важная сторона проблемы — реализация реформы — выпала из поля зрения автора. Е. А. Мороховцу принадлежал также ряд ценных статей об отмене крепостного права, в частности «Крестьянская реформа 1861 г. в освещении М. Н. Покровского»[34]. Заслугой Е. А. Мороховца была публикация материалов о крестьянском движении[35], опровергающих представление дореволюционных историков об отношении крестьянства к подготовляемой реформе.

Таким образом, за двадцатые и тридцатые годы советские историки достигли известных результатов в изучении проблемы реформы 1861 года. Во-первых, эта проблема получила правильное освещение в научно-популярной литературе, а также в учебниках для исторических факультетов. Заслуга принадлежала здесь в первую очередь Е. А. Мороховцу[36]. Публикации, предпринятые им, дали полное основание для опровержения тезиса о «спокойном ожидании крестьянами реформы» в период ее подготовки, имевшего хождение в дворянско-буржуазной историографии. Во-вторых, началось изучение отдельных вопросов подготовки реформы, основанное на привлечении архивных источников. В-третьих, исследование отмены крепостного права стало производиться и в масштабе отдельных районов, на основе материалов местных архивов. В-четвертых, в середине тридцатых годов началось также изучение реформы в национальных районах.

Без преувеличения можно сказать, что всестороннее изучение реформы по-настоящему началось только со второй половины сороковых годов. В это время весьма подробно была изучена проблема крестьянского движения в период подготовки и проведения реформы. Исследована история отмены крепостного права в национальных республиках (В. Рштуни — в Армении; Ц. Агаян — в Азербайджане; А. Сопия и Г. Пурцеладзе — в Восточной Грузии; Л. Дзидзигури — в Абхазии; И. Ахалая — в Мегрелии; И. Мужев и Т. Кумыков — в Кабарде; Я. Гросул и И. Будак — в Молдавии; М. Б. Фридман — в Белоруссии;

---

[32] А. В. Фадеев. Крестьянская реформа в Абхазии. «Известия» АН СССР. Серия общественных наук. № 7. 1935.

[33] Г. А. Кокиев. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1940.

[34] «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939.

[35] «Крестьянское движение. 1827—1869». Вып. I—II. М. 1931; см. также сборник «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права». М.-Л. 1949.

[36] Наряду с работой Е. А. Мороховца в довоенные годы были изданы два очерка о крестьянской реформе: И. Д. Шахназаров. «Крестьянская реформа» 1861 года и крестьянство после «освобождения». Л. 1935; А. Л. Фрайман. Отмена крепостного права в России. Л. 1940.

отдельные статьи о крестьянской реформе в Закавказье В. Д. Мочалова, в Литве — Н. Н. Улащика и В. И. Неупокоева и др.). Но самое главное заключается в том, что центр тяжести изучения проблемы, правда, пока только в основном в центральных районах России, переместился с исследования подготовки реформы 1861 г. на изучение ее реализации, то есть на выявление результатов реформы, что, как известно, является наиболее важным делом. Необходимо при этом отметить еще один отрадный факт, заключающийся в том, что качество исследования всех этих проблем из года в год неуклонно повышается, хотя научный уровень некоторых монографий и заставляет еще желать лучшего. Общим недостатком, присущим всем работам по вопросу о реформе 1861 г., является то, что авторы их совершенно игнорируют сравнительно-исторический метод. В результате проблема исследуется в полном отрыве от аналогичных процессов, происходивших в странах Западной Европы. Сопоставление же этих процессов с событиями, имевшими место в России, важно для понимания общих закономерностей исторического процесса.

Обзор указанных выше монографий начнем с общих трудов по истории крестьянского движения в 1859—1863 годах. К ним относятся книги Я. И. Линкова и М. Е. Найденова. В работе Я. И. Линкова «Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг.» (М. 1952) последний раздел посвящен периоду революционной ситуации, то есть времени отмены крепостного права. Автор использует широкий круг опубликованных источников и частично (в небольшом объеме) архивных. Я. И. Линков пытается классифицировать крестьянские выступления, устанавливая для периода составления уставных грамот двадцать различных форм движения. Будучи весьма полезным пособием для учителя, книга Я. И. Линкова не вносит, однако, существенного вклада в изучение вопроса, так как важнейшие архивные материалы, характеризующие крестьянское движение после опубликования Положений 19 февраля, автором не использованы. К ним относятся еженедельные записки министра внутренних дел о ходе реализации реформы, доклады по этому же поводу губернаторов, а также весьма ценные материалы об участии войск в подавлении крестьянских волнений, имеющиеся в фонде департамента Генерального штаба военного министерства в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Спустя три года после выхода в свет книги Я. И. Линкова была опубликована работа М. Е. Найденова «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863)». Она основана так же, как и книга Я. И. Линкова, на использовании в подавляющей степени опубликованных источников. Изучая менее широкий период в истории крестьянского движения, М. Е. Найденов более углубленно анализирует характер и формы крестьянского движения. Достоинством книги является то, что автор исследует это движение в неразрывной связи с процессами, которые происходили тогда в деревне. Так, в его книге дана характеристика института мировых посредников и органов крестьянского общественного управления. М. Е. Найденов подробно останавливается на выяснении природы идеи «слушного часа», получившей в 1861—1863 гг. большое распространение. Автор пытается установить и новую, по сравнению с Я. И. Линковым, периодизацию крестьянского движения в 1861—1863 гг., рассматривая волнения крестьян с июня по сентябрь 1861 г. как отдельный, качественно отличный этап, что, как нам представляется, спорно. Недостатком книги М. Е. Найденова так же, как и труда Я. И. Линкова, является узость источниковедческой базы. Подобные обобщающие работы требуют, по нашему мнению, детального изучения архивных фондов министерства внутренних дел и III отделения.

К той же группе исследований надо отнести и неопубликованную диссертацию М. В. Кукушкиной «Движение помещичьих крестьян в ве-

ликорусских губерниях в 1856—1860 годах». Автор диссертации более широко, нежели Я. И. Линков и М. Е. Найденов, использовал архивные фонды центральных правительственных учреждений. Однако в теоретическом отношении эта работа значительно слабее. Кроме того, М. В. Кукушкина изучает крестьянское движение лишь за три года, предшествующие падению крепостного права, когда движение достигло наивысшего подъема. Вместе с тем ее работа не показывает крестьянское движение непосредственно в период подготовки реформы (такая тема является вполне закономерной), так как она не охватывает первых двух месяцев 1861 года.

В послевоенные годы написано большое число исследований по истории крестьянского движения в различных районах России. Все эти работы основаны на изучении местных архивов, что в значительной степени расширяет наши представления о массовом движении в период проведения реформы 1861 года [37]. В ряде работ и кандидатских диссертаций изучается крестьянское движение в тех или иных национальных районах. Среди них надо отметить диссертацию и статьи В. И. Неупокоева, посвященные крестьянскому движению в Литве [38], статьи Д. П. Пойды [39], Ю. Я. Белана [40] и др. В 1959 г. вышла в свет монография Н. Н. Лещенко «Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года». Она, на наш взгляд, является значительным шагом вперед в области разработки данной проблемы, хотя не лишена и недостатков. Наиболее крупный из них, как нам кажется, заключается в методике исследования. Автор далеко не четко определяет то, что он понимает под крестьянскими выступлениями. Так, на стр. 184 он пишет: «При подсчетах нами принимались во внимание... все массовые и групповые выступления крестьян, в том числе и те, которые не сопровождались столкновениями их участников с полицией и войсками и прекращались убеждениями и угрозами местных властей. Те же волнения, о которых имеются невыразительные упоминания, равно как и выступления одиночек, в расчет не брались». Как понимает автор термин «невыразительное упоминание»? Что вкладывается в понятия «групповое выступление», выступление одиночек? Ведь убийство помещика или поджог его имения мог быть осуществлен одним человеком. Правда, Н. Н. Лещенко пытался исправить в какой-то степени этот недостаток, сделав в Киеве на III межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории стран Восточной Европы, состоявшемся в 1960 г., специальный доклад о методике исследования крестьянского движения, в основном одобренный его участниками

---

[37] Е. И. Устюжанин. Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 года. Сборник «Материалы по истории Татарии». Вып. I. Казань. 1948; Ф. Чебаевский. Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1950, № 11; Ф. С. Горовой. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века. Пермь. 1951; Б. Закс. Крестьянское движение в Московской губернии в период подготовки реформы 1861 года. «Труды» Государственного исторического музея. 1955; У. Л. Маргулис. Крестьянское движение в Рязанской губернии накануне реформы 1861 года (по архивным данным). «Ученые записки» Рязанского педагогического института. № 11. 1953; В. П. Крикунов. Из истории крестьянского движения на Северном Кавказе. Борьба крестьян Воронцово-Александровки против введения уставной грамоты. «Ученые записки» Кабардинского государственного педагогического института. Вып. 9. 1956, и ряд других. Кроме того, этот вопрос освещается в диссертациях, посвященных отмене крепостного права в некоторых губерниях.

[38] В. И. Неупокоев. Крестьянские волнения в Виленской и Ковенской губерниях накануне реформы 1861 года. Автореферат кандидатской диссертации (Вильнюс. 1950).

[39] Д. П. Пойда. Из истории крестьянского движения на Украине в 1861—1863 годах. «Научные записки» Днепропетровского университета. Т. 56. Сборник работ исторического отделения. Вып. 4. 1956.

[40] Ю. Я. Белан. Крестьянское движение на Киевщине в период составления уставных грамот в 1862 году. «Научные записки» Киевского государственного университета. Т. 6. Вып. I. 1947.

В связи с этим следует сказать, что без выработки единой системы исследования дальнейшее изучение вопроса о крестьянском движении, как нам представляется, будет затруднено.

Необходимо отметить один общий недостаток, присущий исследователям крестьянского движения. Он заключается в известной тенденции к преувеличению крестьянского движения периода подготовки и реализации реформы. Тенденция эта по-разному проявляется у тех или иных авторов, но она присуща, к сожалению, большинству из них. Именно вследствие этого приведенное нами выше ленинское определение характера крестьянского движения в период отмены крепостного права большинством исследователей стыдливо замалчивается. Не случайно в обеих обобщающих работах по крестьянскому движению периода реформы (М. Е. Найденова и Н. Н. Лещенко) это определение отсутствует, хотя авторы весьма широко приводят высказывания В. И. Ленина по ряду других вопросов, подчас и не имеющих прямого отношения к изучаемой ими проблеме. Эта тенденция находит свое выражение и в неправильной оценке отдельных крестьянских выступлений. Так, наиболее крупное волнение крестьян весной 1861 г. в Спасском уезде, Казанской губернии, без всякого основания называется Бездненским восстанием. Между тем в Бездне крестьяне не были вооружены и никакого сопротивления войскам и властям не оказывали. Это признавали и местные губернские власти. Так, казанский губернатор Козлянинов, осуждая поступок ген. Апраксина, отдавшего распоряжение о расстреле крестьян, писал министру внутренних дел: «Самое дурное последствие его состоит в том, что числом жертв он вызвал здесь негодование многих, тем более, что, кроме непреклонного упорства в ложном толковании и невыдаче Петрова, крестьяне не буйствовали, ни вреда сделать никому не успели и были 12-го числа (в день расстрела.— *П. З.*) совершенно безоружны»[41]. Следовательно, едва ли есть основания рассматривать это событие как восстание.

Изучение вопроса об отношении революционных демократов к реформе нашло в послевоенные годы свое развитие в работах акад. М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина, З. П. Базилевой и других[42]. Во всех этих работах в целом правильно освещается отношение А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. П. Огарева к крестьянской реформе на различных этапах ее подготовки и проведения. В настоящее время проблемами, связанными с революционно-демократическим и массовым движением в период подготовки и проведения отмены крепостного права, занимается группа по изучению революционной ситуации при Институте истории АН СССР под руководством акад. М. В. Нечкиной.

Обратимся теперь к работам, посвященным изучению отмены крепостного права в отдельных губерниях. На эту тему написано значительное число исследований, являющихся в подавляющей части диссертациями. Все они могут быть подразделены на две группы: 1) работы, освещающие преимущественно ход подготовки реформы и не анализирующие подробно ее результатов; 2) исследования, ставящие своей задачей изучение реформы и ее итогов в целом.

Рассмотрим сначала первую группу работ. Сюда относится значительное число кандидатских диссертаций, статей[43], а также

---

[41] См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, стр. 68.

[42] М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. М. 1941. № 2; Б. П. Козьмин. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. II., вып. 4. 1952; З. П. Базилева. «Колокол» Герцена. М. 1949.

[43] М. И. Белан. Крестьянская реформа 1861 года и крестьянское движение в Черниговской губернии (Киев. 1952); А. И. Короткевич. Отмена крепостного права в Витебской губернии (М. 1954); М. И. Терешкина. Крестьянская реформа в Ма-

книг [44]. Основная часть их посвящена отмене крепостного права. Вполне естественно, что главное внимание авторы исследований должны были обратить на результаты реформы. Однако все исследования об отмене крепостного права в том или ином районе вовсе или почти совсем не касаются этого вопроса. Надо к тому же заметить, что изучение результатов ее возможно лишь на основе анализа уставных грамот и выкупных сделок. Вне этого никакое серьезное исследование реформы 1861 г., по нашему мнению, вообще невозможно. В силу того, что рассматриваемые нами работы не основаны на анализе указанных выше источников, научная ценность их невелика. В качестве примера приведем две работы: М. Б. Фридман «Отмена крепостного права в Белоруссии» и кандидатскую диссертацию М. И. Белан «Крестьянская реформа 1861 года и крестьянское движение в Черниговской губернии».

М. Б. Фридман не подвергла анализу выкупные акты [45] ни по одному из уездов, а результаты реформы рассматривает по заведомо апологетическим данным Ходского с подразделением крестьян на три категории по размерам земельного обеспечения, а именно: получивших надел «щедро», «достаточно» и «недостаточно». При этом М. Б. Фридман делает следующее примечание: щедро наделенными землей считаются хозяйства, имеющие свыше 25 десятин, достаточно — от 20 до 25 и недостаточно — менее 20 десятин [46]. Ссылаясь на Ходского, автор утверждает, что 37% крестьян Минской губернии получили «щедрые» наделы, а 63% — «недостаточные». Следовательно, 37% крестьян Минской губернии, иначе говоря, около 105 тыс. ревизских душ, получили надел свыше 25 десятин на двор. Подобное заключение абсолютно неверно. В Минской губернии насчитывалось 87 712 дворов с 286 054 ревизскими душами [47]. Следовательно, на один двор (хозяйство) приходилось в среднем 3,2 ревизской души. Условимся считать надел «свыше 25 десятин» в 25,5 десятины. Разделив 25,5 на 3,2, получим 7,96 десятины, что и должно было составлять надел на ревизскую душу. Если округлить эту цифру и считать душевой надел в 8 десятин, то, исходя из данных М. Б. Фридман, выходит, что подобный надел получили 105 тыс. ревизских душ. По данным же «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России», надел свыше 7 десятин в Минской губернии получили только 44 760 ревизских душ, а свыше 8 десятин — 32 101 душа [48].

Диссертация М. И. Белан «Крестьянская реформа 1861 г. и крестьянское движение в Черниговской губернии» была защищена в 1952 г. в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Автор ее также фактически не уделяет никакого внимания вопросу проведения реформы, хотя значительная часть одной из глав посвящена данной теме. В отличие от М. Б. Фридман М. И. Белан ознакомилась все же с двумя уставными грамотами из общего числа свыше 2 тыс., заключен-

---

рийских районах (М. 1951); Л. Н. Бакусова. Подготовка отмены крепостного права в центрально-черноземных губерниях (М. 1952); А. З. Ципман. Подготовка отмены крепостного права в Вологодской губернии (Вологда. 1954); М. М. Максименко. Отмена крепостного права и крестьянское движение в Таврической губернии (Симферополь. 1958), и др.

[44] В. Н. Елисеева. Подготовка крестьянской реформы 1861 года в Рязанской губернии (Рязанский губернский дворянский комитет 1858—1859 гг.). «Ученые записки» Рязанского педагогического института, № 11. 1953; В. И. Неупокоев. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве. «Ученые записки» Вильнюсского университета. № 6. Серия историко-филологических наук. Т. 2. Вильнюс. 1955; Н. Н. Улащик. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. «Исторические записки». Т. 33; М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск. 1958.

[45] В Литве, Белоруссии, на Правобережной Украине уставные грамоты были заменены в 1863 г. выкупными актами.

[46] М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 192.

[47] См. «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Вып. V. СПБ. 1882, стр. 103.

[48] Там же.

ных в Черниговской губернии. Характеризуя наделение крестьян землей, она пишет: «По неточным данным царской статистики, в Черниговской губернии были произведены отрезки в 125 имениях. Во всех этих имениях, во время отрезки, от крестьян отняли земли в количестве 38 566 десятин» [49]. При этом автор не делает даже ссылки на источник, откуда им заимствованы эти сведения. Аналогичной по своему характеру является и диссертация А. Г. Короткевича «Отмена крепостного права в Витебской губернии».

Таким образом, многие историки обращают основное внимание на освещение подготовки реформы, игнорируя изучение ее результатов, то есть того, что является наиболее важным делом. Вторым недостатком их работ является иллюстративный метод исследования. В силу того, что они не основаны на изучении какой-либо однородной группы источников, иллюстративный метод получает в них, по существу, главенствующее значение, хотя нельзя забывать, что примеры, иллюстрации сами по себе не могут служить доказательством того или иного положения. «В области явлений общественных,— указывал В. И. Ленин,— нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще— не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или часто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев... Вывод отсюда ясен: надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...» [50].

Рассмотрим работы той же группы, относящиеся к национальным районам, на которые не распространялись Положения 19 февраля, то есть к Грузии, Армении, Азербайджану, Северному Кавказу и Молдавии. В послевоенный период по всем этим районам написаны монографические исследования [51]. Все они внесли серьезный вклад в изучение вопроса об отмене крепостного права на национальных окраинах России. В них подробно исследованы причины, ход, подготовка и условия проведения реформы. Однако важнейший вопрос — выявление результатов ее,— к сожалению, не был предметом исследования. Ни в одной из указанных работ не использованы данные уставных грамот и выкуп-

---

[49] Там же, стр. 151. К тому же надо заметить, что, «по неточным данным царской статистики», в Черниговской губернии было отрезано не 38 566 десятин, а более 200 тысяч.

[50] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266—267.

[51] В. Рштуни. Крестьянская реформа в Армении в 1870 г. Ереван. 1947; Ш. К. Чхетия. К истории крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси. 1950; А. А. Сопия. Дворянство и крестьянская реформа в Восточной Грузии. Сухуми. 1950; И. Ф. Мужев. Крестьянская реформа в Кабарде (1867 г.). Автореферат кандидатской диссертации (М. 1950); Ц. П. Агаян. Крестьянская реформа в Азербайджане в 1870 г. Баку. 1956; Т. Х. Кумыков. К вопросу о крестьянской реформе в Балкарии в 1867 г. «Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии». Вып. 6. Ставрополь. 1957; его же. Земельная реформа в Кабарде. «Ученые записки» Кабардино-балкарского научно-исследовательского института. Т. XII. Нальчик. 1957; Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. Махачкала. 1958; В. И. Невская. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии. «Труды» Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. 3. Черкесск. 1959; Г. Пурцеладзе. Крестьянская реформа в Восточной Грузии. Автореферат докторской диссертации (Тбилиси. 1960); Я. С. Гросул, И. Г. Будак. Крестьянская реформа 60—70-х годов XIX в. в Бессарабии. Кишинев. 1956; В. П. Крикунов. Крестьянская реформа в Ставропольской губернии. Ставрополь. 1949, и др.

ных актов. Если для конца сороковых и начала пятидесятых годов это в какой-то степени объяснимо, то для настоящего времени, когда изучение результатов реформы не мыслится без анализа уставных грамот и выкупных сделок, подобное положение совершенно непонятно. Например, несмотря на то, что об отмене крепостного права в Восточной Грузии написаны две диссертации — А. А. Сопия и Г. Пурцеладзе,— вопрос о результатах реформы в этом районе так и не нашел своего решения [52].

Разработка вопроса о методике изучения уставных грамот и выкупных сделок, разумеется, не могла возникнуть сразу. Первые работы, основанные на изучении этих источников, извлекали из них лишь данные, касающиеся отрезки крестьянских земель, подробный же анализ уставных грамот в них отсутствовал. Далее методика обработки уставных грамот была разработана более полно [53], и этот ценнейший источник был подвергнут всестороннему анализу, причем подробно изучались причины отрезки и прирезки земель, определялась зависимость отрезки от форм эксплуатации, величины имения и т. д. Изменилось и понимание термина «отрезка земли». Ранее под ним подразумевалась разность между количеством земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы и полученной ими в надел по уставным грамотам. Имея в виду, что наряду с отрезкой земель в значительной части уездов имела место и прирезка их (что являлось в большинстве случаев своеобразной формой грабежа крестьян), разность эта означает не количество отрезанных земель, а размеры абсолютного уменьшения крестьянского землепользования. В связи с этим изменяется и процент отрезки, отличный от процента уменьшения количества земли. К тому же раньше в ряде случаев неверно определялся и процент отрезки. Последний должен, на наш взгляд, выражаться соотношением имевшейся у крестьян и полученной ими земли лишь по тем селениям, по которым производились отрезки. Во второй половине пятидесятых годов возникает надобность разработки вопроса о выкупной операции, знаменовавшей собою второй, завершающий этап проведения реформы. Надо сказать, что определение точного количества земли, полученного в надел крестьянами, возможно только в результате анализа выкупных сделок [54].

В соответствии с высказанными выше замечаниями вторую группу исследований об отмене крепостного права можно разбить на три подгруппы. К первой относятся работы, в которых результаты реформы рассматриваются на основе упрощенного анализа уставных грамот [55]. В диссертации В. С. Орлова «Отмена крепостного права в Смоленской губернии» (позднее была опубликована отдельной книгой) [56], анализирующей результаты реформы в губернском масштабе, привлечены данные 140 грамот Краснинского уезда (что составляет примерно 40% общего их числа). Естественно, что указанное число грамот совершенно не-

---

[52] В настоящее время аспиранткой Московского университета Е. А. Квасниковой заканчивается обработка уставных грамот и выкупных актов по Тифлисской губернии.

[53] Схема обработки уставных грамот, предложенная в 20-х годах И. И. Полосиным, не могла быть принята, так как она была рассчитана на изучение небольшого числа грамот.

[54] В большинстве случаев изменение количества земли, получаемой крестьянами при заключении уставных грамот и при выкупных сделках, не претерпевает больших изменений. В отдельных же случаях эти изменения весьма существенны. Так, на основе изучения результатов реформы в Горбатовском уезде, Нижегородской губернии, выясняется, что почти все отрезанные по уставным грамотам земли были возвращены крестьянам при заключении выкупных сделок (надо сказать, что процент уменьшения крестьянских земель по уставным грамотам был довольно высок — 20%). См. дипломную работу студента Московского университета В. И. Канатова (М. 1960). При этом надо отметить, что возвращение крестьянам земли являлось результатом соглашения помещиков с крестьянами, что было весьма выгодно первым.

[55] Этот анализ сводился в основном к определению процента уменьшения надельных земель.

[56] В. С. Орлов. Отмена крепостного права в Смоленской губернии. Смоленск. 1947.

достаточно для анализа результатов реформы не только в губернии, но и в уезде. Однако, несмотря на это, заслуга В. С. Орлова состоит в том, что в послевоенный период он первый ввел в научный оборот результаты обработки уставных грамот. К той же категории работ относятся диссертации С. С. Филипповой «Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (по материалам Бронницкого и Рузского уездов)» (М. 1953), К. Ф. Максимовой «Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии» (М. 1951), Ф. С. Горового «Отмена крепостного права на Урале (по материалам Пермской губернии)» (М. 1956) и И. Н. Кунтикова «Крестьянская реформа 1861 года в Нижегородской губернии» (М. 1955). Все они заслуживают в целом положительной оценки, за исключением диссертации Кунтикова. Однако принципы обработки уставных грамот в них весьма примитивны. Например, К. Ф. Максимова, изучая уставные грамоты Кирсановского уезда, клала в основу своего исследования не число ревизских душ, а имение, соответствовавшее уставной грамоте. Вследствие этого данные об отрезке и прирезке земли по тому или иному числу имений ничего сами по себе не выражают. К тому же она пыталась делать выводы о результатах реформы по губернии на основе анализа уставных грамот по одному из двенадцати ее уездов. Данные Г. С. Койстинен о результатах реформы в Петербургской губернии также весьма неточны. Автор не сообщает, какую часть уставных грамот она обработала из общего их числа. Приводя данные об отрезках, Г. С. Койстинен вместе с тем умалчивает о размерах прирезанной крестьянам земли, сообщая лишь число селений, где такая прирезка производилась. Все это значительно снижает ценность указанного исследования.

И. Н. Кунтиков анализировал данные 2 063 уставных грамот, однако сделал он это по самому упрощенному методу, сводящемуся к математическим расчетам о количестве отрезанной и прирезанной земли. К тому же расчет этот произведен далеко не точно, что было обнаружено при поуездном анализе уставных грамот по Нижегородской губернии студентами Московского и Горьковского университетов. Серьезным недостатком работы И. Н. Кунтикова является преувеличение размеров крестьянского движения в Нижегородской губернии в период проведения реформы.

Ко второй подгруппе исследований о реформе относятся работы Б. Г. Литвака, П. Г. Игнатова, Г. В. Ильина, Г. И. Богатиковой, В. Г. Зиминой, В. И. Крутикова, Г. М. Дейча. Они основаны на детальном изучении уставных грамот. Наиболее полно изучены уставные грамоты Б. Г. Литваком в его обстоятельной диссертации «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.», защищенной в 1956 году[57]. Автор подвергает углубленному, всестороннему анализу примерно 2 тыс. уставных грамот, относящихся к девяти уездам Московской губернии. Указанная диссертация, на наш взгляд, является лучшей из всех написанных в этой области, хотя отдельные положения автора представляются нам спорными. В. Г. Зимина в своей диссертации о крестьянской реформе во Владимирской губернии[58] изучала уставные грамоты двух уездов: Покровского и Юрьевского. В. И. Крутиков в книге «Отмена крепостного права в Тульской губернии» исследовал уставные грамоты трех уездов — Веневского, Алексинского и Новосильского. Г. И. Богатикова изучила данные 5 718 уставных грамот удельных крестьян и на основе этого пока-

---

[57] См. также его статью «Итоги изучения уставных грамот Московской губернии». «История СССР», 1958, № 6.

[58] В. Г. Зимина. Крестьянская реформа 1861 г. во Владимирской губернии (М. 1956). В. Г. Зиминой удалось обнаружить во Владимирском областном историческом архиве сводные данные об изменении в землепользовании крестьян в результате реформы, относящиеся ко всем уездам.

зала результаты реформы в удельной деревне[59]. П. Г. Игнатов и Г. В. Ильин — ученики И. И. Полосина — в своих кандидатских диссертациях рассматривали — первый в волостном масштабе, второй в поуездном — уставные грамоты в несколько ином аспекте, нежели это осуществляется в настоящее время. П. Г. Игнатов изучил уставные грамоты ряда волостей Тверской губернии, Г. В. Ильин — Коломенского и Московского уездов, Московской губернии. В статье Г. М. Дейча «Ближайшие результаты проведения реформы 1861 года в Псковской губернии по данным уставных грамот»[60] привлечены материалы значительного числа грамот указанного района.

Таким образом, в первой половине пятидесятых годов изучение результатов отмены крепостного права начало осуществляться на основе массового анализа уставных грамот. Это знаменовало значительный шаг вперед в деле изучения реформы 1861 года. И только историки, изучающие эту проблему в Грузии, Армении, Азербайджане и на Северном Кавказе, пока не приступили еще к анализу уставных грамот. Для выяснения результатов реформы большое значение имеет также исследование хода выкупной операции. Помимо определения количества надельной земли, что окончательно устанавливается только на основе изучения выкупных сделок, анализ этих источников дает возможность ответить на ряд других вопросов. В связи с этим большое значение приобретает исследование характера выкупных сделок. В некоторых районах крестьяне охотно шли на соглашение с помещиками о выкупе, внося при этом и дополнительную плату, иногда даже с процентами[61]. В других районах, наоборот, крестьяне отказывались от добровольных соглашений о выкупе, и последний осуществлялся на основе одностороннего требования помещиков без получения ими дополнительного платежа. Трудно говорить о каких-либо закономерностях в этом вопросе лишь на основе проделанного нами анализа выкупных сделок по 20 уездам. Но одной из причин согласия крестьян на дополнительный платеж являлось, как нам кажется, стремление их как можно скорее ликвидировать временнообязанные отношения. Это стремление было наиболее сильно в барщинных уездах[62]. Желание помещиков получить дополнительный платеж заставляло их идти весьма часто на предоставление крестьянам земли «в дар». При этом в отдельных случаях «дар» достигал довольно больших размеров[63]. Такие факты весьма интересны и требуют, безусловно, дальнейшего исследования.

---

[59] Г. И. Богатикова. Реформа удельных крестьян в 1863 году. Кандидатская диссертация (М. 1956); ее же. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне. «Исторические записки». Т. 63. 1958.

[60] «Ученые записки» Псковского педагогического института. Вып. 4. 1957.

[61] Особенно кабальный характер дополнительного платежа, заключавшийся не только в оплате процентов, но и носивший нередко характер отработок, имел место в Краснинском уезде, Смоленской губернии. См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, стр. 318—323.

[62] В барщинном Краснинском уезде 90% крестьян перешли на выкуп по добровольному соглашению с помещиками, а в оброчном Сычевском — лишь 17%. В Волоколамском уезде, Московской губернии, из 120 выкупных сделок только 8 были заключены по добровольному соглашению с помещиками, хотя в этом уезде около 50% крестьян состояли на барщине. По-видимому, на характер выкупа оказывали влияние и другие причины. В Волоколамском уезде крестьяне имели неземледельческие заработки, которые отсутствовали в Краснинском, в силу чего в первом они не шли на заключение таких кабальных сделок, какие имели место во втором. См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, стр. 318—323, 324, 328—334.

[63] Так, в Шуйском уезде, Владимирской губернии, помещица кн. Черкасская предоставила крестьянам «в дар» 2 862 десятины удобной земли. Одновременно с этим крестьяне обязывались внести помещице 17 883 руб. дополнительного платежа. При этом в договоре указывалось, что 7 300 руб. крестьяне вносят единовременно, а в случае неуплаты остальной части дополнительного платежа помещице предоставляется право «продать часть леса из уступленных в собственность сверх надела господских

Изучение выкупных сделок, по сути дела, только началось, и количество работ, содержащих в себе данные их, пока незначительно. К ним относятся диссертации Д. И. Будаева и А. Г. Каревской. Первый рассматривал уставные грамоты и выкупные сделки в Ельнинском, Дорогобужском и Сычевском уездах, вторая — уставные грамоты и выкупные сделки семи уездов Самарской губернии [64]. Кроме того, анализ результатов реформы в поволжских губерниях также на основе изучения уставных грамот и выкупных сделок проводили в своих дипломных работах студенты Московского и Горьковского университетов [65].

Огромное значение для выяснения результатов реформы имеет предпринятая Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР обработка уставных грамот и выкупных сделок для подготовки их к публикации (руководитель — В. К. Яцунский). Работа эта проводится рядом историков Ленинграда под руководством учителя истории Р. С. Ланина. В ней принимают участие учителя Н. А. Куреньгин, М. Я. Вербель, а также сотрудники Центрального государственного исторического архива в Ленинграде В. И. Вербель и З. В. Бредюк. Эта группа обработала уже свыше 30 тысяч уставных грамот и примерно такое же количество выкупных сделок. Надо надеяться, что скоро их ценный труд будет опубликован и станет достоянием историков, изучающих проблему реализации реформы 1861 г., а также явится ценным пособием для семинарских занятий студентов. Таким образом, можно сказать, что работа, проделанная советскими историками за последнее десятилетие, свидетельствует о больших успехах в области изучения реформы 1861 года.

В заключение кратко остановимся на задачах, стоящих, по нашему мнению, перед исторической наукой в деле исследования проблемы отмены крепостного права.

Нам представляется, что первой и главной задачей в этой области является завершение обработки уставных грамот и выкупных сделок во внутренних губерниях России. Данные, полученные в результате этой работы, послужат исходным пунктом для изучения проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве на начальном этапе его развития (60—70-е годы XIX века). Наши историки уже много сделали для выяснения грабительского характера реформы, заключавшегося в сохранении

угодий» (там же, стр. 327). Таким образом, «дар» этот не носил альтруистического характера, особенно если учесть, что десятина земли в Шуйском уезде стоила примерно 5 рублей.

[64] Д. И. Будаев. Проведение реформы 1861 года в Смоленской губернии. Кандидатская диссертация (Смоленск. 1957). Позднее Д. И. Будаев обработал около шести тысяч уставных грамот и такое же количество выкупных сделок по всей Смоленской губернии. Данные о землевладении крестьян см. в его статье «Изменения в землепользовании крестьян Смоленской губернии в результате проведения реформы 1861 г.» («Исторические науки». 1959, № 4); А. Г. Каревская. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Самарской губернии. Кандидатская диссертация (Куйбышев. 1959); см. также ее статью «Реализация реформы 19 февраля 1861 г. у помещичьих крестьян Самарской губернии». «Сборник материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства». Вып. 3. М. 1959.

[65] Студенты Московского университета: Е. В. Каширская — Свияжский уезд, Казанской губернии; Т. И. Крестьянникова — Казанский уезд той же губернии; А. В. Лиходед — Вольский уезд, Саратовской губернии; А. С. Маскина — Камышинский и Царицынский уезды, Саратовской губернии; Е. И. Воронич — Макарьевский уезд, Нижегородской губернии; В. И. Канатов — Горбатовский уезд той же губернии; Н. В. Зяблова — Семеновский уезд той же губернии; М. Ф. Спиридонов — Васильский уезд той же губернии.

Студенты Горьковского университета: В. И. Титова — Княгининский уезд; А. С. Белоусова — Ардатовский и Сергачский уезды; И. В. Оржеховский — Арзамасский и Лукояновский уезды, Нижегородской губернии.

феодально-крепостнических пережитков, тормозивших процесс экономического развития. Вторая сторона реформы — создание ею условий для развития капитализма в стране — разрабатывается значительно слабее. Не учитывается полностью значение освобождения от крепостной зависимости личности крестьянина, хотя этот факт сыграл большую роль в развитии капитализма. Не обращается также должного внимания на изменение природы крестьянского хозяйства после реформы. В этом отношении огромное значение имело разверстание угодий, расширившее возможности буржуазного развития деревни. Так, по неполным данным, к маю 1867 г. в тридцати двух губерниях 1 814 575 ревизских душ разверстали свои угодья, из них 1 249 144 души совершили это на основе добровольного соглашения с помещиками [66]. Всесторонний учет этих и других фактов и явлений очень важен для изучения процесса развития капитализма в пореформенной России. Исследованием указанной проблемы в общероссийском масштабе занимается в настоящее время акад. Н. М. Дружинин [67], а в масштабе отдельных губерний — ряд других историков [68].

Вторая задача советских историков, на наш взгляд, заключается в изучении проблемы, связанной с дарственными наделами. Предоставление крестьянам земли «в дар» оказывало серьезное влияние на уменьшение надельного землевладения. Так, в Новохоперском уезде, Воронежской губернии, уменьшение крестьянских наделов по уставным грамотам составляло 11,8%, а по дарственным сделкам — 78,8%; в Валуйском уезде той же губернии соответственно — 6,8% и 76,8%; в Самарском уезде, Самарской губернии,— 20,3% и 78% [69]. В ряде губерний вследствие резкого несоответствия существовавших арендных и продажных цен на землю с установленным Положениями оброком, а отсюда и ценой земли по выкупу крестьяне требовали дарственного надела. Основная же масса помещиков, за исключением крупнопоместных, шла на это чрезвычайно неохотно, так как она была заинтересована получить выкупные платежи, необходимые им для перестройки их хозяйства. В конечном счете от этого выгадали помещики и прогадала основная часть дарственников. Цены на землю, в особенности в условиях массового спроса, быстро росли, и большая часть крестьян, за исключением зажиточных, сумевших купить землю по дешевым ценам, оказалась в крайне тяжелом положении. Вопрос о дарственниках представляет большой интерес как для изучения кабальных форм аренды (дарственники, естественно, шли на любую кабалу), так и для изучения проблемы развития крестьянской буржуазии, поскольку часть дарственников, приобретя землю, превратилась в своеобразных фермеров. Исследование указанных проблем возможно только на основе изучения фондов областных архивов.

Третьей задачей советских историков следует считать продолжение изучения крестьянского движения как в период подготовки реформы, так и в период ее проведения. Эта работа должна осуществляться на основе единой методики [70].

В-четвертых, необходимо приступить к исследованию уставных грамот и выкупных актов в Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном

---

[66] См. П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, стр. 362—363.

[67] См. П. Г. Рындзюнский. Творческий отчет академика Н. М. Дружинина. «Вопросы истории», 1960, № 9.

[68] Изучением этих вопросов в Симбирской губернии занимается В. И. Канатов, в Самарской — А. Г. Каревская, в Таврической — В. А. Коростелин.

[69] См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года, стр. 227, 233, 276.

[70] В данном случае можно руководствоваться методикой, разработанной для публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века» (главный редактор — акад. Н. М. Дружинин).

Кавказе. Целесообразно также продолжить работу Д. Рихтера, детально изучив выкупные акты в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Следовательно, главная задача историков, изучающих проблему отмены крепостного права, состоит во всестороннем выяснении результатов реформы, что имеет первостепенное значение для исследования такого кардинального вопроса, как процесс развития капитализма в России.

Нам кажется, что неоценимую помощь в изучении указанных выше проблем могут оказать аспиранты и студенты исторических факультетов университетов и педагогических институтов, руководимые и направляемые опытными историками. Секция истории Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, как известно, создает в настоящее время ряд групп по изучению важнейших вопросов истории нашей Родины. Так, при Московском университете будет работать группа по истории крестьянства, которая при содействии Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории Академии наук СССР сможет оказать помощь другим вузам страны в изучении широкого круга вопросов, связанных с проблемой падения крепостного права в России.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советах

К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БАБЕФА

6 декабря 1960 г. состоялось юбилейное заседание Отделения исторических наук и Института истории АН СССР, посвященное 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа. В заседании, подготовленном группой по изучению истории Франции и группой по изучению истории социалистических идей, приняло участие более 100 историков.

Открывая собрание, акад. В. П. Волгин во вступительном слове подчеркнул большое общественное значение научного обсуждения проблем «Заговора равных».

Основной доклад — «Место бабувизма в истории социальных идей» — сделал В. П. Волгин. Анализ идей бабувистов не впервые привлекает внимание В. П. Волгина. Научная общественность хорошо знает В. П. Волгина как одного из крупнейших советских ученых, специалиста в области истории социалистических идей. В своих многочисленных работах В. П. Волгин на основе марксистско-ленинской методологии осуществил тщательное и глубокое изучение источников по истории прогрессивной мысли человечества. В этих работах впервые получили освещение с позиций исторического материализма учения многих социалистов-утопистов. Исключительно содержательны труды В. П. Волгина по истории социально-политической мысли во Франции XVIII в., где им дан глубокий анализ взглядов физиократов, Вольтера, Руссо, Монтескье, Мабли, Морелли. Важное значение для развития науки имеет предпринятое В. П. Волгиным научное издание тщательно прокомментированных произведений виднейших представителей утопического социализма. Как известно, фундаментальный труд В. П. Волгина «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (М. 1958) и серия других его работ выдвинуты советской общественностью на соискание Ленинской премии.

В своем докладе на заседании В. П. Волгин прежде всего охарактеризовал роль французской буржуазии в революции конца XVIII века. В начале этой революции рабочие еще не осознали себя как занимающий самостоятельное место в истории класс со своими особыми общественными интересами. В первый период революции, завершившийся 10 августа 1792 г., пролетарии еще не отделяют себя от плебейства и мелкобуржуазных слоев общества и вместе с ними активно борются против буржуазной верхушки Учредительного собрания, стремившейся сохранить остатки старого режима. В этот период наибольший интерес к вопросам развития общества проявлял «Социальный клуб» (Cercle social) Фоше и Бонвилля. Но каково было влияние «Социального клуба» на рабочих, сказать трудно. Когда же установилась якобинская диктатура, отмечает В. П. Волгин, то на первых порах рабочие считали ее своим народным правительством, так как якобинцы разрушили «старый порядок» и удовлетворили ряд требований бедняков и крестьян. Однако рабочим якобинская диктатура ничего существенного не дала, да и не могла дать. Это привело к недовольству и брожению среди них. Несомненно, рабочие участвовали в движении «бешеных» и поддерживали левых якобинцев с их радикально-уравнительными лозунгами.

После 9 термидора как результат классовых боев 1789—1794 гг. начался процесс идеологического выделения пролетариата из плебейской массы, процесс освобождения его от мелкобуржуазных традиций, когда у рабочих стало крепнуть убежде-

ние в необходимости искать новые пути к социальному освобождению. Конечно, последовательного классового мировоззрения у них тогда еще не было, но его элементы уже начали в то время формироваться.

В. П. Волгин выдвигает тезис, что бабувистское движение явилось отражением процесса идеологического роста складывающегося рабочего класса. Бабувисты пытались претворить в жизнь социальные чаяния рабочих и дать им организационное выражение, а их вожди были приверженцами уравнительно-коммунистических идей. Процесс политической дифференциации в обществе вызывал дифференциацию и в среде руководителей движения. Левые группы видели в коммунизме путь к реальному разрешению социальных проблем. По словам В. П. Волгина, этот поворот демократической интеллигенции к коммунизму составлял как бы идеологическую параллель процессу выделения рабочих из общей плебейской массы.

Коммунистические идеи возникли во Франции еще задолго до революции (в наиболее последовательной форме — у Морелли). Бабувисты были в известном смысле слова учениками первых провозвестников коммунизма. Бабеф еще до революции интересовался коммунистическими теориями, хотя в то время он выдвигал с целью разрешения аграрного вопроса предложения только уравнительного характера (см. письма к Дюбуа де Фоссе и др., а также предисловие к книге «Cadastre perpetuel»). Но уже в 1793 г. Бабеф не считал себя «апостолом аграрного закона»; В. П. Волгин подчеркивает, что к этому времени Бабеф уже убедился в невозможности разрешения социальных проблем путем компромиссов.

Бабеф и его соратники, используя теоретическое наследие утопических коммунистов XVIII в. и традиции революционного якобинства, попытались практически ответить на запросы начинающего пробуждаться к самостоятельной политической жизни пролетариата. Конечно, как отмечает В. П. Волгин, эта попытка была еще мало удачна; но это уже значительная веха в истории домарксового коммунизма. Коммунистическая пропаганда бабувистов имела своей целью не только распространить правильные взгляды на способы разрешения социальных проблем, но и совершить на практике общественный переворот во имя коммунизма. Именно в этом, по словам В. П. Волгина, состоит основное отличие бабувистов от дореволюционных сторонников коммунистической идеи.

Ценность бабувизма состоит в том, что, выдвинув задачу свержения существующего строя революционным путем, сподвижники Бабефа поставили ряд новых вопросов, не существовавших для теоретиков XVII—XVIII столетий, и поэтому вынуждены были пересмотреть многое в их идейном наследии.

Наряду с общими контурами коммунистического идеала бабувистами впервые в истории были намечены непосредственные мероприятия по улучшению положения бедноты и по подавлению враждебных революции сил. Бабувисты впервые в истории коммунистической мысли попытались решить проблему организации власти после победоносной революции, выдвинув идею революционной диктатуры трудящихся, а также пытались охарактеризовать процесс этого преобразования, его основные этапы.

Не все из бабувизма для нас приемлемо, говорит докладчик. Многое в этом учении наивно и несовершенно; критика бабувистами существующего строя ведется в основном с чисто этических позиций. Не могли они также правильно поставить и решить основные проблемы революции. И хотя, готовя восстание, бабувисты заботились о связи с рабочими, но понять историческую роль пролетариата они также были не в состоянии. Свою задачу сторонники Бабефа видели не в организации пролетарской партии, а в создании особого революционного сообщества, которое подготовит и возглавит восстание.

Тем не менее историческая заслуга бабувистов велика. Сопоставляя их теоретические проекты и построения с теориями дореволюционных утопических коммунистов, можно увидеть, какой значительный шаг вперед сделала коммунистическая мысль под влиянием революционной борьбы 1789—1794 годов. Бабувизм — это промежуточное звено между утопическим дореволюционным коммунизмом и домарксовыми коммунистическими построениями начала XIX века. Влияние бабувизма на утопический коммунизм 30—40-х годов XIX в. совершенно бесспорно. Без изучения бабувизма нельзя понять развитие коммунистической мысли в десятилетия, предшествующие возникновению научного коммунизма Маркса и Энгельса.

Во втором докладе, сделанном проф. В. М. Далиным,— «Социальные идеи Бабефа накануне революции» — был поставлен вопрос о генезисе и времени формирования у Бабефа коммунистических взглядов. Был ли Бабеф накануне революции и в первые ее годы только эгалитаристом, с весьма неясными симпатиями к коммунизму? Произошел ли переворот в его социальных воззрениях лишь на основе опыта революции и термидорианской реакции? Занимал ли коммунизм вообще лишь второстепенное место в мировоззрении Бабефа, как считал французский историк А. Матьез?

Единственным, но зато чрезвычайно ценным источником для выяснения этих проблем является переписка Бабефа с секретарем Аррасской Академии Дюбуа де Фоссе, впервые опубликованная Адвиеллем в 1884 году. Однако соотношение известных науке писем (38 писем Бабефа и 61 ответное письмо Дюбуа де Фоссе) говорит о том, что в распоряжении Адвиелля была далеко не вся переписка. Лишь недавно корреспонденция была приведена в порядок, и теперь готовится полное научное издание всех писем Бабефа, в том числе и недостававших ранее.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС обнаружено еще одно письмо [1] Бабефа, весьма обстоятельное и целиком посвященное обсуждению острейших социальных проблем в тогдашней Франции. Это письмо является ответом, адресованным тому же Дюбуа де Фоссе 1 июня 1786 г., но не отправленным вследствие резкости высказываний и откровенности его содержания. 22 июня 1786 г. Бабеф отправил другое письмо, где были поставлены те же вопросы, но в более сдержанной форме. Сравнение первого письма с посланным наглядно показывает, сколь строгой внутренней цензуре подвергал Бабеф свою переписку. Анализ письма из ИМЛ в сопоставлении с остальной перепиской Бабефа позволяет проследить генезис коммунистических взглядов у его автора на самой ранней стадии их формирования.

Характеризуя содержание письма из архива ИМЛ, докладчик подробно остановился на проекте «коллективных ферм» (fermes collectives) Бабефа, выдвинутом в альтернативном порядке хозяйству крупных фермеров-собственников. Подробному анализу были подвергнуты также высказывания Бабефа о частной собственности. В. М. Далин детально осветил вопрос об идейных влияниях, которые испытывал Бабеф в тот период. Отметив сильное влияние взглядов Ж.-Ж. Руссо, В. М. Далин указал, что уже тогда Бабеф поставил вопрос о «пределах нашего доверия к Жан-Жаку». По мнению докладчика, сильнейшее влияние на Бабефа имел Мабли. В частности, было высказано основанное на документальных данных предположение, что самая формула «совершенного равенства» («egalité parfaite») была взята из произведения Мабли «De la legislation ou principes des lois» (Amsterdam. 1776, pp. 57—58).

Докладчик подчеркнул, что характеристика предреволюционных социальных воззрений Бабефа лишь как эгалитаристских является недостаточной. Во всяком случае, Бабеф ясно представлял себе все преимущества коллективного способа ведения хозяйства перед частным, индивидуальным. А. Матьез безусловно ошибался, когда считал, что коммунизм для Бабефа являлся только «фасадом». Критике были подвергнуты и взгляды прогрессивного французского историка Ж. Лефевра, полагавшего, что коммунизм Бабефа никогда не шел дальше «распределения» и не затрагивал самую организацию производства.

Конечно, взгляды Бабефа накануне революции далеко еще не приняли законченной формы; многие вопросы оставались для него неясными. Только огромный опыт, приобретенный им за годы французской революции, прежде всего за месяцы якобинской диктатуры, позволил Бабефу сделать следующий, решающий шаг в формировании собственного революционно-коммунистического мировоззрения, хотя планы коренного переустройства общества возникли у него еще до революции.

В сообщении кандидата исторических наук Ю. Я. Мошковской «Отклики на процесс Бабефа в Германии» указывалось, что в двух журналах, выходивших в Гамбурге в 1796—1797 гг.,— «Frankreich. Aus den Briefen deutscher Männer in Paris» и «Minerva» (редактором последнего был видный историк и публицист Архенгольц), были опубликованы письма Бабефа, его мемуары и другие документы, а также статьи, посвященные «Заговору равных» (всего за два года — 6 статей в «Frankreich» и 9 ста-

[1] Большую помощь в его расшифровке оказала Н. И. Непомнящая, старший научный сотрудник ИМЛ.

тей в «Minerva»). Эти статьи давали в целом представление о наиболее существенных идеях, лежавших в основе учения Бабефа.

Подобные статьи не могли не привлечь внимания передовых людей немецкого общества к судебному процессу группы французских революционеров. Среди читателей этих журналов был и выдающийся философ Фихте, который с молодых лет изучал французскую социальную литературу XVIII столетия. Ю. Я. Мошковская подчеркнула, что в 1793 г. Фихте с энтузиазмом относился к мероприятиям якобинской диктатуры и в двух своих первых работах защищал французскую революцию на высшем ее этапе. В 1799 г. Фихте написал социальную утопию «Замкнутое торговое государство», которую он сам считал своим лучшим и наиболее продуманным произведением.

Конечно, его исходная позиция была идеалистической; как идеалист он выводил «деятельность вовне» из требований разума и морали. «Прыжок в царство свободы» являлся, по Фихте, не неизбежным результатом общественных событий, а «решением разума перескочить из мира случайного в царство свободы». Нельзя забывать и того, что, живя в Германии конца XVIII в., Фихте не мог увидеть в полной мере развития буржуазного общества и находился поэтому в плену многих старых представлений, присущих современникам цехового строя.

Несмотря на это, «Замкнутое торговое государство» Фихте является значительным памятником немецкой социальной мысли XVIII века. По мнению Ю. Я. Мошковской, это первая попытка в Германии представить в систематической форме картину будущего «разумного государства». В этом произведении отразились и идеи французских социалистов-утопистов, и опыт якобинской диктатуры, и, наконец, выступления Бабефа и бабувистов на процессе, который, возможно, послужил для Фихте, как полагают докладчик и некоторые исследователи творчества Фихте (Марианна Вебер, Ксавье Леон, А. М. Деборин), толчком к написанию названной работы.

В сообщении «О тактике бабувистов» кандидат исторических наук В. С. Алексеев-Попов (Одесса) подверг критике некоторые взгляды по вопросам заговорщической тактики бабувистов. Автор проанализировал вопрос о связи бабувизма с масонством. В. С. Алексеев-Попов выдвинул тезис, что движение «равных» не носило характера заговора. По мнению докладчика, термин «заговор» должен быть выведен в данном случае из научного употребления. Бабувистское движение ставило своей задачей организацию масс, в частности тех элементов, которые принимали деятельное участие во французской революции на предшествующих ее этапах.

В сообщении Г. С. Кучеренко «Роль Сильвена Марешаля в Заговоре равных» было подчеркнуто, что этот вопрос представляет большой научный интерес, поскольку на Марешаля оказали влияние идеи французского революционного мыслителя Жана Мелье. Г. С. Кучеренко поставил задачу выяснить взаимоотношения Бабефа и Марешаля. Изучение доступных нам документов по истории «Заговора равных», переписки Марешаля, а также его многочисленных произведений дает возможность ответить на данный вопрос. С марта 1793 г., говорит докладчик, Бабеф и Марешаль стали друзьями. Марешаль помог Бабефу преодолеть ряд трудностей и окончательно обосноваться в Париже, чтобы «будоражить всю республику». Их дружба опиралась не только на чувство личной симпатии, но и на идейную общность их взглядов. Марешаль, подобно Бабефу, видел в частной собственности причину всех зол и считал, что революция не привела к «общественной гармонии» и поэтому должна быть продолжена для установления «социального равенства». Вместе с тем Марешаль отрицал необходимость коллективного производства, а также какой-либо власти кроме отцовского авторитета и т. п. От подобного понимания «общественной гармонии» он не избавился, даже примкнув к движению «равных». Именно поэтому написанный им «Манифест равных» не был принят (по настоянию Бабефа) в качестве официального документа заговора. Не случайно Бабеф справедливо считается вождем и наиболее последовательным теоретиком «равных». Однако передовое в целом мировоззрение Марешаля делало его не только другом, но и сподвижником Бабефа. Марешаль протестовал против закрытия клуба «Пантеон»; он был одним из учредителей «тайной Директории» (есть сведения, позволяющие считать его даже одним из руководителей этой организации). Докладчик привел ряд данных, объясняющих, почему Марешаль избежал ареста и осуждения по делу Бабефа. Но Марешаль не стал ренегатом. В своих сочинениях, написанных им после разгрома «Заговора равных», он не отказывается от своих идеалов. В заключе-

ние был сделан вывод, что Марешаль, несомненно, является одним из активных участников движения «равных».

В заключительном слове акад. Е. М. Жуков дал высокую оценку материалам сессии, отметив в то же время, что не все выдвинутые в сообщениях положения являются бесспорными. Е. М. Жуков подчеркнул, что советская историческая наука всегда проявляла и проявляет большой интерес к наследию Гракха Бабефа и не только является по праву хранителем его идейного наследства, но и призвана заняться дальнейшим изучением бабувизма — важного этапа в развитии коммунистической мысли.

И. И. Сиволап

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГРАКХА БАБЕФА

Публикуемые ниже документы выдающегося французского революционера, руководителя движения «во имя равенства» Г. Бабефа, относящиеся к различным периодам его жизни и деятельности, представляют большой интерес для советских читателей. Они характеризуют Бабефа как стойкого и мужественного революционера, свидетельствуют о его живейшем интересе к положению и нуждам широких народных масс, в частности рабочих, о его непримиримости в борьбе против имущих классов, дают нам представление о его социально-политических взглядах.

Первые два документа относятся к весне 1790 г., когда Бабеф, возглавлявший в своей родной провинции Пикардии движение против уплаты особенно тягостных для населения налогов, установленных монархией, был арестован по постановлению парижского главного податного суда и заключен в парижскую тюрьму Консьержери. Через два месяца Бабеф был освобожден в результате организованной им энергичной кампании, поддержанной Маратом.

Деятельность Г. Бабефа накануне установления якобинской диктатуры, в 1792—1793 гг., нашла свое отражение в последующих документах (№№ 3, 4). Бабеф подвергает жестокой критике деятельность Конвента, в котором руководящее положение еще занимали тогда жирондисты, требует проведения революционной политики в продовольственном вопросе, подчеркивая при этом тяжелое положение рабочих, страдавших не только от вынужденной безработицы, но и от дороговизны хлеба. Важным документом для знакомства с социальными взглядами Бабефа является его письмо от 7 мая 1793 г. к Шометту — прокурору Парижской коммуны, одному из виднейших представителей демократического движения в столице Франции. В этом письме Бабеф формулирует свои взгляды на собственность.

Еще в 1790 г. Бабеф предполагал написать историю французской революции. Ниже публикуется отрывок из начатой им рукописи (док. № 5), в котором Бабеф подчеркивает необходимость изучения в истории прежде всего роли народных масс и критикует дворянскую историографию, игнорировавшую народ или пренебрежительно относившуюся к нему. В письме от 16 декабря 1796 г. (док. № 6), написанном в Вандомской тюрьме во время происходившего там процесса бабувистов, Бабеф решительно осуждает поведение тех своих сторонников, которые растерялись после его ареста, не сумели возглавить движение и дать отпор реакции. Характеризуя их как «дезертиров», Бабеф отстаивает необходимость осуществления революционной тактики, в противовес оппортунистической линии поведения, проводившейся на суде некоторыми обвиняемыми. Это письмо, написанное за несколько месяцев до казни, особенно ярко характеризует Бабефа как решительного революционера не только в период революционного подъема, но и во время спада движения, поражения и тяжелых неудач.

Все письма Бабефа переведены с подлинников на французском языке, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и публикуются впервые, за исключением письма к Шометту, напечатанного на французском языке в 1935 г. в книге M. Dommanget «Pages choisies de Babeuf» по копии, которая имеет разночтения с оригиналом.

Публикация подготовлена А. М. Бобковым, В. М. Далиным и Н. И. Непомнящей.

1

Г. Бабеф — [Дж. Рютледжу][1]*. 25 мая 1790 г. [Париж]*

Милостивый государь.

По-видимому, вы не застали вчера г-на Генерального прокурора, у которого вы хотели получить для г-жи Бабеф и моего дорогого сына разрешение на свидание со мной[2]. Это, наверное, отложено на сегодня. Но как бы там ни было, я умоляю вас прийти ко мне рано утром, а потом уже отправиться к Генеральному прокурору. Вы, конечно, были настолько добры и сказали моей супруге, что я здоров, что я совершенно спокоен, что я крепко целую ее и нашего сына, что мне доставило чрезвычайное удовольствие узнать, что любовь побудила ее помчаться, как на крыльях, вслед за мной. Соблаговолите повторить ей это; как много я вам уже обязан! Вы, безусловно, приведете с собой г-на Милле де Гравелль[3]. Посыльный торопит меня. Засвидетельствуйте мое почтение г-же Майер. Обнимаю г-на и г-жу Одиффре[4], которые, я уверен, принимают особенное участие в постигшей меня катастрофе. Примите выражение чувств, которые вы столь заслуживаете.

Остаюсь, милостивый государь,

Ваш преданнейший и покорнейший слуга Бабеф.

25 мая 1790 г.

Здравствуй, мой дорогой мальчуган Робер, который приехал в Париж к своему папе. Бедный мой маленький товарищ, твой друг чувствует себя хорошо. Ты его скоро увидишь, не горюй, не век он будет в тюрьме. Он еще с тобой поиграет.

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем — ЦПА ИМЛ), ф. 223, оп. 1, ед. хр. 28 В IV.

2

Г. Бабеф — Ж. П. Одиффре. 26 мая 1790 г. Париж.

26 мая 1790 г.

Приходите повидаться со мной, все мои друзья, теперь это возможно[5]. Я жду свою жену, своего дорогого сына и всех тех, кто пожелает их сопровождать. Время до их прихода покажется мне гораздо более долгим, чем все мое пребывание здесь до сих пор.

Бабеф.

Г-ну Одиффре, негоцианту, для немедленной передачи г-же Бабеф, улица Кенканпуа, № 40.

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 29 В IV.

3

Г. Бабеф — муниципалитетам департамента Уазы. 1 марта [1792 г.]

1 марта 4-го года. Муниципалитетам департамента Уазы.

Господа! Вы взяли в свои руки прекраснейшее дело: вы только что показали — что бы ни говорили злонамеренные люди — пример, заслуживающий того, чтобы приковать к себе взоры человечества[6]. Сорок тысяч французов смело поднялись ради великого вопроса о хлебе! О друзья и братья, осознайте, насколько прекрасно ваше начинание; поймите, как важно довести его до конца; учтите, что судьба всей Франции может зависеть от того, каким образом вы закончите так счастливо начатое дело. Скупщики отобрали у нас звонкую монету, они уже нанесли жестокие удары громадному большинству отраслей торговли; благодаря тайным интригам, внушенным самой чудовищной злобой, удалось заставить почти всех наших рабочих пребывать в бездействии: но основной предмет нашего питания — наш хлеб, оставался в изобилии, и вот теперь пытаются похитить у нас и это последнее средство спасения. Наше пропитание намереваются отдать нашим яростным врагам, виновникам всех постиг-

ших нас бедствий! Восемьдесят тысяч рук поднимаются, чтобы дать отпор этой величайшей из гнусностей... Посланники национального сената являются, чтобы ознакомиться с положением, одобряют мотивы вашего поведения, обещают вам издать закон, которого вы домогаетесь для того, чтобы наиболее надежным способом предотвратить угрожающий нам голод и дороговизну,— и все заканчивается принятием закона, приказывающего вооруженным силам отобрать у вас самое драгоценное из ваших сокровищ!.. Братья, тот человек, кто ударил в набат, требуя предать смерти фалангу откупщиков [7], тот, кто избавил вас от всепожирающей орды прислужников фиска, тот, кто целиком посвящает себя защите угнетенных, этот человек, повторяю, заслуживает, может быть, чтобы ему было оказано некоторое доверие. У меня слишком мало времени, чтобы изложить вам соображения, внушившие мне советы, которые я осмеливаюсь вам давать: вы сами сможете обнаружить их в предлагаемом мною обращении к законодателям.

Законодатели!

Посланцы сорока тысяч французов дистрикта и окрестностей Нуайона, уверенные, что они выражают волю и всего остального населения страны, представляют на ваше рассмотрение вопрос исключительной важности, касающийся всей нации, вопрос, который еще не обсуждался в Сенате, хотя его давно уже следовало обсудить.

Этот великий вопрос — вопрос о хлебе!

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 47 В II.

4

Г. Бабеф — А. Шометту. 7 мая 1793 г. Париж.

Гракх Бабеф Анаксагору Шометту, прокурору Парижской коммуны.

О необходимости и обязанности для общественного должностного лица добиться признания самого драгоценного и самого важного из прав человека.

Париж, 7 мая, II-й год Французской республики.

Трибун народа *,

Какой момент мы переживаем! От него будут зависеть судьбы мира! Какой момент для вашей славы! Для места, которое вам будет отведено на страницах беспристрастной истории!!! Она скажет будущим поколениям, кем вы были, судя по вашему поведению в эти дни! Какое величие духа вы начали проявлять 18 апреля, побудив Генеральный совет принять замечательное постановление, согласно которому он «объявляет себя в состоянии революции до тех пор, пока не будет обеспечено продовольствие!» [8]. Теперь остается только укрепить основы и продолжать это прекрасное дело! Наступил день, когда Парижская коммуна должна доказать, что она не напрасно обязалась защищать права человека. Знакомы ли вы со статьей мнимых прав человека, которая определяет собственность, как «право распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, своими капиталами, своим промыслом!» Естественные, неотъемлемые права! Как преступно вы нарушены!!! Скупщики! Пиявки человечества! Все, кому предоставлена широкая возможность высасывать жизненные силы у громадного большинства народа! Радуйтесь: освящены только ваши отвратительные права. Объединяйтесь все теснее. Совершенствуйте систему ваших смертоносных интриг, ваших убийственных замыслов. Обдумывайте самые утонченные и варварские спекуляции с продовольствием, предназначенным для бесчисленного класса бедняков. Ваши преступные желания будут вскоре полностью осуществлены. Скоро, на основании Декларации прав человека, вам удастся поднять цену на фунт хлеба. Кто может установить предел вашей преступной жадности? Депутаты! Среди вас нет подлинных санкюлотов! ...Почти никто из вас не принадлежит к подлинному третьему сословию! Третье сословие не представлено в ареопаге! Нет, почти никому из вас, как видно, не приходилось никогда испытывать раздирающие муки нужды. Вы

* Я употребляю этот титул только в том смысле, что он надлежащим образом характеризует действительного защитника санкюлотов.

не способны заботиться о благе народа! Вы это сделаете, если вас заставят!.. Но, однако, ты, Робеспьер, который так точно определил собственность, который начертил границы этого права, чтобы оно не стало пагубным для громадного большинства общества, ты, который заявил: «Право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных. Общество обязано заботиться о пропитании всех своих членов, либо доставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать» [9]. Приди, ты наш законодатель. А вы, якобинцы! единогласно одобрившие возвышенный труд этого достойного представителя, вы, которые не так беспощадны, как Сенат,— сплотитесь вокруг нашего Ликурга, вы, его помощники и уважаемые сподвижники. Члены Парижской коммуны! вы, отважно заявившие, что будете находиться в состоянии восстания до тех пор, пока не будет обеспечена жизнь всего суверенного народа, пока ее не перестанут приносить в жертву алчности варварских экономистов-монополистов,— выполните же ваше обязательство! Ведь вы являетесь важнейшей частью народа, и его воля (Робеспьер, статья 17) [10] должна быть осуществлена, и с вашим желанием будут считаться, так как это должно способствовать созданию общей воли. Наложите немедленно национальное вето на эту предательскую Декларацию прав, не человека, но ростовщиков, скупщиков, ненасытных и смертоносных пиявок, жадных спекулянтов всякого рода. Вслед за вашим великодушным выступлением поднимется вся Республика и примкнет к вашему движению. Она отзовется на ваши призывы, как она это всегда делала в важных обстоятельствах, и на этот раз с тем большим основанием, что дело касается, наконец, обеспечения классу неимущих, классу, безусловно, составляющему громадное большинство в государстве, реальных выгод вместо мнимых, которыми удавалось опьянить его с начала революции. Этот заслуживающий внимания класс пришел уже к убеждению, которое может стать роковым для успеха нашего дела, а именно что до сих пор его заставляли бороться и горячиться только ради потустороннего блаженства. Ведь одни только слова «революция, свобода, равенство, республика, родина» не изменили к лучшему его положения; этот вывод породил уже злополучные последствия, которые мы не можем скрыть от себя: апатию, упадок духа, всеобщее безразличие, приводящие в отчаяние небольшое число граждан, полностью сохранивших свою энергию. Этот интересный класс, повторяю, при виде великого движения, ставящего своей целью обеспечить ему счастливое существование, которое должно быть уделом каждого республиканца, снова вернет себе прежнюю мощь и мужество, а ведь только это может сделать нас непобедимыми перед лицом угрожающих нам тиранов, и, что еще важнее,—это обеспечит нам совершенную победу, так как тогда соседние народы, узнав о царящем у нас подлинном и всеобщем благосостоянии, будут стремиться завоевать такое же и для себя.

Трибун, последний Декрет о продовольствии не в состоянии удовлетворить народ! [11] Если этот закон и смог бы иметь какие-либо хорошие последствия, то они были бы лишь преходящими. Но каких результатов можно ожидать от этого снижения цены до уровня средней цены на зерно, установившейся уже во время его дороговизны? Народ требовал вовсе не этого. Народ хотел, чтобы на необходимый для всех продукт питания была установлена доступная для всех цена. В этом, безусловно, заключался также смысл знаменитой речи Анаксагора, послужившей великолепным толчком и определившей тон превосходной петиции Сент-Антуанского предместья. Ваша задача еще не закончена, защитник народа; Коммуна должна по-прежнему считать себя в состоянии революции, раз не подлежит сомнению, что продовольствие еще не обеспечено. Это нельзя осуществить одним законом; это должно быть включено в основные положения общественного договора; надо признать принцип Робеспьера, «что право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных, что общество обязано заботиться о пропитании всех своих членов, либо доставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать!»

Вот, гражданин прокурор, великая статья Хартии прав человека, которую должна признать суверенная нация. Эта статья докажет главной и важнейшей части народа, что наконец-то революция проявляет справедливость по отношению к нему, и поэтому он ее благословит и будет готов тысячу раз отдать жизнь в ее защиту. Прокурор Па-

рижской коммуны является тем, кто больше всех остальных граждан Республики обладает возможностью и необходимыми средствами, чтобы вызвать движение, способное обеспечить успех великого дела, и эта победа будет стоить победы 10 августа 1792 года... Пусть Анаксагор потребует для этой цели ясного заявления Генерального совета. Наше дело так прекрасно, умы уже так подготовлены к принятию всех мер для достижения столь важной цели, что заранее можно быть вполне уверенным, что петиция будет одобрена, что все парижские секции не преминут одобрить ее, что все остальные секции Республики, которые всегда гордились тем, что поддерживали великие мероприятия столицы-матери и следовали ее политике, и на этот раз поступят так же; что таким образом в этот момент национальное вето будет с очевидностью для всех применено в целях исправления нелепого и возмутительного принципа права на злоупотребления, освященного нашей новой Декларацией прав. Самое драгоценное и самое неоспоримое из всех прав человека, хотя до сих пор совершенно не признававшееся, будет закреплено на благо всех поколений.

Трибун Анаксагор, я призываю вас выполнить ваше же собственное обязательство; и если вы предвидите препятствия, то какая же прекрасная возможность представляется вам выказать свое величие! Едва ли встретится обстановка, которая более настоятельно требовала бы применения на практике великого принципа противодействия гнету.

Ускорим шаг, чтобы прийти к этому счастливому концу революции, когда наступят дни всеобщего благосостояния, неизвестного всем векам и всем народам, чьи летописи дошли до нас. Конечно, слепой и безрассудный эгоизм не мог предвидеть приближения этого чудесного конца, к которому от всей души стремятся честные люди; но проницательная философия до сих пор не ошибалась в своих расчетах. Филантропы! Я возвещаю вам о моей книге «О равенстве», которую я подарю миру [12]. Софисты! В ней я разрушу все ложные рассуждения, при помощи которых вы вводили в заблуждение, заключали в оковы и постоянно заставляли страдать вселенную; и, вопреки вам, люди узнают всю полноту своих прав, воля природы не будет более обманута, и все станут счастливыми!

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 9 В X.

5

Г. Бабеф. Набросок работы по истории Французской республики [13].

История Французской республики начиная с революции 1789 года.

У наций, которые ничего собой не представляют, народы не имеют истории. Там знают лишь историю захватчиков власти. Так было и во Франции.

Я намереваюсь написать историю французского народа.

До сих пор только коронованные разбойники, притеснители-дворяне и лжецы-священники имели своих собственных историков. Панегиристы рабски восхваляли и оправдывали систему угнетения этой преступной троицы, единение которой, как они хорошо понимали, было необходимо для обеспечения их безнаказанного господства. В этих исторических описаниях, составляющих позор человечества, народ присутствовал только в качестве презренного стада, предназначенного судьбой на утеху представителей тройного деспотизма.

Теперь, когда эта чудовищная конфедерация уничтожена и народ стал всем, нужно, чтобы **

Хорошо ли поняли, что должно составлять предмет истории?

Народ Израиля воспевал свою историю, жил в своей истории; также и римляне. История религии — это законодательство.

Народы отождествлялись с христианством, французский народ отсутствовал, были только христианские народы.

К каким же высоким судьбам призваны французы?

Нужно, чтобы они жили в своей истории. Изучение в школе.

Газета — история — когда народ станет самостоятельным.

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 21 В III.

** Здесь фраза обрывается *(примечание подготовителей)*.

6

Г. Бабеф. Письмо из Вандомской тюрьмы[14]. *[16 декабря] 1796 года*

26 фримера.

Ты мне выказал много знаков привязанности, мой дорогой, и я горжусь тем, что они относились не столь к человеку, сколь к принципам, которые он никогда не перестанет отстаивать. Это поведение внушает мне такое уважение и доверие, что я не колеблюсь излить тебе мои самые сокровенные мысли.

До роковых дней флореаля[15] (о чем ты, возможно, не имеешь правильного представления) силы демократической партии были громадны. Успех этих выступлений был бы обеспечен, если бы не навеки проклятое предательство, вызвавшее нашу неудачу. Но наши потери не были бы непоправимыми, если бы не плохой состав штаба плебейских фаланг.

Признаться ли тебе? Мы входили в этот штаб, но эта измена показала, что только мы были его душой. Как только нас не стало, наши заместители немедленно обратились в бегство, и все колонны, понятно, рассеялись в беспорядке. Несчастное малодушие! Людей, которые возглавляли движение наряду с нами, было еще достаточно, чтобы сплотить всех наших последователей и повести их, как это сделали бы мы. Наше отсутствие могло бы быть едва заметным. Общественное мнение в основном было тогда превосходным. Нужно было только заявить: «Народ! Не бойся; выход из строя нескольких солдат ничего не означает. Сомкни свои ряды и держись стойко; у тебя осталось еще достаточно руководителей. Не поддавайся крикам тиранов и их рабов. Они изображают в виде чудовищных деяний великодушные намерения тех, кто хотел избавить тебя от их гнета. Скажи им, что им не удастся ввести тебя в заблуждение. Заставь их умолкнуть, заверив их, что то, чего хотели твои друзья, ты хочешь этого сам, и что ты будешь по-прежнему действовать вместе с нами для достижения этой цели».

Вот что нужно было бы заявить 22 и 23 флореаля в номере «L'Eclaireur du peuple» или «Le Tribun du peuple»[16] от имени продолжателей Гракха Бабефа; и если бы так поступили, больше ничего бы не потребовалось; наши плебеи сохранили бы свою энергию; не наступила бы реакция, связи были бы быстро восстановлены, и наша победа пришла бы лишь немногим поздней.

Вместо этого дезертиры не довольствовались одним актом трусости; у них хватило низости отречься от своих братьев по оружию и вторить убийцам народа. «О да, эти планы, эти проекты ужасны, они гнусны и отвратительны!» — кричали они. Лучшее, на что оказались способны некоторые из них, это объявить наше предприятие только безумием и сумасбродством. Известно, что вслед за этим произошло: коварство одержало верх и перед нами разверзлась бездна невиданных бедствий.

Вот весьма длинное предисловие, за которое прошу извинить меня, мой дорогой...***, но я подхожу, наконец, к цели моего письма. Тебе знаком некий...[17]. Я называю его моим отшельником[18]. Тебе известны также его сочинения; ты помнишь эти многочисленные длинные статьи в невероятно бесцветной и слезливой газете, которая, однако, преподносилась свободным людям всех стран как nec plus ultra революционной пропаганды[19]; ты помнишь, повторяю, эти длинные статьи нашего отшельника, в которых он первым сформулировал теорию о безумии и сумасбродстве дела 21 флореаля, и притом с таким остроумием, что все остальные простаки из числа так называемых писателей-патриотов, в том числе в газетах «Ami des lois», «Ami de la Patrie», «Ami du peuple»[20], не преминули повторить их; так вот поверишь ли ты, что этот, по-видимому, столь благоразумный человек был в действительности до 21 флореаля одним из главных деятелей общества тех самых безумцев и сумасбродов, против которых он так рьяно ополчился.

Однако молчок, я могу сказать об этом только тебе. Нет никаких улик против нашего Мудреца[21], и я вовсе не желаю, чтобы они были, упаси боже. Но я сейчас объясню, почему мне необходимо доверить тебе эти тайны. Этот человек действительно очень умен, и я охотно верю ему, когда он утверждает, что у него нет дурного умысла.

*** Вычеркнутое Бабефом, не поддающееся прочтению слово (*примечание подготовителей*).

Он малодушен, но не думаю, что он плохой человек. Полагаю, что он искренен, когда утверждает, будто он пишет, воодушевляясь самыми лучшими намерениями, в надежде послужить Родине и нам тем, что оспаривает достоверность существования мнимого заговора и тем самым выставляет правительство в смешном свете и вынуждает его устыдиться возбужденных им преследований. Этот проект не лишен смысла, и все видели, что он удался. Но общеизвестно, что можно обладать большими познаниями и в то же время иметь самые неправильные суждения. Самое яркое доказательство этого — упорство, с которым отшельник продолжает марать бумагу по поводу нашего дела. Он недавно передал своему типографу рукопись небольшой брошюры, которая, как он сам мне сказал, написана в том же духе, что и прежние его выступления на эту тему, и дополняет их [22]. Если бы я не был, как я тебе уже говорил, довольно высокого мнения о моральных качествах этого человека, я подумал бы, что он стремится только к самооправданию, и, действительно, для этой цели его метод совсем не плох. Но, повторяю еще раз, по-моему, его уверенность, будто он никому не вредит, объясняется только ошибочностью его взглядов. Я же считаю, что он приносит очень большой вред и особенно сейчас. Он открыто противопоставляет свой способ защиты нашему и мешает проявлению симпатии к нам, которую нам уже до известной степени удалось вызвать. Ведь если ты, достойный последователь... **** и... ****, защитника... **** и... **** красноречиво и с чувством представляешь нас, как ты говоришь, в виде атлетов, великодушно не щадивших своих сил ради торжества прав человечества, а кто-то другой рисует нас в преувеличенном и смешном виде, чуть ли не в доспехах донкихотствующих поборников справедливости, то тебе должно быть понятно, что подобное изображение умаляет сделанное тобой, отвлекает от него заслуженное им внимание.

По-моему, нам оказали бы очень плохую услугу, если бы из жалости предоставили нам место в сумасшедшем доме вместо того, чтобы дать нам возможность оказаться со славою сброшенными с Тарпейской скалы.

Мое письмо очень бессвязно, потому что я пишу его второпях, и вот уже третий раз обещаю тебе прислать конец, который все же, надеюсь, скоро последует.

В силу этих обстоятельств и соображений я прошу тебя использовать, если это возможно, твое влияние на типографа [23], чтобы он отсрочил или под каким-нибудь предлогом отклонил печатание нового патента на сумасбродство, который собирается выдать нам один из наших. Употреби все средства, которые ты сочтешь возможными, для того, чтобы это прекрасное творение упокоилось бы в царстве химер. Тебе, конечно, самому ясно, что когда имеешь дело либо с правительством, либо с верховным судом, то совершенно бесполезно рассчитывать на успех с этой манией строить воздушные замки.

Ты осведомлен о новом протесте, который мы собираемся заявить; присоедини твои молитвы к нашим, чтобы добиться у небес его успеха.

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, ед. хр. 48 В IV.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В публикуемом письме фамилия адресата не указана. Однако нет никаких сомнений в том, что оно было адресовано Дж. Рютледжу (1742—1794), литератору и видному деятелю демократического движения в Париже. Тотчас же после заключения Бабефа в парижскую тюрьму, 22 мая 1790 г., он обратился к Рютледжу с просьбой взять на себя его защиту, на что Рютледж дал согласие. 25 мая Рютледж, как известно из его письма к Бабефу, хранящегося в ЦПА, посетил генерального прокурора податного суда Клемена де Барвилля.

2. Бабеф был арестован в Руа 21 мая 1790 года. Его семья — жена и сын Робер-Эмиль — выехала вслед за ним в Париж и прибыла туда 25 мая.

3. Милле де Гравелль — парижский адвокат, приглашенный Бабефом в качестве второго защитника.

4. Ж. П. Одиффре — математик; был знаком с Бабефом еще до революции; в 1789 г. был издателем книги Бабефа «Постоянный кадастр». На его квартире Бабеф жил во время своего пребывания в Париже, в июле — октябре 1789 года. Во время ареста Бабефа в 1790 г. его семья также проживала у Одиффре.

**** Вычеркнутые Бабефом, не поддающиеся прочтению слова *(примечание подготовителей)*.

5 26 мая генеральный прокурор податного суда дал разрешение Бабефу на получение свиданий.

6. В феврале 1792 г. в дистрикте Нуайон (департамент Уазы) вспыхнули продовольственные волнения. Деревенская беднота и рабочие воспротивились вывозу зерна. Комиссары Законодательного собрания изложили петицию участников движения, которую Собрание отклонило. Волнения были подавлены вооруженной силой.

7. В январе — мае 1790 г. Бабеф возглавил в Пикардии движение против уплаты косвенных налогов — соляной подати (gabelle), сборов с предметов питания, взимавшихся на пригородных заставах, налогов с напитков и т. д. Составленная Бабефом петиция в Учредительное собрание имела большой успех в Пикардии и привела к почти полному прекращению платежей. Так как взимание этих налогов давалось на откуп «генеральным фермерам» (fermiers généraux), откупщики добились в мае 1790 г. ареста Бабефа. Тем не менее движение, поддержанное во всей стране, привело в марте 1790 г. к отмене соляной подати, а в марте 1791 г.— к уничтожению всех остальных косвенных налогов.

8. 18 апреля 1793 г., после того как делегация парижских секций, огласив в Конвенте петицию об установлении максимума, вернулась в помещение Парижской коммуны, Шометт произнес там речь, в которой содержалась упоминаемая Бабефом фраза.

9. Бабеф имеет в виду проект Декларации прав человека и гражданина, которую Робеспьер огласил на заседании Якобинского клуба 21 апреля 1793 г. и в Конвенте — 24 апреля («Oeuvres de M. Robespierre». T. IX. «Discours — septembre 1792—27 juillet 1793». Paris, pp. 454—470). В окончательный текст Декларации прав, принятой Конвентом, эта формулировка Робеспьера, ограничивавшая права собственников, внесена не была.

10. Эта статья Декларации Робеспьера гласила: «Закон может запрещать только то, что вредно для общества; он может предписывать только то, что ему полезно».

11. 4 мая 1793 г. Конвентом еще до изгнания жирондистов был принят первый закон о максимуме, не соответствовавший требованиям народных масс, так как твердые цены были установлены только на хлеб, исключая остальные предметы питания. Цена на хлеб устанавливалась на довольно высоком уровне, и, кроме того, вводились твердые и заниженные ставки заработной платы.

12. Эта книга не была издана Бабефом. В архиве сохранилась незаконченная рукопись, озаглавленная «Философский свет», которая, вероятно, должна была лечь в основу этой книги.

13. Рукопись не закончена и не датирована. Судя по содержанию, она могла быть написана не ранее 1793 года.

14. Фамилия адресата тщательно зачеркнута в рукописи и не поддается прочтению. Есть, однако, все основания полагать, что письмо это было адресовано Пьеру-Никола Эзину (Hésine), издававшему в Вандоме, во время судебного процесса, газету «Journal de la Haute Cour de Justice ou Echo des Hommes libres, vrais et sensibles», в которой он мужественно защищал Бабефа. Преподаватель математики в военной школе Понлевуа до революции, Эзин (род. в 1763 г.) принимал самое активное участие в демократическом движении в годы революции и подвергался преследованиям после 9 термидора. На шестом заседании суда в Вандоме Бабеф ходатайствовал о том, чтобы Эзин был назначен его защитником. Суд отказал Бабефу в этой просьбе, ссылаясь на то, что Эзину запрещен въезд в Вандом. В архиве ИМЛ сохранилось письмо Эзина к Бабефу от 11 ноября 1796 г., в котором он советуется с Бабефом по поводу плана подробного освещения всей истории процесса в своей газете.

15. Бабеф был арестован 21 флореаля IV г. (10 мая 1796 г.).

16. «L'Eclaireur du peuple» и «Le Tribun du peuple» — газеты, издававшиеся Г. Бабефом до его ареста.

17. Из дальнейшего изложения очевидно, что в письме речь идет о Пьере-Антуане Антонелле (1747—1817), по происхождению маркизе, бывшем члене Законодательного собрания, присяжном заседателе Парижского революционного трибунала, руководившем судом над Марией-Антуанеттой и жирондистами. Антонелль принимал участие в движении «во имя равенства». Сообщение Бабефа в настоящем письме, что Антонелль был членом бабувистского центра — «Тайной директории общественного спасения», подтверждается и Буонарроти в его книге «История заговора во имя равенства».

18. Антонелль издал несколько анонимных брошюр под именем «Отшельник».

19. Бабеф имеет в виду газету «Journal des Hommes libres de tous les pays», фактическим редактором которой был Антонелль.

20. Бабеф называет газеты, выходившие в Париже во время Директории, издатели которых занимали умеренно-демократическую позицию.

21. Антонелль был все-таки позднее арестован и привлечен в качестве обвиняемого на процессе бабувистов в Вандоме. Был оправдан.

22. Антонелль выпустил целый ряд брошюр, посвященных так называемому флореальскому заговору.

23. Речь идет, по-видимому, о типографии Коттеро-Пенсона в Вандоме, где печатались брошюры Антонелля и выходила газета Эзина.

Обзоры и рецензии

«Всемирная история». Т. VI. Под редакцией: Н. А. Смирнова (ответственный редактор), Н. А. Ерофеева, А. Р. Иоаннисяна, А. С. Нифонтова. Академия наук СССР. Изд-во социально-экономической литературы. М. 1959. 830 стр. Тираж 165 000. Цена 40 руб.*

Шестой том «Всемирной истории» посвящен проблемам истории нового времени периода 1789—1871 гг., то есть времени утверждения и торжества капитализма в передовых странах Европы и США.

Данный том по своей структуре существенно отличается от предыдущих, для которых был характерен «страноведческий» подход к изложению материала, причем история отдельных стран рассматривалась преимущественно в хронологической последовательности. Несмотря на некоторые отрицательные моменты (излишняя дробность и т. п.), такому построению томов был присущ в то же время и ряд достоинств, например: возможность отразить большое количество конкретных событий; отсутствие хронологических разрывов в изложении; четкость в показе взаимосвязанных явлений исторического процесса.

Однако решение задач, стоявших перед авторами уже вышедших в свет томов данной серии, частично облегчалось тем, что каждый том охватывал большой отрезок времени, и поэтому сравнительно нетрудно было распланировать материал по разделам книги. Редколлегии же VI тома пришлось столкнуться с необходимостью осветить восьмидесятилетний период, близкий нам по времени и насыщенный хорошо известными событиями огромного исторического значения — революциями, важнейшими социально-экономическими преобразованиями, сложными международными конфликтами. Поэтому перед редакционной коллегией вполне закономерно встал вопрос о новых принципах изложения материала. Как показывает анализ содержания тома, составители решили, не отказываясь от систематического описания истории отдельных стран, сконцентрировать внимание преимущественно на освещении крупнейших исторических проблем изучаемого периода.

В соответствии с марксистско-ленинской периодизацией новой истории, в VI томе выделены в качестве ведущих по объему и значению главы, посвященные таким темам, как Великая Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.; развитие капитализма и рост рабочего движения в странах Западной Европы в 30—40-х годах XIX в.; возникновение научного коммунизма: Карл Маркс и Фридрих Энгельс; революции и революционные движения 1848—1849 гг. в Европе; Россия в середине XIX в. (Крымская война, революционная ситуация 1859—1861 гг. и падение крепостного права); рабочее движение в 60-х годах XIX в. и I Интернационал.

Серьезное внимание уделено вопросам, связанным с завершением промышленного переворота в Англии и его влиянием на другие страны, а также проблемам истории США, Германии, Италии, Австрии, стран Латинской Америки и их месту в общем развитии исторического процесса. Нашли свое отражение и наиболее значительные события из истории Испании, Бельгии, Швейцарии и стран Балканского полуострова. России, помимо отдельной главы, посвящен еще ряд специальных разделов, где освещаются разложение и кризис феодальной системы в империи, революционное движение на дворянском и разночинском его этапах и основные вопросы внутренней и внешней политики русского государства.

Систематически представлена также история некоторых стран Азии: Китая, Индии, Японии, Кореи. Таким выдающимся явлениям социальной истории, как восстание тайпинов, народно-освободительное движение в Индии 50-х годов XIX в. и восстание бабидов, отведены специальные главы. Международные отношения периода 1789—1871 гг. рассматриваются, как правило, при изложении истории отдельных стран; однако наиболее важные международные события и проблемы (Венский конгресс, Восточный вопрос и др.) рассмотрены в особых разделах. Наконец, внимание читателя привлекут большие главы, посвященные развитию литературы, искусства, техники и естествознания за указанный период.

Проблемно-тематический подход к освещению мировой истории 1789—1871 гг. неизбежно должен был привести к определенным хронологическим разрывам в повество-

* Стоимость книги указана в ценах до 1 января 1961 года.

вании или даже исключению материала по истории отдельных стран, если в этих странах не происходило событий международного значения. Не соглашаясь полностью с подобным построением тома (об этом будет сказано ниже), мы считаем нужным отметить, что в целом авторско-редакционный коллектив провел данную идею через весь том последовательно и удачно.

Остановимся сначала на материале, посвященном отечественной истории. Написание соответствующих глав и разделов, с учетом специфики рецензируемого издания, потребовало от авторов и редакции преодоления значительных трудностей. Авторам VI тома удалось соблюсти столь необходимую в подобном издании лаконичность изложения и в то же время создать довольно полную картину исторического развития России с конца XVIII в. по 70-е годы XIX в., органически увязав ее с ходом исторического процесса в целом. Эта связь русской истории со всемирной при одновременном выявлении специфических особенностей развития России в равной мере прослеживается при изложении эволюции национальной экономики, внутренней и внешней политики, общественных движений и истории культуры.

Характеризуя хозяйство России, авторы не только осветили общий процесс распада крепостнической системы и становления капиталистических отношений, но и дали четкую характеристику места российской экономики в общеевропейской, отметили усиление значения российского экспорта и импорта для развития мировой торговли. Достаточно полно освещается также история внутренней и внешней политики царской России. Следует отметить, что данные разделы, будучи самостоятельными очерками по истории страны, в то же время благодаря тщательной редакторской работе вошли органической частью в общее описание всемирной истории. Значительное место отведено в томе анализу достижений русской общественной мысли, начиная с момента становления дворянского этапа освободительного движения и вплоть до начала разночинского периода. Показывая отклики в России на Французскую революцию конца XVIII в., а затем на революционные события 1830 и 1848 гг., отмечая проникновение в Россию в первой половине XIX в. идей выдающихся прогрессивных представителей западноевропейской общественной мысли, авторы в то же время последовательно раскрывают развитие русской прогрессивной общественной мысли и ее роль в общеевропейском демократическом движении рассматриваемого периода.

Что касается конкретных замечаний по данным разделам VI тома, то мы можем отметить лишь некоторые недочеты и упущения. Прежде всего скажем, что, характеризуя внешнюю политику царизма в начале 90-х годов XVIII в., авторы правильно показали отношение царской России к Французской буржуазной революции. Однако когда без всякого упоминания о внутренних событиях во Франции середины 90-х годов вдруг сообщается, что Павел I «вступил с Францией в переговоры», а после их неудачи присоединился ко второй коалиции, создается впечатление, что отношение царизма к Французской буржуазной революции внезапно и решительно изменилось (стр. 84). Совершенно обойден и столь важный вопрос, как значение вступления России в третью коалицию для предотвращения высадки наполеоновских войск на Британских островах. Говоря о Булонском лагере, авторы нигде не упомянули, что именно вступление России в третью коалицию явилось основной причиной ликвидации этого лагеря (стр. 92—93).

Несколько схематично изложено содержание тильзитских переговоров и Тильзитского трактата. Так, из повествования выпало обсуждение вопроса о Финляндии и Белостокском округе. Ничего не сказано также об отказе Англии предоставить России заем, что явилось одной из причин, побудивших царское правительство стать на путь сближения с наполеоновской Францией (стр. 95). Следовало бы более развернуто осветить значение Бухарестского договора 1812 г. для Сербии. Об этом упоминается лишь вскользь (стр. 100).

Неоправданным представляется и то обстоятельство, что в томе, охватывающем период с 1789 до 1871 г., рассказ о внешней политике царизма почему-то обрывается на 1856 годе. Столь важные вопросы, как борьба царской дипломатии за отмену Парижского договора (завершение которой связано с франко-прусской войной 1870—1871 гг., описанной в этой же книге) и судьба русских поселений в Северной Америке (ликвидация которых имела место еще в 60-х годах), не нашли своего отражения в рецензируемом издании.

При достаточно полном анализе вопросов

военной истории здесь оказались все же некоторые пропуски. Так, при изложении хода войны 1812 г. не упомянут план Фуля, который, как известно, сыграл весьма отрицательную роль на первом этапе войны и во многом определил ход боевых действий вплоть до начала августа 1812 года. Не узнав о плане Фуля, читатель не сможет полностью оценить роль объединения 1-й и 2-й русских армий под Смоленском.

Остались не вполне раскрытыми и причины отступления Кутузова после Бородинского сражения. Авторы справедливо указывают на значительные потери русской армии, на отсутствие свежих резервов. Но к этому необходимо было добавить, что резервов в распоряжении Кутузова не оказалось вследствие того, что к полю боя не были подведены обещанные части. Иначе трудно понять, на что рассчитывал Кутузов, давая это сражение и предполагая в случае победы начать контрнаступление. Вряд ли нужно также столь безоговорочно утверждать, что в тот момент, когда при изгнании Наполеона русская армия достигла западных границ России, Кутузов считал войну для России уже законченной (стр. 123). Если же авторы придерживаются этой точки зрения, то ее обязательно следовало бы обосновать.

Остановимся теперь на том сложном этапе в жизни и деятельности В. Г. Белинского, который обычно именуется периодом «насильственного примирения с действительностью». Авторы несколько упрощенно объяснили «примирение», явившееся результатом целого комплекса причин, лишь некритическим восприятием консервативного тезиса Гегеля «все действительное разумно» (стр. 250). Не совсем точно характеризуются и революционные кружки второй половины 20-х и начала 30-х годов XIX века. «На рубеже 20—30-х годов,— пишут авторы,— правительству стало известно о существовании в Москве революционных кружков братьев Критских и Сунгурова, участники которых разрабатывали планы борьбы с самодержавием путем народного восстания» (стр. 249). Действительно, следственная комиссия по делу Критских доносила царю, что члены общества «средствами к достижению цели своей полагали возмутить народ». Справедливо и то, что сунгуровцы намеревались опереться не на солдат, а прежде всего на городские низы и «фабричных людей». Все это в известной степени являлось шагом вперед по сравнению с тактикой декабристов. Однако данные об этих кружках, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают никаких оснований для утверждения, что члены кружков Критских и Сунгурова уже ориентировались на народное восстание. Вывод следственной комиссии базировался лишь на стремлении Критских обратиться к москвичам с прокламацией, а в планах сунгуровцев народные массы выступают как сила, привлекаемая к борьбе лишь попутно. Вот почему здесь по-прежнему фигурирует «константиновская легенда», призванная привлечь народные массы к борьбе «за хорошего царя»; вот почему предполагалось в момент восстания раздать «черни» деньги, разбить кабаки и пр.[1]. Между тем вышеупомянутое положение, даваемое без всяких оговорок, может привести читателя к заключению, что речь идет не о мучительных поисках правильной революционной теории, а о твердом убеждении, дающем основание причислить членов кружка Критских и сунгуровцев к поколению революционеров-демократов, и что, следовательно, перед нами уже начало второго, разночинского этапа в истории русской революции.

★

Перейдем к главам по истории стран Западной Европы. Прежде всего наше внимание привлекают материалы, посвященные революции во Франции конца XVIII века. Несмотря на трудности, которые встали перед авторами в связи с необходимостью изложить события огромной по значению эпохи в небольшой главе, последняя может считаться удачной. История буржуазной революции дана здесь с учетом новейших работ советских, а также прогрессивных зарубежных историков и, безусловно, находится на уровне современной передовой исторической науки. В разделах четко изложены программные документы: Декларация прав человека и гражданина, Конституция 1791 г. и другие. Анализируя текст названной Декларации, авторы избегают часто встречающегося в таких случаях упрощения и, отмечая классовую ограниченность этого документа, в то же время подчеркивают его прогрессивное значение. Что касается Конституции 1791 г., то она правильно показана не в качестве какого-то единовременно принятого акта (подобное

[1] И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М, 1958, стр. 59—72, 93—103.

изложение встречается в учебной литературе). Рождение первой французской конституции связывается с общим ходом развития революции и позицией отдельных классов на разных ее этапах.

В томе убедительно вскрыт рост за годы революции экономической мощи французской буржуазии, ее влияния и богатства как следствия ликвидации феодального землевладения и распродажи национальных имуществ. На страницах книги дана яркая картина того, как из «всех щелей, из всех пор общества, освобожденного от феодальных оков, росла предприимчивая, дерзкая, жадная к наживе новая буржуазия, ряды которой беспрестанно пополнялись выходцами из мелкобуржуазных слоев города и зажиточного крестьянства» (стр. 50).

Хорошо разобран такой сложный вопрос, как борьба течений внутри якобинской диктатуры. «Левые якобинцы» не смешиваются авторами в некую общую группу, а показаны дифференцированно; выделены направления, возглавлявшиеся Эбером и Шометтом.

Глава о термидорианской реакции и режиме Директории во Франции охватывает все важнейшие события этого периода, как внутренние, так и внешнеполитические. Большое место уделено истории «Заговора равных», причем раскрываются теоретические взгляды Бабефа и его соратников.

Известный интерес представляет глава об империи Наполеона I, дающая достаточно полную картину исторического развития Франции того времени. Здесь отражены и общеполитическая расстановка сил, и военные действия, и важнейшие события, имевшие место не только в Европе, но и за ее пределами.

Небольшие разделы, посвященные реставрации Бурбонов, Июльской революции и монархии Луи-Филиппа, написаны ясно и четко. Страницы, описывающие режим Реставрации, являются убедительной иллюстрацией к характеристике, данной этому этапу истории Франции В. И. Лениным, который считал монархию 1815—1830 гг. шагом на пути превращения феодальной монархии в буржуазную[2]. Удачно разобраны и другие вопросы, связанные с этим временем, в частности об утопическом социализме. Хорошо, что внешне эффектная борьба республиканских обществ против Июльской монархии не заслоняет собой в рассказе рабочего движения той поры. Последнее представлено в книге не только описанием лионских восстаний 1831 и 1834 гг., но и рассказом о других выступлениях пролетариата, его стачках, организациях и т. д.

Франции посвящена и значительная часть главы о европейских революциях 1848—1849 годов. Верные принятым принципам построения тома, авторы вынесли вопрос о возникновении революционной ситуации в Европе, так сказать, за скобки изложения и дали сначала общую картину предреволюционной Европы, чтобы затем не повторять того же в связи с историей отдельных стран. Это позволило увеличить объем материала о революции во Франции. История революции и Второй республики написана живо и читается с интересом.

Главы о Второй империи и франко-прусской войне также дают верную картину данного периода истории страны. Весьма рельефно показаны экономическое развитие государства в 50—60-х годах и завершение промышленного переворота, а также политическая история империи вплоть до крушения бонапартистского режима. Правильно выделена из общего повествования и освещена на отдельных страницах история колониальной экспансии Второй империи.

С достаточной полнотой изложена в VI томе экономическая и общественно-политическая жизнь Англии конца XVIII века. Читатель хорошо представит себе промышленную революцию в Англии, а также картину широкого демократического движения в стране. Деятельность Корреспондентских обществ, восстание матросов в 1797 г., ирландское восстание 1798 г. и другие события получили здесь должное отражение. Что касается вопросов, относящихся к внешней политике Англии в начале XIX в., то они в соответствии со структурой тома рассматриваются в главе IV — «Империя Наполеона. Международные отношения в период наполеоновских войн». Жаль только, что фактически не освещена представляющая значительный интерес история развития Англии за 1800—1815 годы. Последующая глава хорошо освещает процесс завершения промышленного переворота, что весьма важно, в частности, для уяснения причин подъема чартистского движения. Отметим попутно, что последняя стадия аграрного переворота в Англии, приходящаяся на начало XIX в., получила здесь несколько схематичное отражение. Например, выпал вопрос о так называемой «очистке имений». Кроме того, следовало рельефнее выявить особенности деятельности

[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 368.

Оуэна и то, что отличало его от других великих социалистов-утопистов (например, его тесную связь с английским рабочим движением).

В главе об Англии периода ее промышленной гегемонии в 50—60-х годах нашло отражение ленинское положение о том, что вследствие специфики развития Англии здесь ранее, чем в других странах, возникли некоторые явления, свойственные империализму[3]. Авторы показали процесс возникновения рабочей аристократии и развития тред-юнионистской идеологии, а также влияние этих явлений на движение английского пролетариата.

История таких стран, как Германия и Австрийская империя, в период до Венского конгресса дана в связи с общеевропейскими событиями той бурной эпохи (см., например, страницы о Форстере и майнцских демократах; республиканском движении в Венгрии; реформах в Пруссии после Тильзита; национально-освободительном движении в Германии и Австрии в 1813 г. и т. д.). История Германии и Австрии после 1815 г. дана в хронологической последовательности, но вышеупомянутая связь в изложении также сохраняется. Прошлое различных небольших немецких государств или тех народов, территории которых в том или ином виде входили в Германский союз и Австрийскую империю, также отражено в томе. В главе о многонациональной Габсбургской монархии мы находим интересные факты из истории освободительного движения в Чехии и Венгрии. Несмотря на сжатость изложения, читатель получает представление о тех сложных путях национального развития, которые были свойственны этим странам.

Не вызывает существенных возражений и раздел, посвященный тактике К. Маркса и Ф. Энгельса в революции 1848 г. в Германии. Мы бы предложили только сказать об отношении основоположников марксизма к идее герверовского легиона несколько раньше, поскольку борьба с этим планом относится еще к парижскому периоду жизни Маркса и Энгельса. Напомним, что в своих воспоминаниях о той поре Ф. Энгельс писал: «Мы учредили немецкий коммунистический клуб и в нем убеждали рабочих не идти в легион, а поодиночке возвращаться на родину и действовать там в интересах движения»[4]. При изложении вопроса о подавлении царизмом революции в Венгрии авторами подчеркнута реакционная политика российского самодержавия и отмечено, что «передовые круги русской общественности резко осуждали выступление царизма против революционной Венгрии». Даже в армии Паскевича «были люди, сочувствовавшие освободительной борьбе венгерского народа» (стр. 364). Заметим также, что в разделе о революции 1848 г. в Германии вопрос об основной задаче революции лучше было бы осветить сразу, выделив его так, чтобы он запомнился читателю.

Раздел о национальном объединении Германии отличается весьма умелым расположением материала. Важно подчеркнуть, что война 1866 г. правильно характеризуется не только как война между Австрией и Пруссией, но и как столкновение между Пруссией и большинством государств Германского союза (стр. 543).

Факты из истории Италии до 1815 г. включены в значительной степени в рассказ о буржуазной революции во Франции XVIII в. и империи Наполеона I. Зато выделена наряду с испанской революцией 1820—1823 гг. итальянская буржуазная революция 1820—1821 гг., а в дальнейшем уже идет последовательное изложение истории Италии. Главное внимание уделено национально-освободительному и революционному движению в 30—40-е годы XIX в., затем революции 1848—1849 гг. и, наконец, образованию единого национального итальянского государства.

Не останавливаясь на освещении истории Италии в период Французской революции и наполеоновских войн, выскажем несколько замечаний об изложении истории Италии после Венского конгресса. К сожалению, в этом разделе некоторым важным событиям истории Италии отведено слишком мало места. Жаль, что из книги читатели не смогут узнать о многих ярких исторических фактах, например, о знаменитом походе Гарибальди через всю Италию для оказания помощи венецианцам в их борьбе против австрийцев. Коснемся также некоторых вопросов, которые носят принципиальный характер. Неясно, например, почему редакция и авторы тома отказались от термина «объединение Италии». Глава XXVII названа ими «Образование Итальянского национального государства. Объединение Германии». По-видимому, не случайно лишь мимоходом говорится в тексте, что основной задачей движения бы-

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 270.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 332.

ла ликвидация политической раздробленности страны наряду с избавлением ее от иноземного гнета.

В рецензируемом издании излагается также история Испании, Бельгии и других стран, приводятся основные события из истории славянских народов и неславянского населения Балканского полуострова. Значительное внимание уделено национально-освободительной борьбе греков против турецкого ига. В соответствии со структурными принципами тома история таких стран, как Дания, Швейцария, Швеция, Голландия, Бельгия, специально не рассматривается. В целом это оправдано, поскольку позволяет читателю сосредоточиться на главном. Однако следовало бы выделить место для освещения истории Швеции, изложение которой в V томе «Всемирной истории» прервано на 1789 годе.

Из неевропейских стран последовательно излагается лишь история Соединенных Штатов Америки (с конца XVIII в.). Хорошо, что при рассказе об этапах развития капитализма в США (первая половина XIX в.) подробно характеризуется так называемый «американский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве. Освещены также вопросы расширения территории США, особенности роста населения, политическая жизнь страны, рабочее движение. Говоря о борьбе за освобождение негров, авторы подводят читателя непосредственно к гражданской войне Севера с Югом, история которой выделена в отдельную главу. Следует отметить, что вопрос о рабовладении в США удачно увязан с историей развития английской промышленности, зависевшей от поставок американского хлопка. При изложении хода гражданской войны подчеркнута роль народных масс, участие негров в аболиционистской борьбе и их общественное движение в первые годы после окончания гражданской войны. Что касается новых независимых государств в Латинской Америке (Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Бразилии, Мексики, Перу, Чили, Эквадора), то хотя их возникновению посвящена специальная глава, в дальнейшем история этих стран излагается только в связи с событиями в Мексике: войной 1846 г., аннексией Соединенными Штатами мексиканской территории и «мексиканской экспедицией» Наполеона III.

Отдельная глава VI тома знакомит читателя с возникновением научного коммунизма, жизнью и деятельностью его основоположников — Карла Маркса и Фридриха Энгельса, их борьбой за создание революционной пролетарской партии. Кроме того, деятельности Маркса и Энгельса уделено значительное место и в других главах, например, в главе о Первом Интернационале, в разделе о германской революции 1848 г., на страницах, затрагивающих отношение Интернационала к франко-прусской войне, и т. д. В специальной главе внимательно прослеживается, как возникло новое революционное мировоззрение, гениальные творцы которого, использовав лучшие достижения науки того времени, сами совершили величайший революционный переворот в науке. Авторы показывают на конкретных фактах, что марксизм «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[5]. Наконец, в главе дан четкий анализ «Манифеста Коммунистической партии».

Говоря в целом о данной части тома, прежде всего надо отметить, что в главе о Французской революции не упоминаются некоторые существенные события. Например, обойден молчанием англо-французский торговый договор 1786 года. Недостаточно четко определена позиция «нотаблей» перед революцией. Авторы пишут, что правительство, стремясь получить средства для выхода из финансового кризиса, обратилось к «нотаблям». «Однако даже на собрании «нотаблей», созванном в 1787 г. и состоявшем из представителей высшего дворянства и должностных лиц, король Людовик XVI встретился с решительной оппозицией и требованием реформ. Повсеместную поддержку нашло требование о созыве Генеральных штатов» (стр. 18). Здесь следовало бы упомянуть, что в собрании «нотаблей» участвовали и представители высшего духовенства. Но главное, недостаточно подчеркнуто различие между продиктованной особыми причинами оппозицией «нотаблей» и тем недовольством, какое охватило тогда народные массы Франции. Ведь и созыв Генеральных штатов в известной степени носил характер действия, направленного против дворянской оппозиции, против так называемой «революции привилегированных». Иначе трудно объяснить читателю, почему третье сословие получило в Генеральных штатах в два раза больше депутатских мест, чем первое и второе. В главе это обстоятельство только констатируется, но не объясняется. Ничего

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 3—4.

не сказано и о демонстрации 20 июня 1792 г.— важной вехе в цепи событий накануне крушения монархии Бурбонов.

При перечислении участников первой коалиции (стр. 37) не упомянута Россия. На стр. 84 прямо утверждается, что «Россия не приняла участия в первой коалиции». Но ведь в марте 1793 г. был заключен англо-русский договор, согласно которому обе стороны обязались поддерживать друг друга во время войны и не заключать сепаратного мира. Таким образом, фактически Россия была членом коалиции [6]. Другое дело, что Россия не принимала непосредственного участия в войне, о чем справедливо пишут авторы в главе III этого же тома.

Политика Директории изложена в целом верно. К сожалению, в главе имеется несколько фраз, искажающих смысл происходивших событий. Когда речь идет о первом итальянском походе Бонапарта (1796—1797 гг.), авторы пишут: «Бонапарт принудил сперва Сардинское королевство, а затем и другие итальянские государства заключить мир с Францией. Изолировав таким образом австрийцев, он нанес им ряд решающих поражений на территории Северной Италии» (стр. 64). При чтении создается впечатление, будто военные действия с французами на территории Италии вели только австрийцы, и то лишь после капитуляции Сардинского королевства. В действительности же Бонапарт в ряде сражений разбил сначала австрийские войска, затем в битвах при Чева, Курсальи и Мондови нанес поражение сардинцам, и только тогда туринское правительство начало переговоры о перемирии. Кроме того, из текста неясно, почему другие итальянские государства вынуждены были подписать кабальные договоры с Бонапартом, даже не участвуя в войне против Франции (что говорит об изменении характера войны, превратившейся теперь со стороны Франции в захватническую и грабительскую). Жаль, что ничего не сказано об антифранцузском движении в Павии и трагических событиях в этом городе.

Перейдем к истории Франции 30-х годов прошлого столетия. Здесь следовало хотя бы в самых общих чертах познакомить читателя с борьбой, которая велась против Июльской монархии легитимистами и бонапартистами. Правда, о попытках Луи-Наполеона совершить государственный переворот в 1836 и 1840 гг. сказано несколько позднее, в главе о революции 1848 г. (стр. 340), но это не оправдывает отсутствия хотя бы простого упоминания об этих бонапартистских и легитимистских выступлениях и в предыдущем разделе.

Шести строк, уделенных внешней политике Июльской монархии, явно недостаточно. Трудно рассчитывать, что читатель поймет, чтó это за «дипломатическое Ватерлоо», пережитое Францией в 1840 году. Ничего не разъясняет ему и фраза о «борьбе с блоком четырех держав... за влияние на Востоке» (стр. 200). Из раздела о внешней политике Июльской монархии полностью выпали вопросы об отношении Франции к бельгийской революции, к гражданской войне в Швейцарии (об этом бегло упоминается лишь в разделе о Швейцарии), к галицийскому восстанию в Австрии и др. Характеристика, данная внешней политике Июльской монархии К. Марксом, который писал, что эта политика свелась «к ряду оскорблений, нанесенных национальному чувству французов» [7], не подтверждена в томе конкретными фактами.

В главе о революции 1848 г. во Франции недостаточно сказано о таком важном событии, как июньское восстание парижских рабочих. Не до конца выяснены причины той позиции, которую заняло в то время французское крестьянство. Авторы пишут, что в поражении рабочих «большую роль сыграли колебания городской мелкой буржуазии и пассивность крестьянства, обманутого контрреволюционной пропагандой» (стр. 339). Но ведь дело не только в контрреволюционной пропаганде! Вопрос об отношении крестьян к восстанию следовало бы связать с финансовой политикой Временного правительства и тем самым приблизить к читателю ту мысль К. Маркса, что «крестьянам пришлось нести издержки февральской революции,— и они составили главную армию контрреволюции» [8]. Нельзя согласиться с утверждением о том, что в Законодательном собрании 1849 г. «блок монархических партий орлеанистов, легитимистов и бонапартистов» назывался в целом «партией порядка» (стр. 341). Известно, что Луи Бонапарт и его сторонники боролись в Законодательном собрании с орлеанистами и легитимистами, которые противились при-

[6] См. «История дипломатии». Т. 1. 2-е изд. М. 1959, стр. 437.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 11.

[8] Там же, стр. 22.

тязанням президента на трон. К. Маркс писал об орлеанистах и легитимистах, что они нашли «в буржуазной республике, не носившей ни имени Бурбонов, ни имени Орлеанов, а имя Капитала, государственную форму, при которой они могли господствовать сообща. Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка»». И далее он указывал, что «легитимисты и орлеанисты составляли... две большие фракции партии порядка» [9].

Есть недочеты и при описании революции 1848 г. в Германии. Здесь весьма неполно освещены причины мартовского восстания в Берлине. Наряду с рассказом о внутренних социальных противоречиях в Германии и о влиянии февральской революции в Париже на берлинские события, надо было, как нам думается, упомянуть и о том впечатлении, которое произвело в Берлине известие о венской революции 13 марта 1848 г., тем более, что в других частях этого раздела авторами подчеркивается связь событий в Австрийской империи с общим ходом революции в Германии. Относительно послереволюционной истории Франции и Германии заметим, что, рисуя международную обстановку начального периода объединения Германии, недостаточно объяснять тогдашнее обострение отношений между Россией и Францией лишь тем, что «французское правительство вопреки своим обязательствам не поднимало вопроса о пересмотре невыгодных и унизительных для России статей Парижского договора 1856 г.» (стр. 542—543). Надо было отметить и ту позицию, какую заняло правительство Наполеона III во время польского восстания 1863 г., тем более, что несколькими строками выше говорится о соответствующей позиции Пруссии (Альвенслебенская конвенция). В разделах, посвященных Италии, неясными остаются для читателя некоторые стороны политики Кавура, в частности вопрос об участии Сардинского королевства в войне против России. Упоминается только, что «Кавур и его единомышленники связывали с этой политикой большие надежды» (стр. 533), но на этом мысль обрывается; остается неизвестным, оправдались ли эти надежды, что́ получила Сардиния от Крымской войны и т. д. Нет об этом ничего и в специальном разделе о войне 1853—1856 гг. (стр. 478—485).

Изложение истории США также не свободно от некоторых противоречий. В начале главы говорится: «На территории республики были уничтожены все остатки феодальных отношений, которые, таким образом, не могли оказывать тормозящего влияния» (стр. 257). Читатель подумает, что, поскольку остатки феодальных отношений уничтожены, значит, они были в стране. Но через пять страниц мы читаем: «Северо-западные районы (США.— *Рец.*) не знали ни элементов феодализма, ни рабства» (стр. 263). Следовательно, в северо-западных районах страны феодальных отношений ранее не существовало. Здесь известная логическая неувязка. Кроме того, нельзя столь категорично утверждать, что на Севере США после 1787 г. вовсе не было рабства. Там действительно не было рабства в его южной, плантационной форме, но длительное время там были рабы, работавшие в качестве слуг.

Несколько разделов рецензируемого тома относится непосредственно к истории международных отношений. Это страницы о периоде наполеоновских войн, о Венском конгрессе, Священном союзе, Крымской и франко-прусской войнах. В принципе эти разделы не вызывают возражений. Однако надо отметить, что из рассказа о Венском конгрессе выпал ряд существенных фактов. Не анализируется, например, хотя бы в самой общей форме борьба между державами-победительницами, которая привела к образованию англо-австро-французской группировки в противовес Пруссии и России и едва не завершилась срывом всего конгресса. В результате недостаточно объясняется лейтмотив, положенный в основу территориальных переделов, намеченных в Вене, способы компенсации за утраченные территории и замены их другими землями вопреки интересам народов Европы. Так, читатель может не понять, вследствие чего Австрия приобрела Ломбардию и Венецию. Ничего не говорится при описании заключительного акта Венского конгресса о судьбе города Кракова. О Краковской республике не упоминается и в последующих главах, даже тогда, когда речь идет о внешней политике Июльской монархии и ее отношении к событиям в Галиции. Только в разделе «Австрийская империя» (глава IX) вскользь сказано, что восстание в Западной Галиции 1846 г. началось «почти одновременно с восстанием поляков в Кракове» (стр. 220). В дальнейшем авторы ограничиваются утверждением, что «краковское восстание было подавлено», но опять ниче-

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 137, 144.

го не говорится о присоединении Кракова к Австрийской империи.

★

Значительное место в рецензируемом томе занимает история стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Основное внимание уделено авторами Китаю, Японии, Индии и Корее. Период истории от Великой Французской буржуазной революции до Парижской коммуны был насыщен трагическими событиями в жизни народов Азии. В первой половине XIX в. завершилось завоевание Индии англичанами; под воздействием английских пушек и «тюков английского ситца» началось превращение Китая в полуколонию иностранного капитала и ускорился начавшийся ранее процесс разложения феодального китайского общества. Шла борьба за «открытие» Кореи. Над Японией нависла угроза превращения ее в полуколониальную страну. Процесс закабаления азиатских стран, и прежде всего Индии, западными капиталистическими державами, главным образом Англией, обстоятельно показан в рецензируемом издании. В главе об истории Японии подробно рассказывается о том, как росла зависимость страны от капиталистического мира. Однако Япония не стала даже полуколониальной страной. К сожалению, в томе не анализируются причины того, почему Япония не разделила судьбу многих других азиатских стран. Это объяснение, по-видимому, будет дано в следующей книге, хотя частичный ответ мы находим и здесь: буржуазная (хотя и незавершенная) революция и последовавшие затем буржуазные преобразования определили особый, отличный от истории других азиатских стран путь развития Японии.

Для середины XIX в. характерными были крупнейшие народные движения, сотрясавшие Азию. Их история заняла соответствующее место в томе. Грабительская политика Ост-Индской компании, как отмечают авторы, имела катастрофические последствия для Индии. Экономический, политический и национальный гнет иноземцев, экспроприация крестьянских земель, разорение ремесленников, голод, охвативший целые области,— все это породило в 50-х годах XIX в. повсеместные восстания против колонизаторов.

В XIX главе кратко излагается история восстания санталов, а затем дается на основании последних достижений науки обстоятельный очерк индийского народного восстания в 1857—1859 годах. Приводимые факты убедительно показывают народный характер движения и опровергают утверждения буржуазных историков о якобы чисто военном выступлении. Восстание всей своей силой было направлено против английского колониального режима в Индии, оно носило освободительный характер, что, по нашему мнению, следовало бы даже подчеркнуть в наименовании главы и в конечных выводах. При изложении истории восстания должное место в книге занял огромной важности вопрос относительно роли и взаимоотношений индийских феодалов и крестьянства. Правильно указывается, что феодалы, захватившие руководство восстанием в свои руки, игнорировали главные требования крестьян. Феодалы стремились лишь к тому, чтобы реставрировать свою монополию на эксплуатацию крестьянства. «Это коренное противоречие среди его участников в вопросе о целях и задачах восстания привело к разрыву между сипайской армией — ударной силой восставшего крестьянства — и ее феодальным руководством. Примкнувшие к восстанию феодалы изменили ему и перешли на сторону англичан, после того как последние дали обещание сохранить помещичьи права на землю и феодальные привилегии» (стр. 416—417).

Народно - освободительное восстание 1857—1859 гг. было одним из важнейших этапов в борьбе народов Индии за свою независимость. Вся история Индии свидетельствует о том, что достижение независимости есть результат многолетней, упорной, тяжелой борьбы широких масс трудящихся, а не благодеяние колонизаторов, дарovавших свободу в силу присущего им «великодушия».

История крупнейшего крестьянского восстания в Азии в середине XIX в. нашла отражение в главе XX — «Тайпинское восстание. Государство тайпинов в Китае». Авторы правильно отражают принципиальную точку зрения советской исторической науки по основным проблемам тайпинского восстания. Как известно, среди китайских историков недавно обсуждался вопрос о характере тайпинского восстания [10]. В процессе обсуждения были высказаны две основные точки зрения. Подавляющее большинство участников дискуссии рассматривало тайпинское восстание как революционную борь-

[10] Лю Да-нянь. Некоторые вопросы в изучении новой истории Китая. «Лиши яньцзю» («Исторические исследования»), 1959, № 10.

бу китайского народа против маньчжурского режима, против олицетворенного в этом режиме феодального строя, затем на определенном этапе восстания как народную борьбу, принявшую характер национально-освободительного движения против иностранных колонизаторов. Однако отдельные историки, преувеличивая степень развития капиталистических отношений в Китае, пытались приписать тайпинскому восстанию черты, свойственные ранним буржуазным революциям, характеризуя его как «революцию горожан». Нельзя не признать необоснованность подобных взглядов. В рецензируемом томе последовательно проводится точка зрения, оценивающая восстание как антифеодальное, антиманьчжурское, национально-освободительное движение.

К числу важнейших проблем восстания относится также вопрос о том, пытались ли тайпины (и в какой степени им это удалось) претворить в жизнь принципы, изложенные в законе о земле. Последний вопрос, несомненно, нуждается еще в глубоком изучении. Тот ответ, который дается в главе, соответствует лишь современному уровню исследования проблемы. Дело в том, что закон о земле в сложных условиях военного времени не мог быть повсеместно и полностью реализован. Тем не менее, как правильно отмечают авторы, аграрная политика тайпинов все же содействовала подрыву экономического могущества и влияния помещиков и смягчению феодальной эксплуатации крестьян. Часть помещичьей земли перешла в руки крестьян, арендная плата была снижена, а в отдельных местах крестьяне вообще перестали ее вносить. Подобное изложение политики повстанцев отражает данные современной науки об аграрной политике тайпинов.

Правильно проанализирован авторами вопрос о движущих силах раскола в лагере повстанцев, наметившегося в 1856 году. Если у некоторых китайских историков, в том числе у Ло Эр-гана, проявляется иногда тенденция объяснить упомянутый конфликт исключительно личными мотивами, то в советской исторической науке постоянно отстаивался взгляд, разделяемый многими китайскими историками, что в основе конфликта лежали глубокие социальные, классовые причины [11]. Эта идея отражена и во «Всемирной истории».

Крестьянские и народные выступления, сопутствовавшие тайпинскому восстанию, освещены в главе, естественно, более схематично. Следовало бы все же указать на то, что восстание в Шанхае (стр. 424) возглавлялось обществом «Малых мечей»; нельзя также ограничиваться простым упоминанием о государстве в Кашгарии, возглавлявшемся Якуб-беком. Порочная внутренняя политика Якуб-бека, ее антинародный характер были главной причиной краха его государства. Утверждения о независимости государства Якуб-бека и признании его Англией, Турцией и Россией вызывают серьезные сомнения.

В главе о тайпинском восстании говорится также об обстоятельствах войны Англии и Франции против Китая. При общем правильном изложении исторических фактов приходится отметить, что некоторые важные моменты упущены или освещены недостаточно точно. Совсем забыты кровавые события 1855 г.: подавление губернатором Гуандуна Е Мин-шэнем антиманьчжурского и антинародного движения, обескровившее силы народного сопротивления и тем самым создавшее более благоприятные условия для иностранной агрессии. Нельзя согласиться и с оценкой русско-китайских договоров 1858 и 1860 годов. На стр. 429 сказано: «Эти договоры (Айгунский, Тяньцзинский и Пекинский.— *Рец.*) свидетельствовали о присоединении царизма к агрессивной политике Англии, Франции и США в Китае». В отношении Тяньцзиньского договора и статей, относящихся к торговым вопросам Пекинского договора, истина соответствует данному утверждению. Однако эта оценка не может быть распространена на Айгунский договор и территориальные статьи Пекинского договора. Ведь на левом берегу Амура почти совсем не было китайских поселенцев; народы, обитавшие в низовьях Амура, не платили дани цинскому правительству [12]. Совместные интересы России и Китая требовали охраны Амура от усиливавшихся в этом районе домогательств западных держав. Но цинское правительство не было подготовлено к этому, в то время как Россия уже охраняла Амур. Вот почему Айгунский договор соответствовал обоюдным интересам России и Китая. То же с полным основанием можно отнести и к территориальным установлениям Пекинского договора, определившего реше-

[11] Ма Хун-мо, В. Н. Никифоров. Борьба внутри руководства тайпинов и переворот 1856 года. «Вопросы истории», 1956, № 9.

[12] «История дипломатии». Т. 1. стр. 773—775; «Новая история стран зарубежной Азии и Африки». Л. 1959, стр. 42, 43.

ние вопроса об Уссурийском крае, который находился «в общем владении Дайцинского и Российского государства» [13].

Движений такого масштаба, как в Китае и Индии, в Корее и Японии не было. Но и здесь борьба против феодального режима в середине XIX в. развертывалась со все нараставшей силой. Восстания в Корее были разрозненными, носили чисто местный характер, однако и они расшатывали основы феодального государства. С интересом читаются страницы, рассказывающие об идейном течении «Сирхак» (движение «за реальные науки»), представлявшем собой своеобразную форму критики феодального строя и конфуцианской идеологии в Корее.

В главе XXII («Разложение феодальных отношений в Японии. Революция 1868 г.») систематически прослеживается значение восстаний крестьян и городской бедноты для подготовки буржуазной революции 1868 года.

Следует признать, что главы по истории стран Востока написаны на высоком научном уровне. Отдельные недостатки, нечеткие формулировки редки и не меняют общей положительной оценки. Гораздо бо́льшим упущением является, на наш взгляд, неполнота изложения. Конечно, принцип отбора материала, положенный авторами и редакцией в основу структуры тома, потребовал от них исключения из книги ряда фактов. Однако самый отбор произведен, по-видимому, не всегда удачно. Например, можно ли считать правильным, что в томе нет систематического изложения истории Турции? О ней говорится лишь в связи с политикой европейских держав по отношению к Леванту и восстаниями покоренных Турцией народов (см. гл. XII). Но мы почти не находим здесь анализа истории Турции как таковой (исключая период танзимата). Поэтому невыясненными остаются внутренние причины разложения турецкого государства. Иными словами, Турция представлена в книге преимущественно как объект определенных поползновений со стороны других держав, но не как полноправный субъект в рамках исторического процесса. Можно ли ограничиться тем, что имеется в данном томе? Вряд ли, если вспомнить, какое значение придавали истории Турции в середине XIX в. Маркс и Энгельс. Поэтому должно заметить, что история Турции заслуживала более подробного анализа. Серьезным недостатком является и отсутствие специального раздела по истории Африки.

Две главы VI тома, посвященные литературе, искусству, технике и естествознанию (1789—1871), занимают почти пятую часть книги. Здесь рассматриваются основные направления в литературе и искусстве, характерные для конца XVIII и первых десятилетий XIX в., и делается правильный вывод, что, несмотря на довольно пеструю картину, которую представляло собой развитие национальных литератур и искусства в различных странах, стоявших на разных ступенях развития, общее направление этого процесса было все же одним и тем же: «на том или ином уровне, теми или иными темпами литература и искусство даже в странах, отставших от мирового капиталистического развития, неуклонно шли к национальному этапу своего существования или укреплялись на этом пути» (стр. 609). Затем авторами рассматриваются основные художественные направления в XIX в. и их смена (классицизм, романтизм и реализм). После этих вводных, чрезвычайно нужных разделов в книге рассказывается о литературе и искусстве отдельных стран: Франции, Италии, Испании, Бельгии, Германии, Австрии, Англии, России, Польши, Чехии, Венгрии, балканских и скандинавских государств, Соединенных Штатов Америки, Китая, Японии и стран Ближнего Востока. Нельзя не признать, что перед авторами стояла сложная задача — дать представление о многочисленных писателях, художниках, артистах, скульпторах, поэтах и других выдающихся деятелях искусства и литературы, которыми так богат был XIX век. Именно поэтому приводимые в книге характеристики местами напоминают энциклопедическую справку (то же относится и к главе о развитии техники и естествознания). Тем не менее помещение подобного материала является положительным моментом. Без этих данных общая картина исторического процесса была бы неполной.

В конце VI тома имеются хронологические таблицы, список основной литературы и источников, указатели (именной, географических и этнических названий), а также списки карт, рисунков и иллюстраций. Эти вспомогательные разделы книги весьма важны, они облегчают пользование томом.

[13] «Русско-китайские отношения. 1689—1916». Официальные документы. М. 1958, стр. 29.

Однако нам кажется, что в хронологической таблице напрасно опущены даты некоторых существенных событий. Например, нет дат открытия Генеральных штатов, казни дантонистов, начала царствования Людовика XVI. Такие же замечания можно сделать и по другим разделам хронологической таблицы. Список литературы и источников, конечно, не может быть исчерпывающим, но все же надо пожалеть, что в нем отсутствуют некоторые важные работы, появившиеся в свет за последние годы.

Наконец, упомянем о нескольких фактических ошибках. Огюст Бланки был приговорен в 1839 г. к смертной казни, которая затем была заменена пожизненным заключением (а не был сразу осужден «на длительное тюремное заключение», стр. 194). Утверждение о том, что «в 1834 г. Гарибальди, приговоренный к смертной казни за участие в революционном заговоре, эмигрировал в Америку» (стр. 223), неверно. Еще в 1835 г. Гарибальди был в Марселе, в Рио-де-Жанейро он прибыл лишь в конце этого года. Фраза, что Англией «в 1840 г. была захвачена Новая Зеландия» (стр. 210), создает впечатление, что до этого англичане не имели к Новой Зеландии отношения, хотя в V томе «Всемирной истории» (стр. 338) говорится о том, что капитан Кук в 1770 г. обследовал берега Новой Зеландии и объявил ее английским владением. Просто правительство Англии в то время не утвердило этого захвата, а официальную аннексию осуществило в 1840 году. Переселение буров из Капской колонии за реки Оранжевую и Вааль началось не в 1836 г. (стр. 212), а в 1835 году. Нельзя без всяких оговорок называть дельца Аркрайта изобретателем (стр. 709).

Весьма отрадно то обстоятельство, что рецензируемый том, как и предыдущие, создавался большой группой советских историков в содружестве с историками Китайской Народной Республики, Германской Демократической Республики, чехословацкими, болгарскими и другими зарубежными учеными.

Подводя итоги, мы считаем нужным подчеркнуть, что сравнительно удачное применение авторско-редакционным коллективом VI тома метода выборочного описания исторического процесса еще не может предрешить обязательного использования этого метода в последующих томах «Всемирной истории». Ведь там будут подвергнуты анализу другие по значению и роли события и за иные промежутки времени.

Тем не менее указанные замечания ни в коей мере не могут поколебать общей высокой оценки той большой работы, которая была проделана авторами и редакторами VI тома. Данный том «Всемирной истории» — это еще одна важная веха на пути развития советской исторической науки.

Г. В. Ефимов,
С. Б. Окунь,
М. Б. Рабинович

КНИГА О СОЗДАНИИ МЕХАНИЗАТОРСКИХ КАДРОВ НА СЕЛЕ *

Изучение истории создания механизаторских кадров сельского хозяйства — актуальная задача наших историков. В советской исторической литературе различные стороны этой проблемы уже получили некоторое освещение (в работах Ю. Борисова, В. Данилова, Н. Медведева, С. Конюшкова и др.). Однако еще не было трудов, в которых рассматривалась бы в целом история формирования механизаторских кадров сельского хозяйства. Поэтому понятен интерес, который вызывает недавно вышедшее в свет исследование Ю. В. Арутюняна «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.». Книга вносит серьезный научный вклад в изучение указанной проблемы.

Автор книги исходит из того, что все усиливающееся разделение сельскохозяйственного труда — один из важнейших факторов изменения социального облика трудового крестьянства, перешедшего от ведения индивидуального мелкобуржуазного хозяйства к крупному социалистическому

* Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. Изд-во АН СССР. М. 1960. 340 стр. Тираж 2 000. Цена 12 руб. 85 коп.

сельскому хозяйству, базирующемуся на современной технике и на коллективном труде.

Социалистическая революция, ликвидировавшая помещичье хозяйство и подорвавшая мощь кулачества, открыла трудовому крестьянству путь к производственному кооперированию. Важнейшим условием этого революционного социально-экономического переворота явилась индустриализация страны, позволившая в короткие сроки заменить крестьянскую отсталую технику высокопроизводительными машинами. Но нужны были не только тракторы, комбайны и т. п. Чтобы великая революционизирующая роль техники сказалась в полную меру, потребовалось наряду с массовым ее производством организовать подготовку кадров механизаторов сельского хозяйства. Еще в 1919 г., мечтая о 100 тысячах первоклассных тракторов, при помощи которых можно было убедить среднего крестьянина в преимуществах крупного, коллективного производства перед мелкокрестьянским, индивидуальным и крупным капиталистическим, В. И. Ленин указывал на необходимость снабдить эту технику машинистами [1]. Предвидение В. И. Ленина сбылось. В год великого перелома (1929) на вооружении социалистического сельского хозяйства насчитывалось 27 тыс. тракторов, а в год завершения массовой коллективизации (1933) — 148 тыс. тракторов, или в 5,5 раза больше [2]. Армия сельских механизаторов в 1933 г. уже насчитывала около 700 тыс. человек, что почти в 20 раз больше, чем было в 1929 г.— на заре колхозного строя (стр. 271). Автор подчеркивает, что с переходом к крупному социалистическому производству универсализм крестьянского труда умирал, уступая дорогу общественному разделению труда в социалистическом сельском хозяйстве. Постепенно из общей массы малоквалифицированной рабочей силы в результате концентрации производства, разделения труда и создания новой материально-технической базы выросли механизаторские кадры, служившие ярким свидетельством того величайшего переворота, который совершил социализм в деревне.

На процесс формирования массовых механизаторских кадров, как отмечает автор, громадное влияние оказывало из года в год возраставшее насыщение сельского хозяйства современной техникой. Техники стало больше, да и сама она усложнилась, стала более разнообразной и охватывающей почти все производственные процессы в сельском хозяйстве. Все это вызывало необходимость крутого роста культурно-технического уровня механизаторов.

Достоинством книги Ю. В. Арутюняна является то, что в ней весьма обстоятельно рассмотрены последствия социально-технической реконструкции сельского хозяйства. Автор показывает величайшие преимущества колхозно-совхозного строя перед капиталистическим сельским хозяйством. В США в 1929—1957 гг. каждый новый трактор означал вытеснение 1,4 годового работника, терявшего возможность заработать себе в сельском хозяйстве средства на жизнь и пополнявшего ряды безработных. Таким образом, рост технической оснащенности американского сельского хозяйства идет рука об руку с возрастающей пролетаризацией сельскохозяйственного населения США, с неуклонным разорением трудящихся фермеров. В 1954 г. в США из 4 250 тыс. сельскохозяйственных наемных рабочих 3 250 тыс. были «кочующими» фермерскими рабочими и сезонными, некочующими рабочими, занятыми менее 150 дней в году. За 1930—1954 гг. среднегодовое число рабочих, занятых в сельском хозяйстве США, уменьшилось на 5,2 млн. человек [3].

В социалистическом сельском хозяйстве механизация производственных процессов привела к созданию постоянных механизаторских кадров. В среднем за 1929—1957 гг. каждый новый трактор, поступивший в сельское хозяйство, обусловливал профессионализацию не менее двух тружеников села, ставших механизаторами. В книге хорошо показано и действие такого фактора расширенного воспроизводства механизаторских кадров, как повышение их материальной заинтересованности в результатах своего труда. На всех этапах развития социалистического сельского хозяйства партия неуклонно претворяла в жизнь этот ленинский принцип. Система оплаты механизаторов сельского хозяйства совершенствовалась в соответствии с изменением конкретной исторической обстановки. Но основная ее цель заключалась в том, чтобы обеспечить создание и непрерывный рост постоянных высококвалифицированных кадров. Особен-

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 190.
[2] «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1960, стр. 409.
[3] Данные рассчитаны по материалам статистического справочника «Сельское хозяйство капиталистических стран». М. 1959, стр. 269, 348, 349.

но интересно изложен вопрос о развитии принципов и форм оплаты труда механизаторов в первой главе, где показана борьба партии против уравниловки в оплате труда механизаторов, сосредоточенных в МТС. Касаясь отрицательных последствий уравнительной оплаты труда механизаторов, автор справедливо отмечает: «С одной стороны, недостаточный рост производительности труда, с другой,— перерасход фондов зарплаты — такова была общая картина. Перерасход фондов неизбежно вызывал задолженность по заработной плате, которая стала носить хронический характер» (стр. 22—23). Осуществленная в 1933—1934 гг. тарифная реформа дала свои положительные результаты. К сожалению, автор, ссылаясь на отсутствие материалов, недостаточно полно раскрыл, как упорядочение заработной платы механизаторов способствовало росту производительности труда. Это тем более важно подчеркнуть сейчас, когда в условиях развернутого строительства коммунизма проходит упорядочение заработной платы рабочих и служащих, и такие материалы, бесспорно, привлекли бы внимание читателей.

В книге справедливо указывается на теснейшую связь между повышением общеобразовательного уровня сельского населения и подготовкой кадров механизаторов. В 1928 г., в канун коллективизации, только 2% трактористов имели неполное среднее образование (стр. 13). Спустя 27 лет, в 1955 г., среди механизаторов, подготавливаемых для сельского хозяйства, преобладали люди, окончившие семилетку. Так, по подсчетам автора, 60% молодежи, поступившей в 1955 г. в Двориковскую, Бронницкую, Ногинскую и Гжельскую МТС Московской области, имело неполное среднее образование (стр. 223).

Ю. В. Арутюнян подробно рассматривает систему, формы и методы подготовки механизаторских кадров на различных этапах развития социалистического сельского хозяйства: от полутора-двухмесячных курсов трактористов в 1930—1932 гг. при школах колхозной молодежи до годичных училищ механизации сельского хозяйства в 1953—1957 гг. и политехнизации обучения специальностям механизаторов сельскохозяйственного производства в средних школах. На обширном фактическом материале автор показывает, какие трудности встречались на пути подготовки новых и переподготовки имевшихся механизаторских кадров и какую огромную организаторскую работу для преодоления этих трудностей вели партийные и другие общественные организации.

Анализируя показатели этой работы в 1932—1957 гг., автор опубликовал данные о росте численности механизаторов и их удельного веса в общем числе трудоспособных колхозников. Если в 1932 г. в колхозном производстве и МТС трудились 423 тыс. механизаторов основных и вспомогательных профессий, то в 1957 г. их было уже 3 389 тыс. человек, или в 8 раз больше. За этот же период удельный вес механизаторских кадров в общем числе трудоспособных колхозников соответственно возрос с 1,3% до 12,2% (стр. 271). Следует подчеркнуть, что автор самостоятельно рассчитал эти интересные данные. Они характеризуют исключительно высокие темпы расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы, а также серьезное улучшение состава работников сельского хозяйства.

Качественное улучшение механизаторских кадров, в совершенстве овладевших современной техникой, обусловило резкое повышение производительности машинно-тракторного парка. За время существования МТС производительность тракторов возросла в 1,4 раза, зерновых комбайнов — в 5 раз.

Положительной стороной рецензируемой книги является широкий показ организующей и направляющей роли партии в создании механизаторских кадров, в их воспитании. Автор привлек материалы, показывающие деятельность партийных организаций МТС и колхозов по организации подготовки механизаторов, влияние механизаторов — членов партии на беспартийных работников МТС и на колхозников. В книге приведены факты об авангардной роли коммунистов-механизаторов в развитии социалистического соревнования и организации крутого подъема сельскохозяйственного производства в период после исторических решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Ю. В. Арутюнян широко показал, какую работу в ходе формирования механизаторских кадров проводила Коммунистическая партия в комсомольских и профсоюзных организациях.

Историю формирования механизаторских кадров автор подразделяет на следующие периоды: довоенный, военный, послевоенный (до 1953 г.) и период после исторических решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС (до 1957 г.— кануна реорганиза-

ции МТС). Соответственно этому и книга разделена на четыре главы.

Давая в первой главе общую оценку сущности начального этапа формирования массовых механизаторских кадров, автор справедливо называет его «периодом исканий наиболее рациональных форм организации, оплаты труда и обучения механизаторов» (стр. 35). В этот период МТС зарекомендовали себя как наиболее эффективная форма государственного руководства колхозами. В оплате труда эти искания завершились утверждением сдельщины. Первоначально кадры механизаторов состояли в основном из городских рабочих, перешедших на работу в деревню, а затем среди механизаторов решающее место заняли колхозники.

Касаясь первой главы книги, следует указать на следующий недостаток. Автор, как нам представляется, не совсем четко определил этапы формирования механизаторских кадров в сельском хозяйстве в довоенный период. На наш взгляд, под общим наименованием «довоенный период» (1929—1941 гг.) объединяются три этапа: 1929—1933 гг.— начало массовой коллективизации и ее завершение; 1933—1939 гг.— развитие механизаторских кадров при МТС, которые находились на хозяйственном расчете; 1939—1941 гг.— состояние механизаторских кадров после перевода МТС на бюджетное финансирование и введение порядка выдачи всем механизаторам МТС из государственных фондов гарантийного минимума зерна и денег. Кроме того, вызывает сомнение правильность датировки начала формирования механизаторских кадров на селе 1929 годом. Еще в 1924 г. в сельском хозяйстве СССР было 2 560 тракторов с тяговой мощностью 25,6 тыс. л. с. В 1928 г. число тракторов возросло более чем в 10 раз и составило 26,7 тыс. машин мощностью 278,1 тыс. л. с.[4]. До 1929 г. в сельском хозяйстве СССР было свыше 30 тыс. механизаторов. Взяв 1929 год как исходную дату, автор не проследил историю формирования и развития механизаторских кадров в период до массовой коллективизации (в совхозах, машинопрокатных пунктах и т. д.).

В главе II автор показал, как в годы Великой Отечественной войны была осуществлена массовая замена ушедших на фронт механизаторов новыми кадрами — в основном женщинами,— в каких трудных условиях приходилось тогда поднимать уровень профессионального мастерства этих кадров.

Хорошо изложена в книге история развития механизаторских кадров в послевоенный период (1946—1953 гг.). Автор проследил процесс восстановления и дальнейшего развития материально-технической базы сельского хозяйства, охарактеризовал порядок и формы комплектования и подготовки механизаторов, принципы и формы оплаты их труда, особенности количественного и качественного роста этой категории тружеников сельского хозяйства. В книге правильно подчеркивается, что в послевоенный период вопросы улучшения качественного состава механизаторских кадров в связи с развитием технической базы приобрели первостепенное значение.

С полным основанием автор сосредоточивает основное внимание на периоде 1953—1957 годов. Автор, по нашему мнению, правомерно заканчивает изложение материала 1957 годом, ибо этот год завершает этап развития колхозов на базе государственной техники, которую крестьянство получало через МТС. Естественно, что момент реорганизации МТС, продажи техники колхозам и перехода механизаторов в колхозы — новый этап в развитии не только всего колхозного строя и крестьянства вообще, но и прежде всего самих механизаторских кадров. Постоянные механизаторские кадры, созданные в 1953—1957 гг., сыграли решающую роль в выполнении задач крутого роста колхозного производства, освоения целинных и залежных земель, увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Автор на многочисленных ярких фактах показал, как на основе совершенствования материально-технической базы повышался уровень механизации работ и расширялся производственный профиль механизаторов. Вместе с тем им дан анализ недостатков сложившегося порядка использования техники. На конкретных примерах Ю. В. Арутюнян показывает, что с развитием технической базы и укрупнением колхозов, а также с неуклонным возрастанием доли механизаторов в общем числе трудоспособных колхозников все ярче проявлялась необходимость сосредоточить и технику и механизаторские кадры в руках колхозов. МТС уже перестали быть той формой обслуживания колхозного производства, при которой производительным силам обеспечен полный простор. В ряде случаев механизаторы использовались недостаточно эффективно, техника простаивала из-за несогласованности

[4] «Сельское хозяйство СССР». М. 1936, стр. 199.

в действиях руководства МТС и правлений колхозов и т. д.

Большим достоинством рецензируемого труда является его богатая источниковедческая база. В нем широко использованы архивные материалы партийных органов, Министерства сельского хозяйства СССР и его областных управлений, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и материалы, собранные самим автором в ряде МТС (Васюринской, Павловской и Раздольной Краснодарского края; Топчихинской Алтайского края; Бронницкой, Ногинской, Гжельской, Раменской, Двориковской и Серпуховской Московской области). Кроме того, автор тщательно изучил периодическую печать, историко-экономическую литературу по рассматриваемому вопросу, опубликованные статистические материалы и т. д.

Известную познавательную ценность имеет статистическое приложение к книге (30 таблиц).

В заключение отметим некоторые общие недостатки книги. Прежде всего бросается в глаза то, что название книги шире ее содержания. В ней идет речь о механизаторских кадрах не всего сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг., а лишь о кадрах, обслуживавших колхозы через МТС. Конечно, в количественном отношении механизаторы, работавшие в МТС, преобладали и составили к 1957 г. почти 90% всех механизаторских кадров на селе. Но механизаторы совхозов — важная составная часть армии работников механизированного труда в сельском хозяйстве. Изучение формирования совхозных механизаторских кадров необходимо для изучения процесса в целом. Это обстоятельство следует учесть автору при дальнейшей работе над книгой с тем, чтобы, не сужая ее названия, привести содержание в соответствие с названием. Не изучен автором также процесс формирования таких механизаторских кадров в самих колхозах, как шоферы, механизаторы-животноводы, электрики, рабочие колхозных мастерских и т. д. Между тем этот вопрос сейчас представляет исключительный интерес.

Другой общий недостаток книги заключается в том, что в ней мало показана роль совхозов в создании и развитии механизаторских кадров, обслуживавших колхозы.

Ограничив себя рассмотрением формирования и подготовки кадров механизаторов в МТС, автор не сумел показать важнейшую роль совхозных механизаторов в освоении целинных земель в 1954—1957 гг., поскольку подавляющую часть целинных земель распахали совхозы. К тому же рост механизаторских кадров сельского хозяйства СССР шел в эти годы главным образом за счет совхозов. В колхозах освоение целины осуществлялось в большинстве случаев в порядке припашки к существующему клину, тогда как в совхозах оно начиналось вдали от населенных пунктов и дорог, то есть в значительно более сложных условиях.

К сожалению, статистические таблицы, приводимые в книге, не всегда доработаны. Например, в таблице 28 (стр. 155) неясно, какую оплату автор имеет в виду в графе «Оплата труда тракториста (денежная часть)»: месячную, сезонную или годовую? В примечании сам автор говорит, что эти данные не отражают действительных заработков трактористов, что они намного меньше последних. Думается, что надо было либо рассчитать действительный размер заработков, либо не приводить цифры, не дающие подлинного представления о заработках механизаторов. Подобные же данные, фактически искажающие представления о заработках трактористов, приведены автором и в таблице 29 (стр. 158—159).

Подводя итог сказанному, следует отметить, что книга «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.» принадлежит к числу пока еще сравнительно малочисленных исторических исследований нашей современности и является ценным пособием при изучении насущных проблем организации подготовки и переподготовки массовых механизаторских кадров. Следует ожидать, что автор продолжит работу над избранной темой и покажет, как развиваются механизаторские кадры колхозов после реорганизации МТС. К разработке этой темы, на наш взгляд, целесообразно было бы привлечь внимание и других исследователей.

Книга принесет пользу широкому кругу читателей.

В. П. Ефимов

Н. Н. ЛЕЩЕНКО *Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года (60-е годы XIX ст.)*. Академия наук Украинской ССР. Институт истории. Изд-во АН УССР. Киев. 1959. 524 стр. Тираж 2 000. Цена 16 руб. 80 коп.

Реформа 19 февраля 1861 г. для либерально-буржуазных историков была одной из наиболее излюбленных тем. Однако дворянско-буржуазная историография в силу своей классовой ограниченности не только не раскрыла объективно-исторического значения реформы, но даже не смогла правильно поставить эту важную проблему исторической науки. И в популярных книгах и в больших монографических работах таких видных либеральных историков, как Г. Джаншиев или А. А. Корнилов, история отмены крепостного права сводилась, в сущности, к описанию законодательных актов царского правительства о крестьянах да к славословию в адрес Александра II, которого они называли не иначе, как «царем-освободителем». Что же касается характера и классового содержания реформы 1861 г., ее объективно-исторического значения, борьбы крестьянства за свое освобождение и других принципиальных вопросов, то эти историки либо обходили их полным молчанием, либо извращали в интересах либеральной буржуазии и помещиков. Вот почему вся эта литература, несмотря на ее обширность, не представляет в настоящее время большого научного интереса.

И в советской историографии реформа 1861 г. далеко не сразу получила правильное решение. Примерно до середины 30-х годов в научной и популярной литературе господствовали вульгаризаторские взгляды М. Н. Покровского, согласно которым крепостное право в России пало в результате обострения борьбы промышленного капитала с торговым, а сама реформа была не чем иным, как компромиссом между этими двумя формами капитализма.

Первая специальная работа, в которой история падения крепостного права в России была освещена с марксистско-ленинских позиций, появилась лишь в конце 30-х годов. Это была небольшая научно-популярная брошюра Е. А. Мороховца. В 1954 г. был издан научно-популярный очерк П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России». В 1958 г. тот же автор опубликовал монографию, посвященную проведению в жизнь законодательных актов 19 февраля 1861 года. В 1955 г. вышла книга «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.)», написанная автором настоящей рецензии. Кроме того, в течение последних двух десятилетий вышло в свет несколько монографий, посвященных проведению реформы в ряде губерний, было опубликовано немало статей в научных сборниках и периодических изданиях, написан ряд кандидатских диссертаций. Во всех работах советских историков о реформе 1861 г. проблема классовой борьбы занимает центральное место.

Таким образом, наша историография располагает значительной литературой по этому важному вопросу истории народов СССР XIX века. По своему научному уровню труды советских историков коренным образом отличаются от работ буржуазных авторов. Советская историография реформы 1861 г. гораздо богаче буржуазной по проблематике, по разнообразию привлеченных источников, по широте обобщений и глубине выводов. Опираясь на ленинские положения, раскрывающие предпосылки, сущность и характер реформы, советские историки в своих исследованиях стремятся на широком конкретно-историческом материале показать кризис феодально-крепостнической системы, выявить природу тех социальных противоречий, которыми чревато было русское общество в середине XIX столетия, раскрыть содержание и формы классовой борьбы, в особенности антикрепостнических выступлений крестьян в период подготовки и проведения реформы, обнажить грабительский характер законодательных актов 19 февраля и антинародную практику проведения их в жизнь и на основании этого вскрыть социально-экономическую сущность и историческое значение реформы 1861 года.

Эти черты характерны и для рецензируемой книги. Монография Н. Н. Лещенко — первое обобщающее исследование по истории борьбы украинского крестьянства в период проведения реформы 1861 года. В шести главах автор исследовал весьма широкий круг вопросов (социально-экономические предпосылки реформы 1861 г., классовая борьба в украинской деревне накануне реформы, социальная сущность законодательных актов 19 февраля, подъем

крестьянского движения в связи с обнародованием манифеста и Положений 19 февраля, образование института мировых посредников и органов крестьянского самоуправления, борьба украинского крестьянства против грабительских уставных грамот, восстание 1863 г. в Польше и украинское крестьянство, волнения среди крестьян в связи с переводом их на выкуп, размежеванием земель и введением владенных записей и др.). Содержание монографии значительно шире ее заголовка. Это, по существу, первое обобщающее исследование не только по истории крестьянского движения на Украине в 60-х годах, но и по истории падения крепостного права в украинских губерниях.

Из ряда работ аналогичной тематики книга Н. Н. Лещенко выделяется прежде всего богатством фактического материала. Автор проделал большую работу по изысканию новых источников как в центральных, так и во многих областных архивах УССР. Он собрал материалы о 2 871 волнении крестьян на Украине в 1861—1870 гг., изучил 3 476 уставных грамот по 30 различным уездам Украины и составил ряд сводных таблиц. Собранные Н. Н. Лещенко данные о размахе крестьянского движения имеют важное значение для исторической науки. До сих пор исследователи, характеризуя размах крестьянского движения, опирались обычно на данные, содержащиеся в годовых отчетах III отделения и министерства внутренних дел. И хотя историки каждый раз подчеркивали, что эти данные, несомненно, занижены, тем не менее до выхода в свет рецензируемой книги не было сколько-нибудь определенного представления о размере преуменьшения размаха движения в указанных документах. Н. Н. Лещенко установил, что приводимое в отчетах III отделения число крестьянских выступлений по всей России за 1861—1863 гг. значительно меньше выявленного им количества тех выступлений, которые происходили в это время в одних только украинских губерниях.

Рецензируемая работа интересна и своей проблематикой. Картину подъема крестьянского движения в период проведения реформы 19 февраля автор дает на фоне тех перемен, которые совершались в социально-экономическом развитии России во второй трети XIX века. Он показывает, как в недрах охваченного глубоким кризисом феодального строя росли производительные силы, которым тесны были узкие рамки феодальных производственных отношений, как формировались элементы нового, более прогрессивного по сравнению с феодализмом капиталистического уклада, как все больше и больше обострялся конфликт производительных сил с производственными отношениями. Именно в обострении этого конфликта видит автор основную причину, заставившую царское правительство поставить в порядок дня вопрос об отмене крепостного права. Подъем крестьянского движения, вполне отчетливо обозначившийся в предреформенные годы, Н. Н. Лещенко связывает с дальнейшим усилением гнета крепостнической эксплуатации по мере углубления кризиса феодальной системы, падения жизненного уровня подавляющего большинства крестьянства, усиления нищеты и бесправия в деревне. Эти же причины, по его мнению, обусловили небывалый размах крестьянского движения весной 1861 г., в период обнародования манифеста и Положений 19 февраля. Однако, присоединившись к этой уже излагавшейся в литературе точке зрения, автор, к сожалению, не приводит каких-либо новых аргументов для ее обоснования. Необходимость более глубокой разработки этого вопроса вызывается тем, что в исторической литературе волнения крестьян весной 1861 г. гораздо чаще рассматриваются как «ответ их на реформу» [1]. Это, по нашему мнению, ошибочный взгляд. Разделяющие его историки фактически игнорируют то, что весенние волнения 1861 г. были прямым продолжением подъема крестьянского движения, начавшегося еще в 1858 г., но на время прерванного слухами о предстоящей отмене крепостного права, которые получили широкое распространение среди крепостных крестьян.

Заслуживают внимания и те страницы книги, где речь идет о периодизации крестьянского движения 60-х годов прошлого столетия. Фактический материал о крестьянских волнениях 1861—1863 гг., приведенный в монографии, подтверждает правильность той периодизации крестьянского движения в период проведения реформы, которая была изложена ранее в исторической литературе. На Украине, как и во всей стране, наибольший подъем крестьянского движения приходится на март — май 1861 г., когда, по подсчетам Н. Н. Лещен-

[1] См. например, «История СССР». Т. II. М. 1959, стр. 36 — 38.

ко, в украинских губерниях произошло 622 крестьянских волнения, охвативших 920 сел и деревень с населением 500 тыс. ревизских душ. В июне — сентябре 1861 г. наблюдался спад. В течение этих четырех месяцев имело место всего лишь 117 волнений, которые происходили в 158 селениях с числом жителей около 87 тыс. ревизских душ. Осенью 1861 г. начался новый подъем. С октября 1861 г. по январь 1863 г. в украинских губерниях было 961 волнение. Ими было охвачено 1 300 населенных пунктов, где проживало 800 тыс. ревизских душ.

Следовательно, данные, полученные автором в результате самостоятельных подсчетов, не опровергают, а подтверждают ранее изложенный в литературе (на основании анализа данных III отделения и министерства внутренних дел) вывод о том, что именно весной 1861 г., то есть в первые месяцы после объявления манифеста и Положений 19 февраля, крестьянское движение достигло наивысшего подъема, после чего начался спад. Этот спад не был непрерывным, он сменялся по временам новыми волнами подъема, однако ни одна из них не достигла уровня весны 1861 года. А это значит, что точка зрения Я. И. Линкова и П. А. Зайончковского[2], которые на основании косвенных данных отрицают правомерность выделения июня — сентября 1861 г. в особый период, характеризующийся спадом крестьянского движения, оказывается, на наш взгляд, противоречащей фактам.

Однако и Н. Н. Лещенко нельзя не упрекнуть в том, что, характеризуя особенности второго периода, он допустил противоречивые утверждения. Так, приведя указанные выше данные о размахе крестьянского движения в июне — сентябре 1861 г., он пишет: «Все это, несомненно, свидетельствует об обострении стихийной классовой борьбы в «раскрепощенной» деревне, о неудержимом стремлении крестьянских масс Украины, как и всей России, к уничтожению тяжелого помещичьего гнета, к прекращению тягостных обязательных отношений с ненавистными угнетателями» (стр. 264). О каком же обострении может идти речь, если в июне — сентябре 1861 г. количество волнений было по крайней мере в пять раз, а количество участников этих волнений почти в шесть раз меньше, чем в марте — мае того же года? Впрочем, Н. Н. Лещенко и сам вслед за только что процитированной фразой пишет: «И все же общий размах антипомещичьего движения в июне — сентябре уже был значительно слабее, чем в марте — мае 1861 г.» (там же).

Нельзя согласиться и с объяснением причин спада крестьянского движения в эти месяцы, данным в книге Н. Н. Лещенко. В качестве главной причины автор отмечает некоторое сокращение уроков и повышение заработной платы наемным рабочим. Между тем хорошо известно, что никаких законодательных актов о понижении уроков или повышении заработной платы в эти месяцы не издавалось. Следовательно, если такие меры и проводились в некоторых имениях, то лишь по собственному почину отдельных помещиков. Неизвестно даже количество имений, где уроки были понижены. Но даже если бы они были уменьшены решительно во всех помещичьих имениях, то и тогда едва ли мог произойти спад крестьянского движения, ибо крестьяне, как справедливо подчеркивает и сам Н. Н. Лещенко, боролись в 1861 г. не за ослабление помещичьего гнета, а за полное его уничтожение. В отдельных случаях понижение уроков, возможно, и удерживало крестьян от открытых выступлений, но это было редким исключением. Основной причиной спада крестьянского движения летом 1861 г. на Украине, как и в великорусских губерниях, явилось усиление репрессий по отношению к участникам волнений, образование института мировых посредников, создание органов крестьянского «самоуправления». Мировые посредники и должностные лица крестьянских учреждений своей деятельностью разлагали крестьянские массы, разрушали единство в сельских обществах, более оперативно реагировали на все проявления крестьянского недовольства. Наконец, существенное влияние на размах крестьянского движения оказало широкое распространение идеи «слушного часа».

Автор напрасно уклонился от всестороннего рассмотрения вопроса о «слушном часе», еще недостаточно освещенного в нашей литературе. Архивные и печатные источники содержат много разнообразных материалов о возникновении и распростра-

---

[2] Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825 — 1861 гг. М. 1952, стр. 266. См. также рецензию П. А. Зайончковского на книгу М. Е. Найденова «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.)». «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 152.

нении этой идеи среди крестьян Украины[3]. Распространение указанной идеи оказало большое и противоречивое влияние на крестьянское движение не только летом 1861 г., но и в 1862—1863 годах. Кстати говоря, ошибочно утверждение Н. Н. Лещенко, будто идея «слушного часа» появилась уже в момент обнародования манифеста. На самом деле первые упоминания о «слушном часе» относятся к маю 1861 г., а широкого распространения эта идея достигла в июне — июле и лишь с того времени стала оказывать влияние на крестьянское движение.

Н. Н. Лещенко анализирует крестьянские волнения с точки зрения их формы, характера требований, стойкости участников. Это одна из положительных сторон рецензируемой книги. И все же автор недостаточно выпукло показал значение в крестьянском движении 1861—1869 гг. аграрных требований крестьян; он ограничился в данном случае лишь беглыми замечаниями, теряющимися в массе разнообразного фактического материала. На характеристике требований по земельному вопросу нужно было остановиться более подробно, так как именно волнения 1861—1863 гг. положили начало тому аграрному движению, которое заполняет всю пореформенную эпоху вплоть до октября 1917 года. К тому же в характеристике аграрных требований украинского крестьянства автор допустил неточность. На стр. 191 он пишет, что «еще в период обнародования манифеста и положений 19 февраля крестьяне ряда сел Украины (заметьте: ряда, а не всех, не большинства и даже не многих.— *М. Н.*) ставили одной из важнейших своих задач получение в безвозмездное владение сельских обществ всех или части помещичьих земель, являвшихся источником неимоверного угнетения их помещиками». Почему же, спрашивается, украинские крестьяне стали выдвигать требование общинного землевладения, когда еще при крепостном праве едва ли не в большей части помещичьих имений на Украине преобладало подворное землепользование?

Собрав и проанализировав обширный фактический материал о крестьянском движении на Украине, Н. Н. Лещенко, естественно, должен был выяснить специфические черты, которыми оно отличалось от крестьянского движения в других районах России. Но, поставив эту проблему, автор не дал исчерпывающего решения ее. Касаясь данного вопроса, он пишет о неравномерности развития крестьянского движения в различных губерниях, о преобладании такой его формы, как отказ от исполнения издельной повинности, о широком распространении требования об отмене женской барщины, об отказе крестьян от получения новых земельных наделов и т. п. Но все эти черты были присущи крестьянскому движению, происходившему и в великорусских губерниях.

Примененный автором метод сбора и обработки фактического материала о крестьянских волнениях (тщательная выборка из различных источников данных о выступлениях крестьян, классификация их по характеру требований и другим признакам с последующим подсчетом) не нов. Им пользовались и другие исследователи. Но никто из них не применял этот метод в столь широких масштабах и не получал таких полных данных, как Н. Н. Лещенко. Заслуживают, в частности, одобрения многочисленные таблицы, показывающие размах, динамику, характер и формы крестьянского движения. Приходится лишь сожалеть, что автор не дал в приложении к книге перечня всех имений и населенных пунктов, в которых происходили волнения крестьян в рассматриваемые им годы. Этот перечень необходим, может быть, не столько для подтверждения достоверности приведенных в книге итоговых данных, сколько для облегчения работы будущих исследователей, которые при наличии такого перечня могли бы не повторять трудоемкой работы, проделанной Н. Н. Лещенко, а продолжить ее, удлиняя этот перечень за счет вновь выявленных имений и населенных пунктов, которые были охвачены волнениями.

Представляются вполне обоснованными общие выводы автора об историческом значении крестьянского движения, происходившего в период отмены крепостного права. Следовало, однако, несколько полнее сказать о той роли, какую сыграла самоотверженная борьба крестьян в период проведения реформы в утверждении новой, капиталистической формации в России.

Монография Н. Н. Лещенко по богатству и разнообразию фактического материала, а также по своей проблематике, методу анализа фактов и обобщающим выводам является, несомненно, ценным вкладом в советскую историографию.

Выше уже были отмечены некоторые про-

[3] См. журналы «Основа», «Киевская старина» и другие издания.

белы и недостатки этой книги в освещении отдельных сторон истории крестьянского движения в период подготовки и проведения реформы 1861 года. Необходимо остановиться также на некоторых принципиальных положениях, которые, по нашему мнению, не получили в монографии должного освещения. «Крестьянская реформа 1861 г.,— пишет автор,— несмотря на свою ограниченность и половинчатость, устранила резкий конфликт, создавшийся к концу 50-х годов XIX ст. между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, и создала известные условия для развития капитализма во всех сферах общественного производства» (стр. 3). Столь категорическое утверждение не подкреплено в книге никакими соображениями. Между тем автору, конечно, известно, что в советской историографии есть иная точка зрения по данному вопросу. Н. Н. Лещенко упоминает в своей книге статью академика Н. М. Дружинина, в которой говорится: «Конфликт между развитием производительных сил и феодальными производственными отношениями завершился в России не революцией, как это было в западноевропейских странах, а реформой, не коренным уничтожением феодальных институтов, а их постепенной ликвидацией с сохранением феодальных пережитков. Именно поэтому переворот в общественных отношениях, который пережила Россия в 1861 г., мог обеспечить не полное, а лишь относительное соответствие производственных отношений характеру производительных сил» [4].

Следовательно, реформа 1861 г. «не устранила резкого конфликта», а лишь ослабила его остроту, или, как говорил В. И. Ленин [5], открыла клапан, создав более благоприятные условия для капиталистического развития. Конфликт же между производительными силами и сохранившимися пережитками феодально-крепостнических отношений остался и после реформы, вызвав уже через 20 лет после нее вторую революционную ситуацию, а еще через два с небольшим десятилетия — первую буржуазно-демократическую революцию.

Н. Н. Лещенко издельную повинность почему-то называет «издольной». И это отнюдь не опечатка; на протяжении всей книги издельная повинность именуется «издольной» (стр. 124—126, 131, 135, 155, 192, 255, 283, 291, 328, 329, 337, 338, 475, 476 и др.).

Наконец, следует остановиться на самом значительном, на наш взгляд, недостатке рецензируемой книги. О значении трудов В. И. Ленина сказано лишь, что в них получила дальнейшее развитие «подлинно научная разработка социально-экономических предпосылок реформы, ее классовой сущности и значения для развития капитализма в России, особенностей капиталистической эволюции в промышленности и земледелии, причин крестьянских волнений, их характера и целей» (стр. 9). Нетрудно заметить, что этим отнюдь не исчерпывается тот огромный вклад, который внес В. И. Ленин в разработку данной проблемы. Автор не отметил даже, что В. И. Ленин первым начал всестороннее изучение эпохи падения крепостного права в свете марксистского учения о социально-экономических формациях, что он впервые в историографии рассмотрел реформу как побочный продукт революционной борьбы, что в его трудах впервые с предельной глубиной были вскрыты экономические причины отмены крепостного права, что именно он раскрыл буржуазный характер и крепостническую сущность реформы 1861 года. В перечне ленинских работ, в которых идет речь об этих вопросах, Н. Н. Лещенко не упомянул даже таких важных трудов, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Думается, что в такой большой работе, какой является монография Н. Н. Лещенко, обязательно должен быть развернутый историографический очерк. Последний является исходным пунктом всякого исследования. Он необходим не только читателю, но и самому историку, ибо всесторонний анализ ранее вышедшей литературы помогает избежать ненужных повторений и наиболее четко, полно и правильно определить задачи исследования. К сожалению, краткий историографический очерк, имеющийся в книге Н. Н. Лещенко, носит формальный характер. В сущности, этот очерк состоит из отрывочных заметок об отдельных историках и их работах. О буржуазно-националистической историографии (которая, как подчеркивает и сам Н. Н. Лещенко, особенно много потрудилась над извращением при-

---

[4] Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне реформы 1861 года. «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 76.

[5] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 99.

чин, характера и целей крестьянского движения на Украине) он сказал лишь несколько слов, не назвав при этом ни одного историка, ни одной работы. В других случаях автор также ограничился перечислением книг и статей без какого бы то ни было анализа их содержания. Особенно неудовлетворительна характеристика советской историографии. Н. Н. Лещенко дал беглое изложение лишь работ некоторых украинских авторов, писавших о крестьянском движении на Украине. Что же касается исследований Н. М. Дружинина, П. И. Лященко, В. К. Яцунского, П. А. Зайончковского, Я. И. Линкова, Е. А. Мороховца, Л. М. Иванова и др., то их он лишь перечислил в своей книге (стр. 10). Эти работы, как явствует из контекста книги, представляют интерес для Н. Н. Лещенко лишь в той мере, в какой они касаются крестьянского движения в украинских губерниях. Но ведь борьба украинского крестьянства была неотъемлемой частью общероссийского освободительного движения той эпохи, и основные закономерности этой борьбы на Украине и в российских губерниях были одни и те же. Поэтому указанные работы, содержащие решение ряда научных проблем, имеют прямое отношение и к истории крестьянского движения на Украине. Уклонившись от их анализа, Н. Н. Лещенко такие принципиальные вопросы, как предпосылки реформы, причины крестьянского движения, его характер, периодизация, влияние института мировых посредников и органов крестьянского самоуправления на размах этого движения и др., решил в своей книге, в сущности, так же, как они были решены в трудах упомянутых выше советских историков. О том, что в освещении ряда вопросов Н. Н. Лещенко широко пользовался исследованиями ряда советских историков, свидетельствует и наличие в его книге ссылок на них. Поэтому вряд ли оправдано отсутствие в такой серьезной монографии, какой является рецензируемая книга, обстоятельного историографического очерка.

М. Е. Найденов

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ст. ШАУМЯН. *Письма. 1896—1918.* Ереван. 1959. 298 стр. Тираж 5 000. Цена 5 руб. 15 коп.

Вышел в свет сборник писем видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного ученика и соратника В. И. Ленина Степана Георгиевича Шаумяна.

Сборник включает в себя четыре раздела: переписку С. Г. Шаумяна с В. И. Лениным, письма к выдающимся деятелям Коммунистической партии и Советского государства, письма к товарищам и письма к родным.

С. Г. Шаумян оставил богатое литературное, теоретическое наследие. За последнее время Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Армянским, Азербайджанским и Грузинским филиалами этого института проделана значительная работа по собиранию и изданию трудов С. Г. Шаумяна. Однако до сего дня не все его работы обнаружены. В архивах нашей страны, а также в зарубежных архивах хранится много неопубликованных документов, принадлежащих перу С. Г. Шаумяна. Научное значение рассматриваемого сборника состоит в том, что в нем впервые собраны и опубликованы выявленные письма С. Г. Шаумяна. Эти письма позволяют более полно осветить историю большевистских организаций Закавказья в период борьбы за Советскую власть; они проливают новый свет на многогранную, неутомимую деятельность одного из выдающихся руководителей закавказского пролетариата — С. Г. Шаумяна, свидетельствуют о его неиссякаемой революционной энергии, большевистской принципиальности, непримиримости к врагам революции. Сборник писем имеет большое политическое и воспитательное значение.

Центральное место в сборнике занимает переписка Шаумяна с В. И. Лениным. Личное знакомство с Владимиром Ильичем, состоявшееся весною 1903 г. в Женеве, окончательно и бесповоротно определило дальнейший жизненный путь молодого революционера С. Г. Шаумяна и оказало исключительно благотворное влияние на всю его кипучую деятельность. С этого времени между В. И. Лениным и С. Г. Шаумяном установилась постоянная переписка.

В письмах к Владимиру Ильичу С. Г. Шаумян советовался с ним по важнейшим во-

просам теории и политики, получал от него указания и практическую помощь. В свою очередь, С. Г. Шаумян регулярно информировал В. И. Ленина о политических событиях в Закавказье.

Первое дошедшее до нас письмо С. Г. Шаумяна к В. И. Ленину датировано 28 ноября 1904 года. В этом письме молодой марксист-ленинец сообщал, что спешит выполнить поручение группы студентов-армян из Петрограда, решившей легально издать марксистский сборник на армянском языке. С. Г. Шаумян просил В. И. Ленина принять участие в этом сборнике. «Прошу Вас,— писал он,— если время Вам позволит или если есть у Вас что-нибудь готовое, не отказать. Сбор с этого издания пойдет, без сомнения, в пользу партии, и, что самое главное, издание, в случае, если оно осуществится в том виде, как оно задумано, будет иметь громадное значение для армянских читателей...» (стр. 19). Знаменателен такой факт. В январе 1905 г. С. Г. Шаумян направил В. И. Ленину письмо и заметку. Эту заметку В. И. Ленин опубликовал в газете «Вперед». В письме С. Г. Шаумян просил Владимира Ильича выступить против антимарксистской статьи «Сектантство в революционном движении», напечатанной в центральном органе армянской буржуазно-националистической партии дашнакцутюн «Дрошак» («Знамя»).

В период первой русской революции С. Г. Шаумян был одним из руководителей революционного движения в Закавказье. В целях конспирации ему нередко приходилось пересылать письма В. И. Ленину через третьих лиц.

В годы столыпинской реакции С. Г. Шаумян решительно выступал против ликвидаторов, «отзовистов», «богостроителей», «богоискателей». Он энергично отстаивал ленинскую идею максимального использования нелегальных и легальных методов работы в массах. Степан Шаумян страстно защищал марксистско-ленинское учение о пролетарской партии нового типа. Об этом красноречиво говорит его письмо к М. Цхакая в 1908 г. (см. стр. 149). При этом Шаумян заявлял, что он и его товарищи «твердо убеждены в правильности позиции Ильича» (стр. 151) и всецело стоят на его стороне (стр. 155). С. Г. Шаумян боролся за единство и чистоту партийных рядов, решительно осуждал всяческие новые попытки извратить сущность марксизма. «Нам кажется... непонятным явлением в партии,— писал он,— так называемый «отзовизм». Кажется прямо невероятным и крайне обидным, что подобные взгляды, подобное мышление может иметь место в рядах серьезной с. д. партии» (стр. 152). Во многих письмах нашли отражение взгляды Шаумяна о руководящей роли пролетарской партии в революционной борьбе трудящихся.

В переписке С. Г. Шаумяна с В. И. Лениным в 1913—1914 гг. центральное место занимает проблема национального вопроса. «В 1913 г.,— пишет Н. К. Крупская,—у Ильича оживилась переписка с Шаумяном по национальному вопросу» [1]. В одном из писем из Поронина В. И. Ленин писал Шаумяну: «Дорогой товарищ! Вернувшись домой, я застал Ваше письмо. Непременно пришлите побольше материалов о национальном вопросе на Кавказе...» (стр. 31). С. Г. Шаумян сразу же выполнил эту просьбу. В следующем письме Владимир Ильич писал: «Дорогой друг! Очень рад был Вашему письму от 15.XI. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценишь отзывы товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый отклик был поэтому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма» (стр. 34). Письмо Шаумяна от 15 ноября 1913 г. пока не найдено. О его содержании можно судить лишь по ответному письму В. И. Ленина от 6 декабря 1913 года.

В 1913 г. состоялось августовское совещание ЦК РСДРП в Поронине, где была принята известная ленинская резолюция по национальному вопросу. Находившийся в ссылке С. Г. Шаумян получил от Владимира Ильича эту резолюцию с просьбой сообщить свое мнение о ней. В ответном письме Шаумян высказал несогласие по некоторым пунктам резолюции. В связи с этим В. И. Ленин сделал Шаумяну дружеские замечания и помог ему правильно подойти к пониманию национального вопроса. Через несколько лет после этого, 2(15) марта 1918 г., С. Г. Шаумян опубликовал вышеупомянутое письмо Ленина в газете «Бакинский рабочий». В сборник вошли комментарии С. Г. Шаумяна «По поводу письма В. И. Ленина по национальному вопросу», которые показывают, что С. Г. Шаумян правильно осмыслил и практически претворял в жизнь ленинскую национальную программу. «Письмо,— писал С. Г. Шаумян,—

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 289.

печатаемое нами, имеет большое значение, как определенное и ясное выражение взглядов Ленина по национальному вопросу... Это письмо показывает, что взгляды, защищаемые нашей партией в настоящее время, в точности высказывались Лениным еще в 1913 году» (стр. 39).

Жизнь и деятельность С. Г. Шаумяна в 1917—1918 гг. неразрывно связана с историей Великой Октябрьской социалистической революции, с борьбой трудящихся Закавказья за установление Советской власти. Включенные в сборник письма и телеграммы раскрывают подлинный смысл и значение героической борьбы закавказских большевиков, одним из виднейших руководителей которых был С. Г. Шаумян. Большевики Закавказья горячо поддержали пролетарскую революцию в России. В адресованном В. И. Ленину приветствии съезда кавказских большевиков, которое было написано С. Г. Шаумяном, сказано: «Первый съезд кавказских организаций социал-демократов — большевиков... шлет горячий привет славному вождю русской революции, лучшему представителю III Интернационала, энергичнейшему борцу за мировую пролетарскую революцию — товарищу Ленину» (стр. 54).

Когда в Баку победила Советская власть, начался период героической Бакинской коммуны. С. Г. Шаумян был избран председателем Совета Народных Комиссаров и комиссаром внешних дел Коммуны. «Бакинский Совет Народных Комиссаров будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными условиями, все декреты и распоряжения Рабоче-Крестьянского правительства России — Совета Народных Комиссаров» [2],— говорилось в декларации Бакинского Совета Народных Комиссаров, написанной С. Г. Шаумяном.

Материал сборника раскрывает самоотверженную борьбу бакинских комиссаров, кипучую деятельность руководителя Бакинской коммуны и Чрезвычайного комиссара по делам Кавказа С. Г. Шаумяна. В. И. Ленин высоко ценил его деятельность на этом посту. «Мы,— писал он,— в восторге от вашей твердой и решительной политики» (стр. 61).

Переписка В. И. Ленина с С. Г. Шаумяном в этот период была посвящена вопросу укрепления Коммуны. Владимир Ильич лично принимал представителей Коммуны, внимательно выслушивал их и заботливо относился к их просьбам. «Сделайте распоряжение о немедленной погрузке и отправке на Баку броневиков по ведомости Всероссийской коллегии вооружения...»,— писал В. И. Ленин в Петроградский Совет (стр. 108). Во второй половине июля 1918 г., когда положение Коммуны сильно ухудшилось вследствие натиска иностранных империалистических интервентов и подрывной деятельности внутренних контрреволюционных сил, В. И. Ленин принимал решительные меры для спасения Советской власти в Баку. «Очень прошу принять все меры,— говорится в записке Владимира Ильича в Народный Комиссариат по морским делам,— для ускорения доставки в Каспийское море военных морских судов всех подходящих типов» (стр. 119). В другой телеграмме В. И. Ленин предписывал военкомам Саратова и Царицына: «Полк имени Ленина следует на Баку. Примите срочные меры к быстрому продвижению. За всякую задержку будете подлежать строгой ответственности» (стр. 138).

В конце июля 1918 г. контрреволюционные партии сумели провести в Коммуне незначительным большинством голосов резолюцию о приглашении англичан в Баку. В телеграмме В. И. Ленину и Я. М. Свердлову из Астрахани сообщалось: «...Совнарком стоял перед фактом действительного предательства, между тем турки все ближе подходили... Совнарком же не мог быть ни в числе тех, кто сдавался на милость турецких пашей, ни в числе тех, кто был за приход англичан, и он решил, чтобы спасти имеющиеся революционные войска, эвакуироваться» (стр. 135—136). Советская власть в Баку временно пала. Шаумян разоблачал гнусную роль контрреволюционных партий и иностранных захватчиков.

Для оценки деятельности руководителей бакинских большевиков большой интерес представляет включенный в сборник отрывок из речи В. И. Ленина на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. по поводу отказа руководителей бакинских большевиков от соглашения с англо-французскими империалистами. «Мы уже знаем слишком хорошо,— говорил Владимир Ильич,— что́ значит такое приглашение на защиту Советской республики империалистических войск... Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая им-

[2] С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. II. М. 1958, стр. 216.

периалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильники наступали, единственной партией была партия большевиков-коммунистов» (стр. 132). В. И. Ленин тут же зачитал телеграмму Бюро печати Баксовнаркома, в которой сообщалось: «Шаумян заявил, что считает принятое постановление позорной изменой и черной неблагодарностью в отношении рабочих и крестьян России и что как представитель центральной власти снимает с себя всякую ответственность за принятое решение... Своей предательской политикой местный Совдеп, пригласивший англичан, потерял Россию и партии, поддерживающие Советскую власть» (стр. 131).

В письмах к деятелям нашей партии И. В. Сталину, Н. К. Крупской, М. Цхакая С. Г. Шаумян выражал глубокую веру и убежденность в торжество дела социализма. «Вера в будущее,— писал он,— и любовь к нашему делу вселяет в нас энергию неиссякаемую...» (стр. 154).

Большое внимание в письмах к товарищам С. Г. Шаумян уделял вопросам развития литературы и искусства. С ленинских позиций он отстаивал принцип партийности в литературе, вскрывал фальшь и лицемерие буржуазного принципа «свободы» литературного творчества.

Письма С. Г. Шаумяна к родным проникнуты глубокой человечностью и заботой о необходимости воспитания подрастающего поколения в духе бесстрашия, смелости, самоотверженной преданности делу социализма, непоколебимой верности идеям марксизма-ленинизма.

Не во всем можно согласиться с составителем сборника Х. А. Барсегяном, хотя его работа в целом и заслуживает всяческого одобрения. Содержание сборника шире названия. Автором сборника значится один С. Г. Шаумян, между тем в нем опубликованы письма, телеграммы и документы В. И. Ленина и других товарищей. Ряд включенных в сборник работ С. Г. Шаумяна не имеет отношения к его переписке (см., например, «Новый орган гичанистов»). Неизвестно, кто является автором телеграммы из Астрахани В. И. Ленину и И. В. Сталину (стр. 139—141).

Рассмотренный нами сборник имеет большое значение для изучения теоретического наследства С. Г. Шаумяна, глубоко научной оценки деятельности большевистских организаций Закавказья в ответственнейший период истории борьбы за Советскую власть. Эта книга будет способствовать успешной борьбе против современного ревизионизма, догматизма и сектантства в рабочем движении, воспитанию строителей коммунизма в духе ленинской принципиальности, бесстрашия, смелости, преданности марксизму-ленинизму, непоколебимой верности принципам пролетарского интернационализма.

Г. А. Ватьян

Н. В. ЧЕРНЕНКО. *Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и консолидацию рабочего класса Украины в 1921—1925 гг.* Изд-во Киевского государственного университета. Киев. 1959. 218 стр. Тираж 5 500. Цена 7 руб. 60 коп.

Первые работы о восстановлении промышленности на Украине после окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции появились еще в двадцатые годы [1].

В послевоенные годы данная тема нашла отражение в ряде общих трудов [2], а также в специальной литературе по истории народного хозяйства Украинской ССР [3].

---

[1] П. Жигалко. Украинская промышленность в условиях нэпа. Харьков. 1925; К. Г. Максимов. Металл и металлопромышленность Украины. Харьков. 1926; «Хозяйство Украины». Сборник материалов, освещающих современное состояние важнейших отраслей хозяйства Украины. М. 1926; «Десятиріччя будівництва соціалістичної промисловости УРСР». Харьків. 1927; К. М. Гулый. Положение труда на Украине. Харьков. 1928; «Труд и профсоюзы на Украине». Статистический справочник 1921 — 1928 гг. Харьков. 1928; А. П. Кривицкий. Донбасс за 10 лет (1920 — 1929 гг.). Харьков. 1930, и др.

[2] Э. Ю. Локшин. Очерки истории промышленности СССР. М. 1956; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. III. М. 1956; «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925 гг.)». М. 1955; «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.». М. 1960, и др.

[3] Е. А. Курдюмова. Донецкая партийная организация в годы восстановительного периода (1921 — 1925 гг.). «Вопросы истории», 1951, № 12; С. И. Якубовская. Преодоление хозяйственных трудностей Донбасса в 1924 г. «Исторические записки». 1950, № 31; В. И. Беляева и Л. Г. Гольдфарб. Борьба заводских партийных организаций за восстановление черной металлургии в 1924—1925 гг. «Вопросы истории», 1956, № 2; «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР».

В центре внимания автора рецензируемой книги находится деятельность центральных и местных партийных организаций Украины, руководимых ЦК РКП(б), по восстановлению промышленности республики в сложных условиях начала 20-х годов.

Важнейшую роль в восстановлении промышленности сыграли решения съездов РКП(б): X — «О замене разверстки натуральным налогом», XI — «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики», XII — «О промышленности», XIII — по отчету ЦК, XIV партконференции — «О металлопромышленности». Решения съездов широко обсуждались на митингах, собраниях и конференциях рабочих. Это способствовало политическому и трудовому подъему среди рабочего класса, занятого восстановлением промышленности Украины.

На ряде убедительных фактов Н. В. Черненко показывает большую помощь ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У местным партийным организациям в борьбе за восстановление промышленных предприятий.

Для укрепления производственных партийных ячеек из армии за три месяца 1921 г. было демобилизовано 2 506 коммунистов, из них свыше 700 было послано в Донбасс (стр. 42). Кроме того, на производство были направлены коммунисты из различных учреждений и организаций. Таганрогский уездный партийный комитет, например, решил мобилизовать на производственную работу 50% состава организации. Харьковский губком партии постановил послать на производство 300 коммунистов (стр. 42, 43). Это способствовало укреплению партийных и профсоюзных организаций, усилению их авторитета среди рабочих масс.

Автор приводит ряд интересных материалов о большой работе, которую вели в эти годы на Украине Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровский, Д. З. Мануильский, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, П. П. Постышев и другие видные деятели партии.

В книге с привлечением новых фактов, почерпнутых в архивах, освещается братская помощь народов СССР, особенно русского, в деле восстановления промышленности Украины, в снабжении украинского пролетариата продовольствием и предметами первой необходимости. Так, в январе 1921 г. питерские рабочие отправили в Донбасс поезд с верхней одеждой, бельем, посудой, из Москвы были посланы поезда с продовольствием. В декабре 1920 г. и январе 1921 г. с Кубани в Донбасс было отправлено 400 тыс. пудов пшеницы и ячменя, около 10 тыс. пудов пшеничной муки, 15 245 пудов мяса, 6 тыс. пудов растительного масла (стр. 21). Особенно ярко проявилась братская взаимопомощь народов нашей страны в период борьбы с продовольственным кризисом. С начала кампании помощи голодающим по декабрь 1921 г. через различные организации РСФСР и других союзных республик в пользу голодающих Украины было получено 35,5 млн. рублей (см. стр. 51, 71, 72).

В книге читатель найдет много нового фактического материала, показывающего заботу Коммунистической партии о повышении благосостояния рабочих (рост заработной платы, улучшение снабжения и жилищно-бытовых условий). Так, в течение 1923 г. зарплата всех рабочих Украины была повышена на 28%, а по некоторым отраслям — на 46% (стр. 128). Для рабочих Донбасса только в течение марта — мая 1923 г. было построено 3 тыс. домов и 11 общежитий (стр. 129, 130).

Большая и напряженная работа по восстановлению промышленности, проделанная украинским рабочим классом, инженерами, техниками под руководством коммунистов, дала свои плоды. Например, производство машин на Украине составило в 1924—1925 гг. 86,7% довоенного уровня, добыча угля — 70%, а добыча марганцевой руды превысила довоенный уровень. Значительно вырос рабочий класс Украины. В фабрично-заводской промышленности за три года количество рабочих увеличилось на 173 802 человека (стр. 206—207).

Эти и другие интересные, в значительной мере новые или малоизвестные данные, которые были должным образом проанализированы и обобщены автором, делают его

1954; «Промисловість Радянської України за 40 років (1917—1957 рр.)». Київ. 1957. «Історія Української РСР». Т. II. Київ. 1957; Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955; М. М. Середенко. Чорна металургія України 1917—1957 рр. Київ. 1957; К. Шиян. Боротьба робітничого классу України за відбудову промисловости (1921—1925 рр.). Київ. 1957; О. О. Кучер. Боротьба робітників України за відбудову важкої промисловости після громадянської війни. Харьків. 1959 и др.

работу ценным исследованием. Вместе с тем эта книга, на наш взгляд, не лишена некоторых недостатков. Она в известной мере страдает описательностью. Отдельные важные вопросы темы разработаны недостаточно. Фактический материал, содержащийся в книге, по ряду затронутых вопросов освещает преимущественно первые годы нэпа. Слабее аргументированы положения автора фактами, относящимися к 1923 г. и особенно к 1924—1925 годам.

Автор, например, не показал значения плана Гоэлро и претворения его в жизнь для восстановления народного хозяйства Украины и особенно для восстановления промышленности, роста и укрепления рабочего класса. За пределами внимания Н. В. Черненко остались такие вопросы, как качественные и социальные изменения в составе рабочего класса в восстановительный период, работа партийных организаций с вновь пришедшими рабочими, производственно-техническая пропаганда.

Ряд пробелов имеется в освещении трудовой активности украинского рабочего класса, методов привлечения рабочих к активному участию в руководстве предприятиями и улучшении их работы.

О создании ударных рабочих артелей и групп на предприятиях Украины автор упоминает (стр. 21, 58—61), но он не делает вывода, что это были новые формы трудовой активности рабочих. Есть основание полагать, что эти артели и группы являлись первыми ласточками массового движения ударных бригад.

Важную роль в восстановлении промышленности Украины сыграли производственные ячейки, которые стали создаваться шахтерами Донбасса в 1921 году. Примеру шахтеров последовали рабочие фабрик и заводов. Основная задача производственных ячеек состояла в том, чтобы быстрее восстановить Донбасс, улучшить качество выпускаемой продукции, снизить ее себестоимость. В конце 1922 г. в Донбассе насчитывалось 78 производственных ячеек, в конце 1923 г.— 174 ячейки [4]. Они сыграли заметную роль в деле восстановления предприятий, в повышении производительности труда.

Производственные совещания, охватившие в 1924 г. все предприятия страны, по нашему мнению, и являются преемниками производственных ячеек. Январский (1924 г.) пленум Донецкого губпрофсовета указал на то, что необходимо изучить опыт производственных ячеек, делегатских собраний и производственных совещаний. В конце 1924 г. производственные ячейки в Донбассе были «реорганизованы в производственные совещания» [5].

Большую роль в восстановлении промышленности Украины сыграли производственные и партийно-производственные конференции, совещания трестов и отдельных отраслей промышленности. Важное значение имел также созыв широких рабочих конференций на крупных промышленных предприятиях и в районах. Так, по Донбассу в ноябре 1923 г. и сентябре 1924 г. в этих конференциях приняло участие около 40 тыс. человек. В январе и феврале 1925 г. было созвано 29 конференций; в них участвовали широкие рабочие массы [6].

Важное значение для приобретения навыков управления производством имело привлечение рабочих к активной работе в комиссиях содействия РКИ. Все эти вопросы в книге, к сожалению, не освещены.

В книге не говорится о борьбе Коммунистической партии за привлечение старых инженерно-технических специалистов к работе по восстановлению промышленности Украины, хотя известно, что многие из них своим трудолюбием, честным отношением к работе помогали возрождать экономику республики.

В работе встречаются противоречивые данные. Например, на стр. 128 говорится, что в фабрично-заводской промышленности Украины в 1922—1923 гг. было занято 273 683 рабочих, а на стр. 180 за те же годы приводится цифра 257 тыс. рабочих. На этой же странице говорится о количестве рабочих фабрично-заводской промышленности в 1923—1924 гг.— 352 тыс., а на стр. 206 указана цифра 354 367 рабочих. Автор приводит некоторые данные со ссылкой на архив, хотя они ранее публиковались. Так, на стр. 205, ссылаясь на архив, автор пишет, что выплавка чугуна в 1925 г. производилась в 25 доменных печах Украины. Эта цифра была уже опубликована [7].

---

[4] «Вестник профдвижения Украины», 1924, № 39, стр. 37—39.

[5] «Вестник профдвижения Украины», 1925, № 6, стр. 4.

[6] «Вестник профдвижения Украины», 1925, № 7—8, стр. 131.

[7] См. «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М. 1954, стр. 223; «Історія Української РСР». Т. II, стр. 259.

Разумеется, общая оценка книги определяется не отдельными недоработками, частными недостатками. Автор привлек значительный, в том числе архивный, материал, проанализировал ряд важных вопросов темы. Книга представляет интерес и для широкого круга читателей и для специалистов.

В. М. Растяпин

М. И. КОЗИН. *Крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века.* Рига. Латгосиздат. 1958. 270 стр. (на латышском языке.) Тираж 2 000. Цена 4 руб. 50 коп.

Классовая борьба крестьянства, расстановка боровшихся сил, позиции различных группировок господствовавших классов в национальных районах Российской империи в период решительной ломки устоев феодализма изучены в советской историографии еще далеко не достаточно.

В этой связи серьезного внимания заслуживает работа М. И. Козина «Крестьянское движение в Латвии в 60-х годах XIX века», написанная на основе значительного документального материала архивов Риги, Москвы и Ленинграда, а также русской, латышской и прибалтийско-немецкой периодической печати того времени.

Монография начинается с характеристики социально-экономического и политического положения в Латвии в середине XIX века.

Наибольшую ценность и интерес представляет глава II, посвященная крестьянскому движению в Латвии в конце 50—60 годах XIX века. Глава насыщена обширным и хорошо систематизированным, впервые вводимым в научный оборот материалом о классовой борьбе латышского крестьянства.

Крестьянское движение в Латвии автором рассматривается в тесной связи с аналогичными явлениями, происходившими на территории соседних губерний (Эстонии и Литвы).

Прослежены различные формы классовой борьбы крестьян, причем показано, что сначала в их борьбе преобладали пассивные формы (например, подача жалоб и прошений в правительственные инстанции и др.). По мере нарастания классовой борьбы крестьянское движение приобретало все более острые и активные формы вплоть до открытого сопротивления властям и воинским командам. Особенно ярко это проявилось в движении 1863 г., когда волнениями были охвачены многие районы Латвии.

Весьма интересно поставлен вопрос о влиянии реформы 19 февраля 1861 г. на латышских крестьян Лифляндской и Курляндской губерний. В книге правильно отмечено, что реформа 19 февраля 1861 г. была более радикальной по сравнению с законами 1816, 1817 и 1819 гг., оставившими прибалтийское крестьянство без земли. Поэтому власти приложили немало стараний, чтобы не дать латышским крестьянам ознакомиться с положениями 19 февраля на латышском языке. Создалась оригинальная ситуация, когда закон, подписанный царем-«освободителем», оказался под запретом прибалтийской цензуры. В дальнейшем латышские крестьяне неоднократно выдвигали в своих прошениях требование распространения на Прибалтику реформы 19 февраля. В результате анализа этих прошений М. И. Козин приходит к выводу, что в требованиях крестьян речь шла вовсе не о законах «Положения 19 февраля», содержание которых латышские крестьяне знали лишь по слухам, а о крестьянском понимании этой реформы (стр. 105). В этом смысле борьба латышских крестьян за «хорошие законы» царя и борьба русских крестьян против этих законов фактически представляли одно и то же: борьбу за землю.

В книге М. И. Козина впервые исследован вопрос о месте и значении в крестьянском движении 60-х годов в Латвии памфлетов и прокламаций, направленных против немецких помещиков и получивших сравнительно широкое распространение среди крестьян.

Рассматривая крестьянское движение как единое целое, автор отмечает, что во второй половине 60-х годов происходит некоторое обособление выступлений безземельных крестьян, которые выставляют собственные требования. Обособление батрацкого движения справедливо связывается с формированием классов буржуазного общества, с выделением, по словам современника тех событий, «крестьянской аристократии, консерватизмом, надменностью и зажиточностью резко отделяющейся от бедного класса работников» (стр. 161). Определение времени зарождения батрацкого движения, разумеется, представляет серьезный интерес для изучения последующих

пролетарских форм борьбы в латышской деревне, получивших развитие в революции 1905—1907 годов.

Последняя глава книги посвящена анализу борьбы по аграрному вопросу, в которой приняли участие прибалтийское дворянство, русские либеральные круги, младолатыши и революционные демократы России.

Так же, как и другие исследователи[1], М. И. Козин разделяет прибалтийское дворянство на консерваторов и «либералов», наиболее существенное расхождение между которыми состояло в том, что консерваторы выступали за сохранение монополии на всю землю в руках помещиков, а «либералы» видели необходимость продажи части земли крестьянам. Следует отметить, что в отличие от программы русских либералов сущность «либерализма» прибалтийских помещиков изучена еще далеко не полно. Этот пробел в значительной мере восполняет рецензируемая работа.

М. И. Козин убедительно показывает, что ничего либерального в программе прибалтийских «либералов» не было. Именно они выступили наиболее настойчивыми противниками законодательного нормирования цен при продаже и сдаче в аренду крестьянской земли, отстаивая принцип «свободных» договоров. Используя «эпоху реформ» и прибегая к либеральной фразеологии, прибалтийские «либералы» разработали такие проекты реформ, в результате осуществления которых привилегированное положение немецких сословий в крае было бы еще более усилено, а крестьянство оказалось бы в полной власти сословных органов местного дворянства. Для прибалтийских «либералов» даже введение общесословных земств в том виде, как это было осуществлено в губерниях России, было совершенно неприемлемо. Характерно, что эти проекты были враждебно встречены даже консерваторами, членами Государственного совета (стр. 198).

С критикой политики немецких баронов выступили русские либералы и прежде всего славянофилы. Как правильно пишет М. И. Козин, эта критика «объясняется в первую очередь тем, что остзейские бароны в период реформ 60-х годов стояли на крайне правом фланге крепостнической реакции и удовлетворение их требований было опасно с точки зрения интересов господствующих классов России в целом» (стр. 212).

Анализируя содержание полемики между прибалтийской, немецкой и русской либеральной печатью, автор приходит к выводу, что русские либералы критиковали лишь те стороны аграрных и политических отношений в Прибалтике, с которыми нельзя было мириться даже в условиях полукрепостнической России, причем идеальным решением аграрного вопроса для них являлась грабительская реформа 19 февраля 1861 года. С этим, разумеется, нельзя не согласиться.

В книге дана характеристика позиции младолатышей и проанализирована их аграрная программа. Известно, что младолатыши являлись сторонниками реформы «сверху». Но в конкретно-исторических условиях Латвии того времени, как справедливо указывает автор, объективно их аграрную программу необходимо оценивать как прогрессивную, поскольку они выступали за обязательную продажу земли крестьянам по законодательно нормированным ценам, за значительное понижение аренды, за предоставление латышскому крестьянству политических прав и ликвидацию привилегированного положения немецких помещиков (стр. 239). Автор делает попытку вскрыть социальные истоки, определившие программу и характер деятельности младолатышей, однако этот вопрос следовало разработать гораздо глубже. Внимание читателя привлекают и те страницы книги, где излагаются взгляды революционных демократов (Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева) на аграрный вопрос в Прибалтике. Революционные демократы в борьбе против реформ «сверху», за уничтожение феодализма путем народной, крестьянской революции неоднократно обращались к бедственному положению крестьян Прибалтики, «освобожденных» реформой от земли. Революционные демократы требовали «освобождения крестьян с землею и распространения этого правила на остзейские губернии»[2].

---

[1] Ю. Ф. Самарин. Сочинения. Т. 8. М. 1890; т. 9, М. 1898. Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига. 1949; R. Wittram. Liberalismus baltischen Literaten. Zur Entstehung der baltischen Presse. Riga. 1931.

[2] «Колокол», № 30/31, 15 декабря 1858 года.

При дальнейших исследованиях крестьянского движения 60-х годов в Латвии несомненный интерес вызовет найденная М. И. Козиным в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда антипомещичья прокламация, распространявшаяся в 60-х годах среди латышских крестьян, фотокопия которой помещена в книге.

Рецензируемая книга не лишена и недостатков. В частности, в первой главе следовало бы дать более развернутую характеристику социально-экономических отношений в Латгалии. Необходимость такой развернутой характеристики тем более настоятельна, что социально-экономические отношения в Латгалии имели ряд особенностей по сравнению с Курземе и Видземе, между тем автор не уделил достаточного внимания анализу положения латгальских крестьян и их борьбы.

Недостаточно полно как с фактической, так и теоретической точки зрения освещен вопрос о роли безземельных в крестьянском движении, особенно в первой половине 60-х годов. Автор правильно пишет, что и дворохозяева и батраки в это время выступали единым фронтом против помещиков, однако это не избавляло его от необходимости дать более четкую характеристику целей и задач борьбы дворохозяев и батраков, степени активности тех и других в различных формах движения и т. д. Материал, показывающий отношение младолатышей к борьбе крестьян, разбросан по всей книге. На наш взгляд, его следовало бы свести воедино, в специальной главе. Это помогло бы более глубоко разобраться в сущности младолатышского движения.

Слишком коротко автор останавливается на тех реформах, которые были проведены в 60-х годах и которые явились результатом кризиса феодализма и обострившейся классовой борьбы. Необходимо было более детально остановиться на характере этих реформ, показать, почему 60-е годы явились гранью между двумя социально-экономическими формациями. Недостатком книги является также и отсутствие списка литературы и источников, использованных автором.

В целом книга М. И. Козина — серьезный вклад в изучение истории латышского крестьянства.

А. А. Дризул

Я. А. ЛЕВИЦКИЙ. *Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв.* Издательство АН СССР. М.-Л. 1960. 298 стр. Тираж 1 300. Цена 15 руб. 15 коп.

Ранняя история средневекового города принадлежит к числу проблем, недостаточно изученных советскими медиевистами. Это весьма существенный пробел, так как без глубокого, конкретного исследования процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и первых этапов истории средневековых городов немыслимо всестороннее изучение особенностей развития феодальной формации у разных народов. Именно поэтому выход в свет рецензируемой книги не может не привлечь к себе внимания.

Поставив в центре исследования проблему отделения ремесла от земледелия и превращения его в самостоятельную отрасль общественного производства, связанную с сельским хозяйством через рынок, а также зарождение и развитие товарного производства, Я. А. Левицкий особенно тщательно изучает документальные данные «о возникновении в Англии еще в раннефеодальный период рыночных центров, об изменении характера этих центров в связи с процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и появлением товарного производства, а также свидетельства об образовании поселений с преимущественным ремесленным и торговым населением, о превращении этих поселений в города» (стр. 14). Большое внимание обращается в книге на выяснение связи возникавших в X—XII вв. городов с сельскохозяйственной округой. Автор критически изучил относящуюся к избранной им теме историографию (прежде всего английскую и американскую) и все доступные ему источники (в том числе, что особенно следует отметить, археологические материалы и данные топонимики).

Первая и вторая главы монографии посвящены истории торговли и рыночных центров в Англии с VII до середины XI века. Автор показывает, что в англо-саксонский период торговле был присущ преимущественно внешний характер. «Обмен товаров,— писал К. Маркс,— начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин»[1]. Ранние англо-саксонские Правды полностью подтверждают это

[1] К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 94.

положение Маркса. Торговые сделки представляли собой весьма редкое явление: они совершались главным образом странствующими купцами в определенных, фиксированных в законодательном порядке пунктах; при заключении сделок обязательно присутствовали свидетели; преобладающее значение имела внешняя, экспортно-импортная торговля. К XI в., несмотря на отрицательное влияние датских нашествий и завоеваний на экономику страны, торговые связи внутри Англии становились все более регулярными; возрастал ассортимент товарной продукции, как сельскохозяйственной, так и ремесленной. Большой интерес представляют сделанные Я. А. Левицким на основе всестороннего обследования источников наблюдения об особом типе поселений — «порт», которые сыграли заметную роль в подготовке условий для возникновения городов как центров самостоятельного ремесла и торговли. Этот тип населенных пунктов характеризовался наличием рыночного места, с которым были связаны более или менее регулярные торговые сделки, совершавшиеся в обстановке относительной безопасности, а также значительной концентрацией населения, нуждавшегося в покупке определенных продуктов. Именно такие населенные пункты стали местом сосредоточения ремесленников, чье производство обособилось от земледелия и было рассчитано на сбыт (стр. 98).

Дав в третьей главе — «Ремесло в Англии на рубеже X—XI вв.» — характеристику ремесла в период возникновения городов, автор в следующей главе, которая является центральной в книге (гл. IV — «Города как центры ремесла и торговли в Англии XI—XII вв.»), обстоятельно исследовал данные «Книги Страшного суда» и других памятников, позволивших ему поставить и осветить такие кардинальные вопросы городской истории, как виды и степень развития ремесленного производства в городах XI—XII вв.; связь городского ремесла с сельской округой; характер и объем торговых сделок на городских рынках; занятия и численность населения в различных городах; происхождение, социальный и юридический статус различных общественных групп; взаимоотношения горожан с королевской властью, светскими и духовными лордами; характеристика земельных держаний у представителей различных прослоек городского населения. Тщательный анализ свидетельств источников, часто весьма фрагментарных, позволил Я. А. Левицкому на фактах доказать полную несостоятельность созданной Мэтландом и пользующейся большим влиянием в современной английской и американской историографии «гарнизонной теории» происхождения английского города. Используя богатый документальный материал, Я. А. Левицкий показал, что так называемая «владельческая разнородность держаний» в городах (принадлежность горожан и домов в городах различным феодальным лордам) свидетельствует не о военном происхождении английских городов, а об иммиграции в города зависимых крестьян (стр. 239).

Высокой оценки заслуживают многочисленные наблюдения автора книги по материалам источников о самом процессе становления английского средневекового города. Эти наблюдения позволяют запечатлеть во всей исторической реальности формирование средневекового городского строя, ход освобождения городов от манориальных повинностей и приобретение городами королевских привилегий, сыгравших определенную роль в создании юридических гарантий от сеньориального произвола, а также складывание городского самоуправления.

В заключительной главе (гл. V — «Городское ремесло и его организация в Англии в XII в.») исследуются ремесленные гильдии, соответствовавшие по своей социальной природе цеховым организациям континентальной Европы. Как показал автор, ремесленные гильдии появились в Англии в тот период, когда рост производительных сил привел уже к известной дифференциации ремесленных занятий и обособлению ремесла от сельского хозяйства (стр. 273). В главе дается обстоятельная характеристика структуры и функций ремесленных гильдий, выясняются их взаимоотношения с королевской властью, приводятся данные, свидетельствующие о борьбе городских ремесленников за создание гильдий.

Рецензируемая монография представляет собой бесспорное достижение советской медиевистики: она является крупным вкладом в исследование одной из наиболее важных проблем истории феодализма — проблемы средневекового города.

Однако не все положения, выдвинутые в ней, могут быть признаны доказанными. Нельзя считать удачной и структуру некоторых разделов книги. Автор начинает свое исследование с рассмотрения вопроса о возникновении рыночных центров в Англии

и о ранних этапах их развития. Не подлежит сомнению, что эта тема имеет прямое отношение к предыстории средневекового города. Нельзя сомневаться и в том, что в формировании рыночных центров догородского периода получило определенное выражение развитие производительных сил раннефеодальной эпохи. Однако правомерно ли начинать историю английского средневекового города именно с проблемы торговли, рынков и т. д.? Материалы, приводимые Я. А. Левицким, не убеждают в правомерности этого. Автор нигде не придает торговле, обмену самодовлеющего значения. Напротив, он всегда рассматривает рыночные отношения как порождение известных форм производства. Но сама формулировка задачи исследования в соответствующей главе с неизбежностью выдвигает на первый план именно вопросы развития торговли, оттесняя на второе место более существенную для предыстории средневекового города проблему — развитие деревенского и вотчинного ремесла. Применительно к англо-саксонскому периоду источники о ремесле еще более скудны, чем дошедшие до нас сведения о торговле. Но едва ли это обстоятельство должно было решающим образом повлиять на определение главного объекта исследования в первой главе монографии, посвященной ранней истории английского средневекового города.

Трудно признать правомерной и ту интерпретацию, которую дает Я. А. Левицкий некоторым из рассматриваемых им явлений хозяйственного развития в плане общей экономической истории Англии. По его мнению, развитие рыночных связей, начиная с англо-саксонской эпохи, является одной из сторон процесса возникновения и формирования внутреннего рынка (стр. 16—17). Едва ли те рыночные связи, которые автор изучил по источникам, имеют непосредственное отношение к проблеме образования внутреннего рынка. Это экономическая категория вполне определенного периода, отделенного от раннефеодальной эпохи английской истории несколькими столетиями. Она вообще характеризуется совсем иными формами торговли и товарного производства, о которых не могло быть и речи как в VII—X, так и в XI—XII веках. Когда Я. А. Левицкий, рассматривая развитие внешней и внутренней торговли в англо-саксонской Англии (стр. 54—56), привлекает ленинское положение о том, что «...прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка...» [2], то нельзя не заметить, что В. И. Ленин говорит здесь о совсем иной эпохе — эпохе разложения феодализма и возникновения капитализма. В монографии же рассматриваются главным образом эпохи генезиса феодализма и «классического» феодализма. Вот почему мы не можем присоединиться к мнению автора о том, что «в условиях растущего отделения города от деревни в Англии постепенно начинает складываться внутренний рынок» (стр. 158). Нельзя начинать историю образования внутреннего рынка с истории первых этапов торговли, так как отнюдь не всякое развитие торговых связей и не всякое разделение труда при феодализме приводит к возникновению этого рынка. Это тем более необходимо подчеркнуть, что, как указывает сам Я. А. Левицкий, в Англии VII—XII вв. «господствовало натуральное хозяйство, и товарно-денежные отношения играли в общей массе хозяйственных явлений относительно незначительную роль, иначе говоря, имели еще весьма незначительный удельный вес в экономической жизни» (стр. 70).

В отдельных случаях, рассматривая английские города, ремесло и торговлю в конце XI в., автор, по-видимому, несколько переоценивает степень их развития. Наличие в Герефорде шести кузнецов он расценивает как значительное развитие здесь кузнечного промысла (стр. 170). Ссылаясь на рост торговой пошлины на хлеб в Кентербери во второй половине XI в., Я. А. Левицкий склонен усматривать в этом свидетельство увеличения среди жителей города числа лиц, которые кормились «за счет городских занятий, в первую очередь за счет различных городских промыслов, за счет ремесла и торговли» (стр. 195). Однако проблематичность этого вывода видна не только из того обстоятельства, что увеличение пошлины произошло после назначения шерифом некоего нормандца Хеймо, но и из того факта, что возрастание количества покупателей хлеба на рынке могло быть обусловлено не городским развитием Кентербери, а простым ростом его значения как церковного центра. Посылка (с посольством Фомы Бекета в 1158 г.) французскому королю Людовику VII в качестве подарка двух телег с бочками кентского пива вряд ли могла дать автору достаточное основание сделать вывод о раз-

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 16.

витии пивоварения, выходящего «за рамки домашней промышленности» (стр. 198).

Тем не менее наше несогласие с отдельными положениями монографии Я. А. Левицкого не дает оснований недооценивать большого положительного значения этой книги, ее высоких научных достоинств.

А. И. Данилов

Б. ЛОПУХОВ. *Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920—1922 гг.).* М. Изд-во АН СССР. 1959. Цена 8 руб. 80 коп.

Одной из наиболее важных и политически актуальных проблем новейшей истории Италии является антифашистское Сопротивление, охватившее почти четверть века (1921—1945 гг.). За этот период итальянское Сопротивление дважды принимало характер открытой вооруженной борьбы: в 1921—1922 гг.— в форме стихийного вооруженного сопротивления итальянского рабочего класса наступлению фашизма — и в 1943—1945 гг.— в форме партизанской войны итальянского народа против фашизма и гитлеровской оккупации.

В послевоенные годы в центре внимания итальянской историографии была партизанская война 1943—1945 гг., которой посвящена огромная литература, тогда как предшествующие этапы истории итальянского антифашистского движения разрабатывались слабо[1]. Между тем их изучение имеет для Италии большое политическое значение, поскольку в последнее время в стране обострилась борьба против угрозы неофашизма. В июне — июле 1960 г. массовое антифашистское движение, начавшееся в Генуе, охватило затем всю Италию и одержало победу. Трудящиеся не допустили сборища неофашистов в Генуе, а правительство Тамброни, опиравшееся на неофашистов в парламенте и открыто поддерживавшее их деятельность в стране, было сброшено волной народного гнева.

В связи с этим нельзя не отметить своевременность выхода в свет книги советского автора, посвященной одному из этапов истории итальянского антифашизма — борьбе 1921—1922 годов.

Круг вопросов, исследуемых Б. Р. Лопуховым, чрезвычайно широк: в той или иной степени им рассмотрены или затронуты все основные аспекты классовой и политической борьбы в Италии в исследуемый период. Центральное место в книге занимает анализ проблем единства действий рабочего класса, народного и антифашистского фронта, позиций различных профсоюзов, политики и тактики партий, характеристика течений в итальянском рабочем движении.

Автор использовал значительный круг источников: материалы прессы и документы политических партий (особенно полно изучены периодика и документы ИКП и ИСП), стенографические отчеты съездов партий, статистические сборники. Широко привлечена мемуарная литература представителей различных политических течений: коммунистов М. Монтаньяна, Д. Грилли, социалиста П. Ненни, буржуазных деятелей К. Сфорца, Д. Джолитти, Саландры. В чрезвычайно интересном, на наш взгляд, историографическом обзоре и в ходе изложения материала Б. Р. Лопухов разоблачает различные антинаучные концепции итальянских буржуазных историков.

Автор подразделяет четырехлетие после первой мировой войны в истории классовой борьбы пролетариата Италии на два самостоятельных этапа: революционный подъем 1919—1920 гг. и борьба трудящихся против наступления фашизма в 1920—1922 годах. Первый этап ввиду отсутствия подлинно революционного руководства пролетариатом кончился в сентябре 1920 г. поражением движения рабочего класса за захват фабрик. Особое внимание в книге обращено на последствия этого поражения, ибо оно определило новое соотношение классовых и политических сил в стране. Предательская политика реформистов в период захвата фабрик привела в конечном итоге к давно назревавшему расколу Итальянской социалистической партии. В январе 1921 г. образовалась Коммунистическая партия Италии.

В то же время следствием поражения пролетариата в период захвата фабрик явились активизация в стране фашизма и усиление тенденции правящих кругов к установлению открытой террористической диктатуры. В книге приводятся интересные тому подтверждения: покровительственная по отношению к фашистам политика правительства Джолитти в конце 1920 и в 1921 г., сближение Муссолини с Ватиканом, особенно после избрания нового папы — Пия XI (январь 1922 г.), финансирование фашистских организаций монополиями. В ноябре 1920 г. буржуазные партии «офици-

[1] Период 1921—1922 гг. рассматривался в итальянской историографии преимущественно под углом зрения кризиса либерального государства и истории фашистского движения.

ально признали» фашистов, предложив им принять участие в буржуазном «Национальном блоке», созданном в связи с муниципальными выборами. Именно этот политический союз «между фашизмом и старыми буржуазными партиями» (стр. 47), укрепившийся затем в ходе парламентских выборов в мае 1921 г., позволил фашистам получить 39 депутатских мест (на предыдущих парламентских выборах, в 1919 г., они не имели ни одного мандата) и стать парламентской партией.

Как известно, мелкая буржуазия не может играть самостоятельную политическую роль. Одна часть ее идет за демократическими силами, другая поддерживает лагерь реакции. Особенно ярко это проявляется в кризисные моменты. В Италии, как отмечает автор, в период захвата фабрик часть мелкой буржуазии бросилась в объятия фашистов, видя в них «единственных защитников» собственности. Вместе с тем среди другой части мелкой буржуазии наблюдался рост антифашистских настроений, что нашло отражение в позиции левого крыла народной партии.

Соотношение классовых сил, сложившееся в стране после поражения движения за захват фабрик, положило начало новому этапу классовой борьбы. Объективное содержание этого этапа, как правильно отмечает Б. Р. Лопухов, заключалось в борьбе демократических сил против наступления фашизма, в защиту буржуазно-демократических свобод. Правые лидеры итальянских социалистов утверждали в 20-х годах, что главная линия борьбы в стране в рассматриваемое время будто бы проходила исключительно между двумя фракциями буржуазии: конституционным государством и фашизмом — и этот конфликт якобы не касался пролетариата и его партий. Документированный анализ истории прихода фашистов к власти позволяет автору монографии опровергнуть эту реформистскую концепцию и доказать, что основная борьба в тот период развертывалась в Италии между фашизмом и демократическими силами, возглавлявшимися пролетариатом и выступавшими в защиту буржуазно-демократических свобод. Важнейшей задачей, которая вставала в рассматриваемый период перед рабочим классом, подчеркивает Б. Р. Лопухов, была борьба «в защиту демократических порядков и учреждений» (стр. 111). В этой обстановке необходимо было достижение единства действий рабочего класса и создание народного антифашистского фронта. В 1921 г. в Италии стали стихийно возникать органы единого рабочего фронта и антифашистского народного фронта: комитеты пролетарской защиты, отряды «народных смельчаков», объединение «Союз труда», включавшее различные профсоюзы. Автор прослеживает процесс возникновения этих организаций, их классовый и партийный состав, показывает их героическую борьбу против фашизма, вскрывает их ошибки. Особое внимание в книге уделяется политике партий рабочего класса в этот период. Б. Р. Лопухов подчеркивает заслугу коммунистов в организации вооруженного сопротивления фашизму, в борьбе за единство профсоюзов, за активизацию антифашистской деятельности «Союза труда».

В то время как Компартия проводила политику открытого сопротивления фашизму, руководство ИСП заняло позицию «пассивного сопротивления» и заключило с фашистами «пакт об умиротворении», что затормозило народную борьбу против фашистской угрозы. На руководстве ИСП, проводившем реформистскую политику, лежит большая ответственность за поражение сил демократии и приход к власти фашизма.

Главная причина поражения пролетариата в 1922 г. и прихода фашизма к власти в Италии заключается в том, что в стране не сложился объективно возможный и исторически необходимый единый пролетарский и антифашистский народный фронт, элементы которого возникали стихийно, но не были закреплены и развиты. Необходимо было создание политического союза двух пролетарских партий — ИКП и ИСП, а затем установление политического контакта с другими антифашистскими партиями, прежде всего с левым крылом католической народной партии. Однако тогда эти вопросы не были поставлены ни одной из политических партий. Бордигианское руководство Компартии неправильно оценило содержание переживаемого этапа борьбы и проводило сектантскую тактику, исходя из перспективы непосредственной пролетарской революции.

Из классовых боев 1921—1922 гг. в Италии впоследствии извлекли урок все антифашистские партии страны. Именно поэтому на решающем этапе Сопротивления — в 1943—1945 гг. — под руководством ИКП в Италии сложился мощный пролетарский и антифашистский фронт, позволивший покончить с фашизмом. И, наоборот, раскол фронта демократических сил, происшедший вскоре

после окончания второй мировой войны по вине христианских демократов, привел к установлению клерикального режима, тяготеющего ныне к блоку с неофашизмом. Уроки классовых боев 1920—1922 гг. имеют большое значение для той борьбы, которую ведет рабочий класс Италии в настоящее время.

Н. П. Комолова

С. А. ГОНИОНСКИЙ. *Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений.* Изд-во Института международных отношений. М. 1960. 542 стр. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 92 коп.

Книга С. А. Гонионского вышла в период бурного подъема национально-освободительного движения народов латиноамериканских стран и резкого падения влияния и престижа США в Латинской Америке. Это, по существу, первая в нашей литературе попытка показать на широком социально-политическом фоне историю дипломатических отношений между государствами Латинской Америки и США за время с начала второй мировой войны до конца 1959 года. В книге подробно освещаются проблемы экспансии США в страны Латинской Америки, вопросы использования Соединенными Штатами Организации американских государств и двухсторонних военно-политических соглашений с латиноамериканскими странами для закрепления своего господства в Латинской Америке, превращения ее в «заповедный район» североамериканского монополистического капитала. Большое внимание уделено организации США государственных переворотов и заговоров в странах Латинской Америки для насаждения реакционных, антинародных, диктаторских режимов. Довольно подробно, на интересном фактическом материале раскрываются события национально-освободительной борьбы латиноамериканских народов против внутренней реакции и ее империалистических покровителей.

Автор предпосылает работе обстоятельное изложение общих экономических черт развития латиноамериканских стран. Он отмечает, что преднамеренно культивируемая империализмом экономическая отсталость этих стран позволяет США вмешиваться в их внешнюю и внутреннюю политику. Автор подробно останавливается на вопросе о характере проводившейся правительством США в Латинской Америке накануне второй мировой войны широко разрекламированной политики «доброго соседа». На конкретных фактах он показывает, что эта политика являлась продолжением новыми средствами старой экспансионистской политики правящих кругов США. Открытое вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран и прямая военная интервенция уступили место экономической блокаде, финансовому давлению, непризнанию правительств и организации заговоров.

«Политика «доброго соседа», декларируя отказ от наиболее грубых форм империалистической экспансии, по существу, представляла собой новую разновидность колониализма», — пишет С. А. Гонионский (стр. 68). В этот период империалисты США организовали целую сеть заговоров и провокаций против прогрессивных движений и демократических правительств в Мексике, Чили, Бразилии.

Анализируя дипломатический курс Соединенных Штатов в Латинской Америке в годы второй мировой войны, С. А. Гонионский убедительно доказывает, что в этот период главной целью США было не привлечение латиноамериканских стран для борьбы против держав «оси», а закрепление своих экономических, политических и военно-стратегических позиций в этом районе за счет ослабления и вытеснения западноевропейских империалистических конкурентов. Разоблачая реакционный характер проводившейся в то время политики США в государствах Латинской Америки, автор отмечает, что под видом борьбы с подрывной деятельностью агентов стран «оси» североамериканские политики и их реакционные ставленники в государствах Латинской Америки пытались удушить прогрессивные силы, не прекращавшие и в годы второй мировой войны борьбу за национальную независимость, за самостоятельное политическое и экономическое развитие. В этом отношении характерны решения третьего консультативного совещания министров иностранных дел американских государств в 1942 г. в Рио-де-Жанейро, где была принята резолюция о мерах борьбы с иностранной подрывной деятельностью на американском континенте. С. А. Гонионский пишет, что «за общими фразами о борьбе против агентуры держав «оси» в резолюции протаскивалась идея расширения реакционного фронта борьбы против народно-освободительного, прогрессивного, демократического движения, и в первую очередь против передового отряда трудящихся масс Латинской Америки —

коммунистических партий» (стр. 98). Большое внимание уделено вопросу о том, как уже в годы второй мировой войны правительство США подготовляло создание ядра послушных их воле латиноамериканских государств, чтобы обеспечить себе их безоговорочную поддержку в определении судеб послевоенного мира. К концу войны эти планы были конкретизированы в стремлении США включить все латиноамериканские страны в ООН для создания там механического большинства и установления политики диктата.

В период войны наряду с укреплением позиций Соединенных Штатов в экономике стран Латинской Америки несколько развилась национальная промышленность и расширилось поле деятельности национальной буржуазии. В монографии С. А. Гонионского разоблачаются попытки ученых апологетов американского империализма представить эти, по сути, незначительные сдвиги в позициях национального капитала как процесс «индустриализации», проводимый якобы с помощью Соединенных Штатов.

Важнейшим результатом победы над фашизмом во второй мировой войне явилось усиление национально-освободительного движения в странах Латинской Америки. В книге содержится характеристика развернувшегося в первые послевоенные годы массового демократического движения в Эквадоре, Колумбии, Гватемале и т. д. Важным проявлением национально-освободительного движения в странах Латинской Америки было настойчивое требование народных масс установить дипломатические отношения с Советским Союзом. Требования эти были настолько сильны, что даже реакционные правительства в ряде стран Латинской Америки вынуждены были пойти им навстречу.

Анализируя политику США в странах Латинской Америки в послевоенные годы, С. А. Гонионский отмечает, что ее основной целью было укрепление приобретенных в годы войны военно-политических и экономических преимуществ, дальнейшее закабаление латиноамериканских стран и борьба против национально-освободительных движений. Важным орудием для осуществления этих целей была перестроенная по инициативе США панамериканская система. Определенную роль в этом сыграла панамериканская конференция 1947 г. в Рио-де-Жанейро, где США вынудили латиноамериканские страны вступить в военный блок «для обороны Западного полушария».

Договор, заключенный в Рио-де-Жанейро, был направлен не только против стран социалистического лагеря. Он знаменовал собой новое наступление на демократическое, прогрессивное движение в странах Латинской Америки. Недаром за конференцией в Рио-де-Жанейро последовала целая серия акций против национально-освободительного движения в латиноамериканских странах. Был спровоцирован разрыв отношений между Советским Союзом и Бразилией, а также между СССР и Чили; предприняты акции для подрыва единства профсоюзного движения. С этой целью в январе 1948 г. была создана Межамериканская региональная организация трудящихся как противовес прогрессивной и влиятельной Конфедерации трудящихся Латинской Америки.

Кульминационным пунктом перестройки панамериканской системы явилась IX Межамериканская конференция в Боготе весной 1948 г., где была создана Организация американских государств, превратившаяся в дальнейшем в орудие политического и идеологического проникновения США в Латинскую Америку.

В монографии рассматриваются решения конференции в Боготе. «Анализ решений конференции в Боготе показывает, что под видом реорганизации панамериканской системы, усиления «обороноспособности» Западного полушария и борьбы за «демократию» США завершили создание военного союза на американском континенте. При этом знамя антикоммунизма использовалось для того, чтобы скрыть за ним экспансионистские планы монополистического капитала. Конференция вскрыла глубокие противоречия между стремлениями и нуждами народов Латинской Америки и политикой Уолл-стрита. В то же время она свидетельствовала об отсутствии единства латиноамериканских стран в борьбе за свои интересы»,— пишет автор (стр. 192).

Внимательному изучению в книге С. А. Гонионского подвергается вопрос о том, как в период с 1948 по 1954 г., опираясь на ОАГ и внутреннюю реакцию, США форсированно насаждали в большинстве латиноамериканских стран реакционные военные диктатуры — опору североамериканских монополий. Установление диктаторских режимов в странах Латинской Америки означало усиление влияния США и жестокие репрессии против национально-освободительного движения и прогрессивных организаций. Уже в 1951 г. диктатура

существовала в 16 странах, а коммунистические партии были объявлены вне закона в 14; в 16 же странах были распущены прогрессивные профсоюзные объединения.

Очередным шагом на пути милитаризации латиноамериканских стран было заключение ими в начале 50-х годов двухсторонних военных соглашений с США. В книге С. А. Гонионского подробно разбирается содержание этих договоров и определяется их значение для США и латиноамериканских стран. Эти договоры, наносившие удар по суверенитету латиноамериканских государств и передававшие в распоряжение США национальные вооруженные силы этих стран, вызвали негодование во всей Латинской Америке. Не случайно, что до сих пор большинство стран не ратифицировало эти соглашения.

С. А. Гонионский показывает, что с 1953—1954 гг. в Латинской Америке усиливается недовольство империалистической политикой США, расширяется массовое антиимпериалистическое движение, крепнут прогрессивные силы.

Американские империалисты всеми средствами стремились задержать неуклонный процесс развития национально-освободительной борьбы народов латиноамериканских стран. В монографии подробно освещаются события, разыгравшиеся летом 1954 г. в Гватемале, где к власти пришло демократическое правительство Хакобо Арбенса. Желая остаться в тени, Соединенные Штаты организовали расправу с гватемальским народом руками наемников. Агрессия Соединенных Штатов против Гватемалы вызвала негодование во всем мире.

Наступившее после 1953 г. чрезвычайное обострение экономических противоречий между США и латиноамериканскими странами нашло свое отражение на межамериканских конференциях стран — членов ОАГ. В книге С. А. Гонионского подробно анализируется работа этих конференций в период с 1954 по 1957 г. и разоблачаются маневры американской дипломатии, имевшие целью с помощью пугала «антикоммунизма» отвлечь внимание народов латиноамериканских стран от насущных проблем.

Характерным во внешней политике Соединенных Штатов в этот период, пишет С. А. Гонионский, является то, что все межамериканские конференции они предваряют различного рода акциями, направленными против национально-освободительного движения народов, создают обстановку антикоммунистической истерии. Так, перед межамериканской экономической конференцией в Буэнос-Айресе они провели в Лиме так называемый «третий латиноамериканский антикоммунистический конгресс».

Межамериканская экономическая конференция в Буэнос-Айресе была весьма показательной для внешнеполитической линии американского правительства в 1957 г., заключавшейся в том, чтобы, не возражая на словах против требований латиноамериканских стран обсуждать назревшие экономические вопросы, фактически в ходе дискуссии уводить в сторону от этих вопросов.

Чрезвычайно важной особенностью данной конференции было то, что на ней латиноамериканские делегации выступали единым фронтом, требуя действительной помощи в развитии своей экономики, отстаивая свое право на самостоятельное экономическое развитие. Отнюдь не случайно, что это произошло именно в 1957 г., когда массовое национальное движение в латиноамериканских странах достигло такой силы, что заставило американский империализм искать другие, более гибкие формы в своей политике в отношении Латинской Америки.

В центре внимания заключительной, шестой главы монографии, озаглавленной «Новый этап национально-освободительного движения в Латинской Америке», те новые процессы, которые происходят за последние три года в странах Латинской Америки, тот невиданный ранее подъем национально-освободительного движения, который привел к падению диктаторских режимов в Колумбии, Венесуэле, Перу, к победе народной революции на Кубе и расшатал основы американского господства в странах Латинской Америки.

С. А. Гонионский дает анализ классовых сил, ведущих борьбу против американского империализма в Латинской Америке. Он отмечает все возрастающую роль рабочего класса в общедемократической борьбе латиноамериканских народов, дальнейшее усиление роли коммунистических партий в руководстве национально-освободительной борьбой. В монографии полностью отражен тот важный и показательный факт, что новый период в развитии национально-освободительного движения в странах Латинской Америки характеризуется и требованием народов провести национализацию естественных богатств, захваченных американскими монополиями. Отмечается, что это одна из наиболее эффективных форм национально-освободительного движения, так как она грозит лишить Соединенные

Штаты основы их могущества в Латинской Америке — их экономических позиций и привилегий.

Национально-освободительное движение в Латинской Америке развивается вместе с усилением забастовочного движения. Анализу забастовочного движения в странах Латинской Америки в книге уделяется большое место.

С. А. Гонионский широко освещает национально-освободительную борьбу в отдельных странах Латинской Америки с 1956 г. по настоящее время. Специальные разделы книги посвящены борьбе за свободу и независимость панамского, боливийского, колумбийского, венесуэльского, кубинского народов.

Несомненный интерес для всех, кто изучает Латинскую Америку, представляют помещенный в книге библиографический очерк литературы, перечень важнейших документов коммунистических партий и трудов коммунистических деятелей Латинской Америки и США, а также библиография литературы советских и зарубежных авторов по межамериканским отношениям.

Изложение и анализ событий в книге заканчиваются 1959 годом. Правда, автор дает ряд сведений о процессах, происходивших в странах Латинской Америки в 1960 году. Нам кажется, что здесь следовало бы более широко отразить новые явления, которые связаны с кубинской революцией, а также показать империалистические агрессивные действия североамериканского капитала в отношении молодой Кубинской республики. Следовало бы также более тесно увязать показ событий, характеризующих ход национально-освободительного движения в Латинской Америке, с развитием международных отношений в целом. К сожалению, автор не всегда связывает процессы исторического характера, происходящие в этом районе мира, с движением народов других континентов за свое политическое и социальное освобождение, за ликвидацию колониального гнета, с движением за мир. На наш взгляд, нужно было бы более широко и более четко отразить в книге борьбу империалистических держав за влияние в странах Латинской Америки и противоречия, возникающие в связи с этим между державами.

В целом рецензируемая книга, являющаяся серьезным исследованием на весьма важную в политическом и научном отношении тему, оставляет благоприятное впечатление. Она привлечет к себе внимание ученых, преподавателей, пропагандистского актива и студентов, изучающих историю зарубежных стран.

В. Я. Масюкевич

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Ленин В. И. *Апрельские тезисы.* М. Госполитиздат. 1960. 62 стр. 75 000 экз. 75 коп.

Ленин В. И. *Две тактики социал-демократии в демократической революции.* М. Госполитиздат. 1960. 128 стр. 100 000 экз. 1 р. 60 к.

Ленин В. И. *Детская болезнь «левизны» в коммунизме.* М. Госполитиздат. 1960. 103 стр. 100 000 экз. 1 р. 30 к.

Ленин В. И. *Три источника и три составных части марксизма.* М. Госполитиздат. 1960. 8 стр. 100 000 экз. 10 коп.

Александров В. В. *В. И. Ленин — вождь международного рабочего и освободительного движения.* М. «Знание». 1960. 40 стр. 48 000 экз. 60 коп.

Богданов С. и Макшинский И. *Это было в Ржеве.* Калинин. Кн. изд. 1960. 142 стр. 10 000 экз. 1 р. 50 к. Воспоминания о действиях советских партизан в годы Великой Отечественной войны.

Витте С. Ю. *Воспоминания.* Т. 3. 17 окт. 1905—1911. Царствование Николая II. М. Соцэкгиз. 1960. 723 стр. 75 000 экз. 10 р. 50 к.

Восточно-азиатский этнографический сборник. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 272 стр. 1 800 экз. 16 р. 50 к.

Горский А. Д. *Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 264 стр. 1 500 экз. 12 руб.

Грунт А. Я. и Фирстова В. Н. *Россия в эпоху империализма. 1907—1917 гг.* М. Изд-во ИМО. 1960. 160 стр. 6 000 экз. 5 р. 55 к.

Давыдова Ю. Ф. *Большевистские организации во главе рабочего движения в го-*

ды первой мировой войны. М. «Знание». 1960. 40 стр. 47 850 экз. 60 коп.

Дзержинский Ф. Э. *Как нам бороться?* М. Госполитиздат. 1960. 55 стр. 57 500 экз. 60 коп.

Добродомова Л. Ф. *Партия большевиков — вдохновитель и организатор победы Октябрьского вооруженного восстания.* II Всероссийский съезд Советов. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 51 стр. 10 000 экз. 1 р. 90 к.

Догузов П. В. *Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX — начале XX в.* Сталинир. Госиздат Юго-Осетии. 1960. 333 стр. 1 500 экз. 10 р. 40 к.

Документы ЦГИА СССР в Ленинграде в работах советских исследователей. Статьи и публикации на русском языке в периодических и продолжающихся изданиях 1917—1957 гг. Л. 1960. 282 стр. 1 000 экз. 11 р. 75 к.

За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Татарии. Ч. 2. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 319 стр. 2 000 экз. 5 р. 70 к.

Запорожец М. К. *Петр Запорожец.* М. Госполитиздат. 1960. 56 стр. 20 000 экз. 65 коп. П. К. Запорожец — один из активнейших деятелей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», основанного В. И. Лениным.

Империализм и борьба рабочего класса. Сборник статей. Памяти акад. Ф. А. Ротштейна. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 507 стр. 2 200 экз. 29 р. 50 к.

История гражданской войны в СССР. 1917—1922. Т. 5. Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции. Февр. 1920 — октяб. 1922 г. М. Госполитиздат. 1960. 419 стр. 30 000 экз. 23 р. 50 к.

История СССР. Учебное пособие. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 958 стр. 63 000 экз. 16 р. 15 к.

Каратаев Н. К. *Очерки по истории экономических наук в России XVIII века.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 292 стр. 2 800 экз. 10 руб.

Клюева А. Д. *Московские большевики во главе декабрьского вооруженного восстания 1905 года.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 58 стр. 4 000 экз. 1 р. 10 к.

Козлов Ф. Р. *43-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.* Доклад на торжественном заседании Москов. Совета 6 ноября 1960 г. М. Госполитиздат. 1960. 31 стр. 100 000 экз. 30 коп.

Козырева Р. В. *Древнейшее прошлое Сахалина.* Ю.-Сахалинск. Сахалинское кн. изд. 1960. 96 стр. 3 000 экз. 2 р. 70 к.

Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны. 1926—1929 гг. Сборник документов и материалов. Л. Лениздат. 1960. 535 стр. 1 500 экз. 10 руб.

Коммунистическая партия Казахстана в документах и цифрах. Сборник документов и статист. материалов о росте и регулировании состава парт. организации. Сост. З. А. Голикова и Т. Н. Позднякова. Алма-Ата. Каэгосиздат. 1960. 367 стр. 8 000 экз. 6 руб.

Кузнецов Ю. С. *Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана в 1926—1929 годах.* Ашхабад. Туркменгосиздат. 1960. 258 стр. 3 000 экз. 4 р. 65 к.

Линьков Г. М. *Война в тылу врага.* Саранск. Мордов. кн. изд. 1960. 622 стр. 75 000 экз. 11 р. 20 к.

Лунин Б. В. *Степан Разин.* Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону. Изд-во Рост. ун-та. 1960. 72 стр. 5 000 экз. 2 р. 50 к.

Материалы XXI съезда Коммунистической партии Украины. Отчет ЦК КП Украины XXI съезду Коммунистич. партии Украины. Доклад Первого секретаря ЦК КП Украины тов. Н. В. Подгорного. 16 февр. 1960 г. Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Украины по отчетному докладу ЦК КП Украины. 19 февр. 1960 г. Киев. Госполитиздат УССР. 1960. 103 стр. 20 000 экз. 1 р. 25 к.

Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 317 стр. 1 200 экз. 20 р. 70 к.

Могилевский Б. *Артем (Федор Сергеев).* М. «Молодая гвардия». 1960. 367 стр. 65 000 экз. 7 р. 25 к. О жизни профессионального революционера, видного деятеля Коммунистической партии, организатора революционного движения в Донбассе Ф. А. Сергеева (1883—1921).

Нумизматика и эпиграфика (сборник статей). Т. 1. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 290 стр. 2 500 экз. 17 р. 50 к.

Орджоникидзе Г. К. *Под знаменем ленинизма и единства ленинской партии.* М. Госполитиздат. 1960. 55 стр. 64 500 экз. 70 коп.

Петров С. М. *Начало рабочего движения и распространение марксизма в России.* 1883—1894 гг. Изд. 2-е. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 80 стр. 31 000 экз. 90 коп.

Петров С. и Угрюмов А. *История КПСС как наука.* Введение к курсу истории КПСС. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 48 стр. 62 200 экз. 50 коп.

Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века. 1861—1904. Сборник документов. Сост. И. А. Бакланова и И. П. Шаскольский. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 666 стр. 1 500 экз. 26 р. 50 к.

Самсонов П. А. *Йошкар-Ола — столица Марийской АССР.* Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1960. 63 стр. 5 000 экз. 5 руб.

Симбирская губерния в годы гражданской войны. Сборник документов. Т. 2. Март 1919 г. — декабрь 1920 г. Сост. Г. А. Сазонтов и др. Ульяновск. Кн. изд. 1960. 464 стр. 3 000 экз. 8 р. 90 к.

Так закреплялись завоевания Октября. Воспоминания старых большевиков об упрочении Советской власти в Тульской губернии и участии в гражданской войне. 1918—1920 гг. Тула. Кн. изд. 1960. 311 стр. 6 000 экз. 5 р. 60 к.

Товмасян С. А. *40 лет Советской Армении.* М. «Знание» 1960. 46 стр. 59 000 экз. 60 коп.

Шумяцкий Б. З. *На посту советской дипломатии.* Изд. 2-е. М. Изд. вост. лит. 1960. 64 стр. 30 000 экз. 2 руб. О жизни и деятельности первого полномочного дипломатического представителя Советской России в Иране И. О. Коломийцева.

Ястребов Ф. *Революционные демократы на Украине.* Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX ст. Киев. Изд-во Акад. наук УССР. 1960. 307 стр. 1 500 экз. 11 р. 30 к.

Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Ярославль. Кн. изд. 1960. 445 стр. 2 000 экз. 6 р. 10 к.

1905 год в Царицыне. Воспоминания и документы. Сост. В. И. Томарев и Е. Н. Шкодина. Сталинград. Кн. изд. 1960. 203 стр. 3 000 экз. 3 р. 75 к.

Всеобщая история

Архангельский С. И. *Крестьянские движения в Англии в 40—50-х годах XVII века.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 365 стр. 1 800 экз. 16 р. 70 к.

Галкин И. С. *Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905—1912 гг.* М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 266 стр. 1 750 экз. 12 р. 50 к.

Ганковский Ю. В. и Москаленко В. Н. *Политическое положение в Пакистане.* Государственный переворот 1958 г. и военная диктатура. М. Изд. вост. лит. 1960. 136 стр. 2 200 экз. 4 руб.

Гурвич Р. П. *Сельское хозяйство Индии и положение крестьянства.* М. Изд. вост. лит. 1960. 216 стр. 1 300 экз. 7 р. 50 к.

Зорин В. *Монополии и политика США.* Монополии и внутренняя политика республиканской партии США в 1953—1960 гг. М. Изд-во ИМО. 1960. 423 стр. 10 000 экз. 14 р. 60 к.

Ибаррури Д. *Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс.* Коммунистический Интернационал и Народный фронт. 40 лет Коммунистической партии Испании, ее корни, идеологическая основа и деятельность. Обращение к молодежи. Перев. с испан. М. Госполитиздат. 1960. 132 стр. 42 500 экз. 1 р. 60 к.

Иванов Р. Ф. *Гражданская война в США.* 1861—1865. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 179 стр. 5 000 экз. 3 руб.

Кандель Е. П. *Фридрих Энгельс. К 140-летию со дня рождения.* М. «Знание». 1960. 32 стр. 36 300 экз. 60 коп.

Кастро Ф. *Речи и выступления.* Пер. с испан. М. Изд-во иностр. лит. 1960. 576 стр. 12 р. 40 к.

Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 1. А. Б. Халидов. Художественная проза. М. Изд. вост. лит. 1960. 136 стр. 1 200 экз. 7 руб.

Катаяма С. *К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии.* М. Госполитиздат. 1960. 50 стр. 42 500 экз. 60 коп.

Керам К. *Боги, гробницы, ученые.* Роман археологии. Пер. с немец. М. Изд. иностр. лит. 1960. 398 стр. 19 руб. Популярная книга западногерманского журналиста о великих археологических открытиях, позволивших восстановить историю древнейших цивилизаций Греции, Египта, Вавилона, Шумера, Аккада и Мексики.

Красноперов В. *Подпольщики Бухенвальда.* М. Воениздат. 1960. 96 стр. 1 р. 45 к.

Ламбот Р. *Гвинея — первый год республики.* Путевые очерки спец. корр. газеты «Юманите». Пер. с франц. М. Изд. вост. лит. 1960. 52 стр. 9 000 экз. 90 коп.

Летова Н. П. *Австралия и страны Азии.* Очерки международных отношений. 1945—1955. М. Изд-во ИМО. 1960. 147 стр. 2 000 экз. 5 р. 60 к.

Литаврин Г. Г. *Болгария и Византия в XI — XII вв.* М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 472 стр. 1 300 экз. 17 р. 80 к.

Майданик К. Л. *Испанский пролетариат в национально-революционной войне.* 1936—1937 гг. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 383 стр. 2 000 экз. 15 руб.

Мартынов В. А. *Заговор против Конго.* М. Изд. вост. лит. 1960. 59 стр. 25 000 экз. 1 руб.

Мартышева Г. А. *Юго-Восточная Азия после второй мировой войны.* М. Соцэкгиз. 1960. 404 стр. 3 000 экз. 9 р. 40 к.

Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма. 1928—1932. М. «Сов. Россия». 1960. 592 стр. 6 000 экз. 10 р. 70 к.

Молчанов В. Г. *Эфиопия.* М. «Знание». 1960. 32 стр. 47 100 экз. 60 коп.

Новейшая история стран зарубежного Востока. Вып. 4. Период после второй мировой войны. М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 347 стр. 15 000 экз. 13 р. 50 к.

О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков. Июнь 1958 г. М. Изд. иностр. лит. 1960. 299 стр. 5 р. 85 к.

Очерки новой и новейшей истории США. В 2-х т. Т. 2. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 726 стр. 8 000 экз. 29 р. 50 к.

Пигулевская Н. В. *Каталог сирийских рукописей Ленинграда.* М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 230 стр. 1 700 экз. 9 р. 30 к.

Секу Туре. *Независимая Гвинея.* Статьи и речи. Пер. с франц. М. Изд. иностр. лит. 1960. 188 стр. 6 р. 85 к.

Телегин Ф. Н. *Из истории подготовки немецко-фашистской агрессии против СССР.* Критика современной западногерманской реакционной историографии. М. «Знание». 1960. 40 стр. 61 000 экз. 60 коп.

Торез М. *Сын народа.* Пересмотр. и доп. изд. Пер. с французу. Предисловие Ж. Дюкло. М. Изд. иностр. лит. 1960. 295 стр. 7 р. 50 к.

Тягай Г. Д. *Очерк истории Кореи во второй половине XIX в.* М. Изд. вост. лит. 1960. 239 стр. 1 500 экз. 9 р. 50 к.

Чураков В. П. *Государственно-монополистический капитализм в Италии.* М. Соцэкгиз. 1960. 124 стр. 3 000 экз. 1 р. 50 к.

Шершнев Е. С. *Федеративная Республика Германии.* Экономика и внешняя торговля. М. Внешторгиздат. 1960. 186 стр. 3 000 экз. 7 руб.

Юсупов Г. В. *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику.* М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. 1960. 327 стр. 1 500 экз. 12 р. 50 к.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«История СССР» № 6. Р. П. Конюшая. Фридрих Энгельс о революции в России к 140-летию со дня рождения); И. Е. Зенин. Колхозное строительство в СССР 1931—1932 гг. (к итогам сплошной коллективизации сельского хозяйства); Д. П. Агаян. Развал буржуазно-националистической диктатуры дашнаков и победа Советской власти в Армении в 1920 году; Л. В. Иванова. Подготовка кадров советских историков (1921—1929 гг.); Л. Л. Гольдберг. Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII века; Н. Н. Городецкий. К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934); Б. Г. Литвак. Советская историография реформы 19 февраля 1861 г.

«Новая и новейшая история» № 6. Новые документы Ф. Энгельса; К. Штейнгардт. Моя встреча с Фридрихом Энгельсом; Л. И. Гольман. Новые факты сотрудничества К. Маркса и Ф. Энгельса; Е. Ю. Колпинский. О разработке Ф. Энгельсом тактики пролетариата в Испании в 1873 году; Ф. Г. Рябов. Генеральный Совет Международного Товарищества рабочих и забастовка сигарочников Антверпена в 1871 г.; Е. Ю. Богуш. Политическая стратегия США на завершающем этапе войны против Японии (май — август 1945 г.); Г. М. Славин. Из истории установления границ народной Польши; Ф. Вольтер, Б. Янке. Экспансия западногерманского империализма на Ближнем и Среднем Востоке после второй мировой войны; А. И. Молок. Политическая обстановка во Франции накануне июльской революции 1830 года; Ю. А. Пиларев. Крестьянские волнения в Боснии и Герцеговине в 1910 г. и аграрная реформа 1911 г.

«Советская этнография» № 5. И. С. Гурвич. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в.; В. В. Пименов. К вопросу о кавельско-вепсских культурных связях; Р. Ш. Ажарылгасинова. Когурёсцы и их роль в сложении корейской народности; Ден Ян Сек. Пятнадцать лет этнографии Корейской Народно-Демократической Республики.

«Военно-исторический журнал» № 11. Г. Мариевский, С. Шишкин. О некоторых вопросах советской стратегии в гражданской войне в СССР (1917—1920 гг.); Н. Цветаев. Военные вопросы на IX съезде РКП(б); И. Кравченко. Партизанская борьба белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны; С. Бирюзов. На Центральном и Брянском фронтах; П. Саватеев. Через моря и океаны; А. Неволин. Страницы из истории крейсера «Аврора»; И. Зиберов. Воспоминания разведчика в боях за Ростов в 1920 году.

«Вестник истории мировой культуры» № 5. З. М. Черниловский. Происхождение и сущность Польского феодального государства в польской историко-правовой литературе; Ю. П. Муравьев. Советско-германские культурные связи в период Веймарской республики; В. З. Джинчарадзе. Из истории русско-английских культурных отношений в 18-м веке; В. П. Шестаков, К. П. Шохин. Сказание о невидимом граде Китеже.

«Научные доклады высшей школы. Исторические науки» № 4. Б. М. Яковлев. Из истории социалистического соревнования на автомобильных заводах СССР в пятой пятилетке; А. Ф. Васильев. Деятельность партийных организаций Южного Урала по обеспечению промышленности рабочими кадрами в первый период Отечественной войны (1941—1942 гг.); О. В. Пруссак, В. А. Дыбульский. Трудовой подвиг петроградских рабочих в годы гражданской войны; Л. П. Минарик. Помещичье хозяйство Ракитянского имения Юсуповых в 1907—1913 гг.; Л. Г. Мамулова. Земская контрреформа 1890 г.; В. В. Пугачев. Общественно-политические взгляды С. И. Тургенева (к вопросу о формировании революционной идеологии декабристов); В. А. Федоров. Крестьяне подмосковной вотчины в первой половине XIX в. (по материалам Богородской вотчины Голицыных); М. Т. Белявский. Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г.; И. А. Оводова. Всеобщая забастовка польских рабочих в январе 1905 г.— стачка солидарности с русской революцией; И. В. Процционская. Австро-чешское соглашение 1890 года; Н. П. Клименко. Подготовка английскими колонизаторами второй опиумной войны и ее начало; Б. А. Каменецкий. Джон Фортескью и его учение о праве и собственности (из истории политической мысли Англии в XV веке); А. И. Немировский. К вопросу о рабстве в раннем Риме.

«Труды Куйбышевской археологической экспедиции». Т. III. А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье; А. Е. Алихова. Памятники срубной культуры Самарской луки; Н. В. Трубникова. Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской луке; А. В. Королев и Т. А. Хлебникова. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар; А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV веков у села Березовка.

«Древности Нижнего Поволжья» (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II. И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.); К. Ф. Смирнов. «Быковские курганы».

«Труды бурятского комплексного научно-исследовательского института». Вып. 3. Серия востоковедная. Г. Н. Румянцев. Бурятские летописи как исторический источ-

ник; А. П. Окладников. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье; В. Е. Ларичев. К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя; Б. И. Кузнецов. Тибетская летопись «Светлое зерцало царских родословных».

«Труды Новосибирского института инженеров водного транспорта». Вып. 8. (Работы кафедры марксизма-ленинизма.) С. И. Овсянников. Сибирская партийная организация в борьбе за индустриализацию края (1926—1929 гг.); И. П. Ярков. Первые колхозы Сибири (1918—1926 гг.); В. В. Гущина. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны Советского Союза.

«Труды кафедры марксизма-ленинизма Магнитогорского педагогического института». Вып. 1. Л. З. Тетерин. Коммунистическая партия — организатор поворота основных масс крестьянства на путь социализма (1928—1929 гг.); П. В. Сапронов. Рабселькоровское движение как форма связи партии с массами; Л. И. Ларионов. К вопросу о социологических взглядах Д. И. Писарева.

«Ученые записки Вильнюсского государственного университета». Вып. XXXII. Ю. Андрюшайтите. Некоторые вопросы революционного движения в Литве в произведениях В. И. Ленина; И. Лемпертас. Движущие силы революции и союзники пролетариата в период фашистской диктатуры в Литве (1926—1940); А. Бенджюс. Перестройка и развитие высших школ в Советской Литве в 1940—1950 гг.; Р. Крутулите. Ликвидация последствий немецкой оккупации в сельском хозяйстве Советской Литвы в 1944—1948 гг.; Б. Дундулис. Арбитражные решения императора Сигизмунда по вопросу о Жемайтии и Судавии в 1420 г.; В. Жукас. Труды С. Балтрамайтиса в области литовской краеведческой библиографии; А. Вайткунас. Аграрная политика английских либералов в начале XX века (акт о мелких держаниях 1907 г.).

«Ученые записки Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Серия историческая». Том 41 (вып. 3). В. Доброхотов. В. И. Ленин о мастерстве пропагандиста; Ф. А. Песикин. К вопросу о борьбе В. И. Ленина за партию накануне Пражской конференции РСДРП; Е. И. Белянцев. В. И. Ленин и развитие экономики национальных районов РСФСР (на примере Коми АССР); В. П. Фадеев. В. И. Ленин и создание Нижегородской марксистской организации.

«Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБ АССР». Т. XVII. Серия историческая. А. Караев. Ленинский принцип демократического централизма в управлении хозяйством и его претворение в жизнь; А. В. Фадеев. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей; П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии; Л. И. Лавров. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии; Е. О. Крикунова. Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период; Н. Тхамоков. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в.

«Ученые записки Казахского государственного университета имени С. М. Кирова». Том XLVII. Серия историческая. Вып. 6. Я. М. Бельсон. Лоббизм и обструкционизм в конгрессе США; А. Н. Зайкин. К вопросу о планах создания «восточноевропейской федерации» в годы второй мировой войны; Т. А. Найзагарин. Английская военная интервенция в Закаспии (1918 г.); Б. Д. Даришев. «Социализм» фабианского общества 80—90-х годов XIX века как выражение оппортунизма рабочей аристократии Англии; Л. С. Фришман. Некоторые данные о расселении и положении луров в конце XIX — начале XX века; Г. М. Лызлов. Влияние освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов на внутриполитическое положение Польши; Я. Д. Серовайский. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции по материалам клюнийских грамот (X—XII вв.).

«Ученые записки Харьковского государственного университета имени А. М. Горького». Т. CVII. Труды кафедры истории КПСС. Т. 8. (Посвящается 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.) А. А. Воскресенский, Н. А. Парицкий. В. И. Ленин — великий стратег социалистической революции; В. Е. Малюк. Октябрьско-декабрьские дни 1905 года на Днепровском заводе; В. В. Суздальцев. Рабочее движение на заводе «Всеобщая компания электричества» в годы нового подъема революционного движения (1910—1914 гг.); В. Л. Харитонов. Большевистская организация Украины накануне первой мировой войны; Ш. Ф. Агеев. Борьба газеты «Социал-демократ» против российского социал-шовинизма и центризма (1914 — январь 1917 гг.); А. М. Лисецкий. Из истории забастовочной борьбы сельскохозяйственного пролетариата Украины в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март — октябрь 1917 г.); А. П. Канаев. Борьба партии большевиков за укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства осенью 1917 года; В. В. Суздальцев. Рабочие завода «ВКЭ» в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Харькове; А. Д. Мацына. Партийная организация Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ) в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочих (1921—1927 гг.); В. П. Цветков. Мероприятия Коммунистической партии Украины по улучшению руководства массовым движением рабочих корреспондентов в период индустриализации страны (1926—1929 гг.); Ф. Д. Примиский. Роль газеты «Правда» в развитии социалистического соревнования в сельском хозяйстве в первой пятилетке (1929—1932 гг.); В. Д. Яценко. Комсомольские организации — верные помощники партийных органов в

командования в повышении боеспособности партизанских отрядов Украины в годы Великой Отечественной войны; И. П. Ефремова. Некоторые вопросы борьбы итальянских коммунистов за демократические преобразования и социализм (1953—1958 гг.); В. Ф. Касьянов. Коммунистическая партия — организатор Всесоюзного социалистического соревнования в 1942 г. (по материалам машиностроительных предприятий Урала и Поволжья); В. Д. Яценко. Комсомол Украины — боевой помощник партии в организации и развитии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны; С. Я. Уласевич. Борьба партийных организаций Криворожского и Никополь-марганцевого бассейнов за восстановление горнорудной промышленности в послевоенный период (1944—1950 гг.); В. И. Булах. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1956 г. (по материалам Харьковской области); П. Д. Оробинский. Роль газеты «Правда» в борьбе Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства (сентябрь 1953 — февраль 1956 г.); П. М. Фатеев. Зарождение и развитие бригад коммунистического труда на Харьковском заводе транспортного машиностроения имени Малышева (1958—1959 гг.).

«Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков». Вып. IV. К. Х. Хасанов. Коммунистическая партия Узбекистана — организатор массового социалистического соревнования за выполнение 4-го пятилетнего плана в области промышленности; А. И. Икрамов. Строительство социализма в Китайской Народной Республике; Г. П. Лем. Общее и особенное в социалистической революции.

«Труды Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР» № 1. К. К. Эглэ. Краткая история латышской библиографии (до 1917 г.).

«Сборник научных работ кафедр истории КПСС вузов города Харькова». Вып. 4. Б. М. Щербаненко. Защита и обоснование В. И. Лениным проекта программы «Искры» в период подготовки II съезда партии; Ю. В. Шиловцев. О роли ленинского ЦК РКП(б) в образовании КП(б)У (март 1917 — июнь 1918 г.); В. П. Будников. В. И. Ленин — вдохновитель и руководитель большевистской партийной печати (март — июль 1917 г.); Е. Е. Маленко. Роль Апрельских тезисов В. И. Ленина в борьбе за крестьянские массы в период мирного развития социалистической революции (март — июнь 1917 г.); А. А. Пропопов. В. И. Ленин о защите социалистического отечества; И. Т. Пинегин. Ленинские принципы подбора и расстановки кадров; И. Н. Гончаров. Торжество ленинского учения о культурной революции и культурном строительстве; А. М. Филиппов. Борьба Коммунистической партии Украины за претворение в жизнь ленинских указаний о подготовке учительских кадров (1920—1928 гг.); О. И. Стеценко. Из истории борьбы КП Украины за осуществление ленинских идей электрификации в промышленности в годы первой пятилетки; Л. И. Берлин, Х. Т. Славутская. Великая сила ленинских идей социалистического соревнования; Н. И. Леднев. Борьба Болгарской компартии за осуществление ленинского кооперативного плана (1948—1952 гг.); Г. Н. Попов. Борьба Болгарской коммунистической партии за претворение в жизнь ленинского учения о культурной революции (1949—1952 гг.).

«Сборник статей по вопросам истории КПСС Челябинского государственного педагогического института». Кафедра марксизма-ленинизма. Л. Г. Ахумова. Борьба большевистской партии за формирование политической армии социалистической революции в период двоевластия (март — июнь 1917 г.); А. Г. Иванов. Челябинская областная партийная организация в борьбе за развитие тяжелой промышленности в годы третьей пятилетки.

«Сборник научных работ Полтавского сельскохозяйственного института». Кафедра марксизма-ленинизма. Вып. 1. Г. Ф. Огагин. Организационно-партийная и партийно-политическая работа Полтавской областной партийной организации по осуществлению крутого подъема сельского хозяйства (1953—1959 гг.); Я. Н. Шульга. Развитие XXI съездом ленинских идей укрепления социалистического государства; О. Д. Чупрун. Из истории борьбы Одесской партийной организации за восстановление народного хозяйства в 1924—1925 годах; Н. Г. Владычкин. К вопросу развития государственных закупок сельскохозяйственных продуктов в нашей стране; И. Н. Попик. К вопросу о борьбе большевиков Украины за создание союза рабочего класса и крестьянства в период подъема рабочего движения осенью 1905 года; Л. И. Бондаренко. Критика некоторых положений теории «многоизмеримой стратификации»; О. Д. Чупрун. Борьба Одесской партийной организации с трудностями восстановления народного хозяйства 1923—май 1924 года.

«Сборник статей кафедр общественных наук Всесоюзного заочного политехнического института». Вып. 25. В. Т. Калтахчян. Полная и окончательная победа социализма в СССР — триумф идей ленинизма; И. С. Лобанов. В. И. Ленин об историческом значении Советов; А. С. Дубинин. Организаторская деятельность КПСС по осуществлению ленинских принципов работы государственного аппарата управления народным хозяйством на современном этапе коммунистического строительства; М. А. Цирацян. В. И. Ленин об экономической основе мирного сосуществования Советской России с капиталистическим миром; К. Л. Бережной. Нерушимый ленинский союз рабочего класса и крестьянства — могучая основа построения коммунизма в СССР; П. И. Огурцов. Из истории борьбы В. И. Ленина за воспитание трудящихся России в духе пролетарского интернационализма в период первой мировой войны (1914—1917 гг.); О. С. Корытковский. Борьба «Правды» за осу-

ществление ленинской продовольственной политики (1918 г.).

«Античная древность и средние века». Сборник статей по истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Вып. 38. Часть I. М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита; Н. Н. Белова. Городской строй в Римской Галлии в первые века н. э.; Н. А. Бортник. Народные движения в Риме во второй половине XIII — начале XIV веков (1261—1306 годы).

«Краеведческие записки Магаданского краеведческого музея». Вып. III. Г. Ф. Севильгаев. Торжество ленинской национальной политики. К 35-летию Первого туземного съезда Дальнего Востока; И. С. Вдовин. Анадырский острог. (Продолжение. Начало см. «Краеведческие записки». Вып. II).

«Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея». Вып. I. 1959 год. З. П. Соколова. К вопросу о развитии Обско-Угорской землянки; В. Ф. Ретунский. Заметки о пребывании декабристов в Тобольске; П. И. Рощевский. Первые годы комсомола в Тюменской губернии (1918—1920 гг.); Е. А. Иванова. Проведение сплошной коллективизации в Тюменском округе (1929—1931 годы).

Хроника научной жизни

О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького был создан в 1938 году. Первой научной работой, подготовленной на факультете и вышедшей в 1940 г., была книга Н. И. Шатагина «Русское государство в первой половине XVI века». Несмотря на тяжелые условия военного времени, в 1942 г. состоялся первый выпуск 21 историка. Неоценимую помощь оказали факультету эвакуировавшиеся на Урал видные ученые Москвы, Ленинграда и Киева (В. П. Волгин, Н. А. Машкин, А. И. Неусыхин, М. Н. Тихомиров, А. А. Введенский). В 1942 г. академик В. П. Волгин прочел здесь свой курс «История социалистических идей», а профессор А. А. Введенский — «Строгановы и Ермак». В военные годы в стенах факультета были защищены докторская диссертация А. А. Введенским, кандидатские — Ф. И. Суриным, Д. Л. Похилевичем, Г. П. Рычковой; доцент Н. П. Руткевич опубликовал работу «О роли русского фронта в 1914—1918 гг.».

В 1955 г. в состав университета влился исторический факультет Свердловского педагогического института. В настоящее время на факультете учится 965 студентов, из них 100 на вечернем и 640 на заочном отделении. Факультет имеет кафедры истории СССР и всеобщей истории. При кафедре истории СССР есть археологический музей, насчитывающий около 100 тыс. единиц хранения.

Работники кафедры истории СССР заняты изучением проблем, связанных с историей Урала. Научные интересы доцента В. Я. Кривоногова сосредоточены на истории горнозаводской промышленности края. Он исследует вопрос о роли вольнонаемного труда на уральских заводах в XVIII в. и формировании пролетариата на Урале [1]. В настоящее время им подготовляется монография о рабочих уральской промышленности первой половины XIX века. Доцент М. А. Горловский в течение ряда лет изучает социально-экономическую историю уральского города (на материалах Свердловска) и волнения крестьян и рабочих на заводах Урала в XIX веке [2].

---

[1] В. Я. Кривоногов. Из истории уральской металлургии первой половины XIX века. «Вопросы истории», 1954, № 12; его же. Антикрепостническая борьба на Невьянских заводах в 20-х годах XIX века. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института (СГПИ). Вып. XI. 1955; его же. О составе участников антикрепостнической борьбы на Кыштымских заводах в 20-х годах XIX в. Сборник «Вопросы истории Урала». Свердловск. 1958; его же. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала XVIII веке. Свердловск. 1959; его же. Из истории Камско-Воткинского завода. Сборник «Из истории заводов и фабрик Урала». Вып. I. Свердловск. 1960.

[2] М. А. Горловский. Из истории горного города Екатеринбурга в середине XIX в. «Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска». Свердловск. 1947; его же. Горный город Екатеринбург. Свердловск. 1948; его же. История городской реформы 1870 года в России. «Ученые записки» Уральского государственного университета (УрГУ

Доцент Г. А. Кулагина исследовала вопрос об отмене крепостного права на Урале[3]. Сейчас она пишет монографию «Революционная ситуация 1860—1861 гг. на Урале и отмена крепостного права». Доцент П. А. Вагина посвятила ряд работ истории промышленности и классовой борьбы на Южном Урале во второй половине XVIII века[4]. Доцент В. В. Адамов занимается вопросами экономической истории Урала в период империализма[5].

История укрепления военно-политического союза рабочего класса и крестьянства в годы гражданской войны является темой исследования доцента О. А. Васьковского[6]. Историю сельского хозяйства и коллективизации на Урале разрабатывает доцент Н. В. Ефременков[7], который пишет книгу «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства Урала». Вопросу строительства высшей школы на Урале посвящены статьи М. Е. Главацкого[8].

Кафедра истории СССР ежегодно проводит археологические экспедиции. Основной проблемой научных исследований доцента К. В. Сальникова является древнейшая история Южного Урала[9], заведующая каби-

Вып. 5. Общественные науки. 1948; его же. Первые строители Екатеринбурга. «Уральский современник», 1951, № 20; его же. К истории основания Екатеринбурга. «Исторические записки». Т. 39. 1952; его же. Екатеринбургский завод в 30—40-х годах XVIII в. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Из истории городского управления Екатеринбурга начала 70-х годов XIX в. «Вопросы истории Урала»; его же. Борьба горнорабочих Екатеринбургских заводов с угнетателями в первой половине XIX в. «Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска». Свердловск. 1950; М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. 1800—1870 гг. Свердловск. 1954.

[3] Г. А. Кулагина. Об общественной запашке на уральских заводах в середине XIX в. «Ученые записки» СГПИ. Вып. XI. 1955; ее же. Волнения рабочих уральских горных заводов в середине XIX в. «Ученые записки» СГПИ. Вып. XIV. 1957; ее же. Горнозаводский Урал накануне отмены крепостного права. «Вопросы истории Урала»; ее же. Нижне-Исетский завод в феодальный период. «Из истории заводов и фабрик Урала». Вып. I.

[4] П. А. Вагина. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-х годах XVIII в. «Исторические записки». Т. 47. 1954; ее же. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50—60-х годах XVIII в. «Ученые записки» СГПИ. Вып. XI. 1955; ее же. К истории возникновения горнозаводской промышленности Южного Урала. «Вопросы истории Урала»; ее же. К истории крестьянских волнений на Кыштымских заводах в 70—90-х годах XVIII в. «Из истории заводов и фабрик Урала». Вып. I.

[5] В. В. Адамов. Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905—1907 гг. «Большевики Урала в революции 1905—1907 гг.». Свердловск. 1956; его же. Из истории местных военно-экономических организаций в годы первой мировой войны. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Из истории местных военно-экономических организаций в годы первой мировой войны (Военно-промышленные комитеты на Урале). «Вопросы истории Урала».

[6] О. А. Васьковский. Работа партийных и советских организаций Саратовской губернии по созданию прочного тыла летом 1919 г. «Ученые записки» Саратовского университета. Т. XVIII. 1956; его же. Борьба за мобилизацию сил рабочего класса на разгром Колчака (по материалам Саратовской области). «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Мобилизация сил на защиту Урала от интервентов и белогвардейцев. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск. 1959.

[7] Н. В. Ефременков, В. И. Мухачев. Двадцатипятитысячники-уральцы на колхозной работе в 1930 г. «Труды» Уральского политехнического института. Вып. 86. 1957; Н. В. Ефременков. Первый съезд делегатов комитетов бедноты, трудовых коммун, уездных земельных отделов и заинтересованных волостных совдепов в г. Перми 2—5 сентября 1918 г. «Вопросы истории Урала»; его же. Из истории строительства коллективных хозяйств в Екатеринбургской губернии в 1919—1920 гг. «Исторические науки», 1959, № 2; его же. Коллективные хозяйства Екатеринбургского уезда в конце 1920 г. «Исторический архив», 1959, № 5.

[8] М. Е. Главацкий. Из истории разработки первых проектов учреждения высшей школы на Урале. «Вопросы истории Урала»; его же. Из истории основания Уральского университета. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 29. 1958; его же. Уральский государственный университет. Свердловск. 1960.

[9] К. В. Сальников. Древнейшее население Челябинской области (по данным археологических памятников). Челябинск. 1948; его же. К вопросу о стадиях и памятниках андроновской культуры Зауралья. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь. 1948; его же. Бронзовый век Южного Зауралья (андроновская культура). «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). Вып. 21. 1951; его же. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск. 1952; его же. Археологические работы в Южной Башкирии. «Вопросы истории», 1954, № 3; его же. Андроновские поселения Зауралья. «Советская археология» (СА). Вып. XX. 1954; его же. Абашевская культура на Южном Урале. СА. Вып. XXI. 1954; его же. В глубине веков. Свердловск. 1959.

нетом археологии Урала Е. М. Берс изучает Восточное Зауралье [10].

Преподавателями кафедры истории СССР совместно с работниками других вузов написаны «Очерки истории Свердловска». В 1958 г. по инициативе той же кафедры была проведена первая межобластная научная конференция по истории Урала. В настоящее время члены кафедры активно включились в составление коллективных работ: «Очерков истории партийных организаций Урала» и «Очерков истории Урала». В написании последних наряду с местными историками принимают участие сотрудники Института истории АН СССР.

Научные интересы преподавателей кафедры всеобщей истории сосредоточены на изучении трех комплексных тем: социально-экономическое устройство и классовая борьба в докапиталистическом городе; история рабочего движения; международные отношения в новейшее время. Первую из них разрабатывают доценты Е. Г. Суров (экономика и устройство городов Северного Причерноморья в античное время) [11], Н. Н. Белова (городской строй римской Галлии) [12] и Н. А. Бортник (Рим в средние века), профессор М. Я. Сюзюмов (византийский город) [13]. Е. Г. Суров ежегодно с группой студентов ведет археологические раскопки в Херсонесе. Доктором исторических наук М. Я. Сюзюмовым за последние годы написан ряд работ по истории Византии [14]. Им подготовлены к изданию проверенный по женевской рукописи греческий текст и русский перевод «Книги Эпарха» (византийские ремесленно-торговые уставы) с комментариями. Доцент Н. А. Бортник готовит докторскую диссертацию «Классовая борьба в Риме с 1142 по 1343 год». Ряд преподавателей кафедры всеобщей истории занимается изучением истории рабочего движения в новое и новейшее время. Кандидат исторических наук Л. А. Медведев исследует проблему борьбы рабочего класса Западной Германии против ремилитаризации [15], Ю. А. Попов опубликовал монографию о борьбе профсоюзов Китайской Народной Республики за восстановление народного хозяйства в 1949—1952 годах [16]. Над темой «Международные отношения в новейшее время» работают доценты Ф. И. Сурин и И. Н. Чем-

---

[10] Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА. Вып. 21. 1951; ее же. Археологические памятники г. Свердловска и его окрестностей. Свердловск. 1954; ее же. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. «Вопросы истории Урала».

[11] Е. Г. Суров. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. XVIII. 1948; его же. Херсонесские цистерны. «Ученые записки» СГПИ. Вып. IV. 1948; его же. К вопросу о периодизации истории Северного Причерноморья. «Ученые записки» СГПИ. Вып. XI. 1955.

[12] Н. Н. Белова. Социальные движения в римской Галлии. «Вестник древней истории», 1952, № 4; ее же. Об экономическом состоянии галльских городов. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25, исторический. 1958; ее же. Данные эпиграфики о рабовладении в римской Галлии. «Вестник древней истории», 1954, № 3.

[13] Н. А. Бортник. Город Рим в 30-х годах XII века. «Ученые записки» СГПИ. Вып. IV. 1948; его же. Общественная деятельность Арнольда Брешианского. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 11. 1952; его же. Мировоззрение Арнольда Брешианского. «Средние века». Вып. V. 1954; его же. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М. 1956; его же. Борьба народных масс г. Рима против власти папы в XII в. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Еретические секты Италии первой половины XIII века. «Средние века». Вып. X. 1957; его же. Народные движения в Риме в конце XII и первой половине XIII века. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25, исторический. 1958.

[14] М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. «Византийский временник» (ВВ). Т. IV. 1951; его же. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ. Т. VIII. 1956; его же. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ. Т. XI. 1956; его же. Василики как источник для внутренней истории Византии. ВВ. Т. XIV. 1958; его же. О наемном труде в период кодификации римского права. «Вестник древней истории», 1958, № 2; его же. О наемном труде в Византии. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25. 1959; его же. К вопросу о процессах феодализации в позднеримской империи. «Вестник древней истории», 1955, № 1; его же. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ. Т. X. 1956; его же. Разделение церквей в 1054 г. «Вопросы истории», 1956, № 8; его же. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3.

[15] Л. А. Медведев. Вступление западногерманского пролетариата в борьбу против ремилитаризации Германии (1950 — середина 1951 г.). «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25. 1959.

[16] Ю. А. Попов. Профсоюзы Китайской Народной Республики в восстановительный период. 1949—1952 гг. Свердловск. 1960.

палов. Ф. И. Сурин опубликовал несколько статей об империалистической политике США в годы мирового экономического кризиса [17]. И. Н. Чемпалов напечатал ряд статей, раскрывающих сложную обстановку на Балканах в период подготовки и начала второй мировой войны [18].

Осуществляя закон об укреплении связи школы с жизнью, коллектив исторического факультета значительно улучшает общую и специальную подготовку молодых специалистов. Студентам читаются новые специальные курсы (гражданская война на Урале, источниковедение, историография, история атеизма, византино-русская хронология), введено изучение греческого и китайского языков. Работники факультета оказывают большую методическую помощь учителям истории. Издано несколько лекций и специальных курсов для студентов-заочников: И. Н. Чемпалов «Австрия в 1918—1938 гг.», Ф. И. Сурин «США после второй мировой войны»; подготовлены к печати: «Курс лекций по византино-русской хронологии» (М. Я. Сюзюмов), «Курс лекций по источниковедению истории СССР до XVIII в.» (Г. А. Кулагина), специальный курс лекций по истории Херсонеса Таврического (Е. Г. Суров).

Н. С. Печатальщикова

---

[17] Ф. И. Сурин. Политика США в отношении долгов и репараций в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Китай в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и американский империализм. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25. 1959.

[18] И. Н. Чемпалов. Политика англо-французского блока на Балканах накануне и в начале второй мировой войны (октябрь 1938 — июнь 1940 г.). «Ученые записки» УрГУ. Вып. 16, исторический. 1957; его же. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. «Ученые записки» УрГУ. Вып. 25. 1959; его же. К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г. «Новая и новейшая история», 1959, № 3.

Хроникальные заметки

◆ По решению ЦК КПСС в Москве создается Музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Научные работники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС приступили к разработке плана экспозиции. Цель музея — широко отобразить жизнь и деятельность основоположников научного коммунизма, показать идейное богатство их бессмертного учения. Работа по сбору подлинников и подготовке фотокопий документов К. Маркса и Ф. Энгельса была начата еще при жизни В. И. Ленина. Сейчас в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС насчитывается свыше 6 тыс. подлинных документов великих учителей пролетариата. В музее будут представлены фотокопии рукописей Маркса и Энгельса, раскрывающие их творческую лабораторию, прижизненные и современные издания их трудов, документы, произведения искусства, отображающие жизнь и деятельность основоположников научного социализма. Музей намечено открыть в этом году.

◆ В залах Музея Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград) экспонируются многочисленные документы и материалы о М. И. Калинине. В связи с 85-летием со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства в музее состоялось расширенное заседание. С докладом о жизни и деятельности М. И. Калинина выступил научный сотрудник музея А. А. Богданова. Старые большевики А. И. Круглова, Ф. З. Евсеев, С. А. Смирнов и другие поделились воспоминаниями о встречах и совместной работе с М. И. Калининым.

◆ В Курском государственном областном архиве обнаружены документы, относящиеся к посещению М. И. Калининым города в 1920 г., во время рейса агитпоезда «Октябрьская революция», работой которого руководил Михаил Иванович. Сохранился оригинал письма М. И. Калинина председателю Курского губисполкома. После посещения железнодорожных мастерских М. И. Калинин писал: «...по железнодорожному транспорту необходимо: 1. Предоставить рабочую силу по требованию железной дороги (через комитет по трудовой повинности) и подводы. Особо важен проход весенних вод. 2. Помочь партийными силами согласно последнего письма ЦК. 3. По возможности выдерживать продовольственную помощь железнодорожникам». В другом документе говорится о помощи профсоюзным органам в Курске. Здание, предназначенное для профсоюзов,— Рабочий дворец — было занято. Губпрофсовет и губернские отделы профессиональных союзов ютились в тесных помещениях. М. И. Калинин, отметив важ-

ное значение профсоюзов, распорядился освободить для них помещение Рабочего дворца. М. И. Калинин интересовался также вопросами улучшения санитарного состояния губернии.

◆ Музей Черноморского флота провел юбилейную сессию, посвященную 40-летию освобождения Крыма от белогвардейцев и окончания гражданской войны. Сессию открыл член Военного совета Черноморского флота Н. А. Торик. С воспоминаниями выступили герои легендарных событий— бывший комиссар 459-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии, ныне генерал-лейтенант запаса К. Ф. Телегин, полковник в отставке Я. М. Суворов, бывший политбоец 15-й Сивашской дивизии, ныне полковник в отставке Ф. Ф. Северин, бывший начальник морских сил Юго-Западного фронта Н. Ф. Измайлов. С сообщением о новых материалах по участию флота в разгроме Врангеля выступил кандидат исторических наук, участник гражданской войны Н. П. Липатов.

◆ Секция истории революции и гражданской войны Военно-научного общества генералов и офицеров в запасе и отставке (Новосибирск) объединяет более 80 человек. Среди них бывшие партизаны Алтая, Кузбасса, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Дальнего Востока. Участники партизанского движения юго-западных районов Новосибирской области заняты в настоящее время подготовкой мемуаров. Были коллективно обсуждены воспоминания бывших командиров партизанских соединений П. И. Королева, И. П. Перепелицына, А. В. Ситникова. С интересными воспоминаниями познакомил членов секции активный участник революционной борьбы в Анжеро-Судженске Т. И. Головатов. Секцией истории революции и гражданской войны в Сибири подготовлено к выпуску два сборника. Составитель и редактор первого из них — «Нам пишут партизаны»— Г. В. Деменев — бывший редактор партизанской газеты «Известия». Второй сборник составлен на основе материалов экспедиции 1959 г., прошедшей по районам действий чумышских партизан.

◆ При секторе истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР создается группа по изучению истории рабочего класса России. К работе группы будут широко привлечены специалисты научно-исследовательских, учебных и архивных учреждений различных городов страны. На заседаниях группы и организуемых ею сессиях планируется заслушивать доклады проблемного характера, а также сообщения по частным, но важным вопросам истории пролетариата на различных этапах развития капитализма в России. Наряду с этим группа будет проводить широкое обсуждение методических и методологических вопросов (периодизации истории рабочего движения, методики статистического изучения стачек, социального состава рабочих и т. д.), а также историографических и источниковедческих проблем. Группа обращается ко всем научным коллективам и отдельным исследователям с просьбой принять активное участие в ее работе, сообщить темы исследований, которые ведутся на местах, фамилии и адреса авторов. Эти сообщения, заявки на доклады, а также предложения и пожелания следует направлять по адресу: Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19. Институт истории АН СССР.

◆ В Одесском историко-краеведческом музее собраны экспонаты, освещающие деятельность А. В. Суворова в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Экспонаты музея рассказывают о Ясском мирном трактате с Турцией (1791 г.). Представлены донесения Суворова о действиях русской армии под Очаковом, план сражения между русским и турецким флотом в Днепровском лимане. После окончания войны под руководством А. В. Суворова велось строительство укреплений и других сооружений по Днестру — в Овидиополе, Тирасполе и Хаджибее (переименованном в 1795 г. в Одессу). В указе Екатерины II от 27 мая 1794 г. говорилось: «Уважая выгодное положение Хаджибея при Черном море и сопряженные с оным пользы, признаем мы нужным устроить там военную гавань, купно с купеческой пристанью... Работы же производить под назиданием генерала графа Суворова-Рымникского, коему поручены от нас все строения укреплений и военных заведений в той стране». Экспонируется старинная копия плана строительства Хаджибея, составленного в 1794 году.

◆ В Ленинграде, в бывшем Казанском соборе (ныне Музей истории религии Академии наук СССР), покоится прах великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова. На надгробной доске указана дата его рождения — 5 сентября 1745 года. Эта же дата фигурирует во всех биографиях полководца. В последнее время в архивах Ленинграда выявлен ряд документов, в которых приводится другая дата. Среди материалов Артиллерийского исторического музея хранится подлинный рапорт отца М. И. Кутузова, инженер-полковника И. М. Голенищева-Кутузова, на имя генерал-фельдцехмейстера П. И. Шувалова от 17 апреля 1759 г., в котором он пишет: «Имею я сына Михаила одиннадцати лет...» В том же архиве находится запрос в сенат, посланный Артиллерийской и инженерной школой, куда был определен М. И. Кутузов. Из запроса видно, что в 1759 г. будущему полководцу было 11 лет. Для установления года его рождения большое значение имеет формулярный список М. И. Кутузова, составленный при его личном участии 12 января 1791 года. В графе «сколько лет от роду» написано: «От роду мне сорок три года». Из собранных 32 документальных показаний о возрасте М. И. Кутузова только в трех случаях дата рождения совпадает с ныне принятой. Большинство же источников относит ее к 1747 году. Эта дата подтверждается и тем, что отец Кутузова женился не ранее середины 1745 г. и первой в семье родилась старшая сестра полководца, Анна. Таким образом, можно предположить, что М. И. Кутузов родился 5(16) сентября 1747 (а не 1745) года.

◆ В долине реки Лены, близ дер. Шишкино, расположено единственное по своему богатству собрание древних наскальных изображений, которые тянутся на протяжении 2,5 километра. Здесь сосредоточено до 2 тыс. изображений, представляющих собой искусство многих народностей, населявших Сибирь в далеком прошлом. Наиболее ранние произведения (изображения лошадей, быков) насчитывают 10—15 тысячелетий. Рисунки, относящиеся к III—I тыс. до н. э., отличаются своим реалистическим характером. Многие из них изображают фигуры людей в своеобразных позах. Эти рисунки — «танцующие» человечки — свидетельствуют о том, что существовали культурные связи между племенами Сибири и Европейской части СССР, ибо точно такие же наскальные рисунки встречаются и в Карелии. Самые многочисленные произведения «шишкинской галереи» оставлены древнетюркским народом — курыканами (VI—X вв. н. э.). Курыканы имели собственную, так называемую руническую орхоно-енисейскую письменность. Надписи на этом языке обнаружены на скалах. Оставили свои следы в Прибайкалье и первые монгольские переселенцы, предки бурят (XI—XIV вв. н. э.). Любопытно, что рисунки, по характеру подобные «шишкинским», были обнаружены в 1959 г. и в долине Ангары. 30 наиболее ярких и ценных изображений вырублены из каменных массивов и доставлены в Иркутск, а также в Музей истории религии Академии наук СССР в Ленинграде.

◆ В Государственном архиве Свердловской области хранится редкий экземпляр рукописи-списка (очевидно, второй половины XVIII в.) «Путешествие из Москвы в Китай господина Эбергардта Избранта Эдеса — посланника московского, 1692—1694 гг.». Это путевой дневник одного из первых российских послов в Китае. Сочинение служило одним из главных источников для второй части «Робинзона Крузо» Д. Дефо, в которой описывается возвращение Робинзона из Китая через Сибирь и Архангельск. Маршрут путешествия проходил и по Уралу (Соликамск — реки Кама — Чусовая — Невьянский завод — реки Реж — Тура). В путевых записках много наблюдений и замечаний о быте и нравах жителей, природе, достопримечательностях. В 1697 г. отрывок из описания путешествия опубликовал известный немецкий ученый и философ Лейбниц, а в 1704 г. рукопись, отредактированная Витсеном, была напечатана в Амстердаме. Позднее дневник полностью был издан на многих иностранных языках, отдельные его части публиковались в различных сборниках и журналах. В 1789 г. сочинение на русском языке было издано Н. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» (части VIII—IX). Некоторые части этого произведения находятся в научной библиотеке областного краеведческого музея.

◆ В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) была открыта выставка, посвященная 150-летию борьбы за независимость стран Латинской Америки. Среди экспонированных разнообразных печатных материалов по истории, географии, экономике и культуре латиноамериканских стран особый интерес представляли труды основоположников марксизма-ленинизма, изданные в странах Латинской Америки: «Капитал» К. Маркса (вышел в Мексике в 1946 г. в 5 книгах), уругвайское издание работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Монтевидео. 1948) и др. Раздел выставки, посвященный истории национально-освободительного движения в Латинской Америке, явился, по существу, демонстрацией достижений советской историографии: здесь были представлены важнейшие работы советских историков — от ставших библиографической редкостью книг В. Мирошевского, В. Вольского до новейших работ М. С. Альперовича, И. Р. Лаврецкого, А. Б. Беленького, Ю. В. Кнорозова, Р. В. Кинжалова и других исследователей. Большое место на выставке заняла латиноамериканская художественная литература, изданная в нашей стране на русском и других языках народов СССР. Из иностранных фондов библиотеки на выставку поступили многочисленные редкие издания произведений латиноамериканских поэтов, прозаиков и драматургов на испанском и португальском языках. В разнообразной научной и массово-политической литературе, представленной на выставке, освещена длительная и упорная борьба народов Латинской Америки против экспансии США. Латиноамериканская периодика и статьи советской прессы отображают значительный рост экономических и культурных связей СССР со странами Латинской Америки.

◆ Главный хранитель Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника О. А. Белоброва, изучая документы, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, обнаружила неизвестную рукопись — древнерусское сказание «О Кипрском острове». В сказании ярко отражена героическая борьба киприотов накануне турецкого завоевания в 1571 году. Примечателен рассказ об осаде северной крепости Кирении (осада длилась 21 год) и о неудачной попытке завоевателей завладеть крепостью обманным путем. Сказание, дошедшее до нашего времени в списке XVII в.,— не единственное свидетельство осведомленности русских людей о жизни населения Кипра. Наиболее раннее описание Кипра оставил путешественник начала XII в. игумен Даниил. О. А. Белоброва закончила исследование, посвященное русско-кипрским связям. В нем собраны разнообразные исторические сведения о Кипре.

Обзоры и рецензии

СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

150 лет тому назад, в сентябре 1810 г., скромный приходский священник селения Долорес Мигель Идальго (1753—1811) призвал к выступлению против испанских колонизаторов. Это восстание, происходившее в условиях, когда в большей части американских колоний Испании нарастало освободительное движение, явилось началом войны за независимость Мексики (1810—1821), увенчавшейся освобождением от колониального гнета и образованием мексиканского национального государства.

Героическая эпопея мексиканского народа уже в первой половине XIX в. получила подробное освещение в ряде работ, среди которых главное место занимают труды крупнейших мексиканских историков — современников описываемых революционных событий. Первой по времени явилась книга «Историческая картина революции в мексиканской Америке», написанная в 1822—1826 гг. Карлосом Марией де Бустаманте (1774—1848) [1] — активным участником борьбы за независимость. В дальнейшем этот известный историк написал продолжение «Исторической картины» [2], а также ряд других работ, освещающих отдельные периоды войны за независимость. В своих исследованиях Бустаманте использовал многочисленные документы, личные наблюдения и впечатления, свидетельства участников и очевидцев событий, что делает его труды одним из ценнейших источников. Однако Бустаманте не дает систематического изложения, часто нарушает хронологическую последовательность, допускает много фактических неточностей. Правда, Бустаманте впоследствии в дополнении, охватывающем период 1767—1821 гг., к изданной им в 1836—1838 гг. «Гражданской и политической истории колониальной Мексики» Андреса Каво [3] уточнил ряд фактов, изложенных в «Исторической картине». Эмигрировавший в Англию испанский либерал Пабло де Мендибиль, основываясь на материалах Бустаманте, опубликовал в 1828 г. в Лондоне сокращенное изложение «Исторической картины», внеся в нее ряд структурных изменений, фактических дополнений и уточнений [4]. Если Мендибиль, как и Бустаманте, был убежденным сторонником освобождения Испанской Америки от колониального ига, то его соотечественник Мариано Торренте, опубликовавший «Историю испано-американской революции» [5], значительная часть которой посвящена Мексике, выступал как апологет испанского колониального господства в Америке.

В 1831 г. в Париже был опубликован «Исторический очерк революции в Новой Испании», написанный видным мексиканским политическим деятелем Лоренсо де Савалой (1788—1836). Первая часть этой книги, содержавшая мало фактического материала, представляла собою краткий очерк войны за независимость [6]. Савала резко критиковал

---

[1] C. M. de Bustamante. Cuadro historico de la revolución de la America Mexicana. Mexico. 1822—1826.

[2] C. M. de Bustamante. Continuación del Cuadro historico de la revolución mexicana. Ed. 2-a. Mexico. 1953.

[3] C. M. de Bustamante. Suplemento a la Historia de los tres siglos de Mejico. См. A. Cavo. Los tres siglos de Mexico durante el gobierno español hasta la entrada del ejercito trigarante. Mexico. 1852.

[4] P. de Mendibil. Résumen historico de la revolución de los Estados Unidos Mejicanos. Ed. 2-a. Mexico. 1955.

[5] M. Torrente. Historia de la revolución hispano-americana. Madrid. 1829—1830.

[6] L. de Zavala. Umbral de la independencia. Mexico. 1949.

Бустаманте, обвиняя его в необъективности и фальсификации фактов, в то же время он дал высокую оценку работе Мендибиля. Критическое отношение к труду Бустаманте разделял и один из лидеров мексиканских либералов, публицист и историк Хосе Мария Луис Мора (1794—1850). Он издал в 1836 г. в Париже свою работу «Мексика и ее революции» [7], один из томов которой посвящен первому периоду войны за независимость (1810—1815). Хотя Мора использовал ряд документов и свидетельств очевидцев, он приводит немного дополнительных данных по сравнению со своими предшественниками. Но следует отметить, что Мора указал на историческую необходимость начавшейся в 1810 г. войны за независимость.

Наиболее подробное освещение борьба за независимость Мексики получила в капитальном пятитомном труде «История Мексики», опубликованном в 1849—1852 гг. известным консервативным государственным деятелем и историком Лукасом Аламаном (1792—1853) [8]. Располагая многочисленными архивными материалами, прессой, записями и рассказами очевидцев, Аламан, лично наблюдавший за ходом событий, изложил их подробнейшим образом. Однако, будучи врагом освободительного движения, он дал ему крайне тенденциозное освещение. Идеализируя колониальный режим, Аламан неверно изображал борьбу мексиканского народа за независимость как направленный против религии, цивилизации, собственности, порядка бессмысленный бунт, единственной целью которого были разбой и грабеж. Утверждая, что борьба патриотов под руководством Идальго и Морелоса в 1810—1815 гг. не имела якобы никакого значения для последующего установления независимости, Аламан в то же время всячески превозносил врага мексиканского народа Итурбиде, которого увенчал лаврами «освободителя» Мексики.

На протяжении длительного времени реакционная концепция Аламана в значительной мере довлела над многими мексиканскими историками. Однако уже во второй половине XIX в. против нее начали выступать прогрессивные исследователи. Так, Хулио Сарате, автор фундаментального труда о войне за независимость, являющегося частью многотомной истории Мексики, изданной в конце 80-х годов под общей редакцией Висенте Рива Паласио [9], полемизируя с Аламаном, подверг резкой и убедительной критике его тенденциозные утверждения.

К концу прошлого столетия мексиканской исторической наукой был накоплен и пущен в научный оборот огромный фактический материал по истории войны за независимость. В связи с этим историки XX в. ставят перед собой задачу не столько подробного изложения событий, сколько их анализа и оценки, а также более глубокого исследования отдельных вопросов. Это относится, в частности, и к опубликованным в начале XX в. работам Франсиско Бульнеса, Хенаро Гарсии [10] и др.

На протяжении нескольких последующих десятилетий в Мексике вышло сравнительно мало новых монографий о борьбе за независимость. Это отчасти объяснялось повышенным интересом многих историков к изучению мексиканской революции 1910—1917 годов. Однако после второй мировой войны, в обстановке роста национально-освободительного и демократического движения, заметно усилился интерес мексиканских историков к проблемам войны за независимость. На эту тему за последние полтора десятилетия в Мексике опубликовано много работ.

Исследование прогрессивного историка Луиса Вильоро [11] представляет собой общий очерк войны за независимость; она занимает также центральное место в интересных монографиях Луиса Чавеса Ороско и Агустина Куэ Кановаса, охватывающих несколько бо́льший период истории Мексики [12]. Книги недавно скончавшегося видного общественного деятеля, писателя и историка Хосе Мансисидора, а также Эсекиеля

---

[7] J. M. L. Mora. Mexico y sus revoluciones. Tt. 1—3. Ed. 2-a. Mexico. 1950.

[8] L. Alaman. Historia de Mexico desde los primeros movimientos que prepararon su independencia en el año de 1808 hasta la época presente. Tt. 1—5. Mexico. 1849—1852.

[9] «Mexico a través de los siglos». T. 3. Mexico. 1953.

[10] F. Bulnes. La guerra de independencia. Mexico. 1910; G. Garcia. El plan de independencia de la Nueva España en 1808. Mexico. 1903; его же. El clero de Mexico y la guerra independencia. Mexico. 1906.

[11] L. Villoro. La revolución de independencia. Mexico. 1953.

[12] L. Chavez Orozco. Historia de Mexico (1808—1836). Mexico. 1947; A. Cue Canovas. La revolución de independencia y Mexico independiente hasta 1854. Mexico. 1947.

Чавеса и Хуана Чаварри[13] формально представляют собою историко-биографические очерки о выдающихся руководителях борьбы за независимость. Однако фактически в них освещаются все важнейшие узловые проблемы того времени. Значительный интерес как попытка в основном марксистской оценки войны за независимость представляет содержательная статья Хосефины Леон[14]. Работа Франсиско Лопеса Камара[15] посвящена идеологии мексиканского освободительного движения конца XVIII — начала XIX века.

В послевоенные годы большое внимание уделяется изучению жизни и деятельности национальных героев Мексики Мигеля Идальго и Хосе Марии Морелоса, возглавивших борьбу за независимость. В связи с 200-летием со дня рождения Идальго опубликован ряд серьезных исследований, среди которых прежде всего следует отметить капитальный двухтомный труд Луиса Кастильо Ледона[16], использовавшего наряду с опубликованными источниками много архивных материалов. Интересные выводы и оценки содержатся в посвященных Идальго работах Хуана Эрнандеса Луна, Хесуса Амайя, Альфонсо Гарсии Руиса, Мельчора Санчеса Хименеса[17], рассматривающих различные аспекты начального этапа войны за независимость. Памяти Идальго были посвящены специальные номера ряда журналов, где публиковались статьи о его жизни и деятельности[18]. Из исследований о Морелосе наиболее значительным является новое, переработанное и дополненное издание монографии известного мексиканского историка Альфонсо Теха Сабре[19], который затрагивает также некоторые общие вопросы войны за независимость. Недавно опубликована книга молодого историка Рубена Эрмесдорфа[20]. Висенте Саэнс, характеризуя Морелоса, сравнивает его с выдающимся руководителем освободительного движения в Южной Америке Симоном Боливаром[21].

Кроме того, в Мексике издан в последние годы ряд историко-биографических очерков популярного характера. Среди них книги Эрнесто Игера и Хуана Чаварри — об Идальго[22], Франсиско Уркисо — о Морелосе[23], Антонио Маганьи Эскивеля — о выдающемся борце за независимость Висенте Герреро[24], Карлоса Альвеара Асеведо — о ближайшем помощнике Морелоса Галеане[25], Хосе Гуадалупе Суно — о партизанском командире Педро Морено[26] и др. Много статей по различным вопросам войны за независимость опубликовано в периодических изданиях.

Во всей этой обширной исторической литературе, в общем, преобладает положительная оценка борьбы мексиканского народа за независимость, которая завершилась свержением колониального ига, созданием национального государства и установлением республики. Лишь отдельные авторы, стоящие на реакционных позициях, пытаются (иногда в завуалированном виде) отстаивать взгляды, повторяющие в основном точку зрения Аламана. Наиболее видным представителем так называемого «неоаламанизма» является Хосе Васконселос, который заявляет, что в начале XIX в. Мексика еще не созрела для независимого существования и мексиканцы будто бы даже не стремились к нему. Установление независимости он объясняет исключительно ослаблением Испании

---

[13] J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero. Mexico, 1956; E. A. Chavez. Hidalgo. Mexico. 1957; его же. Morelos. Mexico. 1957; его же. Agustin de Iturbide. Mexico. 1957; J. N. Chavarri. Los hombres de la independencia. Mexico. 1958.

[14] J. Leon. Una opinión sobre el movimiento de Independencia. «Liberacion», 1957, № 7.

[15] F. Lopez Cámara. La genesis de la conciencia liberal en Mexico. Mexico. 1954.

[16] L. Castillo Ledon. Hidalgo. La vida del héroe. Vol. I—II. Mexico. 1948—1949.

[17] J. Hernandez Luna. Imagenes históricas de Hidalgo. Mexico. 1954; J. Amaya. Hidalgo en Jalisco. Guadalajara. 1954; A. Garcia Ruiz. Ideario de Hidalgo. Mexico. 1955; M. Sanchez Jimenez. Hidalgo, antorcha de eternidad. Mexico. 1956.

[18] «Filosofia y letras», 1952, № 47—48; «Historia mexicana», 1953, vol. III, № 2.

[19] A. Teja Zabre. Vida de Morelos. Nueva version. Mexico. 1959.

[20] R. Hermesdorf. Morelos: hombre fundamental de Mexico. Mexico. 1958.

[21] V. Saenz. Morelos y Bolivar. Mexico. 1947.

[22] E. Higuera. Hidalgo. Mexico. 1955; J. N. Chávarri. Hidalgo. Mexico. 1957.

[23] F. L. Urquizo. Morelos. Genio militar de la independencia. Mexico. 1945.

[24] A. Magana Esquivel. Guerrero. El héroe del Sur. Mexico. 1946.

[25] C. Alvear Acevedo. Galeana. Mexico. 1958.

[26] J. G. Zuno. Don Pedro Moreno. Guadalajara. 1956.

и происками ее противников, главным образом Англии [27]. Выступая на испано-американском историческом конгрессе, проходившем в октябре 1949 г. в Мадриде, К. Санчес Наварро-и-Пеон отрицал национальный характер борьбы мексиканского народа за независимость и пытался в извращенном виде представить ее руководителя Идальго, который, по словам оратора, всего лишь «выполнял инструкции франкмасонов» [28]. Э. А. Чавес повторяет некоторые оценки Аламана, враждебные Идальго, всячески старается преуменьшить революционный радикализм Морелоса, идеализирует Итурбиде [29].

Однако подавляющее большинство современных мексиканских историков в своих работах отдает должное мужественным патриотам Мексики, руководимым Идальго, Морелосом, Герреро и другими, а душителя освободительного движения, ставленника реакции авантюриста Итурбиде рассматривает как врага мексиканского народа и предателя. Следует отметить, что если современная мексиканская историография в целом преодолела влияние реакционной концепции Аламана, то некоторые историки за пределами Мексики продолжают за нее держаться. Это явление характерно, в частности, для ряда современных североамериканских буржуазных авторов. Еще в 80-х годах прошлого столетия известный американский историк Г. Бэнкрофт в своей хорошо документированной работе дал высокую оценку героической борьбе мексиканских патриотов и разоблачил тенденциозность Аламана. Полемизируя с последним, он указывал, что Итурбиде нельзя даже упоминать рядом с Идальго, Морелосом и именами их соратников, ибо именно они своей борьбой против колонизаторов обеспечили создание условий, позволивших сбросить испанское иго [30]. Теперь же, в середине XX в., католический епископ Д. Шлармен полностью солидаризируется с точкой зрения и всеми враждебными революции инсинуациями Аламана [31], а известный специалист по истории Латинской Америки У. С. Робертсон опубликовал объемистый труд, в котором восхваляет и пытается реабилитировать Итурбиде [32]. Последний является фактически подлинным героем и книги Д. А. Карузо [33]. Хотя автор номинально ставит Итурбиде в один ряд с Идальго и Морелосом, называя всех троих «освободителями Мексики», симпатии Карузо явно на стороне Итурбиде, который заслужил, по его словам, вечную благодарность своих соотечественников. И не случайно Карузо в своей работе уделяет Итурбиде почти столько же места, сколько Идальго и Морелосу.

Если в прошлом исследование борьбы за независимость в значительной мере ограничивалось изучением ее политических и военных аспектов, то в послевоенный период многие мексиканские историки ставят перед собой задачу более глубокого исследования этого вопроса. В частности, А. Теха Сабре указывает на необходимость вскрытия социальных и экономических предпосылок войны за независимость в Мексике и определения ее места в латиноамериканском освободительном движении первой четверти XIX века [34].

Одной из главных и наиболее сложных проблем, возникающих при научном анализе войны за независимость, является оценка ее характера, целей, расстановки классовых сил на различных этапах. Современные прогрессивные мексиканские историки, как правило, вполне справедливо считают, что исторической задачей освободительной борьбы являлось не только завоевание политической независимости, но и осуществление ряда социально-экономических преобразований антифеодального характера. Этой точки зрения придерживаются многие авторы, которые подчеркивают различные стороны во-

---

[27] J. Vasconcelos. Breve historia de Mexico. Mexico. 1956. О попытках возрождения идей Аламана см. A. Arnáiz y Freg. Alaman en la historia y en la politica. «Historia mexicana», 1953, vol. III, № 2, p. 254.

[28] См. «Causas y caracteres de la independencia Hispanoamericana». Madrid. 1953, pp. 124—125.

[29] E. A. Chavez. Hidalgo, pp. 73—75; его же. Morelos, pp. 217—218; его же. Agustin de Iturbide, pp. 165—172.

[30] H. H. Bancroft. History of Mexico. The Works.Vol. 12. San Francisco. 1886, pp. 811—812, 821—822.

[31] J. H. L. Schlarman. Mexico. A Land of volcanoes. Milwaukee. 1950.

[32] W. S. Robertson. Iturbide of Mexice. Durham. 1952.

[33] J. A. Caruso. The Liberators of Mexico. New York. 1954.

[34] A. Teja Zabre. Указ. соч., стр. 6.

проса. «Мексиканская война за независимость,— отмечает А. Гарсия Руис,— имела в такой же мере значение социальной революции, как и революции политической»[35]. Аналогичную мысль высказывает и А. Куэ Кановас, заявляя, что для эксплуатируемых масс Мексики эта война «означала подлинную социальную революцию»[36]. Он ставит, по существу, социальный фактор на первое место, утверждая, что «по своему истинному характеру война за независимость была аграрным восстанием, направленным против существовавшей системы собственности»[37]. Л. Чавес Ороско указывает, что война за независимость в Мексике с самого начала приняла характер острой классовой борьбы. Он оценивает ее как «восстание всех угнетенных против всех угнетателей»[38]. По словам А. Теха Сабре, борьба за независимость вылилась в классовый конфликт, вызванный стремлением к коренному изменению экономической, социальной и политической структуры[39].

Действительно, мексиканский народ боролся против установленного испанскими завоевателями колониального режима, который базировался на жестокой эксплуатации народных масс, характеризовался бесправием и дискриминацией подавляющего большинства населения, препятствовал росту производительных сил, экономическому, политическому и культурному развитию страны. Поскольку целью борьбы являлось не только завоевание национальной независимости, но и ликвидация феодальных порядков, ее следует рассматривать, на наш взгляд, как буржуазную революцию. Характер и ход этой революции обусловливались как развитием общенационального движения против испанских колонизаторов, так и социальными противоречиями, существовавшими между различными классами колониального общества.

Ряд историков правильно подчеркивает, что освободительное движение в Мексике имело широкую социальную базу. Р. Эрмесдорф отмечает решающую роль народа в борьбе[40]. «С оружием в руках выступила не ограниченная группа людей,— указывает Ф. Лопес Камара,— а вся «американская нация»[41]. Л. Кастильо Ледон считает центральной задачей революции создание новой, независимой нации. С его точки зрения, для этого к тому времени уже сложились исторические, географические, политические, этнические, культурные и другие предпосылки[42]. Л. Вильоро характеризует войну за независимость в Мексике как народное движение, не имевшее прецедентов во всей предшествовавшей истории Америки и представлявшее самую высокую ступень освободительной борьбы на всем континенте[43]. «Только в Мексике движение за независимость приняло массовый характер и имело передовую социальную программу»,— пишет А. Куэ Кановас[44].

По обоснованному мнению большинства мексиканских историков, ярко выраженный социальный характер войны за независимость определил расстановку классовых сил, сложившуюся в ходе борьбы. Большое внимание исследователи уделяют изучению позиции креольской верхушки, первоначально выступившей против колониального режима, а затем, в страхе перед народным движением, перешедшей во враждебный патриотам лагерь. «Перед лицом революции, угрожавшей в корне изменить социальную структуру и систему собственности,— пишет А. Куэ Кановас,— креолы, являвшиеся до 1810 г. сторонниками независимости или сочувствовавшие ей, начиная с этого года объединяют свои усилия с силами защитников колониального режима»[45]. Он указывает, что, поскольку освободительное движение угрожало латифундистскому, феодальному строю колонии, благами которого вместе с испанцами пользовались и креолы, последние перешли на сторону колонизаторов[46]. Л. Чавес Ороско объясняет спад революционного движения в Мексике после пяти лет вооруженной борьбы противоречиями между

---

[35] A. Garcia Ruiz. Указ. соч., стр. 44.
[36] A. Cue Canovas. Указ. соч., стр. 44.
[37] Там же, стр. 31.
[38] L. Chavez Orozco. Указ. соч., стр. 62—63.
[39] A. Teja Zabre. Указ. соч., стр. 10.
[40] R. Hermesdorf. Указ. соч., стр. 30.
[41] F. Lopez Cámara. Указ. соч., стр. 166.
[42] L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. 2, стр. 274—275.
[43] L. Villoro. Указ. соч., стр. 79.
[44] A. Cue Canovas. Historia mexicana. Mexico. 1959, p. 102.
[45] A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., p. 33.
[46] Там же, стр. 33—34.

креолами, с одной стороны, крестьянами и индейцами — с другой[47]. При этом оба автора фактически склонны рассматривать креолов как некую однородную в классовом отношении среду, игнорируя их социальное расслоение[48]. Более дифференцированно подходит к вопросу А. Теха Сабре, который отмечает, что борьбу за независимость в Мексике начали креолы, принадлежавшие к низшим слоям общества (низшее духовенство, мелкие землевладельцы и т. д.), при поддержке «пролетарских» масс деревень, городов и рудников[49].

Интересную, хотя во многом спорную схему расстановки классовых сил накануне и в период войны за независимость нарисовал Л. Вильоро. Считая главной опорой испанского господства в Мексике уроженцев метрополии, составлявших колониальную администрацию, монополизировавших внешнюю торговлю, захвативших значительную часть земель и рудников, Л. Вильоро делит противников колониального режима из среды имущих классов на две группы. Первую он называет «европейско-креольским классом» (clase euro-criolla) и относит к ней помещиков, горнопромышленников, владельцев промышленных предприятий (преимущественно креолов), причисляя сюда также высшее духовенство и офицерство, интересы которых, по словам Вильоро, были связаны как с колонией, так и с метрополией. Во вторую группу он включает креольскую интеллигенцию, среднее и низшее духовенство, мелких чиновников и именует ее «средним классом» (clase media)[50].

Эта схема вызывает возражения, так как автор фактически смешивает классовые различия с расовыми и этническими, а термин «класс» произвольно употребляет для обозначения политических группировок, каждая из которых в действительности объединяла представителей различных классов или социальных прослоек. Последнее замечание относится в полной мере и к распространенному в буржуазной социологии понятию «среднего класса». Нельзя также согласиться с характеристикой высшего духовенства и военной верхушки, являвшихся столпами колониального режима, как его противников. Вместе с тем предпринятая Вильоро попытка классового анализа и показа социальной дифференциации заслуживает внимания и свидетельствует о его стремлении к глубокому исследованию узловых проблем войны за независимость.

Исходя из того же деления на социальные категории, какого придерживался Вильоро, Ф. Лопес Камара считает, что первой из них была присуща, как он выражается, колониальная креольская идеология, выражавшая стремление «высшего креольского класса» к политической власти при сохранении прежнего социально-экономического строя. Так называемый «средний класс», связанный общими интересами с низшими слоями общества, являлся, по мнению Лопеса Камара, носителем революционной идеологии, исходившей из необходимости полной ликвидации колониального режима и соответствующей перестройки всей социально-экономической структуры Мексики[51]. Х. Леон считает руководящей силой освободительного движения зарождавшуюся мексиканскую буржуазию, которую автор делит по расовому признаку на креольскую и метисскую[52].

Начавшаяся вооруженная борьба против испанского господства (Л. Вильоро и другие авторы правильно характеризуют ее как революцию), в которой активное уча-

---

[47] L. Chavez Orozco. Указ. соч., стр. 121—122.

[48] Куэ Кановас употребляет выражение «креолы, как социальный класс». (A. Cue Canovas. La revolución de independencia..., p. 33). Чавес Ороско также говорит о креолах как о классе. (L. Chavez Orozco. Указ. соч., стр. 41) и т. д. Следует отметить, что еще до второй мировой войны в мексиканской исторической литературе справедливо указывалось на неоднородность социального состава креольского населения Мексики начала XIX в. (R. Ramos Pedrueza. La lucha de clases a través de la historia de Mexico. T. I. Mexico. 1936, p. 87).

[49] A. Teja Zabre. Указ соч., стр. 9—10; см. также J. Leon. Указ. соч., стр. 43. Отмечая поддержку освободительного движения в Мексике многими представителями низшего духовенства, Кастильо Ледон объясняет этот факт их бедностью и тесным контактом с трудовым народом (L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 73).

[50] L. Villoro. Указ. соч., стр. 15, 16, 24—27. Против попытки Вильоро разделить мексиканское общество начала XIX в. на классы возражает К. Сьерра Касасус, автор рецензии на книгу Вильоро, в которой отмечается, что в Мексике того периода, кроме коренного населения, имелись лишь «группы средневекового типа» (см. «Historia mexicana», 1954, vol. IV, № 1, pp. 130—131).

[51] F. Lopez Cámara. Указ. соч., стр. 201—202, 210—211.

[52] J. Leon. Указ. соч., стр. 42—43.

стие приняли крестьяне, мелкие землевладельцы, горнорабочие, городская беднота, в том числе индейцы и негры, заставила имущие классы определить свое место в этой борьбе. До начала войны за независимость «европейско-креольский класс» был готов, по словам Вильоро, объединиться со «средним классом», чтобы добиться некоторых реформ, но он не мог действовать заодно с трудящимися. Поэтому представители первой социальной группы вступили в блок с колонизаторами и совместно повели борьбу против революционного движения. «Средний класс», по мнению Вильоро, был также напуган размахом народного восстания, но, будучи слабо связан с существующим строем и оказавшись перед необходимостью выбора, присоединился к восставшему народу [53]. Однако с самого начала движение «среднего класса» развивалось одновременно с народным восстанием как самостоятельная тенденция в революции. Борьбе народных масс под руководством Идальго и Морелоса противостояло движение «среднего класса», возглавлявшееся Альенде и Районом [54].

Признавая наличие противостоявшего народному восстанию течения в освободительном движении, некоторые авторы характеризуют его социальную основу иначе, чем это делает Вильоро. Так, А. Куэ Кановас и Л. Кастильо Ледон объясняют разногласия между Идальго и Альенде и различие их позиций тем, что первый представлял гражданские элементы, а второй — военные [55]. По мнению Куэ Кановаса, Район выражал интересы помещиков-креолов [56], а Х. Леон рассматривает Района и Альенде как лидеров креольской части зарождавшейся буржуазии, в то время как Идальго, Морелоса, а также Герреро считает представителями метисской части этой буржуазии [57].

На наш взгляд, Альенде и Район выражали интересы тех креольских помещиков и купцов, которые не перешли на сторону колонизаторов и, оставшись в революционном лагере, составили умеренное крыло освободительного движения. Движущими же силами народного восстания во главе с Идальго и Морелосом были крестьянство и другие слои трудящегося населения, а также наиболее передовая и радикальная часть зарождавшейся мексиканской буржуазии.

Оценка современными мексиканскими историками деятельности Идальго и Морелоса, под руководством которых борьба за независимость приняла наиболее массовый и демократический в Испанской Америке характер, представляет особый интерес. В обширной литературе по истории Мексики можно найти самые различные, иногда противоречивые характеристики этих выдающихся деятелей. Подавляющее большинство авторов отвергает враждебные инсинуации Л. Аламана и высоко оценивает огромный вклад Идальго и Морелоса в дело освобождения Мексики. Однако в отдельных исторических работах можно встретить подчас и иные оценки. Так, еще в 30-х годах Андрес Молина Энрикес выдвинул тезис о том, что движение под руководством Идальго являлось «креольской революцией», целью которой было якобы не установление подлинной независимости (хотя это слово часто употреблялось Идальго и его сторонниками), а всего лишь осуществление автономии Мексики.

Такая постановка вопроса объективно означала отрицание роли Идальго как инициатора и вдохновителя борьбы за независимость, хотя Молина Энрикес прямо этого не говорил и даже заявлял, что не намерен «нападать на Идальго» [58]. В послевоенные годы эта точка зрения не встретила поддержки со стороны большинства мексиканских историков. Правда, Л. Чавес Ороско также склонен видеть в Идальго выразителя интересов креольских помещиков, который якобы стремился ограничить революцию борьбой за политическую независимость и лишь под давлением масс принимал кое-какие меры социально-экономического характера [59]. Исходя из подобной оценки, Чавес Ороско утверждает, что причиной известной непоследовательности Идальго в осуществлении своей социально-экономической программы, обусловленной главным образом объективными

---

[53] L. Villoro. Указ. соч., стр. 76—77, 79—80, 199.

[54] Там же, стр. 92, 94.

[55] A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., p. 36; L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 270—271.

[56] A. Cue Canovas. Historia de Mexico. Mexico. 1957, p. 71.

[57] J. Leon. Указ. соч., стр. 45—46.

[58] A. Molina Enriquez. Esbozo de la historia de los primeros diez años de la revolución agraria de Mexico. Libro 2. Mexico. 1932, pp. 29—30, 33—34, 37—39.

[59] L. Chavez Orozco. Указ. соч., стр. 62—63, 69—70.

причинами и расстановкой классовых сил, была будто бы забота об интересах имущих классов. Отмечая «нерешительность Идальго как социального реформатора», Чавес Ороско объясняет ее тем, что Идальго «боролся прежде всего за интересы того класса, который представлял, то есть класса креолов-помещиков, а освобождать пеона от его долгов и давать землю индейцам было все равно, что уничтожать тот социальный класс, интересам которого он служил» [60].

С этой точкой зрения во многом совпадала социальная характеристика Идальго, которую давал ему в 1947 г. А. Куэ Кановас [61]. Однако 10 лет спустя последний писал, что, выступая вначале как представитель интересов креолов-помещиков, Идальго в ходе борьбы быстро превратился в подлинного реформатора, добивавшегося изменения экономического строя [62]. Другие историки с полным основанием подчеркивают, что Идальго выражал в своей деятельности интересы широких народных масс. Л. Вильоро указывает, что Идальго выступал не как представитель креольской интеллигенции, а как выразитель народного сознания [63]. Х. Мансисидор отмечает связь Идальго с народом, интересами которого определялось, по словам автора, все, что тот делал, говорил и писал [64]. Л. Кастильо Ледон подчеркивает демократичность убеждений и взглядов Идальго [65]. Х. Леон справедливо рассматривает Идальго как подлинного представителя трудящихся масс, а также наиболее передовой и последовательной части зарождавшейся буржуазии [66]. А. Гарсия Руис характеризует Идальго как основателя мексиканского национального государства [67].

В противовес попыткам прямо или косвенно преуменьшить вклад Идальго в дело борьбы за освобождение, мексиканские историки указывают на огромную роль, которую он сыграл в истории Мексики. Эту мысль, например, четко сформулировал Х. Мансисидор: «Идальго был не только инициатором борьбы за независимость; он был, кроме того, самым выдающимся ее руководителем, теоретиком, мыслителем и учителем, наметившим путь социальных преобразований, по которому мы пытаемся теперь идти» [68].

Анализируя деятельность Идальго, направленную на удовлетворение социально-экономических требований широких слоев населения, А. Гарсия Руис приходит к выводу, что хотя Идальго не намерен был посягать на право собственности, он стремился не только к установлению формального равенства людей перед законом, но и к их экономическому равенству [69]. Автор отмечает, что Идальго первым в Америке провозгласил отмену рабства, проявив тем самым свое стремление к ликвидации одной из основ колониального режима [70]. Гарсия Руис подчеркивает глубокий социальный смысл декретированного Идальго упразднения подушной подати, являвшейся своеобразным символом бесправия платившихся ее индейцев, негров и метисов [71].

Высокую оценку получил в мексиканской исторической литературе опубликованный Идальго 5 декабря 1810 г. декрет о возвращении индейским общинам арендованных у них земель, который А. Куэ Кановас считает важнейшим из всех законодательных актов Идальго [72]. По мнению Л. Вильоро, этот декрет был направлен на установление такого порядка, при котором трудящиеся пользовались бы плодами своего труда [73]. А. Гарсия Руис, основываясь на данных ряда источников, высказал предположение, что Идальго намерен был вернуть индейцам все отнятые у них земли [74].

---

[60] Там же, стр. 70.
[61] A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., pp. 36—37.
[62] A. Cue Canovas. Historia politica de Mexico, p. 58.
[63] L. Villoro. Указ. соч., стр. 61—62.
[64] J. Mancisidor. Указ. соч., стр. 62.
[65] L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 270.
[66] J. Leon. Указ. соч., стр. 41—43.
[67] A. García Ruiz. Указ. соч., стр. 15.
[68] J. Mancisidor. Miguel Hidalgo. Mexico. 1944, p. 9; см. также L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 261—262; J. N. Chávarri. Hidalgo, pp. 7—9.
[69] A. García Ruiz. Указ. соч., стр. 49, 72—73.
[70] Там же, стр. 52. Попытки отдельных историков преуменьшить значение этого акта (например, C. M. Ibarra. Hombres e historia en Mexico. T. I. Puebla. 1956, p. 506) нельзя признать обоснованными.
[71] A. García Ruiz. Указ. соч., стр. 58—59.
[72] A. Cue Canovas. Historia politica de Mexico, p. 57.
[73] L. Villoro. Указ. соч., стр. 81.
[74] A. García Ruiz. Указ. соч., стр. 64—67.

Должное признание получила в современной исторической литературе Мексики также и деятельность Хосе Марии Морелоса, возглавившего освободительное движение после гибели Идальго. Правда, отдельные авторы пытаются несколько приуменьшить историческую роль Морелоса. Так, Л. Кастильо Ледон заявляет, что Морелос при всех своих талантах и высоких качествах являлся все же второстепенной фигурой по сравнению с Идальго[75]. Это утверждение встретило резкую и вполне обоснованную критику со стороны А. Теха Сабре, который, оценивая огромный вклад Морелоса в дело борьбы за независимость, указывает, что последний организовал вооруженные силы патриотов, заложил основы демократических институтов, проявил качества великого государственного деятеля, безграничное личное мужество, благородство и патриотизм[76]. Р. Эрмесдорф подчеркивает, что Морелос сделал очень много для сплочения всех сил патриотов в борьбе против испанских колонизаторов[77]. А. Куэ Кановас характеризует его в качестве представителя эксплуатируемых классов и как самого верного и точного выразителя истинных целей освободительной борьбы[78].

В понимании Морелоса борьба за демократию включала, как правильно отмечает Куэ Кановас, борьбу не только за политические и гражданские права, но и за социальные права трудящихся[79]. Куэ Кановас подчеркивает огромное значение последовательной борьбы Морелоса против монархии, в защиту республиканских принципов[80]. В. Саэнс указывает, что действия Морелоса, будучи направлены против уроженцев метрополии, составлявших 1% жителей и владевших вместе с духовенством более чем тремя четвертями национального богатства, имели целью освобождение 99% населения[81].

Анализируя деятельность и взгляды Морелоса, мексиканские историки уделяют большое внимание созванному им в 1813 г. первому Национальному конгрессу и важнейшим документам, в которых формулировалась программа восставших. Л. Вильоро считает конгресс, состоявший из представителей низшего духовенства и креольской интеллигенции, органом пресловутого «среднего класса», а в разногласиях между конгрессом и руководителями повстанцев видит проявление борьбы классов и двух тенденций в революции[82]. Характеризуя принятую конгрессом в 1814 г. первую конституцию Мексики, Л. Чавес Ороско и А. Куэ Кановас указывают, что в ней не нашли отражения социальные требования, выдвигавшиеся Морелосом[83]. Этот факт они объясняют тем, что авторы конституции выражали интересы креольских помещиков и духовенства[84].

Замечания Чавеса Ороско и Куэ Кановаса вполне обоснованны. Тем не менее мы должны согласиться с точкой зрения Х. Мансисидора, по мнению которого созыв конгресса и принятие конституции явились важной победой Морелоса и его сторонников[85]. Особое значение Х. Мансисидор придает программному документу «Чувства нации», который был представлен конгрессу Морелосом. В этом документе социальные вопросы были, по словам автора, поставлены так смело, как никто их раньше в Мексике не ставил[86]. Давая оценку конституции 1814 г., Мансисидор признает, что ее составители отвергли социальные и экономические принципы Морелоса, однако в целом, с его точки зрения, она отразила прогрессивные чаяния мексиканского народа, так как провозглашала наиболее передовые для того времени идеи[87].

---

[75] L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 261—262.
[76] A. Teja Zabre. Указ. соч., стр. 11—12.
[77] R. Hermesdorf. Указ. соч., стр. 324—327.
[78] A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., p. 38.
[79] A. Cue Canovas. Historia política de Mexico, p. 75.
[80] Там же, стр. 72.
[81] V. Saenz. Указ. соч., стр. 79.
[82] L. Villoro. Указ. соч., стр. 103—104.
[83] Утверждение В. Саэнса, что важнейшие положения программы Морелоса были включены в текст конституции (см. V. Saenz. Указ. соч., стр. 83), не соответствует действительности.
[84] L. Chavez Orozco. Указ. соч., стр. 93—94; A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., pp. 49—50; его же. Historia politica de Mexico, p. 78.
[85] J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero, p. 204.
[86] Там же, стр. 194; см. также A. Cue Canovas. Historia politica de Mexico, p. 74.
[87] J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero, pp. 203—204.

Серьезное внимание историков привлекает составленная Морелосом[88] инструкция командирам партизанских отрядов, предусматривавшая конфискацию имущества богачей, в частности латифундий крупных землевладельцев. Хотя некоторые авторы (Э. А. Чавес, Л. Вильоро) ставят под сомнение принадлежность этого документа Морелосу[89], большинство современных мексиканских историков, занимающихся изучением войны за независимость, не разделяет этих сомнений. Так, А. Теха Сабре доказывает, что доводы, приводимые теми, кто оспаривает авторство Морелоса, явно несостоятельны. Но он сам рассматривает данный документ главным образом как план военных мероприятий, продиктованных необходимостью обеспечения патриотов материальными ресурсами[90]. С точки же зрения Х. Мансисидора (на наш взгляд, более правильной), этот документ отражает социальные взгляды Морелоса и целью его являлось усилить борьбу за независимость путем привлечения широких народных масс к участию в восстании[91].

Оценивая историческую роль и место Идальго и Морелоса как руководителей борьбы за независимость, ряд мексиканских историков не без основания подчеркивает, что в социальном плане они отличались значительно бо́льшим радикализмом, чем многие современные им деятели революционного движения других стран американского континента. Например, по мнению Л. Кастильо Ледона и Х. Мансисидора, Идальго и Морелос, стремившиеся улучшить положение народных масс, стояли в этом отношении выше Вашингтона и Боливара[92].

Одной из наиболее сложных проблем войны за независимость Мексики является вопрос о характере движения 1821 г., увенчавшегося провозглашением независимости. Л. Вильоро справедливо отводит главную роль в этом движении высшему духовенству и военщине, которые, продолжая занимать враждебную революции позицию, выступили против колониальных властей. Высшее духовенство стремилось к отделению Мексики от метрополии в связи с происшедшей в Испании в 1820 г. революцией, восстановлением либеральной испанской конституции 1812 г. и проведением ряда антиклерикальных реформ. Армия за долгие годы войны превратилась в серьезную силу, и военная верхушка стала тяготиться своим подчинением колониальной администрации[93]. Объединившийся вокруг Итурбиде «европейско-креольский класс», придя в 1821 г. к власти, вытеснил или лишил привилегированного положения уроженцев метрополии, но сохранил в основном прежние порядки[94].

А. Куэ Кановас подчеркивает, что возглавлявшееся Итурбиде движение, программа которого предусматривала сохранение феодальных институтов и привилегий господствующих классов, имело контрреволюционный характер[95]. Тем не менее движение за независимость в 1821 г., с точки зрения Х. Мансисидора, своим успехом обязано поддержке партизан во главе с Висенте Герреро. Последний, отнюдь не одобряя политической платформы Итурбиде, поддержал руководимое им движение лишь потому, что оно выдвигало идею независимости[96]. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения Х. Леон, которая объясняет позицию Герреро тем, что он якобы был готов удовлетвориться отделением Мексики от Испании и установлением политической независимости[97].

Освобождение от испанского господства не означало, по мнению Л. Вильоро, что революция закончилась. «Провозглашение независимости в 1821 г.,— пишет он,— не завершило революцию и, тем более, не означало ее победу. Оно явилось лишь эпизодом, заключавшимся в том, что одна фракция контрреволюционной партии вытеснила другую»[98]. После этого революция продолжалась, причем борьба, как считает Вильоро,

---

[88] По данным Э. А. Чавеса, в период между июнем 1812 и февралем 1813 года.
[89] E. A. Chavez. Morelos, p. 204—216; L. Villoro. Указ соч., стр. 83.
[90] A. Teja Zabre. Vida de Morelos, pp. 210—215; его же. Morelos, hombre de guerra y hombre de paz. «Historia mexicana», 1959, vol. VIII, № 4, pp. 505—511. См. «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 210.
[91] J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero, pp. 197—198.
[92] L. Castillo Ledon. Указ. соч. Т. II, стр. 281; J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero, pp. 199—200; см. также A. Teja Zabre. Vida de Morelos, p. 12.
[93] L. Villoro. Указ. соч., стр. 177—178, 181.
[94] Там же, стр. 185.
[95] A. Cue Canovas. La revolución de independencia.., pp. 57, 63.
[96] J. Mancisidor. Hidalgo, Morelos, Guerrero, p. 305.
[97] J. Leon. Указ. соч., стр. 47.
[98] L. Villoro. Указ. соч., стр. 185.

нашла свое выражение в конфликте между конгрессом и исполнительной властью. «Средний класс» порвал свой союз с народом и стал действовать самостоятельно, стремясь добиться полного равенства с «европейско-креольским классом», который фактически заменил уроженцев метрополии — ненавистных «гачупинов», занимавших привилегированное положение при колониальном режиме[99].

Когда Итурбиде удалось при поддержке армии и духовенства совершить государственный переворот и стать императором, «средний класс» апеллировал не к народным массам, а привлек на свою сторону часть армии и добился в 1823 г. падения империи. Установление республики знаменовало, с точки зрения Вильоро, конец революции и приход к власти креольского «среднего класса»[100]. Однако Вильоро отмечает, что происшедшие в результате революции изменения ограничились исключительно политической сферой, не затронув социальной и экономической структуры[101].

Х. Леон считает, что «клерикально-военная каста» сумела добиться политической независимости путем соглашения с зарождавшейся буржуазией, которой удалось осуществить подобный курс в результате спада массового движения[102].

Придерживаясь разных взглядов по ряду вопросов, современные мексиканские историки в большинстве своем занимают прогрессивные позиции в оценке войны за независимость, признают ее историческую необходимость, революционный характер и огромное значение для всего последующего развития Мексики. Для лучших представителей послевоенной мексиканской историографии характерно растущее стремление к более глубокому изучению и анализу социально-экономических факторов, обусловивших подъем и победу освободительного движения в первой четверти XIX века. Многие из опубликованных в Мексике после второй мировой войны трудов, посвященных борьбе за независимость, являются ценным вкладом в научную разработку коренных проблем этого важнейшего периода истории страны. Они получили широкое признание далеко за пределами Мексики. Работы А. Теха Сабре, Л. Чавеса Ороско, А. Куэ Кановаса, Л. Вильоро, Л. Кастильо Ледона, А. Гарсии Руиса, М. Санчеса Хименеса и других внимательно изучаются и используются советскими историками, которые лишь недавно приступили к исследованию проблем войны за независимость[103].

Однако ряд вопросов не нашел еще достаточно полного отражения в исторической литературе. Для правильного понимания причин, особенностей, характера и хода войны за независимость в Мексике необходимо глубже и детальнее изучить расстановку классовых сил на всех этапах борьбы, более конкретно показать участие и роль народных масс, исследовать социальную базу различных течений в освободительном движении, уделить большее внимание анализу внутренних причин упадка движения после 1815 г., полнее осветить развитие партизанской борьбы в 1818—1819 годах. В решении этих задач видную роль призваны сыграть прогрессивные мексиканские историки, располагающие богатыми архивными фондами и другими неопубликованными материалами.

Ликвидация указанных выше пробелов облегчит борьбу против концепций мексиканских, североамериканских и других реакционных историков, пытающихся фальсифицировать историю войны за независимость. Разоблачение подобных фальсификаций имеет большое научное и политическое значение.

М. С. Альперович

---

[99] Там же, стр. 186—187, 189.
[100] Там же, стр. 189—191.
[101] Там же, стр. 205—206.
[102] J. Leon. Указ. соч., стр. 49.
[103] Первая попытка в этом направлении предпринята в недавно вышедшей в свет коллективной работе «Очерки новой и новейшей истории Мексики» (М. 1960).

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

LEO STERN. *Philipp Melanchton. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae.* Halle. 1960. 103 S. + 20 Abbildungen.

ЛЕО ШТЕРН. *Филипп Меланхтон. Гуманист, реформатор, «учитель Германии».*

19 апреля 1960 г. исполнилось 400 лет со дня смерти известного немецкого гуманиста, ученого-энциклопедиста, видного деятеля Реформации Филиппа Меланхтона (Шварцерда). Научная общественность Германской Демократической Республики решила почтить его память. Созданный с данной целью комитет[1] выпустил в свет содержательную работу известного специалиста по проблемам эпохи Возрождения и Реформации в Германии акад. Лео Штерна, посвященную описанию жизни и деятельности Меланхтона. Основанная на обширной литературе и внимательном изучении первоисточников, работа Л. Штерна является весьма интересным исследованием.

В первой главе автор описывает историческую обстановку, в которой жил и творил Меланхтон. Исследуя вопрос об экономическом развитии страны, Л. Штерн отмечает хозяйственный подъем Германии в первой половине XVI в., зарождение капиталистических отношений и появление первых буржуа, дает характеристику «переходного периода от средневековья к новому времени», каким, по его мнению, являлся XVI в., и выясняет особенности этого периода в истории Германии. В связи с этим в первой главе значительное место уделено рассмотрению особенностей гуманистического движения в Германии в XV—XVI вв. как формы антифеодального протеста. Автор делится с читателем интересными мыслями о своеобразии развития немецкого гуманизма и его отличии от более раннего, итальянского. Обрисовав далее характер деятельности некоторых известных гуманистов того времени (У. фон Гуттена, И. Рейхлина, И. Йегера, К. Мута и других), Л. Штерн отмечает, что молодой Меланхтон защищал основные идеи этих выдающихся лиц, являвшихся, по выражению автора, носителями прогресса и провозвестниками пробудившегося национального самосознания немецкого народа.

Во второй главе, посвященной участию Меланхтона в событиях эпохи Реформации, Л. Штерн характеризует реформационное движение в Германии и его значение в истории страны. Остановившись вкратце на характеристике переходного периода от феодализма к капитализму в крупнейших странах Западной Европы, автор показывает, как зарождение капитализма привело к существенным сдвигам в социальной и политической сферах. В главе подвергнуты серьезной и справедливой критике представители немецкой буржуазной историографии, сознательно искажающие сущность и характер реформационного движения,— Г. Риттер, В. Дильтей, П. Иоахимсен, В. Андреас и др.

Вопреки утверждениям многих буржуазных авторов о будто бы чисто религиозном характере реформационного движения в Германии Л. Штерн подчеркивает, что гуманизм и Реформация были не чем иным, как выражением глубокого социально-экономического и политического кризиса феодального общества, кризиса, к началу XVI в. принявшего в Германии характер открытой социальной революции. Религиозно-политические споры этого переходного периода, продолжает Л. Штерн, ни в коем случае нельзя считать, как это утверждают католические и протестантские историки, абстрактно-метафизическими явлениями в сфере «чистой идеологии», не связанными с материальным базисом; напротив, их следует рассматривать как «идеологические рефлексы» классовой борьбы, которая сообразно духу времени начиналась с диспутов на теологические сюжеты. Перейдя затем непосредственно к освещению вопроса об участии Меланхтона в Реформации, Л. Штерн опровергает утверждения представителей протестантской историографии, которые видят в Меланхтоне лишь теолога. В книге неоднократно подчеркивается, что Меланхтон являлся прежде всего гуманистом и просветителем.

В разделе, посвященном началу жизненного пути Меланхтона, показано отношение Меланхтона к учению Лютера, вскрыты некоторые отличия в их взглядах и освещена практическая деятельность Меланхтона как реформатора; вместе с тем здесь рассматривается вопрос о влиянии идей Эразма Роттердамского на формирование мировоззрения молодого Меланхтона. Это-

[1] Подробные сведения о его деятельности см. в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1960, № 5, S. 1167—1172.

му же вопросу целиком посвящена четвертая глава книги.

Несмотря на то, подчеркивает автор, что социально-политические и религиозные взгляды Меланхтона формировались под известным влиянием идей Мартина Лютера, в деятельности Меланхтона было много такого, что ставило его выше Лютера. Мировоззрению молодого Меланхтона была присуща известная противоречивость. С одной стороны, он полностью разделял учение Лютера; с другой — на него произвели сильное впечатление проповеди представителей левого крыла Реформации, делавших из критики католической церкви революционные выводы, а порой боровшихся и за их претворение в жизнь (А. Р. Боденштейн-Карлштадт, Н. Шторх, М. Штюбнер и др.). Однако, как показано в третьей главе («Идейно-политическая позиция Меланхтона в связи с классовой борьбой в эпоху Реформации»), в период подъема народного движения Меланхтон, как и Лютер, стал на сторону партии князей и выступил против революционного крестьянско-плебейского лагеря во главе с Томасом Мюнцером. Незадолго до начала Крестьянской войны, как указывает Энгельс, Мюнцер писал Меланхтону, обвиняя его и Лютера в непонимании народного движения, в стремлении задушить это движение с помощью слепой веры в библейскую букву, в угодничестве князьям [2].

Реакционная позиция Меланхтона в этом вопросе была, по мнению автора, обусловлена узкоклассовыми интересами немецкого бюргерства, представителем которого являлся Меланхтон. Штерн подчеркивает, что Меланхтон и Лютер как истинные немецкие бюргеры пошли за обладавшими сильной властью князьями и тем самым предали крестьянско-плебейское движение.

Пятая глава книги посвящена исследованию научной, педагогической и просветительской деятельности Меланхтона. Автор отмечает широту научных интересов Меланхтона и знакомит читателя с той огромной работой, которую проделал последний по изучению и популяризации гуманитарных и естественных наук. Научно-педагогическая деятельность Меланхтона проходила в основном в Виттенбергском университете, профессором которого он стал уже в возрасте 21 года. «Доктор всех докторов», как называл его Лютер, подготовил немало известных в XVI в. ученых, преподавателей, создал ряд педагогических трудов и написал учебники, имевшие хождение вплоть до XVIII века.

На основе анализа многочисленных писем Меланхтона и некоторых его произведений Штерн стремится показать борьбу Меланхтона за возрождение гуманистических идей в университетах и школах Германии после катастрофы, постигшей немецкий народ в 1525 году. Автор отмечает значительную роль Меланхтона в создании новых центров науки и в реорганизации системы просвещения.

Л. Штерн, подчеркивая прогрессивное значение отдельных сторон научно-педагогической и просветительской деятельности Меланхтона, вместе с тем указывает, что последний, будучи консерватором и монархистом, поставил просвещение на службу немецким князьям. Таким образом, Л. Штерн не отступает перед сложностью задачи, которую он поставил перед собой, и пытается охарактеризовать Меланхтона как ученого и политического деятеля во всей присущей его взглядам противоречивости.

Последняя, шестая глава книги содержит краткий обзор новейших исследований по вопросу о Реформации в Германии и оценку значения реформационного движения в истории отдельных стран в связи с актуальностью этого вопроса в наше время и задачами передовой немецкой науки в области исследования проблем исторического прошлого Германии [3].

Отметим, что в книге помещен ряд фотографий и снимков, отражающих отдельные моменты жизни и научной деятельности Меланхтона.

К сожалению, автор не привлек в достаточной степени данные источников о повседневной практической деятельности Меланхтона. А ведь наследство Меланхтона состоит из многих сотен печатных работ и приблизительно 10 тысяч писем, содержащих ценнейшие сведения о тогдашней эпохе и ее людях. Хотелось бы также увидеть тщательный анализ «Аугсбургского исповедания», основного документа лютеранства в XVI столетии, составленного Меланхтоном. Наконец, подробнее нужно было рассказать и о последователях Меланхтона — филиппистах. Ведь поздний Меланх-

[2] См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, стр. 48

[3] Эти проблемы рассматривались на конференции медиевистов ГДР, состоявшейся в январе 1960 года. Ср. также A. Sperl. Melanchton zwischen Humanismus und Reformation. München. 1959.

тон был уже не столько лютеранином, сколько посредником между кальвинизмом и католицизмом.

Ю. М. Григорьян

HENRI GISCARD D'ESTAING. *D' Esterhazy à Dreyfus.* Paris, Plon. 1960. 180 p.

АНРИ ЖИСКАР д'ЭСТЕН. *От Эстергази к Дрейфусу.*

Дело Дрейфуса, историография которого насчитывает множество работ, до сих пор привлекает внимание историков. Этот интерес объясняется, конечно, не столько трагической судьбой офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, который был несправедливо обвинен в шпионаже, приговорен в 1894 г. к пожизненной каторге и полностью реабилитирован лишь через 12 лет, сколько тем, что в условиях крайнего обострения классовых противоречий во Франции в эпоху складывавшегося империализма вокруг дела Дрейфуса развернулась длительная и ожесточенная борьба между силами реакции и демократии, в ходе которой Франция оказалась на грани гражданской войны.

Обращаясь к событиям тех лет, реакционные буржуазные историки стремятся реабилитировать французскую военщину, сыгравшую в деле Дрейфуса столь позорную роль, и оклеветать демократические силы, боровшиеся за сохранение республики.

Эту же цель преследует и рецензируемая книга. Автор указывает, что его работа непосредственно связана с выходом в свет в 1955 г. дневника французского дипломата и писателя Мориса Палеолога[1]. По мнению Жискар д'Эстена, этот дневник содержит новый материал, позволяющий наконец раскрыть «тайну» дела Дрейфуса. Ключом к разгадке последней Жискар д'Эстен считает утверждение Палеолога о том, что в 90-х годах XIX в. один из самых влиятельных генералов французской армии (Палеолог называет этого генерала «господином *X*», не открывая его подлинного имени) занимался шпионажем в пользу Германии.

Жискар д'Эстен полагает, что под «господином *X*» Палеолог имел в виду генерала Мерсье, руководившего в 1893—1895 гг. военным министерством. Для подобного подозрения имелись известные основания, но, признавая это, Жискар д'Эстен все же настаивает на том, что Мерсье вовсе не был шпионом и изменником, напротив, он, утверждает автор, прилагал все усилия для укрепления французской военной мощи. С целью дезориентации держав Тройственного союза Мерсье через подобранных им агентов-двойников (одним из которых являлся майор Эстергази) систематически снабжал германскую разведку ложной информацией о состоянии французских вооруженных сил. Эта деятельность, утверждает автор, принесла большую пользу французской армии, помогла сохранить важнейшие военные секреты, что якобы оказало влияние на развитие событий в период первой мировой войны.

Автор соглашается с тем, что Дрейфус не имел никакого отношения ни к подлинному, ни к мнимому шпионажу. Возникновение дела Дрейфуса он объявляет «следствием рокового недоразумения». Согласно объяснениям Жискар д'Эстена, Эстергази под диктовку Мерсье написал для германского военного атташе в Париже Шварцкоппена дезориентирующую справку о состоянии французской артиллерии, но это письмо (знаменитое «бордеро») не было получено адресатом, а попало в руки французской контрразведки. Не подозревая об игре, которую вел Мерсье, руководители контрразведки приняли «бордеро» за подлинное шпионское донесение, сделали на этом основании вывод, что в генеральном штабе действует предатель, и стали искать его. Подозрение пало на капитана Дрейфуса. Жискар д'Эстен уверяет, вопреки общеизвестным фактам, что «ошибка произошла только вследствие трагического сходства почерков Эстергази и Дрейфуса» (стр. 64). Лишь после ареста и осуждения Дрейфуса, пишет автор, националистическая пресса развязала антисемитско-шовинистическую кампанию, к которой военное командование якобы вовсе не было причастно.

Единственным человеком, как явствует из книги А. Жискар д'Эстена, который знал всю подоплеку дела, был Мерсье. Именно он отдал Дрейфуса под суд, упорно настаивал на наиболее суровом наказании «изменника», а впоследствии яростно сопротивлялся пересмотру «дела» и реабилитации Дрейфуса. Однако автор целиком оправдывает поведение Мерсье. Для «спасения» Дрейфуса, пишет он, Мерсье должен был бы открыть десяткам людей сек-

[1] Maurice Paléologue. Journal de l'affaire Dreyfus. 1894—1899. L'affaire Dreyfus et la Quai d'Orsay. Paris. 1955.

рет своей игры с немецкой разведкой; но пойти на это он не мог, ибо такое саморазоблачение вызвало бы не только грандиозный внутриполитический скандал (а также крушение карьеры самого Мерсье), но и серьезные осложнения для Франции на международной арене. Поэтому «с болью в душе», руководствуясь якобы исключительно государственными соображениями высшего порядка, «ради успеха дела, в котором на карту ставились судьбы нашей армии и нашей родины, Мерсье пожертвовал свободой и честью одного человека» (стр. 120, 162). Подобным же образом в книге оправдываются подлоги, лжесвидетельства и иные преступления, совершенные офицерами из окружения Мерсье с целью не допустить реабилитации Дрейфуса.

Что же касается членов военного суда, отправивших на каторгу Дрейфуса и оправдавших настоящего преступника — Эстергази, то они, заявляет автор, не подвергались никакому давлению со стороны военного командования и действовали по «глубокому внутреннему убеждению». Обвинения, выдвинутые против военного министерства, генерального штаба и военного суда Эмилем Золя в знаменитом письме президенту Франции «Я обвиняю», Жискар д'Эстен смеет называть «несправедливыми», а позорную судебную расправу над великим писателем — «естественной и законной мерой», предпринятой властями с целью защиты «чести и интересов армии и государства» (стр. 145).

Жискар д'Эстен пытается внушить читателю, что в виновности Дрейфуса была убеждена в то время «вся Франция». Те же, кто выступал за его оправдание, действовали якобы лишь по политическим соображениям либо рассматривали борьбу вокруг дела Дрейфуса «с позиций интеллектуализма, как если бы речь шла о споре по поводу кубизма или экзистенциализма» (стр. 162).

Таковы основные положения рецензируемой книги. Автор не приводит никаких новых материалов в подтверждение своих «сенсационных» выводов. Единственным источником, на который он ссылается, является упоминавшийся выше дневник Мориса Палеолога, представляющий собой весьма поверхностное беллетристическое изложение рассматриваемых событий, без привлечения каких бы то ни было документов, писем и т. п. Чисто умозрительные гипотезы Жискар д'Эстена не выдерживают никакой критики и рушатся при первом же сопоставлении с фактами.

Жискар д'Эстен изображает генерала Мерсье и клику офицеров французского генерального штаба в виде благородных рыцарей, которые руководствовались в деле Дрейфуса исключительно соображениями защиты безопасности страны, чести армии и были абсолютно чужды «политическим страстям»; не случайно сообщаемый им материал дается в полном отрыве от политических событий и расстановки классовых сил в стране. В действительности же французская военная верхушка являлась в конце XIX в. главной ударной силой монархическо-клерикальной реакции. Спровоцировав дело Дрейфуса, она пыталась создать во Франции обстановку шовинистического угара, скомпрометировать буржуазно-демократический республиканский режим, установить военную диктатуру. Для достижения этих антинародных целей руководители военного министерства и генерального штаба не останавливались ни перед какой гнусностью, ни перед каким преступлением. «...Дело Дрейфуса,— писал В. И. Ленин,— показало в свое время, что грубой военщины, способной на всякую дикость, варварство, насилие, преступление, во Франции не меньше, чем в иной стране» [2].

История Франции наглядно показывает, как усиление политической роли военщины неизменно влечет за собой угрозу не только рабочему классу и его организациям, но и буржуазно-республиканскому режиму, элементарным правам и свободам, завоеванным трудящимися в упорных классовых битвах. Французские буржуазные историки, выполняя социальный заказ своих хозяев, пытаются извратить факты и события, выдать черное за белое, изобразить представителей реакционной военщины в виде «спасителей нации и государства». Именно этим объясняются традиционная идеализация бонапартизма, все учащающиеся попытки представить предателя Петэна чуть ли не национальным героем Франции, появление целого ряда «исследований», возвеличивающих и восхваляющих деятельность де Голля. В ряду подобных произведений стоит и рецензируемая книга, являющаяся примером грубой фальсификации истории.

Б. Л. Вульфсон

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 464.

G. DUNST. *Bemerkungen zu griechischen Inschriften*. Berlin. 1960. 53 S.

Г. ДУНСТ. *Заметки о греческих надписях.*

За последнее время благодаря археологическим раскопкам удалось обнаружить большое количество новых древнегреческих эпиграфических памятников. Эти памятники содержат сведения об экономике, политической истории и идеологии древнегреческого общества, особенно ценные для изучения районов, недостаточно описанных в литературных источниках. Новые надписи не только проливают свет на малоизученные проблемы, но и заставляют пересмотреть прежние точки зрения и трактовку ранее найденных документов. В этой связи представляет интерес небольшая работа сотрудника Немецкой Академии наук (ГДР), специалиста по античным текстам Г. Дунста. Она состоит из отдельных статей, посвященных толкованиям древнегреческих надписей. Книжку Дунста в целом отличает тонкий филологический анализ, большое внимание к мелочам, без которого невозможно использование эпиграфических источников. В своих исследованиях и заметках автор опирается не только на сравнительный материал надписей, но и на многочисленные работы ученых-эпиграфистов. Исследования Дунста посвящены надписям города Эретрии (о-в Эвбея) и острова Хиос. Эти надписи происходят именно из тех районов, история которых весьма односторонне отражена в нарративных (преимущественно афинских) источниках.

Главное место в работе Дунста занимает исследование нового фрагмента эретрийской надписи III в. до н. э. о продаже жреческих должностей (стр. 5—20). Прежде всего автор устанавливает связь между отдельными частями текста. Затем, комментируя надпись, он рассматривает собственные имена, эпитеты, относящиеся к божествам, последовательность вступления различных лиц в жреческую должность и т. д. Интересно наблюдение Дунста, показывающее, что в Эретрии культ тех героев, имена которых известны и из других эретрийских надписей, обслуживался лицом, занимавшим одну жреческую должность. Аналогичные явления можно наблюдать в период эллинизма и в других областях греческого мира, ибо тогда местные пантеоны весьма часто пополнялись многими новыми богами и культы нередко приходилось объединять.

Наибольшее значение имеет исследование автором, по данным эретрийской надписи, форм купли-продажи жреческих должностей. Замещение этих должностей путем продажи с аукциона представляло собой характерное явление для эллинистического мира; особенно оно было распространено в малоазийских и островных полисах [1]. Аристократический характер большинства эллинистических полисов, где власть принадлежала крупным земельным собственникам и рабовладельцам, обусловил именно этот порядок замещения жреческих должностей в отличие от более демократического обычая, осуществлявшегося путем выборов.

Дунст подробно останавливается на одной специфической форме продажи — диасюстасис, когда должность передавалась новому лицу не в результате продажи с аукциона, а самим жрецом. Из текста надписи нельзя узнать, платил ли новый жрец государству за вступление в должность. Сравнивая различные цифры, обозначавшие уплаченные суммы, автор убедительно доказывает, что независимо от того, сколько заплатил в свое время старый жрец, новый опять платил государству. Если преемником оказывался сын (а это случалось наиболее часто), последний получал эту должность не от отца, а непосредственно от полиса. Таким образом, диасюстасис являлась формой продажи жреческой должности человеку, указанному владельцем самой должности (такое указание могло делаться и в завещании). А чтобы государство, отказываясь от аукциона, не потерпело финансового ущерба, сумма взноса при подобном замещении равнялась сумме, которая уплачивалась при первоначальной покупке, или даже превышала ее (стр. 15—16).

Сам Дунст не объясняет, в чем заключались причины распространения подобной формы продажи жреческих должностей. Между тем эта практика свидетельствовала о том, что господствующая верхушка эллинистического полиса стремилась изолироваться от остального населения, не допустить в свою среду «новых людей». Финансовые интересы города, связанные с возможностью получения бо́льших сумм при продаже с аукциона, отступали на задний план перед стремлением сохранить важные должности в руках «своих людей» или

[1] См. A. Laumonier. Les cultes indigènes en Carie. Paris. 1958, p. 452.

одних и тех же семейств. Диасюстасис являлась своеобразным переходом к наследованию жреческих должностей, которое противоречило всем прежним традициям классического демократического полиса.

Следующей затрагивающей интересную историческую проблему статьей является исследование термина «хилиастюс», встречаемого в эретрийских надписях (стр. 21 сл.). Этот термин служил в ряде полисов (например, в Эфесе, на островах Самос и Кос) для обозначения подразделения коллектива граждан наряду с филами. Мы находим данный термин в эретрийской надписи I в. до н. э., причем от самого названия сохранились лишь отдельные буквы. Для восстановления текста Дунст привлек другую надпись — от IV в. до н. э., в которой говорится о запрещении занимать некоторые должности в течение десяти лет больше одного раза. На нарушителя этого правила налагался штраф, половина которого шла в пользу доносчика, а другая — в пользу неких Пепройой. Сопоставляя надписи, Дунст приходит к выводу, что в них упоминается одно и то же имя. Эти Пепройой, по мнению Дунста, представляли собой в IV в. до н. э. независимую общину, а к I в. были включены в эретрийское государство, внутри которого и стали коллективом типа «хилиастюс».

Вывод Дунста о подчинении Эретрией соседней самоуправлявшейся общины интересен тем, что он показывает, как один и тот же процесс возникновения крупных городских объединений, охватывавших значительные территории, происходил в самых различных областях греческого мира. Этот процесс достаточно хорошо известен для эллинистических государств Востока; в данном случае важным является тот факт, что идентичные явления можно наблюдать и в «чисто греческих» областях.

В связи с вышеназванными текстами Дунст рассматривает также хиосскую надпись с упоминанием о «хэ хилиастюс хэ Халкидеон». В Эретрии существовала фила Халкис, и Дунст поэтому предполагает, что часть жителей этого поселения переселилась с острова Эвбеи на остров Хиос.

Кроме этих наиболее значительных статей, в работе имеются отдельные весьма интересные заметки, касающиеся эретрийских имен (стр. 27) и восстановления ряда неясных мест, остроумные комментарии к отдельным терминам. Дунстом опубликованы также пять новых однотипных эретрийских надгробных надписей.

В целом все материалы книги показывают тщательную работу, проведенную автором над текстами. Можно лишь пожалеть, что Г. Дунст не попытался сделать сколько-нибудь значительных выводов и при анализе надписей почти полностью отвлекся от конкретно-исторической обстановки даже того узкого района, памятники которого он исследует. Оторванность филологического анализа от исторического, обычно свойственная изысканиям буржуазных ученых, сохранилась, к сожалению, и в книге Дунста, что существенно снижает ценность проделанной автором работы. Тем не менее данное компактное и интересное исследование позволяет дополнить важными выводами установившуюся в исторической науке картину развития древнегреческих полисов.

И. С. Свенцицкая

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Nghiên cứu lich sử». Hà-nôi, 1960, № 20.

Нгуен Хонг Фонг. Актуальные вопросы должны стать предметом изучения историков; Л. Озеров. О формах перехода различных стран к социализму; Ван Тан. Характер общественной жизни в государствах Ван-ланга и Ау-лака; Нгуен Донг Тьи. К вопросу о характере экономики вьетнамского общества во времена китайского владычества (продолжение); Чионг Хый Кюин. Переоценка реформы Хо Куй Ли; Об изучении проблемы «Великий Октябрь и народы Востока» («Проблемы востоковедения», 1959, № 5); Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского ре-

волюционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов (продолжение); К 950-летию со дня основания столицы в Ханое.

«Nghiên cứ'u lich sử'». Hà-nôi, 1960, N 20.

Вьетнамский институт истории. Семь пройденных лет и предстоящее пятилетие исторической науки; Нгуен Хонг Фонг. Теоретические работы в области изучения истории за прошедшие семь лет; Хоанг Куанг. Вопросы новой и новейшей истории, поставленные и изученные в течение семилетия; Зыонг Минь. Семь лет исследования древней истории, истории средних веков и археологии; Ван Тан. Работы по изучению истории вьетнамской литературы; Нгуен Лыонг Бить. Семь лет работы в области этнографии во Вьетнаме; Фан Зя Вен. Развивать международное сотрудничество и связи в области истории; Нгуен Донг Тьи. К вопросу о характере экономики вьетнамского общества во времена китайского владычества (окончание); Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов; Е. Косминский. Разработка основных проблем западноевропейского феодализма в советской исторической науке (перевод из китайского журнала «Ши Хоук зить тунг», 1957, № 2).

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Sonderheft.

Исторические исследования в ГДР к XI Международному конгрессу исторических наук в Стокгольме. Предисловие; Эрнст Энгельберг, Рольф Рудольф. Об исторической науке в Германской Демократической Республике; Ригоберт Гюнтер, Герхард Шрот. Исследования по экономической и социальной истории древнего мира в ГДР; Иоханнес Ирмшер. Исторические труды Института Древней Греции и Древнего Рима в Немецкой Академии наук в Берлине; Фридрих Шлетте. Древнейшая история в свете публикаций в ГДР; Конрад Фрице, Экхард Мюллер-Мертенс (Иоханнес Шильдхауэр), Манфред Унгер. Исследования по истории городов и Ганзы в ГДР; Мартин Эрбштёссер. Публикации по социально-религиозным движениям Западной Европы и Германии в средние века; Герхард Хейц. Изучение аграрной истории феодализма в ГДР (1945—1960 гг.); Макс Штейнмец. Реформация и Крестьянская война в историографии ГДР; Ханс Моттек. О литературе по развитию элементов капитализма внутри феодального строя в Германии; Иоахим Штрейзанд. Германия и Франция в конце XVIII в.; Хейнц Хейцер. Работы по истории освободительных войн (1806—1813 гг.); Петер Шуппан. Литература о кануне революции 1848—1849 гг. (1815—1848); Хельмут Блейбер. Литература по истории революции 1848—1849 гг.; Элизабет Гирзипен. Немецкая экономическая и социальная история в историко-экономических исследованиях в ГДР; Хервиг Фёрдер, Вальтер Шмидт. Исследования ранней истории рабочего движения в Германии; Хейнрих Гемков. Публикации по истории Германии и немецкого рабочего движения с 1852 по 1871 г.; Хорст Бартель. Исследования по истории Германии и немецкого рабочего движения 1871—1900 гг.; Ханс-Иоахим Бернхард, Дитер Фрикке. Исследования по истории Германии и немецкого рабочего движения 1900—1917/18 гг.; Хельмут Кольбе. Работы о Ноябрьской революции 1918 г. и создании КПГ; Вольфганг Руге. Работы о роли буржуазии в период Веймарской республики; Лотар Бертольд. Изучение истории рабочего движения в период Веймарской республики; Хейнц Шуманн, Вильгельм Велинг. Литература о немецком антифашистском движении Сопротивления; Герхард Фёрстер. Состояние исследовательской работы в ГДР по истории второй мировой войны; Вальтер Бартель. Обзор литературы по истории Германии после 1945 г.; Ханс Радандт. О состоянии исследовательской работы по истории народных промышленных предприятий в ГДР; Базиль Спиру. Изучение истории европейских стран народной демократии; Хейнц Лемке, Эдуард Винтер. Об исследованиях русской истории и истории немецко-русских отношений до 1917 г. в ГДР; Альфред Андерле, Гюнтер Розенфельд. Изучение германо-советских отношений в период Веймарской республики; Герхард Шильферт. Научные публикации в ГДР в области всеобщей истории нового времени; Коллектив под руководством Вальтера Маркова. Работы по истории колониализма и национально-освободительного движения угнетенных колониальных народов; Гюнтер Штейгер, Манфред Штраубе. Публикации по истории немецких университетов и высших учебных заведений на территории ГДР (после 1945 г.); Ханс-Иоахим Бернхард, Эдуард Уллльманн. Das Museum für deutsche Ceschichte — центральный исторический музей ГДР; Рольф Рудольф. Два года Deutsche Historiker-Cesellschaft.

«Analele Institutului de istorie a Partidului de pe linga C. C. al P. M. R.». Bucureşti. 1960, № 5.

Сороковая годовщина всеобщей стачки. Манеа Мэнеску и Н. Н. Константинеску. Экономическое положение Румынии и условия жизни и труда рабочего класса в период, предшествующий всеобщей забастовке 1920 г.; К. Мокану. Участие рабочих Бухареста во всеобщей забастовке 1920 г.; Титу Джорджеску. Уроки всеобщей забастовки в октябре 1920 года. Создание Коммунистической партии Румынии; В. Г. Ионеску. Ход всеобщей октябрьской забастовки 1920 г. в Долине Праховы; Л. Вайда, Л. Фодор, В. Марин, Ф. Пыркэлаб. Всеобщая октябрьская забастовка 1920 г. в Трансильвании; С. Давику, Д. Боцеску, Л. Ешану. Всеобщая октябрьская забастовка 1920 г. в Молдове; Документы по всеобщей забастовке 1920 года.

«Historie a Vojenstvi». Praha. 1960, № 3.

Статьи: Ян Фиала. Чехословацкая армия в борьбе против бандеровцев в 1947 году; Е. А. Болтин, Г. А. Заставенко. Разгром фашистской Германии Советскими Вооруженными Силами и освобождение Чехословакии; Ярослав Млынский. Вопросы войны и армии на VII конгрессе Коммунистического Интернационала. Материалы: Франтишек Несвадба. Участие Польской армии в освобождении Чехословакии в 1945 году; Антонин Бенчик. Партизанское движение в Восточной Словакии в период с 1 января по 30 августа 1944 года; Станислав Панек. Путь шпиона Криштофа Рызлара в саксонский лагерь в сентябре 1620 года. Документы. Выборы и лишение солдат избирательного права в предмюнхенской республике. Дискуссии: Сава Сватонь. Опыт Центрального музея Советской Армии в подготовке новой экспозиции; Ян Беранек. Некоторые итоги первого года издания «Военно-исторического журнала».

«Historie a Vojenstvi». Praha. 1960, № 4.

Статьи: Яромир Навратил. Февраль 1948 года и Чехословацкая армия; Вацлав Гиндрак. Борьба КПЧ за осуществление партийной линии обороны демократии, республики и за военную подготовку страны против фашизма; Г. Н. Караваев. Грюнвальдская битва.

«Sborník historický». Praha. 1960. Т. VII.

Карел Кирц. Корпорации ремесленников в придунайских районах; Иржи Керж. О диспутах в Пражском университете при Гусе в период гуситского движения; Мирослав Богачек. Собрание рукописей ученого юриста и епископа Богуша из Зволе в Оломоуцкой университетской библиотеке; Богумил Бадура. Борьба за Вальтеллину и антигабсбургское движение в Чехии (1618—1620). Мирослав Грох. Иозеф Полишенски. Шведская политика и «восстание сословий» в Чехии в 1618—1620 гг.; Мирослав Точел. Побеги крепостных пардубицкого имения во второй половине XVII столетия.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Влияние В. И. Ленина на болгарских «тесняков»

«Исторически преглед». София. 1960, № 2, стр. 18—40.

В статье Д. Тишева «Влияние Ленина в Болгарии во время первой мировой войны и революционного кризиса» рассматривается вопрос о влиянии В. И. Ленина и большевизма на болгарскую партию «тесных» социалистов, а затем Болгарскую коммунистическую партию.

В период первой мировой войны «тесняки» выступали как наиболее революционная после большевиков группа левого крыла II Интернационала, как убежденные интернационалисты, вскрывая империалистический характер войны и бичуя социал-демократов, голосовавших за военные кредиты.

Автор приводит интересные данные о переписке В. И. Ленина с вождем болгарских «тесняков» Д. Благоевым. Под влиянием Ленина Благоев высказался за необходимость создания нового Интернационала. «Тесняки» участвовали в работе Циммервальдской конференции.

Процесс большевизации партии «тесных» социалистов усилился после Февральской революции в России. Однако в этот период партия «тесняков» еще не была партией ленинского типа. Автор справедливо отмечает, что «тесняки», решительно выступившие против участия Болгарии в империалистической войне, еще не были готовы воспринять ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, ленинскую теорию возможности победы пролетарской революции в одной стране.

Особенно возросло влияние В. И. Ленина на болгарских «тесняков» после Великой Октябрьской социалистической революции. В это время партия издает в болгарском переводе произведения В. И. Ленина. Большое количество ленинских трудов распространяется в Болгарии и на русском языке. «Тесняки» начинают усваивать ленинскую теорию социалистической революции, пересматривать ошибочные взгляды, унаследованные от II Интернационала. В 1919 г. партия принимает название Болгарская коммунистическая партия. Нам представляется, что в этом разделе статьи следовало бы дать более глубокий анализ ошибочных воззрений «теснячества». Это позволило бы автору резче подчеркнуть степень влияния В. И. Ленина, влияния большевизма на дальнейшую эволюцию «теснячества», на процесс освобождения его от неправильных воззрений.

В этот период продолжаются личные

контакты болгарских коммунистов с В. И. Лениным. Ленин с большим интересом следил за событиями в Болгарии. Автор сообщает о встрече его с Х. Кабакчиевым в 1920 г. после работы II конгресса Коммунистического Интернационала.

Д. Тишев особенно подчеркивает влияние В. И. Ленина на болгарских коммунистов по крестьянскому вопросу. Но, восприняв ленинский лозунг о союзе с крестьянством, болгарские «тесняки» не усвоили ленинскую революционную тактику в отношении крестьян; они, например, не возглавили Владайское восстание солдатских масс в сентябре 1918 года.

Вопрос о начале превращения партии болгарских «тесняков» в партию нового типа в период мировой войны и революционного кризиса, поднятый в статье Д. Тишева, представляет несомненный интерес для историка международного рабочего движения. Поскольку «тесняки» находились под непосредственным влиянием В. И. Ленина, процесс превращения «теснячества» в партию нового типа происходил в Болгарии гораздо быстрее, чем у других левых социал-демократических партий и групп в Европе.

К. В. Хвостова

Новые документы об аншлюссе

«Századok». Budapest. 1960, № 1—3, 303—330. old.

Журнал «Századok» опубликовал документы министерства иностранных дел хортистской Венгрии, проливающие дополнительный свет на дипломатическую подготовку германским фашизмом в 1936—1938 гг. захвата Австрии. Публикации предпослано введение, в котором (с привлечением архивных материалов) характеризуется обстановка, сложившаяся в Центральной Европе после прихода Гитлера к власти.

Документы рисуют весьма неприглядную роль хортистской Венгрии в подготовке аншлюсса Австрии. Вмешиваясь во внутренние дела Австрии, правительство Хорти стремилось содействовать ее фашизации. Весной 1928 г. Муссолини и премьер-министр Венгрии Бетлен заключили тайное соглашение, обязуясь способствовать созданию в Австрии правительства правой ориентации, которое было бы в состоянии разгромить левые демократические силы и установить в стране фашистский режим. Официальные представители хортистской Венгрии и Германии вели в Мюнхене переговоры о вооруженных действиях с венгерской территории против правительства Реннера. Бетлен оказывал полную поддержку политике австрийского канцлера Дольфуса, направленной на подавление левых сил в стране.

Хортистская дипломатия стремилась воспрепятствовать установлению более тесных контактов между Австрией и странами блока Малой Антанты. Во время переговоров глав правительств и министров иностранных дел Австрии и Венгрии, состоявшихся в Будапеште 13—14 марта 1936 г., венгерская сторона в категорической форме потребовала отказа Австрии от заключения соглашения с Чехословакией и от любых действий, «которые Германия могла бы рассматривать как направленные против нее» (док. № 3).

Подготавливая захват Австрии, Гитлер стремился как можно скорее завершить внешнеполитическую изоляцию своей жертвы. В этих целях германская дипломатия шантажировала Венгрию возможностью образования австро-чешско-французского блока и в то же время предлагала совместно поживиться за счет жертвы аншлюсса. Сообщая о своей беседе с фон Папеном, венгерский посол в Вене предлагал своему правительству подготовиться к возможному разделу Австрии, чтобы добиться восстановления западных границ Венгрии (док. № 12).

Опубликованные документы разоблачают венгерские правящие круги как активных пособников агрессивной политики Германии и Италии в Центральной Европе. Из этих документов ясно видно, что уже в первые годы прихода к власти Гитлера фашистские правители Венгрии встали на гибельный для национальных интересов Венгрии путь подготовки войны.

В этот момент Советский Союз был единственной державой, которая последовательно осуществляла политику сохранения независимости малых стран Европы. Советское правительство неоднократно предостерегало венгерских официальных лиц, что агрессивные действия Германии неизбежно поставят под угрозу независимость Венгрии и других стран Дунайского бассейна и что эти страны потеряют свой суверенитет, если не сумеют оказать сопротивления.

Рассматриваемая публикация дополняет уже изданные документы по затронутым вопросам и представляет большой интерес для исследователей, занимающихся международными отношениями новейшего времени.

Т. Исламов

Пролетариат Рура в борьбе против монополистического капитала

«Beiträge zur Zeitgeschichte». Berlin. 1960. Heft I, S. 18—29.

Статья научного сотрудника Берлинского института современной истории Рольфа Бадштюбнера посвящена характеристике массового движения горняков Рура в 1946—1947 годах.

Основными требованиями рабочих Рура было изъятие у заправил финансового капитала и передача в руки народа крупнейших предприятий тяжелой промышленности, чистка административно-управленческого аппарата от бывших нацистов. Эти требования были оформлены Коммунистической партией Германии в четкие политические установки. КПГ концентрировала внимание масс на лозунге национализации тяжелой индустрии и ставила со всей остротой вопрос о необходимости решения антифашистских, демократических задач.

Непременным условием успеха движения рурского пролетариата являлось единство его рядов. Однако борьба КПГ за единство рабочего класса Рура наталкивалась на систематическое сопротивление правых лидеров социал-демократов. Опираясь на поддержку лозунга о единстве рабочего класса рядовыми членами социал-демократической партии, коммунисты сумели преодолеть раскольничество шумахеровцев и добиться от правления СДПГ создания 14 февраля 1947 г. Комитета сотрудничества.

Обострение классовой борьбы в Западной Германии, как отмечает автор, наблюдается с осени 1946 года. КПГ своевременно уловила боевое настроение масс, правильно связала требования отмены сверхурочных и воскресных смен и т. д. с лозунгами безвозмездного отчуждения тяжелой промышленности и чистки аппарата от окопавшихся в нем нацистов. Этим компартия с самого начала обеспечила себе руководящую роль в движении.

Свою волю добиться национализации рабочие выразили и на конференции производственных советов шахт Рура (18 октября 1946 г.), и на учредительном съезде профсоюза горняков английской зоны (8—9 декабря 1946 г.), и во время референдума в Гессене (1 декабря 1946 г.), где за национализацию высказались три четверти всех избирателей.

С весны 1947 г. движение поднялось на новую ступень. Проведенные в различных районах Рурской области плебисциты давали 80—99% голосов в пользу национализации; решительная резолюция по этому вопросу была принята от имени 100 тыс. рабочих 4 марта 1947 года. Движение достигло высшей точки во время забастовки 334 тыс. шахтеров 3—4 апреля 1947 года. Это боевое выступление было сорвано совместными усилиями реформистского Объединения профсоюзов Западной Германии и главного командования британской зоны.

Анализируя причины поражения рурского пролетариата в 1947 г., автор приходит к следующим выводам. Реакция в Западной Германии в 1946—1947 гг. оказалась достаточно сильной прежде всего в результате союза германского монополистического капитала с правящими кругами оккупирующих держав. Поддержку рурским монополистам оказали правые профсоюзные и социал-демократические лидеры. Шумахеровцы с помощью оккупационных властей стремились сохранить раскол в рабочем движении.

Дополнительными факторами, затормозившими дальнейший подъем рабочего движения в Руре, явились создание пресловутой Бизонии, принятие «плана Маршалла», широкое применение уже в 1947 г. репрессивных мер против авангарда трудящихся — КПГ.

Статья Р. Бадштюбнера, основанная на свежем фактическом материале, значительно расширяет и углубляет наши представления о рабочем движении в Западной Германии в первые годы американо-англо-французской оккупации.

В. П. Иерусалимский

Дискуссия по вопросам крестьянских войн в Китае

«Шисюе юекань». Кайфын. 1960, № 6, стр. 24—27.

Одной из центральных тем исследования в китайской исторической науке является героическая борьба китайского крестьянства против феодального гнета. В ходе изучения этой темы китайские ученые сталкиваются с рядом принципиальных вопросов, касающихся оценки роли крестьянских войн и выявления общих закономерностей их развития. В статье Чжоу Бао-чжу дается обзор точек зрения, высказываемых китайскими историками по этим вопросам.

Одну из основных закономерностей, наблюдающихся в истории крестьянских войн в Китае, Тан Тао-хуа, например, видит в

том, что крестьянские восстания и войны возникали как ответ крестьянства на экономическую эксплуатацию и политический гнет, которым они подвергались со стороны помещиков. В дальнейшем определенные группировки помещиков использовали восставшее крестьянство в качестве своего орудия. Свидетельством этого является тот факт, что смене династий, как правило, предшествовали крестьянские войны.

Несколько иначе подходит к этой проблеме Цэнь Чжун-мянь. Он настаивает на том, что, изучая крестьянские войны, следует прежде всего выяснять, какова была идеология крестьян, поднявшихся на вооруженную борьбу. Специфика китайских крестьянских восстаний, по мнению Цэнь Чжун-мяня, заключалась в том, что все они в большей или меньшей мере шли под лозунгом замены одного властителя, утратившего «небесное повеление», новым. В том, что крестьяне были скованы идеологией «небесного повеления», Цэнь Чжун-мянь видит причину неудачного исхода крестьянских войн. Иначе говоря, крестьяне стремились не к уничтожению всего государственного аппарата эксплуататоров, а лишь к замене того, кто его возглавлял.

В китайской исторической науке существуют разные точки зрения на периодизацию истории крестьянских войн. Ряд ученых делит историю крестьянских войн в Китае на два этапа. На первом этапе (III в. до н. э.— IX в. н. э.) основной целью крестьян была замена старой политической власти новой; земельный вопрос тогда еще не возникал. То, что Цэнь Чжун-мянь считает одной из особенностей крестьянских войн в Китае, Го Мо-жо, например, относит лишь к первому их этапу. На втором этапе (X—XIX вв.) крестьяне выдвинули требование имущественного и земельного уравнения.

Жун Шэн также придерживается той точки зрения, что до эпохи Тан крестьяне не выдвигали лозунгов, направленных против феодальных отношений собственности. Отсюда Жун Шэн делает вывод, что на первом этапе крестьянские восстания еще не были антифеодальными по своему характеру, а становились таковыми лишь с эпохи Сун, когда впервые появляется лозунг равенства.

На два этапа делят историю крестьянских войн в Китае Хоу Вай-лу и Тан Тао-хуа. Рубежом между первым и вторым этапами Хоу Вай-лу считает середину эпохи Тан. На первом этапе, по его мнению, основную роль играла борьба за человеческие права, против барщины и принудительного труда. Идеологической основой лозунгов крестьян в этот период было утопическое требование общности имущества и учение об общем труде. На втором этапе главную роль начинает играть более реалистическое требование имущественного (и прежде всего земельного) уравнения. Согласно взглядам Тан Тао-хуа, рубежом между двумя этапами является объединение Китая в период Суй (589—619 гг.). Если до этого времени крестьяне боролись против обезземеливания, против личной зависимости и порабощения, причем объектом борьбы были крупные помещики, а не феодальное государство, то на втором этапе борьба шла против феодального государственного аппарата и появилось требование земельного уравнения.

Иного мнения по этому вопросу придерживается Ци Ся. Он считает, что историю крестьянских войн в Китае можно разделить на три этапа. Первый, охватывающий период с III в. до н. э. до конца II в. н. э., характеризуется борьбой против личной зависимости от феодалов и против рабовладения. На втором этапе, с III в. до конца IX в., крестьяне стремились уничтожить систему крупнопоместного землевладения и ликвидировать всевластие местных военных губернаторов. На третьем этапе, начиная с X в., крестьяне борются против всей системы феодальной земельной собственности и деспотизма. Ограничивающим фактором крестьянской борьбы, по мнению Ци Ся, была защита крестьянами своих мелкособственнических интересов. Этот взгляд вызвал возражения Дуань Цзин-сюаня и других историков, доказывающих, что в феодальном Китае крестьянство, по существу, не имело никакой «мелкой собственности», и поэтому крестьянские войны не могли быть направлены на защиту или развитие мелкособственнического хозяйства.

Различные мнения высказываются в китайской науке и по вопросу о роли крестьянских войн в истории Китая. Тан Тао-хуа считает, что крестьянские войны были движущей силой китайской истории на протяжении всего периода феодализма. Когда феодальная формация еще была прогрессивной, они способствовали развитию феодального общества, что конкретно выражалось в уничтожении остатков рабовладения, в ослаблении отношений личной зависимости крестьян от помещиков и в том, что крестьяне вынуждали правящий

класс идти на известные уступки. Когда же феодализм превратился в реакционную силу, крестьянские войны расчищали путь для развития капитализма: нанося удар по правящему классу, крестьяне помогали уничтожению тех препятствий, которые феодалы ставили на пути развития промышленности.

Иначе подходит к этой проблеме Инь Сян-хао. Этот историк считает, что прогрессивную роль крестьянские восстания играли лишь в том случае, если их результатом было свержение старой политической власти. Если же их подавляли, наступал период мрачной реакции, означавший временное движение вспять. Этот взгляд вызвал серьезные возражения других ученых, отмечающих, что успех крестьянских восстаний не может быть мерилом их прогрессивной роли; принятие этой точки зрения означало бы отрицание прогрессивной роли крестьянских войн, подавленных феодалами.

Особенно много споров вызывает в китайской науке проблема сущности крестьянской власти. Сунь Цзо-минь считает, что крестьяне не были в состоянии понять классовый характер феодальной надстройки и никогда не выступали с требованием изменения государственного строя. Временно создававшаяся ими «новая власть», на взгляд Сунь Цзо-миня, по сути дела, мало отличалась от прежней. С этим не согласен Дуань Цзин-сюань и другие ученые, доказывающие, что создававшийся в ходе крестьянских войн аппарат власти был организацией господства крестьян над помещиками. На примере тайпинского восстания они показывают полную противоположность власти крестьян и помещиков. В то время как Цинская династия была оплотом реакции и национального предательства, тайпины были провозвестниками революции и пламенными патриотами.

В. А. Рубин

Полемика вокруг идеи гминовладства в польской исторической литературе XIX века

«Zeszyty naukowe Universytetu Lódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Lódź. 1960. Seria I, zeszyt 15, str. 127—152.

Статья Ф. Броновского посвящена идее гминовладства в оценке польской историографии XIX века. В своем исследовании автор учитывает состояние польской, западноевропейской и русской историографии XIX в. и существовавшие тогда общие исторические концепции. Он справедливо отмечает, что идею гминовладства, игравшую разную роль во взглядах ее отдельных сторонников, нельзя отрывать от актуальных проблем тогдашней польской действительности, оценивать односторонне или приписывать определенному общественному направлению; она была тесно связана с национально-освободительными стремлениями польского народа, с радикальным и демократическим течением польской общественной мысли. Отношение к этой идее определялось классовой позицией историков.

Уже в конце XVIII в. идея гминовладства нашла своих сторонников в Польше среди писателей-пияров и противников в лице апологетов монархической власти во главе с А. Нарушевичем. Не отрицая существования периода гминовладства у разных народов, и особенно у славян, этот историк считал его проявлением анархии и примитивных форм общественной жизни, которые с течением времени уступили место более развитым формам общества.

В первые десятилетия XIX в. идея гминовладства развивается в законченную теорию. Ф. Броновский подчеркивает, что горячая полемика вокруг идеи гминовладства объяснялась тем, что ее сторонники, рассматривая свободу древних славян, зачастую противопоставляли ее позднейшему угнетению народа и даже современным им общественным отношениям. Изучая первобытное равенство, можно было критиковать не только распадающийся феодализм, но и формирующиеся капиталистические отношения. Именно поэтому защитники существующего строя смотрели на гминовладство как на явление далекого прошлого, не имеющее никакой связи с современностью. Подобную позицию занимали прежде всего последователи Нарушевича, группировавшиеся вокруг Варшавского общества друзей наук.

Ф. Броновский рассмотрел передовые для своего времени взгляды З. Доленги-Ходаковского, изложил точку зрения историка лелевелевской школы Е. Морачевского, прославлявшего эпоху шляхетского гминовладства [1]. Представители радикально-демократического крыла польской общественной мысли Г. Каменский и Э. Дембовский видели в истории Польши наличие первобытной

[1] Взглядам Лелевеля на гминовладство посвящена специальная статья Ф. Броновского «Идея гминовладства в раннем творчестве Иоахима Лелевеля» («Zeszyty naukowe Uniwersytetu Lódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne». Lódź. 1958. Seria I, zeszyt 8, str. 51—66).

свободы народа, основанной на мелкой земельной собственности. Виновником падения этого строя они считали шляхту, а поэтому период шляхетского гминовладства рассматривали как время упадка свободы.

Идея связи Польши с Западом, преобладающая в польской историографии с 40-х годов XIX в., сыграла определенную роль в критике теории гминовладства. Дополнительным аргументом против этой идеи явилась теория завоевания, распространяющаяся в польской науке в середине XIX века.

Автор показывает, как сторонники монархической власти К. Б. Гоффман и К. Сенкевич решительно выступали против идеи гминовладства. Но активная атака на эту идею связана с развитием краковской исторической школы. Представители ее (в первую очередь Ю. Шуйский и М. Бобжинский) выступали против демократических традиций польской историографии. Критика идеи гминовладства, развитая в их трудах, была не лишена политических акцентов. Для представителей варшавской исторической школы Т. Корзона и В. Смоленского, чуждых радикально-демократических традиций, идея гминовладства утратила реальное практическое значение.

К концу XIX в. идея гминовладства теряет для историков свой полемический интерес и становится в их представлении мертвой идеей. В польскую историографию проникает теория эволюции, которая ослабляет привлекательность идеи гминовладства.

Б. С. Попков

О позиции Румынии в период англо-франко-советских переговоров 1939 года

«Studii. Revistă de istorie». București. 1960, № 4, pp. 51—71.

Новые интересные данные о позиции Румынии в период переговоров, проводившихся в канун второй мировой войны между правительством Советского Союза и правительствами Англии и Франции, приводит румынский историк В. А. Варга в статье «Позиция румынского буржуазно-помещичьего правительства в отношении англо-франко-советских переговоров 1939 года».

В мае 1939 г. после захвата гитлеровской Германией Чехословакии, оккупации фашистской Италией Албании, расторжения германо-польского пакта о ненападении и ряда других агрессивных актов держав фашистской «оси», правительства Чемберлена и Даладье вынуждены были под давлением мирового общественного мнения принять предложения Советского правительства о проведении переговоров между делегациями трех стран. Идя на переговоры с Советским Союзом, правящие круги западных держав отнюдь не стремились, как это показывают факты, к достижению соглашения с СССР и к выработке эффективных мер по предупреждению гитлеровской агрессии. Активными пособниками их мюнхенской политики явились в эти дни буржуазные правительства восточно-европейских стран, в том числе и монархо-фашистской Румынии, позиция которых определялась в конечном счете интересами западных держав, стремившихся направить гитлеровскую агрессию на СССР.

Используя архивные материалы фондов Министерства иностранных дел и Института истории партии при ЦК РРП, автор статьи показывает, что, несмотря на возраставшую угрозу гитлеровской агрессии, румынское правительство проводило политику сближения с фашистской Германией и систематически отказывалось от помощи со стороны СССР, способствуя тем самым срыву англо-франко-советских переговоров. Вместе с тем, жонглируя пацифистскими фразами, оно втайне от своего народа готовилось к войне против СССР. В марте 1939 г. румынские правящие круги заключили кабальный экономический договор с фашистской Германией. Заключению договора способствовало английское правительство. Будучи информировано о ходе и содержании переговоров, оно фактически санкционировало их, заявив, что договор не содержит политических статей и не затрагивает экономической независимости Румынии. В апреле 1939 г. правительства Чемберлена и Даладье предложили Румынии так называемые «гарантии». Приняв их, румынские правящие круги заявили, однако, что «Румыния не хотела бы принимать участие в ограничении Германии» и что для нее «нежелательна военная помощь со стороны СССР». Вскоре после этого румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, посетив Берлин, заверил Гитлера, что «гарантии» отнюдь не направлены против Германии, с которой Румыния «готова искренне сотрудничать» согласно заключенному договору. Таким образом, англо-французские «гарантии» явились очередным звеном мюнхенской политики западных держав, которую полностью поддерживали и румынские правящие круги.

Совершенно очевидно, что указанные обстоятельства заранее ставили под удар англо-франко-советские переговоры, одним из существенных пунктов повестки дня которых был вопрос о предоставлении на основе предложений Советского правительства коллективных гарантий странам Восточной Европы. Позиция правительств этих стран (прежде всего правительств Румынии и Польши) имела в этом вопросе существенное значение, так как их территории могли стать и, как это показали дальнейшие события, стали плацдармом фашистской Германии для нападения на СССР. С другой стороны, Советская Армия могла оказать помощь жертвам гитлеровской агрессии, только имея право пройти через их же территории. Румынское правительство тем не менее в период московских переговоров приняло все меры к срыву возможного соглашения. Румынские и польские представители выступали в Париже и Лондоне с категорическим протестом против заключения какого-либо соглашения с СССР. «Я высказал ту точку зрения,— писал Г. Гафенку в своем отчете о беседе с Н. Чемберленом в апреле 1939 г.,— что мы не хотели бы входить в систему взаимопомощи, которая опиралась бы на Россию...». Приводимые в статье документы проливают свет также и на договоренность правительств Польши и Румынии о совместном саботаже московских переговоров.

Использованный автором статьи богатый фактический материал убедительно свидетельствует о позорной роли правительства буржуазно-помещичьей Румынии в срыве московских переговоров в августе 1939 г.— в самый канун второй мировой войны.

А. А. Языкова

Из истории борьбы КПР против вовлечения Румынии в антисоветскую войну

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe lîngă C. C. al P. M. R.». Bucureşti. 1960, № 3, pp. 17—40.

Статья румынских историков Е. Няму и А. Федотовой написана на основе архивных материалов, раскрывающих перед читателями некоторые до сих пор не исследованные страницы героической борьбы румынских коммунистов в 1939—1941 гг. против вовлечения Румынии в антисоветскую войну.

Уже через несколько дней после начала второй мировой войны ЦК Коммунистической партии Румынии выступил с манифестом, в котором дал анализ сложившейся обстановки и призвал румынский народ извлечь для себя уроки из трагедии Польши. В этом документе разоблачалось национальное предательство польских правящих кругов, которые долгое время вели прогитлеровскую политику, отвергли помощь Советского Союза и ввергли свою страну в катастрофу. Указав, что румынские помещики и буржуазия проводят политику прислужничества перед германским фашизмом, ЦК КПР подчеркнул, что у румынского народа имеется только один выход для того, чтобы избежать военной катастрофы,— заключить союз с СССР и последовательно бороться за мир.

Такое изменение курса политики можно было осуществить лишь путем свержения монархо-фашистской диктатуры короля Кароля II. Коммунистическая партия наметила четкую программу действий, призвав пролетариат к созданию единого фронта, вокруг которого могли бы сплотиться демократические силы страны для того, чтобы свергнуть королевскую диктатуру и создать правительство спасения независимости Румынии.

В труднейших условиях разнузданного террора властей и фашистских молодчиков из «Железной гвардии», подрывной деятельности оппортунистических элементов в рабочем движении, при отсутствии таких широких рабочих организаций, как профсоюзы, коммунистам все же удалось организовать ряд массовых выступлений трудящихся. В статье приводятся примеры антивоенных выступлений рабочих на многих предприятиях. Особенно широкий размах принял начатый по почину Компартии бойкот займа, выпущенного с целью усиления гонки вооружений. Призыв ЦК Компартии «Ни копейки правительству войны!» встретил широкий отклик у трудящихся.

Особенно активизировалась антивоенная борьба трудящихся осенью 1940 г., после «Венского диктата» 30 августа, когда румынские правители раболепно подчинились решению Гитлера и Муссолини о передаче хортистской Венгрии ряда населенных румынами районов Трансильвании. Коммунистическая партия возглавила движение протеста против этого акта национального предательства.

Напуганные антиимпериалистическим и антимилитаристским движением трудящихся, буржуазно-помещичьи круги Румынии отдали власть военно-фашистской клике ге-

нерала Антонеску, допустили оккупацию Румынии немецкими войсками. В сентябре 1940 г. правительство Антонеску официально примкнуло к союзу Германии, Италии и Японии и стало усиленно готовиться к войне против СССР.

Коммунистическая партия предупредила румынский народ о нависшей над ним угрозе. В ряде документов она разработала программу борьбы за спасение страны. Компартия выдвинула лозунг сплочения всех патриотических, антифашистских сил, готовых бороться за дружбу с СССР, против превращения Румынии в придаток фашистского рейха. Она выразила готовность сотрудничать со всеми политическими группировками и отдельными лицами на основе борьбы за национальную независимость румынского народа.

Авторы статьи приводят примеры стачечной борьбы, во время которой экономические требования переплетались с политическими, главным из которых было требование создания народного правительства. В первой половине 1941 г., по официальным, заведомо заниженным данным, в стачках участвовало вчетверо больше трудящихся, чем за весь 1939 год. Наиболее крупная забастовка произошла в апреле — мае в горняцком районе долины реки Жиу, где прекратили работу 7,5 тыс. шахтеров. Это был серьезный удар по политике «мобилизации национальной экономики», которая проводилась в целях подготовки к войне против СССР.

Несмотря на известные успехи в борьбе, Коммунистической партии не удалось добиться основной цели — воспрепятствовать вовлечению Румынии в войну. Но борьба коммунистов продолжалась. В условиях войны она приняла новые формы: саботаж на военных предприятиях, сопротивление призывам в армию, а затем и организация партизанского движения.

В. Н. Виноградов

Французский колониализм в прошлом и настоящем

«Cahiers du communisme». Paris. 1960. № 9, pp. 1376—1417.

«Характерные черты французского колониализма» — так называется статья французского прогрессивного историка Раймона Барбе. История французского империализма теснейшим образом связана с образованием, развитием и в настоящее время с распадом французской колониальной империи. В чрезвычайно короткий срок, за одну треть века, путем военных захватов, финансового и экономического давления, лживой дипломатии французский империализм создал вторую в мире по величине колониальную империю. Для французского колониализма характерны погоня за паразитической прибылью и применение примитивных и грубых методов эксплуатации, стремление монополизировать в руках колонизаторов всю экономическую деятельность и все политическое управление в колониях. Эти качества обусловлены как ростовщическим характером французского империализма, так и его относительной экономической слабостью.

Эти положения, отмеченные в свое время В. И. Лениным, автор иллюстрирует краткой экономической историей французского колониализма. Захватив в колониях миллионы га земли, французские монополисты использовали новые владения самым примитивным и паразитическим образом. В сельском хозяйстве, где широко применялся принудительный труд населения колоний, в полном пренебрежении к местным потребностям разводились культуры, предназначенные для вывоза во Францию (каучук в Индокитае, виноград, цитрусовые, ранние овощи в Северной Африке); промышленность ограничивалась добычей полезных ископаемых, которые в сыром виде вывозились во Францию; торговля (во многих местах вплоть до розничной) была сосредоточена в руках французов; техника была чрезвычайно отсталой, труд местного населения заменял машины. К этому следует добавить, что колонизаторы сосредоточили в своих руках все управление в захваченных землях. Автор отмечает, что не только трудящиеся колоний, но в той или иной мере также местная буржуазия и феодалы ощущали на себе тяжесть колониального гнета. В результате национально-освободительное движение в колониях охватывало все слои населения.

Вторая мировая война чрезвычайно углубила кризис колониальной системы и вынудила французский империализм прибегнуть к маневрам. Еще до освобождения Франции на конференции в Браззавиле в начале 1944 г. де Голль известил о предстоящих реформах. Принятая в 1946 г. конституция Четвертой республики учредила «Французский союз», что явилось лишь ширмой, прикрывавшей сохранение в колониях прежних порядков. Организация в 1958 г. вместо «Французского союза» нового «Сообще-

ства» свидетельствует о попытках французского империализма предотвратить падение своего господства в колониальных странах.

Р. Барбе подчеркивает, что в течение последних 15 лет военная сила была главным инструментом политики сохранения колониализма и подавления освободительного движения в колониях. Автор напоминает о бомбардировке Дамаска (1945 г.), массовых избиениях в Константине (1945 г.), подавлении восстания мальгашей в 1947—1948 гг., военных действиях против тунисских повстанцев в 1951 г., военных репрессиях в Гвинее, Береге Слоновой Кости, Камеруне, войнах в Индокитае и Алжире. «Франция является единственным в мире государством, которое практически уже более 20 лет находится в состоянии войны»,— пишет автор.

Однако ничто не могло приостановить развал французской колониальной империи. В 1945 г. добились независимости Сирия и Ливан, в 1954 г. одержала победу Демократическая Республика Вьетнам и были признаны самостоятельными Лаос и Камбоджа; добились независимости Тунис и Марокко; с октября 1958 г. строит новую жизнь Гвинейская Республика. 1960 год стал годом освобождения многих народов Африки.

Наряду с военными мерами французский империализм в последние годы все чаще прибегал к экономическому давлению на колонии. В ход пускались угрозы прекратить поставки необходимых товаров, лишить кредитов и т. д. Такие угрозы начиная с 1956 г. неоднократно раздавались в адрес правительств Туниса и Марокко. Это же средство давления применили французские правящие круги, когда в сентябре 1958 г. перед колониями был поставлен на голосование вопрос: «Сообщество» или отделение?» В своей речи в Браззавиле 25 августа 1958 г. де Голль дал ясно понять, что отделение будет означать прекращение всякой финансовой помощи со стороны Франции. На другой день в Конакри Секу Туре ответил де Голлю: «Мы предпочитаем бедность в свободе богатству в рабстве».

Р. Барбе отмечает, что бескорыстная экономическая помощь слаборазвитым странам со стороны СССР и других социалистических государств с каждым днем все больше ослабляет эффективность экономического давления французского империализма.

Ныне французские монополистические круги изыскивают новые формы эксплуатации своих бывших колоний. Р. Барбе обращает внимание на характерные для французского неоколониализма методы: привлекать на свою сторону представителей имущих классов, главным образом из среды национальной буржуазии, оказывая ей военную помощь против народных масс (как это имело место во французском Камеруне); прельщать местную буржуазию планами экономического развития; отдавать ей второстепенные, малорентабельные предприятия, оставляя за собой львиную долю прибылей в главных отраслях экономики.

Колониалистская политика французских монополистов всегда встречала противодействие со стороны прогрессивных сил Франции. Известно, что Гед и Жорес решительно поднимали свой голос против политики колониальных завоеваний. После образования Французской коммунистической партии антиколониальные выступления приняли характер эффективной борьбы пролетариата, который вовлек в антиколониальное движение широкие трудящиеся массы. Антиколониальная борьба французского рабочего класса, руководимого своей Коммунистической партией, уже сорок лет является одним из важнейших факторов политической жизни Франции. Эта борьба в немалой степени содействовала успеху национально-освободительного движения народов французских колоний. В настоящее время прогрессивные силы Франции добиваются установления между Францией и ее бывшими колониями новых отношений, основанных на принципах свободы и равенства народов.

Р. Я. Цирульник

К столетию объединения Италии

«Studi storici». Roma. 1960, № 3, pp. 472—512, 513—568.

В марте 1960 г. в Риме при Институте Грамши состоялся II конгресс, посвященный трудам А. Грамши. На конгрессе обсуждались проблемы объединения Италии. В журнале «Studi storici» в числе материалов конгресса опубликован доклад итальянского историка-марксиста Э. Раджоньери «Политическое и административное устройство объединенного государства». Исходя из трудов А. Грамши и творчески развивая их, Э. Раджоньери раскрыл малоизученный аспект политической истории итальянского

Риссорджименто — процесс складывания административного устройства итальянского государства. В противоположность идеалистической концепции Б. Кроче и других буржуазных историков, отрывающих историю государственных учреждений от социально-экономических и политических условий страны, Э. Раджоньери показал основные этапы формирования итальянского государства с полным учетом обстановки в Италии тех лет.

Вплоть до 1848 г. итальянские либералы выступали против создания централизованного государства, усматривая в нем опасное наследие французских якобинцев, и склонялись к типу английского конституционного государства, предусматривавшего местную автономию, тогда как демократические элементы видели идеал государственного устройства в федерации, наподобие Швейцарии или США. Но с 1848 г. во взглядах «умеренных» на административное и государственное устройство происходит эволюция, завершившаяся переходом либералов к 1861 г. на позиции сторонников сильного централизованного государства.

Анализируя причины этой эволюции, Э. Раджоньери отметил воздействие на итальянских либералов государственного переворота Луи Бонапарта во Франции, который показал пример превращения «революционной тирании» в инструмент буржуазного «порядка» и рассеял их опасения в отношении централизации подобного рода. Автор резко выступает против апологии деятельности Наполеона III итальянскими буржуазными историками.

Главной причиной, вызвавшей переход итальянских либералов на позиции сторонников сильного централизованного государства, Э. Раджоньери справедливо считает «южный вопрос». Сразу же после освобождения Юга силами гарибальдийцев стали раздаваться голоса «умеренных» о том, что местная автономия районов создаст благоприятные условия для деятельности «крайних партий» против правительства, что массы итальянского народа якобы не подготовлены к свободному правлению и пр. Чувствуя себя не в силах справиться с крестьянскими восстаниями без централизованной власти, либералы боялись тех «опасностей», которые таило для них демократическое устройство государства.

Объясняя антидемократическую линию либералов их неспособностью решить проблему Юга, автору следовало, на наш взгляд, в то же время показать социально-экономическую подкладку их консерватизма — союз с крупными латифундистами Юга и сохранение феодального землевладения, ибо, как указывал А. Грамши, «южный вопрос» в Италии является специфической формой крестьянского вопроса.

Э. Раджоньери подробно останавливается на ходе острых дебатов в 1860—1861 гг. о государственном и административном устройстве страны внутри правящего лагеря, на законодательных актах 1861—1865 гг., которые оформили политическое и административное устройство Италии.

Указывая на олигархический, консервативный характер нового государства, Э. Раджоньери решительно отметает попытки современных защитников либеральной традиции представить подобную централизацию как неизбежную в условиях борьбы за объединение страны. Он подчеркивает, что централизованный характер итальянского государства в сочетании с властью чиновничьей бюрократии на местах был связан с господством определенных классовых сил.

Доклад Э. Раджоньери основан на большом круге источников и является ценным вкладом в научную разработку истории итальянского Риссорджименто. Проникнутый боевым, наступательным духом, он разоблачает безмерное восхваление либеральной историографией итальянской либеральной буржуазии.

Только демократические силы современной Италии, борющиеся за коренное обновление политической жизни страны, являются действительными наследниками и продолжателями прогрессивных идей эпохи Риссорджименто — таков вывод, к которому приходит в докладе Э. Раджоньери.

З. П. Яхимович

★

В том же номере журнала помещен доклад, прочитанный на грамшианских чтениях итальянским историком и экономистом, членом Руководства ЦК ИКП Эмилио Серени, «Национальный рынок и капиталистическое накопление в ходе объединения Италии».

Э. Серени уже много лет работает над кругом вопросов, связанных с процессом капиталистического развития Италии. Рассматриваемая статья содержит интересные выводы об основных тенденциях капиталистического развития на различных этапах

истории Италии. Но наше внимание привлекает прежде всего новый для области историко-экономических исследований метод, который применяет в этой работе автор.

Э. Серени кладет в основу исследования математический метод в экономике, или так называемый эконометрический метод. Основной логической посылкой автора является положение о том, что при «идеально развитом» с точки зрения капиталистических отношений национальном рынке, при абсолютном преобладании эквивалентного обмена между ценами на определенный товар на ряде местных рынков существует линейная зависимость, общий вид которой: $x_2 = Ax_1 + B$, где x_1 — цена на одном из местных рынков, x_2 — цена на другом местном рынке, а коэффициенты A и B близки к постоянным для достаточно продолжительного отрезка времени. При наличии же в экономике страны элементов докапиталистических отношений: неэквивалентного обмена, системы барьеров между рынками, нетоварного (натурального) хозяйства — соотношение цен на местных рынках не может быть выражено соотношением приведенного выше вида.

Пользуясь известным математическим аппаратом, на примере наиболее характерного товара (за который Э. Серени принимает пшеницу) и наиболее представительных рынков автор при некоторых упрощающих предположениях строит критерий близости зависимостей цен к линейным для национального рынка в целом, который он принимает за мерило уровня развития капиталистических отношений в стране. Использование этого нового инструмента дает Э. Серени возможность сделать ряд интересных выводов относительно этапов и темпов развития капитализма в Италии. При этом автор, не забывая о реальном экономическом содержании, скрывающемся за математическими формулами, сопровождает каждое свое положение рядом оговорок относительно применимости математических выкладок в каждом конкретном случае. Но все же в данной проблеме имеется одно белое пятно, которое Э. Серени не подверг анализу. Вопрос заключается в следующем: если автор рассматривает в качестве исходной базы, в качестве «идеально развитого» капиталистического рынка рынок в условиях «капитализма свободной конкуренции», то как видоизменяются основные посылки и в какой мере приложим применяемый автором метод в условиях монополистического капитализма и монопольных цен? Ведь в этих условиях на смену «свободной игре» цен на рынке и стихийному ценообразованию через посредство рыночного механизма вступает в силу насильственное введение монопольных цен, основанное на иных принципах. Рынок в этих условиях вновь утрачивает единство и взамен территориальной раздробленности, присущей рынку еще не сложившегося капитализма, приходит раздробленность по сферам влияния отдельных монополий. Какой новый метод или какие коррективы к уже разработанному им методу может предложить автор для решения этой новой задачи? Исследование формирования и развития рынка в условиях господства монополий представляет особенно большой интерес применительно к созданному сейчас в Европе общему рынку.

Ю. П. Лисовский

О захватнических целях Германии в первой мировой войне

«Historischer Zeitschrift». München. Bd. 188, Oktober 1959, S. 249—310; Bd. 191, August 1960, S. 67—100.

В октябре 1959 г. в ведущем западногерманском историческом журнале «Historischer Zeitschrift» была опубликована статья гамбургского ученого Фрица Фишера о военных целях Германии и ее политике на Востоке в 1914—1918 годах. В последней части статьи, в которой автор касается германо-советских отношений в период Брестского мира, встречается немало спорных или неверных положений. Они в первую очередь проистекают из произвольной трактовки германских источников буржуазным историком и его нежелания считаться с документами, изданными в СССР. Вопрос о подрывных мероприятиях кайзеровского правительства в отношении России и некоторых колониальных стран также не нашел в статье Фишера правильного решения.

Вместе с тем в работе Фишера заслуживает внимания содержательный обзор аннексионистских планов Германии эпохи первой мировой войны. Фишер, можно сказать, первым из западногерманских историков ввел в научный оборот новые материалы из фондов германского министерства иностранных дел за 1914—1918 гг., находящихся в настоящее время в ФРГ; он про-

вел изыскания также в Потсдамском и Мерзебургском архивах ГДР.

Как явствует из статьи Фишера, основные военные цели Германии были четко сформулированы уже в августе — сентябре 1914 года. Так, 9 сентября Бетман-Гольвег писал К. Дельбрюку: «Франция должна быть настолько ослаблена, чтобы она никогда не могла больше подняться как великая держава». Полностью учитывая притязания финансистов и магнатов промышленности, кайзеровское правительство выдвинуло программу завоевания экономического и политического преобладания в Европе и сколачивания обширной колониальной империи. При этом имелось в виду подготовиться в будущем к новой мировой войне ради утверждения господства Германии над всем миром.

Авантюристические планы германских правящих кругов постоянно расширялись в годы войны. Ф. Фишер повествует о планах закабаления Бельгии, овладения Прибалтикой, создания германской «Срединной Африки» и т. п. В мае 1917 г. Вильгельм II подчеркнул, что, кроме того, необходимо навязать побежденным тяжелые финансовые условия: США и Англия должны будут заплатить репарации в размере 30 млрд. долларов каждая, а Франция — 40 млрд. франков. В январе 1918 г. германские империалисты все еще помышляли о захвате Гибралтара, Мальты и Египта.

Ф. Фишер приводит небезынтересные материалы о серии неофициальных переговоров между Германией и буржуазно-помещичьей Россией в 1914—1917 годах. Автор приходит к заключению, что опасения царского правительства относительно крайне суровых условий русско-германского сепаратного мира были вполне обоснованы: Германия намеревалась отторгнуть у России ряд территорий, укрепить свое господствующее положение в Турции и подчинить контролю Западную Персию.

В целом можно сказать, что автор вольно или невольно воссоздал картину непомерных аннексионистских аппетитов германского империализма. В свете материалов, включенных в работу Ф. Фишера, домыслы современных апологетов кайзеровской Германии (вроде американского историка Г. К. Мейера) выглядят особенно жалкими.

Статья Ф. Фишера пришлась, как видно, не по вкусу реваншистски настроенным историкам ФРГ. В августе 1960 г. в «Historischer Zeitschrift» с критикой многих положений этой работы выступил западноберлинский профессор Г. Херцфельд, активно пропагандировавший шовинистические концепции истории международных отношений еще в 20-е годы. Он признал научные достоинства статьи Фишера, но, ссылаясь на недавно опубликованный архив адмирала Г. А. Мюллера и воспоминания Ф. Мейнеке, утверждал, что в 1914—1918 гг. в Германии не было твердого руководства, а следовательно, не могло быть преемственности и ясности в целях.

В том же номере журнала помещена еще одна статья Ф. Фишера. Автору без труда удалось опровергнуть легковесные доводы Херцфельда. Ф. Фишер дополнил свои положения новыми данными и соображениями. Фактически он присоединился к точке зрения историков-марксистов, которые уже давно доказали, что оппортунистов типа Шейдемана, деятелей группы Ф. Науманна и самого Бетмана никак нельзя причислить к противникам аннексий. Ф. Фишер справедливо подчеркнул, что германские буржуазные историки неправильно трактовали проблему сепаратного мира: ни о каком выражении «германской воли к соглашению» и примирению не было и речи!

Последнее выступление Фишера показало, что, несмотря на оказываемый нажим, он в настоящее время продолжает отстаивать свои позиции. Поэтому подготовляемая им книга о целях Германии в войне 1914—1918 гг. может представить значительный интерес.

К. Б. Виноградов

Теория и практика фальсификатора истории

«La Revue des deux mondes». Paris. 15 février 1960, pp. 608—621.

«Как и зачем писать современную историю?» — с таким докладом выступил во французской Академии моральных и политических наук Робер Арон, известный французский буржуазный историк, автор знакомых советскому читателю книг «История Виши» (1954 г.) и «История освобождения Франции» (1959 г.) [1].

Содержание доклада не соответствует названию, поскольку автор не уделяет внима-

[1] Рецензии на книги Р. Арона см. «Вопросы истории», 1957, № 4; 1960, № 8.

ния общим проблемам философии и методологии истории. В кратком вступлении Р. Арон излагает свое понимание задач исторического исследования, а затем с этой точки зрения рассматривает некоторые вопросы истории Франции в период второй мировой войны, делая попытку теоретически обосновать свои конкретно-исторические работы.

В теоретическом плане в центре внимания автора находится проблема ответственности историка «перед людьми» и «перед страной». Подчеркивая, что исторические работы могут иметь громадное влияние на умы современников и потомков, Р. Арон требует, чтобы историки своими исследованиями способствовали преодолению существующего «разъединения» страны. Автор крайне недоволен работами по новейшей истории Франции, которые, по его словам, представляют собой «серию отлучений, вынесенных одной фракцией французов в ущерб другой фракции». Цель историка, заявляет Р. Арон, должна состоять в сближении указанных «фракций», а задачей исторического исследования является «не осуждать и не отпускать грехи, а объяснять и тем самым сближать».

Нельзя не видеть, что эти требования ориентируют историков не на поиски исторической истины, которая может и не соответствовать задаче сближения «фракций», а на искусственный подбор «выгодных» для намеченной цели материалов. Заявляя, что историк обязан объективно излагать факты и «предохранять себя от всего того, что могло бы повлиять на его суждения», Р. Арон на деле отступает даже от принципов буржуазного объективизма и прямо подчиняет задачи исторического исследования политическим интересам буржуазии. Здесь проявляется глубокое родство его концепции с широко распространенной, в частности в США, реакционной, антинаучной теорией презентизма, которая рассматривает историю как произвольный набор фактов, важных, по мнению исследователя, с точки зрения сегодняшнего дня.

Реакционный смысл концепции Р. Арона становится еще более ясным, когда автор переходит к иллюстрации своих тезисов примерами из истории Франции 1940—1944 годов. Тогда выясняется, что под сближением «фракций» имеется в виду преодоление вражды между приверженцами предательского фашистского правительства Виши и буржуазными сторонниками движения Сопротивления на основе идейно-политической реабилитации вишистов и сплочения сил буржуазии в борьбе против коммунизма. Автор фактически призывает не осуждать вишистов, а, напротив, «объяснять», что они руководствовались добрыми намерениями и лишь по недоразумению «выступили не на той стороне». Такое «объяснение», которое должно внушить читателям, что борьба между патриотами и изменниками-вишистами — это только ненужные раздоры, возводится Р. Ароном на уровень главной задачи всей историографии новейшего времени.

Реабилитируя предателей, Р. Арон нападает на коммунистов, возглавивших освободительную борьбу французского народа. Он даже называет коммунизм «идеологией, чуждой нашей стране», то есть Франции, где, как известно, бурно развивался утопический коммунизм, всегда существовало мощное социалистическое движение, а сейчас действует одна из самых крупных и влиятельных коммунистических партий.

Фальсификация истории под прикрытием фраз об «объективности» и «добросовестности», предпринятая в докладе Р. Арона, столь же характерна и для его исторических работ. Он изображает вишистов, предавших Францию и сотрудничавших с оккупантами, как «честных, но заблуждавшихся патриотов». В то же время, не приводя, разумеется, никаких доказательств, он клеветнически утверждает, что Коммунистическая партия, являвшаяся в действительности вдохновителем и организатором движения Сопротивления, долгое время якобы не вела борьбы против оккупантов и даже чуть ли не сотрудничала с ними.

Так выглядит на практике «объяснение» событий Р. Ароном. Что касается его теоретических выступлений, то они представляют собой очевидную попытку оправдать вишистов, обосновать извращение истории в угоду господствующим классам.

В. П. Смирнов

О нейтралитете Швеции в годы второй мировой войны

«International Affairs». London. Vol. 36, № 2, April 1960, pp. 153—167.

Статья шведского дипломата Гуннара Хэгглёфа «Испытание нейтралитета. Швеция во второй мировой войне» представляет собой запись его лекции, прочитанной в Лондонской экономической школе. Во время второй мировой войны Хэгглёф

работал в области внешней торговли Швеции, и ему очень многое известно по затронутой проблеме. Однако уже в самом начале автор оговаривается, что «многие важные аспекты остаются неясными и необъяснимыми на настоящей стадии исторического исследования».

Статья Хэгглёфа является, по существу, попыткой оправдать политику правящих кругов Швеции во время второй мировой войны, политику нарушения принципов провозглашенного шведским правительством нейтралитета.

После обычных, уже избитых антисоветских упражнений Хэгглёф вынужден все же признать вмешательство Швеции в советско-финскую войну путем оказания Финляндии «любой возможной материальной помощи в виде продовольствия, промышленного оборудования, вооружения, самолетов и т. д.». С другой стороны, чтобы придать своему трактату «объективный» характер, автор отмечает, что заключение мира между Финляндией и СССР в марте 1940 г. создало временные колебания среди членов германского генерального штаба в целесообразности нападения Германии на Данию и Норвегию. Под впечатлением советско-финляндского договора германский генерал Йодль записал 12 марта 1940 г. в своем дневнике: «Заключение мира лишает Англию, а также и нас какой-либо политической основы для оккупации Норвегии». Хэгглёф отмечает (правда, без всяких комментариев), что Советское правительство указало гитлеровскому правительству на заинтересованность СССР в поддержании шведского нейтралитета и что гитлеровцы вынуждены были посчитаться с этим предупреждением Советского Союза.

Казалось бы, автор статьи должен сделать вывод, что советская внешняя политика была подлинно миролюбивой и препятствовала распространению войны и агрессии на новые районы. Но Хэгглёф не только умалчивает о том, что шведское правительство выразило Советскому правительству благодарность за поддержку шведского нейтралитета, а фактически — за избавление Швеции от немецкой оккупации, но, не приводя никаких доказательств, безапелляционно, лживо утверждает, что Советское правительство якобы «почти с энтузиазмом приветствовало немецкую оккупацию Дании и Норвегии». Более того, напоминая одну из своих основных посылок о том, что политика нейтралитета имеет шанс на успех, только если существует некоторого рода равновесие сил между воюющими сторонами, автор вопреки историческим фактам утверждает, что такое равновесие было «радикально нарушено» германо-советским пактом от 23 августа 1939 г. еще до начала войны. Тем самым автор статьи навязывает читателю вывод, что в нарушении Швецией ее нейтралитета виноват якобы и Советский Союз.

«Так как равновесие сил было нарушено,— заявляет автор,— Швеция вынуждена была делать уступки, которые в действительности не были совместимы с нейтралитетом». Отход от нейтралитета Хэгглёф объясняет еще и тем, что Германия обладала огромными средствами постоянного экономического давления, а Швеция нуждалась в импорте из Германии угля, металлических изделий и химикалий, в то время как заинтересованность гитлеровцев в шведской руде сильно понизилась после захвата французских месторождений железных руд.

Хэгглёф признает, что в июне 1940 г. шведское правительство согласилось на пропуск через свою территорию специальных поездов в Норвегию и обратно с немецкими «отпускниками». Позднее это соглашение с Германией «было дополнено другими соглашениями о транзите по некоторым другим направлениям». Был также обусловлен транзит военных материалов. Но самой значительной и серьезной «уступкой» (на деле — вопиющим нарушением нейтралитета) автор статьи считает разрешение летом 1941 г. пропуска из Норвегии через Швецию целой германской дивизии с полным вооружением для участия на финском театре военных действий против Советского Союза. И все же, в противоречии с фактами, Хэгглёф пытается утверждать, что в период второй мировой войны Швеция сохраняла свой нейтралитет.

Автор статьи не в состоянии аргументировать свои утверждения, что в Швеции «не существовало сколько-нибудь значительных пронацистских групп», что «вся страна фактически на 100% стояла против нацистской Германии». В действительности наряду с антифашистски настроенными слоями шведского народа в Швеции существовали влиятельные пронацистские группы населения, в ряде периодических изданий во время войны велась пронацистская пропаганда.

Характерно, что Хэгглёф совершенно не использует шведские источники и архивы. Это помогает ему избежать сколько-нибудь объективного анализа вопросов внешней

политики Швеции в период второй мировой войны.

А. Н. Красильников

Английский историк о внутренней политике Николая I

«Slavonic and East European Review». London. 1960, t. XXXVIII, № 91, pp.431—458.

Реакционная буржуазная историография в последнее время проявляет все больший интерес к внутренней истории дореволюционной России. При этом, в частности, делаются попытки преувеличить историческое значение и оправдать реакционный характер учреждений царской России.

Одной из таких работ является статья П. С. Сквайра «Николай I и проблема внутренней безопасности в России в 1826 году». Статья не вводит в научный оборот каких-либо новых фактических данных; она основывается преимущественно на мемуарах Ф. Ф. Вигеля и Н. И. Греча, а также на работах М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература» и Н. К. Шильдера «Император Николай I».

Сквайр рассказывает о создании Николаем I III отделения «собственной его величества канцелярии» для борьбы с «крамолой». Легко различимый политический смысл статьи — оправдание террора царской реакции против всех противников самодержавно-крепостнического строя России.

В оценке целей создания III отделения Сквайр полностью разделяет точку зрения официальных кругов царской России того времени. Он видит эту цель в желании Николая I «обеспечить внутреннюю безопасность России». «Из всех проблем,— пишет он,— с которыми встретился Николай I в начале своего царствования, наиболее настоятельной была необходимость установить законность и порядок». Эта забота о «безопасности и порядке» в России, утверждает Сквайр, определяла направление внутренней политики Николая I на протяжении всего периода его царствования. Сквайр пытается доказать, что «Николай I видел в нем (в III отделении.— В. Ф.) важное средство связи с народом, наблюдения над всем происходящим, выправления неправды и избежания зла». Автор подробно останавливается на распространявшейся реакционной пропагандой того времени легенде о платке, который Николай I будто бы дал вместо инструкции шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, чтобы «утирать слезы обиженных и несчастных». Высказав мимоходом сомнение в достоверности этой легенды, Сквайр тем не менее пытается убедить читателя, что Николай I «искренне намеревался» создать такую полицейскую силу, которая «должна была вскрывать неправду, скрытую от публики, и наказывать такие преступления, которые недоступны действию закона». Много места в статье Сквайра отводится восхвалению «личных качеств» и «государственных способностей» стоявших во главе III отделения тупых и жестоких царских генералов из остзейских немцев — А. Х. Бенкендорфа, М. Я. фон Фока, Л. А. Дубельта,— их личным взаимоотношениям с Николаем I. Подводя итоги своему исследованию, автор подчеркивает «жизненность», «эффективность» и «полезность» III отделения в системе органов государственного управления. Таким образом, Сквайр старательно замазывает реакционную сущность политики Николая I, стоявшего на страже защиты «безопасности» господствующего класса крепостников-помещиков от роста революционного антифеодального движения в стране. Он, конечно, ни словом не обмолвился о жестоких расправах III отделения с революционерами, о проводимых им цензурных гонениях и систематическом удушении всего прогрессивного в стране.

Создание в 1826 г. III отделения явилось сугубо реакционным мероприятием самодержавия и было связано с реакционным политическим курсом, проводимым Николаем I в условиях кризиса феодально-крепостнической системы и имевшим целью предотвратить крушение самодержавно-крепостнических порядков. Метод грубого насилия и произвола служил для Николая I главным способом держать народ в угнетении. По словам В. И. Ленина, Николай I показал русскому народу «максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа»[1]. III отделение, опиравшееся на специальные вооруженные силы жандармов и разветвленную сеть шпионажа, не стесняемое действующими законами и ответственное в своих поступках только перед царем, являлось в руках последнего орудием угнетения и подавления народных масс. Разумеется, никакие фальсификаторские измышления Сквайра по поводу целей создания и характера деятельности этого реакционного государственного учреждения не помогут реабилитировать его перед историей.

В. А. Федоров

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 43.

Тенденциозная статья об афинской демократии

«Historia». Wiesbaden. 1960, Juli. Bd. 9. Hf. 3. S. 257—269.

Проблема укрепления и расцвета демократии в Афинах в V в. до н. э. является одной из важнейших в истории античности. Ни один исследователь, занимающийся изучением социальных проблем древней Греции, не может пройти мимо характеристики особенностей афинского демократического строя. По оценке афинской демократии можно судить о политических взглядах того или иного автора.

Американского исследователя Дональда Брэдина в статье «Популярность Афинской империи» («The Popularity of the Athenian Empire») интересует не столько вопрос о характере демократического управления в Афинах, сколько отношение к нему подданных Афинской морской державы. Как известно, в середине V в. в состав Афинской архэ входило более 200 городов-государств. Еще английский историк Грот утверждал, что массы греческих городов были настроены активно проафински. Ненавидели же Афины олигархи [1]. Современные буржуазные историки [2] развивают мысль Грота, полагая, что Афинское государство было популярным среди масс подданных, что союзники оставались лояльными по отношению к Афинам на протяжении всего периода их господства, вплоть до Ионийской войны. По мнению этих историков, древнегреческий автор Фукидид искажает факты, оценивая политику Афин по отношению к подданным как тираническую и указывая на то, что эта политика вызывала ненависть со стороны союзников.

Дональд Брэдин, доказывая полноценность приводимых Фукидидом данных, прежде всего стремится реабилитировать его как современника событий и как добросовестного историка. Затем автор пытается доказать, что подданные большинства городов не симпатизировали Афинам и демократическому образу правления вообще. Д. Брэдин утверждает, что установление демократического строя в городах происходило путем насилия со стороны Афин. По его мнению, на острове Самосе была установлена демократия только потому, что там находились афинские корабли. Бедные не всегда свергали олигархию и предпочитали оставаться спокойными, если олигархи не чинили насилий и были справедливы. Автор полагает, что известные события в Митилене в 428—427 гг. до н. э. указывают на то, что демос стремился скорее к автономии под властью своей собственной олигархии, чем к господству Афин и введению демократии.

Основная мысль Д. Брэдина сводится к тому, что греческим городам, входившим в состав Афинской архэ, было ненавистно не только тираническое правление Афин, но и самый демократический строй; насильственно вводимая в этих городах демократия была чуждой, инородной для масс, и они, чтобы свергнуть и ее и власть Афин, поддерживали своих собственных олигархов.

С подобными положениями Д. Брэдина нельзя согласиться. Демос греческих городов горячо сочувствовал демократическому строю. Афиняне имели в полисах своих искренних сторонников. Приписывать установление демократических порядков в городах Делосского союза голому насилию со стороны Афин едва ли можно. Из источников мы совершенно определенно знаем, что в V в. до н. э. в греческих полисах шла ожесточенная борьба между демократическими слоями населения и олигархией, причем демократы ориентировались на Афины, а олигархи — на Спарту. Демос многих городов, вошедших в состав Афинской архэ, воспользовался поддержкой Афин, перебил олигархов и установил демократический строй. Правда, были и такие случаи, когда афиняне, пользуясь военными силами, сами ликвидировали в городах олигархическое правление и ставили под свой контроль управление полисами.

В исторической литературе действительно превалирует представление о деспотическом правлении Афин в союзных городах. Известны факты восстаний полисов против афинского ига. Олигархи, используя стремление демоса вернуть автономию и независимость своему городу, поднимали восстания и вновь иногда возвращались к власти. Однако вряд ли есть основания отождествлять ненависть демоса союзных городов к политическому господству Афин с его ненавистью к демократии вообще. Известно,

---

[1] J. Grote History of Greece. London. 1888, pp. 517—520.

[2] H. M. Jones. Athenian Democracy. Oxford. 1957, pp. 41—72; G. E. M. de Ste Croix. The Character of the Athenian Empire. «Historia». 1954—1955. Hf. 3, S. 1—41.

что после олигархического переворота 411 г. в Афинах на о. Самосе сохранились демократические порядки. Сохранились они и в других городах греческого мира. Вскоре была восстановлена демократия и в Афинах. Государственный строй античной рабовладельческой демократии был не случайным явлением в жизни греческих полисов, а явился закономерным результатом исторического развития античного общества.

Н. И. Голубцова

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ*

Антонов В. С. И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М. 1959, 84 стр. Рец.: Hoffman P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1509—1510.

«Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Сб. ст. М. 1956, 623 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1958, 706 S. Рец.: Hass G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1191—1194.

Воровский В. В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М. 1959, 254 стр. Рец.: Voigt G. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1505—1506.

Галан Х. М. Крушение монархии в Испании (1917—1931). М. 1959, 136 стр. Рец.: Bach H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1245—1246.

Голиков Г. Н. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959, 435 стр .Рец.: Krause H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1507—1508.

Горошкова Г. Н. Движение Немецкого народного конгресса за единство Германии и мирный договор (1947—1949). М. 1959, 270 стр. Рец.: Schützler H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1238.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 1. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1958, 539 S. Рец.: Crisp O. — «English hist. review». London. 1960, N 297, p. 667—669.

Гугушвили П. В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв. Т. 1. Тбилиси. 1957, 343 стр. Рец.: Heininger G. — «Zeitschrift für Ceschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1198—1204.

Данилов А. И. Проблема аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М. 1958, 368 стр. Рец.: Neubert H. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1251—1252.

Деборин Г. А. Вторая мировая война. М. 1958, 431 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1959, 491 S. Рец.: I. Hass G. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1969, Hf. 5, S. 1189—1191; 2.— «Staat und Recht». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 898.

«Документы внешней политики СССР». Т. 3. М. 1959, 723 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1248.

Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX в.). М. 1958, 195 стр. Рец.: Винавер В.— «Ист. гласник». Београд. 1959, № 3—4, с. 146—147.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. Реализация и последствия реформы. М. 1958, 617 стр. Рец.: Groniowski K. — «Kwart. hist.». Warszawa. 1960, N 2, s. 519—521.

Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959, 280 стр. Рец.: C. S. — «Studii. Revistă de istorie». Bucureşti. 1960, N 4, p. 344—345.

«Женщины в революции». Воспоминания. М. 1959, 471 стр. Пер. на нем. яз.: Berlin. 1960, 342 S. Рец.: Glöckler A.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1506—1507.

«Из истории первых лет Советской власти». Л. 1959, 199 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1247—1248.

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». Т. 1. М. 1960. XL, 535 стр. рец.: — «Társadalmi szemle». Budapest. 1960, N 8—9, 87—109. old.

«История гражданской войны в СССР. 1917—1922». Т. 4. М. 1959, 443 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschlift für Ceschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5. S. 1248.

«История международного рабочего и национально-освободительного движения». Ч. 1. 60—80-е годы XVIII в.— 1917 г. М. 1959, 548 стр. Рец.: Quilitzsch S.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1508—1509.

«История СССР». Т. 2. 1861—1917. Период капитализма. М. 1959, 768 стр. Рец.: Kumpf S.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1249.

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение ноября 1960 года.

«История Украинской ССР». Т. 1. Киев. 1956, 925 стр. Рец.: Quilitzsch S.— In: «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 3. Berlin. 1959, S. 478—486.

«История Чехословакии». В 3-х т. Т. 2. М. 1959, 359 стр. Рец.: Gondor F.— «Slovanský přehled». Praha. 1960, N 4, s. 243—245.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, 403 стр. Рец.: I. Cerroni U.— «Rassegna sovietica». Roma. 1960, N 5, p. 63—64; 2. Ullrich F.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1452—1464.

Конокотин А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX—XIV веках. Иваново. 1958, 185 стр. Рец.: Neubert H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1256.

«Латинская Америка в прошлом и настоящем». Сб. ст. по экономике, истории и культуре стран Латинской Америки. М. 1960, 464 стр. Рец.: Kossak M.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1500—1501.

Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М. 1958, 512 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1253—1254.

Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.-Л. 1960, 299 стр. Рец.: Neubert H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1514—1515.

Лукин Н. Избранные труды. В 3-х томах. Т. 1. М. 1960, 514 стр. Рец.:— «Annales hist. de la Révolution franç.». Paris. 1960, N 161, pp. 349—350.

Луначарский А. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1959, 451 стр. Рец.: Voigt G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1506.

Луцкая Н. С. Марокко вновь обретает независимость. М. 1958, 104 стр. Рец.: «Studia sociologiczno — polityczne». Warszawa. 1960, N 6, s. 215.

Люблинский В. С. На заре книгопечатания. Л. 1959, 160 стр. Рец.: Neubert H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1255.

«Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949». 2-е изд. М. 1956, 784 стр. Рец.: Clubb O. E. A soviet view of Far Eastern International Relations. «Pacific Affairs». New York. 1959, N 1, p. 92—94.

Островер Л. Ипполит Мышкин. М. 1959. 238 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1509—1510.

«Очерки истории Италии (476—1918)». М. 1959, 388 стр. Рец.: Bach H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1249.

«Очерки экономической истории России первой половины XIX века». Сб. ст. М. 1959, 403 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1254.

«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945». Т. 1—2. М. 1957. Т. 1, 407 стр. Т. 2, 296 стр. Рец.: Anderle A. Die Lehren des Zweiten Weltkrieges. «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 3. Berlin. 1959, S. 463—471.

Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М. 1959, 266 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1250—1251.

«Полтава. К 250-летию полтавского сражения». Сб. ст. М. 1959, 459 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1510—1511.

«Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М. 1959, 265 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1510—1511.

Портянкин И. А. Редакторская и публицистическая деятельность В. И. Ленина. М. 1959, 138 стр. Рец.: Hitschmann O. Historicky v časovém sledu, nebo problémově v historické souvislosti? «Novinářský sbornik». Praha. 1960, N 2, s. 229—232.

Порфирьев Е. И. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М. 1959, 109 стр. Рец.: Hoffmann P — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1510—1511.

«Революционное движение в России в 1917 г.». (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы). М. 1959. Май — июнь 1917 г., XIX, 662 с.; июль 1917 г., XVI, 626 с.; август 1917 г., XVI, 696 с. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1256.

Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М. 1959. 415 стр. Рец.: Voigt G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 6, S. 1504—1505.

«Съезды Советов СССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик». Т. 1. 1917—1922. М. 1959. XXXI, 836 стр. Рец.: 1. Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1247; 2. Suchecki W.— «Państwo i prawo». Warszawa. 1960, N 4—5, s. 793—796.

Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М. 1958, 263 стр. Рец.: Pustuła Z.— «Kwart. hist.». Warszawa. 1960, N 2, s. 523—527.

Трапезников С. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М. 1959, 447 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5. S. 1246—1247.

«Труды Новгородской археологической экспедиции». Т. 1, 2. М. 1956, 1959. Т. 1, 250 стр.; т. 2, 364 стр. Рец.: Widera B.— «Zeitschrift für Slawistik». Berlin. 1960, Hf. 2, S. 303—305.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М. 1958, 415 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1254.

«Французский ежегодник 1958». Статьи и материалы по истории Франции. М. 1959, 615 стр. Рец.: 1. «Annales hist. de la Révolution franç.». Paris. 1960, № 161, p. 347—349; 2. C. S.— «Studii. Revistă de istorie». București. 1960, № 4, p. 348—350.

Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения. (Между первой и второй мировыми войнами). М. 1959, 451 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, Hf. 5, S. 1245.

Хроника научной жизни

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ РУМЫНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Институт истории партии в Румынской Народной Республике был основан по решению ЦК РРП в 1950 году.

Главные задачи института в первые годы его деятельности состояли в том, чтобы собирать документальные материалы, касающиеся истории рабочего движения, готовить к опубликованию сборники документов по истории партии, издавать труды, посвященные важнейшим событиям в истории партии, организовать архив института и музей истории партии. В то же время необходимо было вырастить кадры научных сотрудников — коммунистов, которые смогли бы развернуть плодотворную деятельность, создать фундаментальные труды и монографии по истории рабочего движения. ЦК РРП придает большое значение разработке истории партии. В многочисленных документах, постановлениях и резолюциях партии дается оценка важнейшим моментам боевого прошлого Коммунистической партии Румынии. Статьи и выступления руководителей партии и в особенности Г. Георгиу-Деж содержат конкретные указания, имеющие большое значение для понимания и правильной трактовки событий, связанных с историей партии.

II съезд Румынской рабочей партии, состоявшийся в 1955 г., поставил перед институтом в качестве первостепенной задачи разработку учебника по истории партии.

В институте имеются три отдела: отдел истории, архив и музей. Отдел истории подразделяется на шесть секторов: секторы истории рабочего движения до 1917 г., с 1917 по 1944 и после 23 августа 1944 г., сектор истории массовых организаций, сектор истории международного рабочего движения и редакция журнала «Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lingă C. C. al P. M. R.». Научно-исследовательская деятельность института направлена преимущественно на подготовку учебника по истории партии.

Институт уделяет большое внимание разработке материалов для сети партийного просвещения. В 1955—1957 гг. были составлены два цикла лекций-консультаций, каждый в объеме 12 брошюр, для изучающих историю партии в кружках партийного просвещения. В этих брошюрах излагались в общих чертах важнейшие события истории нашей партии. В 1958—1959 гг. институт переиздал эти лекции с учетом замечаний и предложений специалистов и читателей. Эти лекции включены в сборник, озаглавленный «Лекции в помощь изучающим историю РРП» (660 страниц). Новое издание отличается более высоким уровнем, отвечает возросшим требованиям партийного просвещения, более ясно и глубоко излагает основные положения марксистско-ленинского учения о роли рабочего класса в обществе, о роли партии нового типа, о революции и диктатуре пролетариата, о переходе от капитализма к социализму и вопросы строительства социалистического общества. Сборник лекций в помощь изучающим историю РРП является основой нынешней работы по составлению учебника по истории партии.

Институт занимается также изданием сборников документов по истории рабочего движения. Опубликовано 4 сборника документов по истории Коммунистической партии Румынии, относящихся к периодам: 1917—1922; 1923—1928; 1929—1933 и 1934—1937 годов. Сборник по периоду 1938—1944 гг. подготовлен к печати. Вышел в свет также сборник документов по истории Союза коммунистической молодежи (1917—1944 гг.).

За последние четыре года институтом издано несколько монографий и сборников. Среди них можно отметить следующие: «Вклад Румынии в антигитлеровскую войну (23 августа 1944 г.— 9 мая 1945 г.)» (совместно с Военной академией); «Из истории борьбы КПР за осуществление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в битве за аграрную реформу» (в трех томах), «К вопросу о влиянии на Румынию Великой Октябрьской социалистической революции»; «Из истории забастовочной борьбы пролетариата Румынии»; «50 лет со дня создания Всеобщей комиссии профсоюзов Румынии. 1906—1956 гг.» (совместно с Центральным советом профсоюзов); «Международные отклики на крестьянское восстание 1907 года»; «К вопросу об истории профсоюзного движения в Трансильвании» и другие. Документы и мемуары, собранные отделом истории, были опубликованы в сборниках, посвященных годовщинам важных исторических событий: 50-летию крестьянского восстания 1907 г.; 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции; 40-летию боев 13 декабря 1918 г.; 35-летию со дня основания Коммунистической партии Румынии и др.

Отдел истории опубликовал ряд биографий выдающихся деятелей рабочего движения как периода, предшествовавшего основанию КПР, так и продолжительного периода подпольного существования партии: Александра Ионеску, Константина Ивэнуша, Илие Пинтилие и других.

Институт издает журнал «Analele Institutului de istorie a Partidului de pe lingă C. C. al P. M. R.», который с 1955 г. выходил раз в три месяца, а в последние три года — 6 раз в год, тиражом свыше 15 тыс. экземпляров. Журнал помещает на своих страницах научные статьи, сообщения, публикации документов, а также научную информацию. Он является серьезным пособием для тех, кто изучает историю партии, для исследователей и преподавателей, занимающихся проблемами новой и новейшей истории и в особенности вопросами истории рабочего движения. Особое внимание журнал уделяет таким темам из истории партии, которые отражают наиболее важные моменты революционной борьбы рабочего класса, связанные с созданием КПР, с героической борьбой рабочих — железнодорожников и нефтяников в 1933 г., с вооруженным восстанием 23 августа 1944 г., с проблемами единства рабочего класса, союза рабочего класса и трудящегося крестьянства и т. д. В статьях, публикуемых в журнале, раскрывается руководящая и организующая роль коммунистической партии, акцентируется внимание на вопросах идеологической борьбы, борьбы за марксистско-ленинскую закалку нашей партии.

План работы института в 1959 г. был направлен в первую очередь на решение трех основных задач: а) подготовка научных очерков, статей и публикаций документов в связи с 15-й годовщиной вооруженного восстания 23 августа 1944 г.; б) повышение качества лекций-консультаций и дальнейшая разработка тематических планов материалов, необходимых для составления учебника по истории партии; в) подготовка доклада румынской делегации и работа по обеспечению наилучших условий для проведения V Международной конференции институтов марксизма-ленинизма, институтов и комиссий истории партии, состоявшейся в Бухаресте в августе — сентябре 1959 года.

В течение 1959 г. и в первом полугодии 1960 г. научная работа отдела истории была более плодотворной, чем в предыдущие годы. Вышли в свет такие работы, как «Революционное рабочее движение в Румынии в 1918 году», «Крестьянское восстание в Валя Гимешулуй» и альбом «Дофтана». Из работ, подготовленных к печати в этот период, можно отметить «КПР— организатор и руководитель вооруженного восстания 23 августа 1944 г.», «История рабочей печати» (т. I), «Рабочее движение в Румынии с 1917 по 1921 г.», «II съезд Коммунистической партии Румынии (1922 г.)», «Из истории борьбы рабочих-типографов 1922—1928 гг.», «Очерки по истории марксистско-ленинской молодежной организации в Румынии», «Из истории стачечной борьбы пролетариата Румынии» (т. II), «Борьба КПР за союз рабочего класса с трудящимся крестьянством» (т. III) и др.

Работники Института истории партии со-

трудничают с работниками Института истории Академии РНР в составлении пятитомного труда по истории Румынии, с Высшей партийной школой имени Штефана Георгиу при ЦК РРП и другими учреждениями в организации совместных научных сессий. Так, Институт истории партии, ВПШ имени Штефана Георгиу при ЦК РРП, Институт истории Академии РНР и Военная академия организовали объединенную сессию по случаю 15-й годовщины вооруженного восстания 23 августа 1944 года. Работники Института истории партии выступили с сообщениями, в которых подчеркивалось значение вооруженного восстания 23 августа 1944 г., организованного и руководимого КПР, для начала и развития народной революции в Румынии, огромная роль Советской Армии в освобождении нашей страны, а также помощь СССР в укреплении независимости нашей родины и в восстановлении народного хозяйства страны, разрушенного войной.

Совместно с «Обществом по укреплению дружественных связей между Румынией и СССР» Институт истории партии организовал в октябре 1959 г. сессию, посвященную 25-летию со дня основания массовой организации «Друзья СССР».

Научные работники института внесли свой вклад в обсуждение и улучшение курса лекций кафедры истории РРП Высшей партийной школы при ЦК РРП. Институт оказывает систематическую помощь аспирантам, исследующим историю рабочего движения.

По случаю празднования 90-летия со дня рождения великого Ленина институт участвовал в подготовке юбилейной научной сессии, посвятил этому событию специальный номер своего журнала, подготовил ряд очерков, статей, докладов и проч. На научной сессии, состоявшейся 14—15 апреля и проведенной Институтом истории партии при ЦК РРП, ВПШ имени Штефана Георгиу при ЦК РРП, институтами общественных наук Академии РНР и Военной академией, было представлено 12 сообщений по вопросам применения ленинского учения к борьбе нашей партии за победу народной революции и за построение социализма. В сообщениях было показано, как бессмертное учение В. И. Ленина позволяет нам ориентироваться в самой сложной обстановке, дает нам образец непримиримой борьбы против теорий, враждебных марксизму-ленинизму.

Важное место в работе института занимает международное научное сотрудничество. Конференции, встречи, обмен статьями, архивными материалами, научной информацией и т. д. свидетельствуют о все более тесном сотрудничестве между институтами марксизма-ленинизма и истории партии стран социалистического лагеря.

В V Международной конференции институтов марксизма-ленинизма, институтов и комиссий истории партии, имевшей место в Бухаресте с 25 августа по 3 сентября 1959 г., участвовало 62 делегата из 25 стран. По докладу «Задачи исторической науки в борьбе против современного ревизионизма», представленному советской делегацией, и докладу «Борьба коммунистических и рабочих партий за единство рабочего класса», представленному нашим институтом, имели место прения, в ходе которых выступавшие осветили огромный опыт многих коммунистических и рабочих партий, а также задачи, стоящие перед историками-марксистами в деле издания работ по этим важным проблемам рабочего движения.

В 1959 г. Институт истории партии при ЦК РРП принял участие в научной сессии, имевшей место в Будапеште, посвященной 40-й годовщине пролетарской революции в Венгрии. На сессии делегация института выступила с докладом на тему «Рабочий класс Румынии и пролетарская революция в Венгрии в 1919 году».

Осенью 1959 г. институт представил сообщения на конференцию в Грайсвальде (ГДР), посвященную антифашистской борьбе европейского студенчества («О борьбе румынского студенчества против фашизма и гитлеровской войны»), и на конференцию в Риме, посвященную теме «Сопротивление и молодые поколения» («Воспитание молодежи в РНР в духе традиций антифашистской борьбы»).

Для конференции, состоявшейся в декабре 1959 г. в Берлине, организованной комиссией историков СССР и ГДР, на тему «Германский империализм и вторая мировая война», институт подготовил сообщение «Борьба патриотических сил под руководством КПР против фашистской диктатуры и гитлеровской войны (1941—1944 гг.)».

Институт истории партии при ЦК РРП сотрудничает в издании некоторых общих работ с другими братскими институтами. Так, он участвовал в составлении Институтом истории Болгарской коммунистической партии сборника документов о процессе

Г. Димитрова в Лейпциге, в подготовке сборника документов и материалов о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

Институт истории партии при ЦК РРП входит в состав состоящей из представителей восьми стран редакционной комиссии по подготовке учебника по истории международного рабочего и коммунистического движения.

В плане работы института на 1960 г. особое внимание было уделено подготовке исследований в связи с предстоящей 40-й годовщиной со дня основания Коммунистической партии Румынии (май 1961 г.). Кроме тезисов, которые будут разработаны, готовится к публикации сборник научных очерков и статей под заглавием «40 лет со дня основания КПР».

Большой научный труд посвящается 40-летию всеобщей забастовки 1920 г., охватившей весь пролетариат Румынии. С целью создания монографии о героической борьбе рабочих — железнодорожников и нефтяников в 1933 г. были образованы авторские коллективы по исследованию событий 1933 г. в следующих центрах: Бухарест, Яссы, Клуж и Валя Праховей; начат сбор материалов и написаны некоторые разделы монографии. Продолжается подготовка III тома истории стачечного движения румынского пролетариата, а также II тома труда «Очерки по истории марксистско-ленинской молодежной организации в Румынии (1923—1944)». Первый этап народной революции в Румынии — 1944—1947 гг.— является темой монографии, которая будет закончена в 1963 году.

В своих работах историки рабочего движения в РНР уделяют внимание вопросам истории III, Коммунистического Интернационала и его значения в политической и идеологической закалке марксистско-ленинских партий. Коминтерн оказал существенную поддержку коммунистическому движению в Румынии в его ориентации, в выборе методов и средств борьбы, в устранении реформистских тенденций.

Одной из задач института и в дальнейшем остается издание сборников документов. В 1960 г. отдел истории и архив начали печатание новых, пересмотренных и дополненных изданий сборников документов по истории КПР. Оснащение публикации научным аппаратом с примечаниями, указателями, библиографическими справками и пр. должно будет устранить один из недостатков, которыми страдали предыдущие издания. Подготовлен сборник документов о борьбе КПР за дружбу с Советским Союзом (1917—1944 гг.). Составлены два сборника статей, напечатанных в газете «Scînteia» в годы подпольной деятельности КПР. Одновременно в перспективном плане предусмотрено издание подобных сборников материалов и из других центральных газет КПР, главным образом из журнала «Lupta de clasă» — теоретического органа ЦК КПР.

Следует сказать, что институтом еще недостаточно разрабатываются вопросы истории местных организаций КПР. Существующие два сектора-филиала института — Ясский и Клужский — не смогли еще охватить все важнейшие проблемы истории рабочего движения в Молдавии и Трансильвании. Перед институтом стоит задача — создать в ближайшие годы филиалы в главных областных центрах, укомплектовать их квалифицированными работниками, а также организовать коллективы постоянных сотрудников при других областных комитетах РРП.

★

III съезд РРП, состоявшийся в июне 1960 г., имеет историческое значение для нашей партии и народа. Постановления съезда открывают светлые, вдохновляющие перспективы для завершения социалистического строительства и перехода в последующем к построению коммунизма в нашей стране; они ставят новые, весьма ответственные задачи и перед историками. Историки-марксисты должны будут приложить все возрастающие усилия для изучения боевого прошлого рабочего класса нашей страны и истории марксистско-ленинской партии, ее руководящей роли, богатого опыта, накопленного в многолетней упорной борьбе за кровные интересы народа.

Институт истории партии при ЦК РРП, располагая подготовленными кадрами, при поддержке партийных работников, хорошо знакомых с боевым прошлым нашей партии, будет и в дальнейшем неустанно помогать делу коммунистического воспитания трудящихся и борьбе за завершение социалистического строительства в Румынской Народной Республике.

Титу Джорджеску
Ученый секретарь Института истории партии при ЦК РРП

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

РЕПЛИКА ПРОФЕССОРУ Дж. ГРЕГОРИ ОСВАЛЬДУ

Редакция выходящего в США «Испано-американского исторического журнала» («ИАИЖ») перепечатала в своем августовском номере 1960 г. мой обзор этого издания, опубликованный в «Вопросах истории» (1959, № 12). Такой шаг редакции «ИАИЖ» можно было бы только приветствовать, если бы не комментарий к моей статье профессора Аризонского университета Дж. Грегори Освальда, помещенный в том же номере. По поводу этого комментария я хотел бы высказать несколько замечаний.

В своем обзоре я подверг критике ряд статей «ИАИЖ», авторы которых всячески превозносили, «облагораживали», «припудривали» действия империалистов США в странах Латинской Америки. Вместо того, чтобы ответить на критику по существу, Дж. Г. Освальд в своем комментарии допускает ряд клеветнических выпадов в адрес Советского Союза, и в частности советской исторической науки. Так, Дж. Г. Освальд приписывает Советскому Союзу «откровенно выраженное намерение добиться от нейтральных районов мира, включая Латинскую Америку, принятия социализма советского типа». Позволительно спросить у почтенного профессора Аризонского университета, какой из стран и когда СССР пытался навязать «социализм советского типа»? Дж. Г. Освальд не привел, да и не смог бы привести никаких доказательств, подтверждающих его заявление, ибо подобных фактов не существует в природе. Можно было бы указать на многие документы, в которых коммунистические партии решительно выступают против «экспорта революции». Эта мысль ясно сформулирована и в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, которое состоялось в ноябре 1960 г. в Москве. Но, выступая против «экспорта революции», коммунисты решительно осуждают и «экспорт контрреволюции», чем занимаются США и их союзники по агрессивным блокам.

Всему миру известно, что именно Советский Союз всегда выступал и выступает за уважение суверенных прав нейтралистских стран, постоянно подчеркивая их положительный вклад в дело разрядки международной напряженности, достижения всеобщего и полного разоружения, обеспечения мира на земле. Ведь именно глава Советского правительства Н. С. Хрущев выступил на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением учесть интересы нейтралистских стран в руководящем аппарате ООН, который находится в руках представителей агрессивных блоков, возглавляемых США. Именно потому, что СССР никогда не навязывал и не навязывает кому-либо своей системы, своих идей и основывает свою внешнюю политику на ленинских принципах мирного сосуществования, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, отношения Советского Союза с нейтралистскими странами развиваются в духе дружбы и взаимного уважения. Империалисты же США и их союзники пытаются втянуть в агрессивные блоки нейтралистские страны, применяя всякого рода угрозы, пуская в ход экономическое давление, используя внутреннюю агентуру в целях подрывной деятельности; а когда это не приводит к результатам, прибегают к прямой вооруженной интервенции, которая, как правило, проходит под лозунгом «спасения» этих стран от несуществующей угрозы «советского коммунизма». Примерами тому могут служить агрессивные акции империалистов в Ливане, Египте, Ираке, Индонезии, Лаосе, Гватемале и т. д.

Империалисты США свергли законное, избранное демократическим путем правительство Арбенса в Гватемале (ничего общего не имевшее с коммунистами, не поддерживавшее даже дипломатических отношений с СССР) под предлогом того, что это правительство являлось якобы «коммунистическим», хотя действительная причина агрессии США состояла в том, что правительство Арбенса выступило в защиту национальных интересов Гватемалы, попыталось ограничить баснословные прибыли «Юнайтед

фрут компани» и других американских монополий и провести аграрную реформу в стране. Такие же «преступления» ставятся в вину и правительству Фиделя Кастро на Кубе, которой грозят участью Гватемалы под тем же предлогом борьбы с «коммунистическим проникновением».

Если все историки, сотрудничающие в «ИАИЖ», были бы действительно объективными исследователями, подлинными учеными, стремящимися найти историческую истину, то они без особого труда разобрались бы в причинах вышеупомянутых событий и пришли к выводу, что действия США по отношению к Гватемале, Кубе и другим странам Латинской Америки объясняются не «опасностью коммунизма», а тем, что правительство США, будучи выразителем интересов американских монополий, проводило по отношению к названным странам империалистическую политику.

Известно, что в существующих ныне в США условиях нельзя стать объективным исследователем, если не обладать определенным гражданским мужеством. Ведь объективный исследователь неизбежно придет к разоблачению преступлений американского империализма и может в результате этого стать жертвой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Примером тому служит судьба таких ученых, как Оуэн Латтимор и ряд других, привлеченных данной комиссией к ответственности за одно лишь высказывание взглядов, идущих вразрез с политикой монополистов США.

Проф. Освальд предпочитает следовать по стопам оголтелых пропагандистов «холодной войны». Это — его право; он волен поступать, как ему заблагорассудится. Но почтенному профессору мало того; он решил попутно опорочить советских историков. Он обвиняет их в «необъективности», в том, будто советские ученые подчиняют историю политике, подгоняют исторические факты под установки марксистско-ленинского учения и т. п. Подобные высказывания не имеют ничего общего с действительностью. Советским ученым нет нужды подгонять что-либо под марксизм-ленинизм, ибо сам исторический процесс подтверждает строгую научность марксистско-ленинской теории.

Советские историки гордятся тем, что в своих исторических исследованиях они пользуются марксистско-ленинской методологией, единственно научной теорией, позволяющей не только правильно объяснять прошлое, но также строить настоящее и предвидеть будущее. Взять хотя бы такие явления, как крушение капитализма и возникновение социалистической общественной системы или освобождение колониальных народов от чужеземного ига. Разве Маркс не был первым, кто предсказал неизбежность этих великих исторических перемен? Советские ученые, опираясь на гениальные открытия Маркса и Ленина, дали в своих работах подлинно научное объяснение основных исторических процессов современности.

Проф. Освальд пытается объяснить расширение проблематики исследований советских историков «духовно-политическим проникновением» СССР в новые районы мира. По-видимому, Дж. Г. Освальд считает, что изучение стран Азии, Африки и Латинской Америки является монополией буржуазных ученых США и других империалистических государств. Если же историки Советского Союза проявляют интерес к этим районам, то это, мол, свидетельствует о «советском проникновении». Проф. Освальд пытается мерить советских историков на свой аршин. Однако между советскими историками и историками типа Освальда имеется принципиальное отличие: советские историки никогда не выступали в защиту империалистических монополий, агрессоров и интервентов, палачей свободы и демократии, они всегда относились с симпатией к национально-освободительной борьбе народов Латинской Америки. Что касается утверждения проф. Освальда о том, что интерес к Латинской Америке появился в СССР лишь в последние годы, то можно посоветовать проф. Освальду ознакомиться хотя бы с такой работой, как «Художественная литература Латинской Америки в русской печати. Библиография 1765—1959» (М. 1960), из которой явствует, что интерес к странам Латинской Америки существовал в нашей стране задолго до возникновения США как независимого государства.

Дж. Г. Освальд недоволен тем обстоятельством, что советские историки пишут об «империализме янки» и осуждают его. Но разве империализм янки — это миф, выдуманный советскими историками? Разве не было ста интервенций США против стран Латинской Америки? Разве не было оккупации США Кубы, Гаити, Доминиканской рес-

публики, Никарагуа, захвата Панамской зоны, свержения правительства Арбенса? А доктрина Монро, «дипломатия доллара», политика «большой дубины», политика «кнута и пряника»,— разве всего этого не было, уважаемый проф. Освальд, разве все это изобрели советские историки? Вам неизвестно, проф. Освальд, что такое «империалистическая политика США»? Прочтите, что говорил на эту тему такой известный американский политический деятель, как Эдлай Стивенсон в своей денверской речи 3 октября 1960 г.: «В Латинской Америке наша политика слишком долго заключалась в том, чтобы сохранить этот континент не для американских идеалов, а для американского бизнеса». Это и есть, проф. Освальд, империалистическая политика!

Дж. Г. Освальд утверждает далее, что господствующие социально-экономические условия в странах Латинской Америки «идеально способствуют их эксплуатации» советскими историками. Фраза для «непосвященных» энигматическая, но она не загадочна для тех, кто хоть немного знаком с жизнью населения Латинской Америки. Ведь существующие в Латинской Америке социально-экономические условия — это не что иное, как, с одной стороны, отсталость и нищета широких слоев населения, результат засилья американских монополий и связанных с ними помещиков и реакционной буржуазии, а с другой — нарастающее с каждым годом массовое движение за национальную независимость и свободу. Вот почему в Латинской Америке сегодня пользуется такой популярностью лозунг «Куба — да, янки — нет!». И даже проф. Освальд не решается обвинить в создавшемся положении советских историков; он только возмущен тем, что они «эксплуатируют Латинскую Америку». Если бы американские историки на страницах своих изданий «эксплуатировали» историю Латинской Америки так, как это делают советские ученые, то есть разоблачали бы преступные действия империализма США и раскрывали те объективные закономерности исторического процесса, которые неминуемо приведут к тому, что латиноамериканские народы сбросят с себя империалистический гнет, то подобную «эксплуатацию» граждане Латинской Америки, наверное, могли бы лишь приветствовать.

В заключение проф. Освальд приписывает мне намерение дать ложную картину исследований, производимых учеными США по истории Латинской Америки. Какие же доказательства приводит он для столь серьезного обвинения в мой адрес? Никаких! Проф. Освальд не опровергает ни единого факта, ни единого положения из моей статьи, он не полемизирует со мной. За неимением лучших аргументов он пытается очернить меня «вообще» в глазах читателей своего журнала при помощи довольно курьезного, но, возможно, действенного в условиях США приема: проф. Освальд хочет испугать читателя, называя меня коммунистом! Мой оппонент предостерегает читателей «ИАИЖ», что моя статья представляет собой пример партийного исторического исследования и применения марксистско-ленинских принципов к проблемам латиноамериканской истории. В его устах это звучит как нечто несовместимое с профессией историка. Он даже не подозревает, что я горжусь подобным «обвинением».

Вряд ли можно надеяться, что после сказанного Дж. Г. Освальд изменит свою точку зрения. Однако, быть может, моя реплика заставит задуматься кое-кого из читателей «ИАИЖ». В этом случае я буду считать, что полемика вполне оправдала себя.

И. Р. Лаврецкий

СТРАНИЦА ИСТОРИИ, ЖДУЩАЯ СВОИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В журнале «Вопросы истории» (1960, № 3) была опубликована статья М. А. Кокорина и А. А. Стручкова «О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 годах». Появление работы на эту тему можно только приветствовать. Героическая борьба советских людей против фашизма в глубоком гитлеровском тылу заслуживает глубокого исследования. Как справедливо указывают авторы упомянутой статьи, при изучении этого вопроса встречаются большие трудности. Еще далеко не все архивные материалы разысканы. Поэтому, на наш взгляд, сейчас историки должны уделить большое внимание сбору сведений об участии советских людей в движении Сопротивления в странах Европы. С этой целью желательно было бы организовать сбор воспоминаний участников этого движения и издать их мемуары.

Нам хотелось бы сообщить некоторые сведения о борьбе группы советских людей против фашизма на территории гитлеровской Германии, которые мы почерпнули в архивах.

Было это восемнадцать лет тому назад. В Берген-Бельзене, что в провинции Ганновер, фашисты создали лагерь для советских военнопленных. Зима 1941/42 г. была самая ужасная для узников лагеря. Свирепствовали эпидемии. Команда в несколько сот человек, работавшая по 12 часов в сутки, не успевала зарывать трупы.

В бараке № 207 лежали тифозные. В их числе Г. Г. Овчинников, В. Г. Андрюшин, С. М. Кузнецов, Н. И. Беляев, П. П. Первушкин, Л. Савин, П. Божко. Среди больных были врачи А. А. Конякина, Г. И. Трофимов, Наимов, Невзоров. Впоследствии все они стали активными участниками подпольной антифашистской организации.

Фашистские врачи не подходили к тифозным баракам. За жизнь советских людей вели борьбу только военнопленные врачи-патриоты: Аркадий Алалыкин [1], Трофимов, Соседов, Конякина, Наимов, Невзоров, Карташев, Попов и др. Многие оставшиеся в живых обязаны им своим спасением.

Советские люди, попавшие в застенки гитлеровских концлагерей, свою главную цель видели в борьбе против фашизма.

Для многих путь в подпольную антифашистскую организацию лежал через барак № 207. Именно здесь находился тщательно законспирированный штаб подпольной организации. При помощи врачей здесь назначались свидания, делались вызовы нужных людей и намечались планы борьбы патриотов.

На первых порах было много неорганизованности, заключенные зачастую выступали в одиночку. Это были смелые, мужественные выступления против фашистского режима, издевательств охраны. Но результат их был незначителен.

Подпольная организация в лагере была создана и начала активную деятельность с декабря 1941 года [2]. Ее деятельностью руководил Георгий Григорьевич Овчинников. До войны Г. Г. Овчинников был преподавателем основ марксизма-ленинизма одного из вузов Москвы. В 1941 г. он добровольно вступил в народное ополчение. После упорных боев полка, где он был комиссаром, тяжело контуженный, будучи в бессознательном состоянии, Овчинников попал в плен. За плечами коммуниста Овчинникова был немалый опыт подпольной работы в тылу врага в годы гражданской войны.

Вновь созданная организация получила название «Борьба». Затем, значительно позже, она объединилась с подпольной организацией соседнего рабочего лагеря и стала именоваться «Ганноверский комитет». В лагере Берген-Бельзен был расположен центральный лазарет военнопленных Ганноверской провинции. В лазарете находилось, как правило, не менее 2 тыс. человек, да в лагере около тысячи. Сюда направляли больных из всех рабочих команд, занятых в промышленности Ганноверской области. По выздоровлении их отсылали обратно в лагеря [3].

Нельзя было не использовать этих выгодных условий для работы подпольной антифашистской организации. Инициаторы ее создания, соблюдая строгую конспирацию,

---

[1] А. Алалыкин с конца 1942 г. являлся одним из инициаторов создания и руководителем подпольной организации в лагере Фаллингбостель. В самом конце войны он погиб в застенках гестапо.

[2] Неопубликованные посмертные записки Г. Г. Овчинникова, стр. 13—16.

[3] Архив внешней политики СССР, ф. 514 (1946 г.), оп. 3, папка 3, д. 8, л. 86.

изучали людей, со всей осторожностью работали с ними и готовили выздоравливающих военнопленных к подпольной деятельности в тех рабочих командах, куда их направляли. Значение этой работы трудно переоценить. Влияние «Ганноверского комитета» распространялось на ряд лагерей и рабочих команд, которые были удалены от Берген-Бельзена на 250—300 километров [4].

Подпольная организация не ограничивала свою деятельность подготовкой выздоравливающих для будущей подпольной работы. Она с первых дней своего существования развернула широко и довольно успешно агитационно-пропагандистскую работу. С помощью немецкого солдата Рибау, обслуживавшего служебную комнату фашистских врачей, подпольщики получили возможность слушать по радио сводки Совинформбюро. Их принимали члены подпольной организации И. И. Куковенков и К. Ф. Кудрявцев. Вскоре обнаружилась вторая возможность приема сводок Совинформбюро. В одной из комнат стоял другой радиоприемник. Один из членов организации имел доступ в эту комнату. Обычно поздно вечером или ночью, когда фашистских врачей уже не было, члены комитета П. Р. Соседов и П. П. Первушкин слушали сообщения из Советского Союза. Наконец, был использован и третий источник получения информации — приемник в служебной комнате при бане. Здесь сводки принимали В. Федоров, П. П. Петров, Е. Егоров. Все это в значительной степени облегчало распространение правдивой информации среди военнопленных. Сводки Совинформбюро размножались от руки и распространялись среди военнопленных. Их получали и выздоравливающие, покидавшие лазарет. В ряде случаев по данным сводки Совинформбюро составлялись листовки. Как правило, их писали и редактировали Г. Г. Овчинников и В. И. Якимов.

В первой половине 1943 г. «Ганноверский комитет» обратился к советским людям, находившимся в фашистской неволе. В нескольких пунктах обращения были кратко изложены задачи борьбы с фашизмом. Среди военнопленных это воззвание было известно как «Ганноверская программа». Первоначально она была размножена от руки в 100 экземплярах. Спустя несколько месяцев подпольщики с большими трудностями сумели создать свою кустарную типографию. Шрифт отлили сами, достали воск и мастику. Все было сделано руками И. В. Евсеева и М. И. Курбатова. Первым печатным изданием «типографии» была программа «Ганноверского комитета» [5]. Можно себе представить всю примитивность «типографии», если 100 экземпляров небольшой листовки с текстом «Ганноверской программы» печатали с перерывами более 20 часов.

За все время в типографии было отпечатано 7 воззваний и листовок, одна из них («Проснись, Германия!») — на немецком языке. Эта листовка была написана на пишущей машинке и отпечатана на шапирографе. Печатали обычно в воскресные дни, когда немцы не ходили по баракам. Выполняли это задание В. И. Якимов, И. А. Котов, И. В. Евсеев. Работа проходила при сугубо конспиративных условиях — в комнате, заваленной столами и кроватями.

За время своего существования подпольная организация подготовила и осуществила десять групповых побегов. В числе бежавших были Н. И. Беляев, И. И. Снуткин, Е. Яблунин, Н. Голобородько [6]. Побеги готовились очень тщательно. Так, для побега Н. Голобородько С. Кузнецов, П. Первушкин и Дремов в мастерской гаража сделали компас. И. Куковенков накануне побега вечером похитил из кабинета главврача географическую карту Германии.

Но основное внимание подпольной организации было сосредоточено на обеспечении боевой патриотической деятельности военнопленных, работавших на промышленных предприятиях Германии. Члены организации стремились проникнуть на все важные объекты. Это стало возможно после того, как М. Кулаков, один из членов организации, был назначен писарем отдела по учету военнопленных, отсылавшихся в рабочие команды. «Ганноверский комитет» направил на заводы с конкретными боевыми поручениями более 100 человек.

Для выполнения особо важных заданий отбирались опытные члены подпольной организации. Так, например, в начале 1944 г. советский инженер Е. Т. Клепцов был направлен на Шладенский машиностроительный завод. Выполняя задание, группа

---

[4] Там же, л. 87.
[5] Там же.
[6] Там же.

подпольщиков под руководством Е. Т. Клепцова вывела из строя на этом заводе автогенный режущий аппарат системы «Месснер», 38 простых электросварочных аппаратов, радиально-сверлильный станок, колбу ртутного выпрямителя, предназначенную для строящейся электростанции. Б. Власов, Е. Егоров, Ю. Половко, Богданов и другие выполняли подобные задания на других промышленных предприятиях. Не всегда проходило все гладко. На одном из заводов инженер А. М. Семенов вывел из строя агрегат машин. Семенов был арестован гестапо и повешен. Он умер, не проронив ни звука о действиях подпольной организации.

Особенно серьезное поручение получил В. Г. Андрюшин. В лесных массивах, что в 5—7 км от Берген-Бельзена, находился крупный склад боеприпасов. Отсюда по узкоколейке боеприпасы доставлялись к станции погрузки, откуда они направлялись на фронт. Задание Андрюшину было сформулировано следующим образом: «Мешать выходу эшелонов с боеприпасами на фронт». Андрюшин приступил к делу. Началась погрузка. Контроль за работой военнопленных был очень строгим. По платформе расхаживали офицеры гестапо. Все военнопленные работали четко. Фашистская администрация к ним на этот раз не придиралась. Через несколько часов эшелон был подготовлен к отправке. Прошло несколько дней. На складе переполох. Прибыло несколько следственных комиссий. Военнопленным стало известно, что эшелоны со снарядами, отправленные со склада, в пути взорвались. Многих военнопленных арестовали, но установить виновников диверсии не удалось. Техническая грамотность В. Андрюшина и строгая конспирация обеспечили успех дела[7].

Гестаповцы проведали о существовании и деятельности «Ганноверского комитета». Они упорно искали его участников, но тщетно. Строгая дисциплина членов организации, умелая организация диверсионной работы обеспечили необходимую конспирацию. «Ганноверский комитет» работал без серьезных провалов в глубоком тылу врага несколько лет. Помогло то обстоятельство, что члены организации сами сумели вовремя разоблачить и уничтожить несколько гестаповских провокаторов. Правда, не обошлось без арестов. Поводом к арестам явился побег пяти военнопленных из барака № 207. В ту же ночь гестаповцы ворвались в барак. Били всех, кто попадал им под руку. Был произведен обыск. Найти гестаповцам ничего не удалось. И все же несколько человек было арестовано. Среди них врачи Г. И. Трофимов, А. А. Конякина, санитар Штрайбер и другие.

В скором времени после этих событий В. И. Якимов был переведен из Бергена в Услярский офицерский лагерь военнопленных в рабочую команду при мебельной фабрике Ильзе. Там он продолжал свою подпольную деятельность, создав группу из 12 советских военнопленных. От Усляра до Бергена примерно 250 километров. Но В. И. Якимов находил возможность поддерживать связь с Г. Г. Овчинниковым и другими товарищами по подполью до окончания войны.

В середине января 1945 г. все заключенные лагеря Берген-Бельзен были переведены в лагерь Фаллингбостель. С этого дня «Ганноверский комитет» фактически прекратил существование. В Фаллингбостеле действовала своя антифашистская организация, которую возглавил Г. Г. Овчинников. В состав комитета вошел один из создателей Фаллингбостельской организации, Ф. Е. Пчелкин[8]. Этот лагерный комитет сыграл большую роль в освобождении всех военнопленных лагеря Фаллингбостель еще до прихода туда английских войск.

Такова краткая история Берген-Бельзенского антифашистского подполья. Пройдет некоторое время, будут разысканы и другие его деятели, а со временем, возможно, удастся найти некоторые документы, зарытые в крольчатнике Берген-Бельзенского лагеря тремя активными деятелями подполья: В. И. Якимовым, И. В. Евсеевым и Дремовым. Там же был зарыт в стеклянной банке и шрифт подпольной типографии.

Прошло много лет после описываемых нами событий. Немало потрачено было времени, чтобы разыскать участников Берген-Бельзенского подполья и узнать о судьбе многих из них. В марте 1945 г., за несколько дней до освобождения, умер от туберкулеза в лагере Фаллингбостель один из активных членов организации, И. А. Котов. Два года назад в Москве скончался Г. Г. Овчинников. В. Г. Андрюшин закончил институт и

---

[7] Там же, л. 88.
[8] Там же, л. 89.

ныне работает старшим инженером в г. Фрунзе. На одном из заводов в Куйбышеве трудится Н. И. Беляев. Врач Г. И. Трофимов и его жена А. А. Конякина (Трофимова) работают в Сталинграде. В. И. Якимов сейчас возглавляет одну из подмосковных ткацких фабрик. С. М. Кузнецов работает в Москве на хладокомбинате. В Ульяновске на суконной фабрике трудится электросварщик И. В. Евсеев. Сейчас найдены адреса многих других товарищей — активных деятелей подполья, с которыми устанавливаются связи. Но судьба многих еще неизвестна. Возможно, кто-нибудь из них откликнется на это письмо.

А. И. Брюханов,
М. К. Гаврилов,
Н. А. Филатов

НАШИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» (№№ 8—10 за 1960 г.)

В восьмом номере журнала за 1960 г. редакция выразила желание услышать отзывы и критические замечания читателей о содержании и характере перестройки журнала «Вопросы истории». Внимательно ознакомившись с содержанием 8, 9 и 10-го номеров, мы с удовольствием откликаемся на просьбу.

На вопрос, какими должны стать профиль и структура журнала, редакция дала ответ на стр. 19—21 восьмого номера. Наша задача сводится к тому, чтобы ответить на комплекс других вопросов: стал ли журнал «Вопросы истории» действительно надежным помощником партии в деле пропаганды и коммунистического воспитания? Занял ли он место центрального исторического журнала СССР с широким профилем? Посвящает ли он свои страницы освещению разработки исторических проблем, учитывающих главные направления в научной работе исследовательских институтов и учебных заведений? И, наконец, дает ли журнал необходимую общественности информацию о состоянии исторической науки в СССР и за рубежом?

Несмотря на то, что три рецензируемые номера являют собой пример только начавшейся перестройки журнала, есть тем не менее все основания утверждать, что наступил перелом, коренным образом изменивший облик журнала. На все поставленные нами вопросы можно дать только утвердительный ответ, хотя журнал еще до сих пор не лишен ряда недостатков.

Каждый из трех номеров интересен и содержит материал, необходимый в повседневной практической работе не только исследователю, но и учителю средней школы, лектору и партийному пропагандисту.

Большинство опубликованных в этих номерах журнала статей, как правило, представляют собой серьезные исследования. Они посвящены различным проблемам истории нашей страны, начиная с истории древней Руси и кончая историей советского общества. Значительное место среди опубликованных исследований занимают статьи, посвященные актуальным проблемам новейшей истории, истории международных отношений и внешней политике СССР.

На наш взгляд, редакция поступила правильно, уделив на страницах журнала значительное внимание разоблачению разбойничьей политики монополистического капитала США и других капиталистических стран. Это удачно сделано в статьях, исследующих проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX—XX вв., политику США в отношении Советской России в 1917—1920 гг., маневры правящих кругов Японии в конце второй мировой войны, и других статьях.

В журнале читатель найдет и содержательный материал по проблемам истории древнего мира и средних веков (новые данные о процессе развития и исторической роли античных государств Северного Причерноморья, о сущности и формах современного норманизма, о политических отношениях европейских государств в период

Тридцатилетней войны и т. д.). В большинстве статей используются краткие историографические обзоры, учитывающие последние достижения исторической науки в исследовании данной проблемы. Это следует всячески поощрять.

В целях дальнейшего улучшения журнала было бы желательно внести четкость в порядок размещения статей в каждом номере. Здесь должен соблюдаться принцип большей или меньшей актуальности публикуемого материала или же принцип хронологической последовательности исторических событий. Пока ни тот, ни другой принципы не соблюдаются. Восьмой номер, например, открывается статьей, посвященной периодизации всемирной истории, девятый — статьей об основных проблемах изучения Сибири, десятый — статьей об использовании архивных фондов СССР в интересах исторической науки.

С интересом читаются историографические обзоры и разнообразный информационный материал, дающий представление об исторической науке в СССР и за рубежом. Но при этом следует пожелать, чтобы информации носили характер не только сообщений о проделанной работе того или иного исследовательского института или учебного заведения, но и о том, над какими проблемами эти организации и их сотрудники работают. Это в значительной мере способствовало бы предотвращению дублирования в научно-исследовательской работе историков нашей страны и облегчило бы составление годичных и перспективных планов научной работы.

Хотелось бы также видеть на страницах журнала тематические обзоры, включающие не только монографии, но и статьи, публикуемые в различных трудах академических учреждений и учебных заведений, представляющие большой научный интерес и остающиеся недоступными и малоизвестными для широкого круга читателей.

В порядке оказания помощи преподавательскому составу исторических факультетов следовало бы, на наш взгляд, ввести специальный раздел «В помощь преподавателям вузов». В нем, в частности, было бы неплохо периодически информировать читателей о разработанных и читаемых в университетах Москвы, Ленинграда, Воронежа, Одессы и некоторых других вузах страны специальных лекционных курсах (по источниковедению, историографии и некоторым другим проблемам, не предусмотренным научными планами).

Для исследователей и преподавателей вузов представляла бы интерес информация о защите наиболее значительных докторских диссертаций; о ходе подготовки учебных пособий для студентов очных и особенно заочных отделений исторических факультетов и, наконец, сообщения о деятельности созданных при институтах Отделения исторических наук АН СССР Научных советов по проблемам.

Журналу следует шире знакомить читателей с выходящей в стране монографической литературой, а также с многочисленными сборниками документов по основным проблемам исторической науки, таким, например, как история Великой Октябрьской социалистической революции, международная пролетарская солидарность и другие.

Журнал должен систематически знакомить своих читателей с различными направлениями и «школами» в буржуазной исторической науке, с их периодическими и специальными изданиями и, наконец, с краткими биографическими сведениями об авторах рецензируемых работ, изданных за рубежом.

Все это значительно повысит интерес к журналу и сделает его настольной книгой для историка.

Наши замечания и пожелания отнюдь не снижают достоинств 8, 9 и 10-го номеров, они лишь направлены к тому, чтобы еще больше повысить качество журнала «Вопросы истории».

Проф. В. В. Мавродин,
проф. С. Б. Окунь,
проф. В. Г. Ревуненков,
доц. Н. Я. Иванов,
доц. С. А. Могилевский,
доц. Г. П. Морозов

УСЛОВИЯ

открытого конкурса на составление учебного пособия по начальным политическим сведениям для IV класса и учебников по элементарным курсам истории для V—VIII классов школ рабочей и сельской молодежи — вечерних (сменных) средних общеобразовательных школ

I. В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 10 сентября 1960 года «О преподавании истории и основ политических знаний в школах рабочей и сельской молодежи — вечерних (сменных) средних общеобразовательных школах» Министерство просвещения РСФСР проводит открытый конкурс на составление учебного пособия по начальным политическим сведениям для IV класса и учебников по элементарным курсам истории для V—VIII классов школ рабочей и сельской молодежи — вечерних (сменных) средних общеобразовательных школ.

II. В конкурсе могут принимать участие все желающие, как отдельные авторы, так и авторские коллективы.

III. Конкурс объявляется на составление следующих учебников:

№№ п/п	Название	Класс	Максимальный объем текста в авторских листах	Сроки представления рукописей
1	Учебное пособие по начальным политическим сведениям . .	IV	6	До 1 сентября 1961 г.
2	Учебник истории древнего мира (элементарный курс) . . .	V	7	До 1 сентября 1961 г.
3	Учебник истории средних веков (элементарный курс) . . .	VI	8	До 1 сентября 1961 г.
4	Учебник истории СССР с важнейшими сведениями об общественном и государственном устройстве Советского государства, а также сведениями из новой и новейшей истории зарубежных стран (элементарный курс) . . .	VII—VIII	25	До 1 сентября 1961 г.

Представляемые на конкурс учебники должны быть написаны в соответствии с современными требованиями исторической и педагогической науки, ярко и убедительно, доступным для учащихся языком.

Они должны способствовать выработке у учащихся в доступной для них форме научного понимания закономерностей развития общества, формировать у учащихся убеждение в неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, последовательно раскрывать роль народных масс как подлинных творцов истории, создателей материальных и духовных ценностей и значение личности в истории.

Авторам учебников необходимо учитывать, что особое значение приобретает в настоящее время изучение вопросов современного этапа коммунистического строительства, раскрытие роли Коммунистической партии как ведущей, руководящей и направляющей силы советского общества.

Учебники должны быть направлены на воспитание учащихся вечерних (сменных) школ в духе коммунистической идейности и морали, нетерпимости к буржуазной идеологии, в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, глубокого уважения к труду, а также содействовать повышению политической и производственной активности учащихся. При этом необходимо иметь в виду, что обучающиеся в вечерних (сменных) школах трудящиеся имеют большой жизненный и производственный опыт, участвуют в общественно производительном труде и в политической жизни страны. Необходимо также учитывать особенность учебного плана и учебного режима вечерних (сменных) школ.

IV. Учебники должны соответствовать программам по начальным политическим сведениям и по истории, утвержденным Министерством просвещения РСФСР. При наличии в содержании учебника некоторых отступлений от программ авторы в особых примечаниях должны обосновать целесообразность этих отступлений.

V. К рукописи учебника должен быть приложен перечень иллюстраций и карт с указанием источников их заимствования, а для иллюстраций и карт, создаваемых заново, должны быть даны краткие аннотации.

VI. В качестве материалов для самостоятельной учебной работы учащихся рекомендуется приложить к основному тексту учебника небольшие по размеру и доступные учащимся исторические документы.

Эти материалы вместе с методическим аппаратом учебника (вопросы, задания, таблицы, иллюстрации, карты и т. п.) не входят в объем основного текста учебника, указанный в пункте III настоящих «Условий».

VII. Для рассмотрения и оценки представляемых на конкурс рукописей учебников Министерством просвещения РСФСР учреждается жюри конкурса. В состав жюри конкурса входят ученые, учителя и методисты.

VIII. Члены жюри конкурса не могут участвовать в конкурсе ни в качестве индивидуальных авторов, ни в коллективе авторов, не дают разъяснений и консультаций участникам конкурса по вопросам составления учебников.

IX. Рукописи учебников представляются на конкурс на русском языке. Они должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа и присылаться в двух экземплярах.

X. Рукописи учебников представляются без указания фамилий, под девизом авторов. Одновременно с рукописью учебника в закрытом конверте с указанием на нем девиза авторов участники конкурса сообщают о себе следующие сведения: фамилия, имя, отчество, занимаемая должность, профессия, адрес.

Вскрытие конвертов, содержащих расшифровку девизов авторов, производится после присуждения премий жюри конкурса.

На пакетах с рукописями учебников следует указывать «На конкурс учебников истории для вечерних (сменных) школ».

XI. Для премирования авторов лучших учебников, представленных на конкурс, устанавливаются следующие премии:

1. Учебное пособие по начальным политическим сведениям для IV класса:

одна первая премия — 40 тысяч рублей;
одна вторая премия — 20 тысяч рублей;
две поощрительные премии — по 5 тысяч рублей каждая.

2. Учебник истории древнего мира для V класса:

одна первая премия — 40 тысяч рублей;
одна вторая премия — 20 тысяч рублей;
две поощрительные премии — по 5 тысяч рублей каждая.

3. Учебник истории средних веков для VI класса:

одна первая премия — 40 тысяч рублей;
одна вторая премия — 20 тысяч рублей;
две поощрительные премии — по 5 тысяч рублей каждая.

4. Учебник истории СССР с важнейшими сведениями об общественном и госу-

дарственном устройстве Советского государства, а также сведения из новой и новейшей истории зарубежных стран для VII—VIII классов:

одна первая премия — 50 тысяч рублей;
одна вторая премия — 30 тысяч рублей;
две поощрительные премии — по 10 тысяч рублей каждая.

XII. Жюри вправе не присуждать премий, если не окажется рукописей, заслуживающих соответствующей оценки.

XIII. Результаты конкурса публикуются в периодической печати.

XIV. Выплата премий производится по опубликовании в печати результатов конкурса.

XV. С авторами учебников, рекомендованных жюри к изданию, Государственное учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз) Министерства просвещения РСФСР заключает издательский договор.

На титульном листе учебников, получивших премии, печатается: «Удостоен премии по конкурсу Министерства просвещения РСФСР».

XVI. Рукописи учебников и сопроводительные материалы следует направлять по адресу: Москва, И-18, 3-й проезд Марьиной Рощи, 41, Учпедгиз «На конкурс учебников истории для вечерних (сменных) школ».

Министерство просвещения РСФСР

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Ким Максим Павлович, член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, руководитель сектора по написанию многотомной «Истории СССР» (советский период), работает в области истории советского общества, автор монографий «КПСС — организатор культурной революции в СССР», «40 лет советской культуры», ответственный редактор учебного пособия «История СССР. Эпоха социализма».

Фадеев Анатолий Всеволодович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, заведующий сектором по написанию многотомной «Истории СССР» (дореволюционный период), профессор Московского государственного университета, специалист по истории России XIX в., автор монографий «Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период», «Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века», один из авторов и редакторов учебника «История СССР» (том 1. С древнейших времен до 1861 г.).

Кретов Федор Дмитриевич, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, специалист по истории СССР, КПСС и международного рабочего движения, автор ряда работ по вопросам истории партии, партийного и государственного строительства, коммунистического воспитания, политики Коммунистической партии в деревне и др.

Климов Прохор Иванович, кандидат исторических наук, и. о. старшего научного сотрудника Института истории АН СССР. Работает в области истории рабочего класса и крестьянства, автор монографии «Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг.» и ряда научных статей.

Зайончковский Петр Андреевич, доктор исторических наук, профессор Московского университета, главный редактор «Исторические науки» (Научные доклады высшей школы), специалист по истории России XIX в., автор монографий: «Военные реформы 1860—1870-х годов в России», «Отмена крепостного права в России», «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.», «Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847 гг.)».

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

Prominent Documents of Our Time

The documents adopted by the Meeting of Representatives of the Communist and Workers' Parties, held in Moscow in November 1960, are of truly epoch-making international significance. The Statement of the 81 Parties and their Appeal to the Peoples of the World contain a profound scientific analysis of the present era and theoretical conclusions on the fundamental problems of contemporary social development.

The editorial reveals the basic contents of these documents and draws attention to the principal theoretical conclusions contained in the Statement, which are of paramount importance to historical research.

One of the important tasks confronting Soviet historians, the leading article points out, is to increase the number of scientific publications generalizing the historical experience and example of the Soviet Union and its Communist Party in the struggle for socialism and communism, for the consolidation of peace. Paramount importance should likewise be attached to analyzing the laws governing the development of the world socialist system, illustrating the powerful influence exerted by the socialist camp on the course of world history, studying the history of the struggle waged by the Communist and Workers' Parties and the working people of the capitalist countries against imperialism and militarism, for peace, democracy and socialism, and bringing out the distinguishing features of the new stage in the development of the general crisis of capitalism.

The documents of the Moscow meeting map out a number of important tasks for the scientists making research into the history of the Asian, African and Latin-American peoples. The research workers' efforts must be directed towards re-establishing the centuries-old history of these peoples and their heroic struggle for national independence, which resulted in the collapse of the colonial system.

The article draws the attention of Soviet historians to the need of intensifying the struggle against anti-Communism—that poisoned weapon of the bourgeoisie. The chief purpose of anti-Communism is to distort and slander the Marxist-Leninist teaching, to indulge in vicious attacks against the socialist social system and present a distorted picture of Communist policy and aims. Hence, resolute exposure of anti-Communism is one of the important and urgent tasks facing Soviet historians.

Soviet historians must dedicate themselves to the task of creating scientific works giving a profound analysis of the processes taking place in the present day world. At the same time they are in duty bound to take the most active part in the work of explaining to the labouring masses the ideas set forth in the documents of the Moscow meeting.

Correspondent-member of the U.S.S.R. Academy of Sciences M. P. KIM, A. V. FADEYEV.

On the Main Problems of Native History.

The article sets forth the basic problems to be highlighted in the "History of the Union of Soviet Socialist Republics," a new many-volume edition now being compiled by a large group of Soviet scientists, whose publication is scheduled to be completed towards the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution.

Lavishly illustrated, the new voluminous edition of the "History of the U.S.S.R." will be distinguished by strictly scientific exposition of the material, most up-to-date and authentic factual data and profound analysis of historical events, coupled with a vivid style of narration, sharply drawn, precise characteristics and a rich variety of methods employed in the treatment of historical material. The first six volumes of the new edition are planned to cover the country's history from the earliest times to the revolution of February 1917. The next five volumes will be devoted to the history of Soviet society, beginning with the victory of the October Revolution and ending with 1965. The new collective work will be based on comprehensive historical research carried on by Soviet scientists over a period of many years.

The authors of the article chiefly dwell on those problems that will form the ideological pivot of the new edition. The exposition of the material will be aimed at bringing home the idea that the process of social development is governed by objective laws. Moreover, parallel with analyzing the general laws of history the new work will bring out the distinctive national features in the development of different Soviet peoples and nationalities. The new edition of the "History of the U.S.S.R." will reflect the pattern of relations between the popular masses of the mother country and its colonial outlands—relations characteristic of pre-revolutionary Russia, which served as one of the basic factors contributing to the formation of a militant alliance of the revolutionary forces of the Russian and all other peoples inhabiting our country. It will show the historical prerequisites for the close ties of friendship binding the peoples of the U.S.S.R.

One of the most important tasks of the new edition is to disclose as fully as possible the genuine role played in history by the popular masses. Another "pivotal problem" of the newly-compiled "History of the U.S.S.R." is to show the place and role of Russia, particularly of the U.S.S.R., in world history, to bring out the influence exerted by the events in Russia and the U.S.S.R. on historical destinies of the peoples of the world.

Much space in the article is given to problems comprehensively examined in the volumes devoted to the history of Soviet society. They will enable the reader to form a clear and allround idea of the rich experience gained by the peoples of the U.S.S.R. under the leadership of the Communist Party in the sphere of revolutionary transformations and peaceful construction in the years of Soviet government. An objective study of this experience acquires immense significance in our days, when the world socialist system is becoming the decisive factor in the development of human society. One of the cardinal tasks confronting the authors of the many-volume edition is to show the reader that the triumph of the Great October Socialist Revolution, the victory of socialism in the U.S.S.R. and the country's transition to the extensive building of communist society are links in the same law-governed process of historical development. The authors compiling the volumes relating to the Soviet period will cite concrete facts to bring out the sum and substance of such fundamental laws governing the development of socialist society as the creative activity of the popular masses, the organizing and directing role of the Communist Party.

The article points out that in the new edition the history of Soviet society will be highlighted by combining materials pertaining to the whole country with factual data illustrative of the development of individual Soviet republics and peoples welded into one close-knit family by the community of aims and indestructible bonds of friendship. The new work will show the vital necessity and absolute correctness of the policy of socialist industrialization and reorganization of the country's agriculture on the basis of Lenin's cooperative plan. The greatest attention, in this connection, will be devoted to the present-day stage of the Soviet Union's industrial development and the establishment of the material and technical base of communism, as well as to the steep increase in agricultural production effected in recent years and the process of converting the collective-farm-cooperative form of property into public property.

Another major problem to be dealt with in the series of volumes devoted to the Soviet period, the authors of the article write, is the history of the progress made by socialist democracy, the gradual development of socialist statehood into a communist form of public self-government. The problem of the cultural revolution as a law-governed process in the period of transition from capitalism to socialism should likewise be regarded as a key problem of the history of Soviet society. Special chapters will be devoted to the outstanding achievements in the field of cultural development registered by the peoples of the U.S.S.R., particularly those peoples and nationalities that made a giant leap from medieval backwardness to the summits of socialist culture. The authors of the new work will also clearly define the initial and final boundaries of the cultural revolution in the U.S.S.R.

The five volumes devoted to the history of the U.S.S.R. will contain a detailed examination of the Soviet Union's international position and foreign policy, with special emphasis given to the following major periods: 1. from the Great October Socialist Revolution, when the U.S.S.R. was the only socialist country in the world, to the emergence of the world socialist system; 2. from the rise and development of the world socialist camp, when a number of new socialist countries maintaining the closest ties of friendship with the U.S.S.R. appeared on the international arena. The new edition will graphically illustrate the mutual relations within the socialist camp, representing an entirely new and hitherto unknown type of relations among different states and nations; it will reveal the ever-growing influence exerted on the destinies of all nations by the Soviet Union's policy of peaceful coexistence of countries with differing social systems.

An important place in each volume will be given to a critical analysis of different works on the history of the U.S.S.R. published in this country and abroad, particularly to the criticism of diverse bourgeois conceptions on the history of the Soviet peoples.

The article also examines a number of specific problems and concrete questions to be dealt with in one or another volume of the new edition. The article is supplemented by summarized contents of the first ten volumes embracing the country's history from the earliest times up to 1958.

F. D. KRETOV. **Certain Aspects of Compiling a Many-Volume Edition of the "History of the U.S.S.R."**

The article is devoted to certain problems arising in connection with the work of compiling a many-volume edition of the "History of the Union of Soviet Socialist Republics." The author makes a number of suggestions aimed at improving the exposition of the history of the Soviet peoples in the new edition.

Soviet historians regard the history of their country primarily as the history of the peoples inhabiting it. Contrary to the conceptions dividing the peoples into "historical" and "non-historical," Soviet scientists proceed from the principle that all the peoples have always been the makers of their own history. Hence, the past of the peoples and nationalities inhabiting the U.S.S.R. must be reflected in the new edition of the "History of the U.S.S.R." not only because they once became the object of the aggressive policy and predatory wars waged by Russian landlords and capitalists but, first and foremost, as the makers of their own history. What this actually means is that the history of each people inhabiting the Soviet territory should be included in the general history of the U.S.S.R. from the time of its appearance on the historical scene, not from the moment of its reunion with Russia.

Soviet historians are far removed from the view that all peoples and nationalities play the same role in history. In actual fact the place and role of individual peoples and nationalities in the development of the productive forces, science and engineering, art and literature, social and national-liberation struggle, etc., differ widely owing to a number of reasons that should be specially studied and analyzed. As is generally known, the Russian people advanced to a prominent place in world history a comparatively long time ago. In their efforts to present the Russian people's history in all its grandeur Soviet historians endeavour to reveal it most fully and show its closest organic connection with the history of the other Soviet peoples, emphasizing in every way the basic factors that helped to bring them closer together and cement their friendship. The history of human society is a profoundly international sphere of scientific research. That explains why the new fundamental work on the history of the U.S.S.R. must be compiled in such a way as to disseminate the idea of closer unity among the masses, stimulate their solidarity and contribute to the strengthening of international friendship and fraternal cooperation. The establishment and development of historical ties between the peoples of the U.S.S.R. is of great scientific significance. A careful analysis and re-establishment of the real course of events enables the scientist to trace the essential causes of individual historical events, without which it is absolutely impossible in many cases to decipher certain "blank spots" of the historical process as a whole.

The history of the U.S.S.R. should not be separated from world history, of which it is a component part. There has always existed real causal interconnection between individual events in world history and the history of the U.S.S.R. However, the close connection existing between the history of the U.S.S.R. and world history should not be reduced solely to the ties with the history of Western Europe, in total disregard of the links with the history of the East. It is high time to put an end to all manifestations of Eurocentrism, to the attempts to reduce world history to the history of Europe and completely "liquidate" the history of the Eastern peoples.

It is generally known that the principal motive force in the development of all antagonistic social systems is the class struggle. Hence, responsibility for the strife, mutual distrust, hostility and military conflicts among the nations rests not with the peoples themselves but with the exploiting classes. The Russian people was not the only one to establish its domination over other peoples and nationalities in the distant historical past; in different periods the Mongols, Tatars and other invaders assumed the same role on the territory of Russia. All these facts are very important for explaining the roots of the dominant-nation chauvinism and local nationalism. The working people were the most active and consistent fighters against foreign invaders and oppressors. The fight for independence and national-liberation struggle are always closely interconnected and linked with the struggle for social emancipation. That explains why in the periods of profound "internal crises" and mortally dangerous "social upheavals" the exploiting classes invariably became the betrayers of "their own" peoples and countries. This simple truth was graphically confirmed by the history of the Civil War and foreign military intervention in Soviet Russia.

The Great October Socialist Revolution not only liberated the peoples of our country from national oppression and destroyed the "prison of nations," but created a firm foundation for their unity and solidarity and mapped out ways and means of their unification within a single multi-national state. The establishment of the Union of Soviet Socialist Republics, which signified the triumph of the Leninist national policy, was predetermined by the entire course of the Russian peoples' history as the natural and logical result of their joint struggle for complete liberation from social and national oppression. The indestructible alliance of the working people of all nationalities that has been established in the Soviet Union and has been steadily gaining in strength, owes its origin to the correct and far-seeing leadership of the Communist Party.

Genuine history is made by the people and proceeds in accordance with the objective laws of social development. Hence, the arrangement of the material in the new edition of

the "History of the U.S.S.R." should fully correspond to the principle of the consecutive change of the social-economic systems, beginning with the history of the people which attained the highest level of progress in its development at a given period and which exerts a determining influence on the life and destinies of other peoples. It should be borne in mind, in this connection, that the earliest state formations on the U.S.S.R. territory appeared in Central Asia and Transcaucasia, not in Eastern Europe. The new many-volume edition of the "History of the U.S.S.R." must also analyze the ethnogeny of every people inhabiting the U.S.S.R. and the process of the formation of nations. Particular attention should be devoted to illustrating the process of formation of the socialist nations and showing the rapid development and flourishing of their cultures—cultures that are national in form and socialist in content. The new edition must also adequately reflect the development of all elements of culture (engineering, science, the arts, etc.).

In conclusion the author writes that the new, many-volume edition of the "History of the U.S.S.R." must conform to the requirements of genuine social history, embrace every aspect of the historical development of each people, illustrate the cultural progress made by each people and by the whole country as a simultaneous and organically interconnected process, give a sufficiently clear and comprehensive idea of the cultural treasures inherited from the past, foster the spirit of Soviet patriotism and proletarian internationalism.

P. I. KLIMOV. From the History of the Emergence and Development of Inter-Collective-Farm Production Contacts

The author convincingly shows that the history of the emergence and development of inter-collective-farm production contacts is of great scientific and practical significance. The Communist Party and Soviet government warmly approved and supported this new development in the life of the Soviet countryside and adopted a number of measures to extend and strengthen inter-collective-farm production contacts, rightly regarding them as an important means of approximating more closely the collective-farm-cooperative and public forms of socialist property. In N. S. Khrushchov's report to the Twenty-First CPSU Congress and in the Congress decisions this problem was further elaborated on the basis of theoretical generalization of the practice of communist construction and progressive experience gained by the foremost collective farms.

Although the origin of inter-collective-farm production contacts dates back to the prewar period, they began to develop on an extensive scale only after the historic decisions adopted by the Plenary Meeting of the CPSU Central Committee in September 1953. The rapid development of agricultural production strengthened the economy of the collective farms and increased their incomes. Many collective farms formerly distinguished for their economic backwardness were converted into powerful and highly developed agricultural enterprises. The collective farmers began to allocate substantial sums to the non-distributable funds and launched an extensive construction program. All this created the necessary conditions for a rapid development of inter-collective-farm production contacts. The forms of these contacts are many and varied, and the author's attention is focussed on their analysis.

One of the most important and widespread forms of inter-collective-farm production contacts is the joint construction and exploitation of inter-collective-farm electric power stations which now exist in all the Union and Autonomous Republics, Territories and Regions. The Twenty-First CPSU Congress mapped out an extensive program for the further electrification of our socialist agriculture. By the close of the seven-year period it is planned to complete, in the main, the electrification of all the collective farms in the U.S.S.R., while the electrification of the state farms and tractor-repair stations will be completed earlier still. A prominent part in this vast undertaking will be played by the collective farms themselves: their funds will be used extensively for the construction of inter-collective-farm and inter-district power stations.

The establishment of inter-collective-farm building organizations, which embraced nearly 18,500 collective farms in 1959, is another most widespread form of inter-collective-farm contacts. These building organizations are set up to carry out capital construction in the collective farms that founded them. This makes it possible to eliminate the primitive organization of building work in the countryside, sharply reduce construction costs, use standard-type projects on an extensive scale, widely introduce new machines and mechanisms, train building workers from among the collective farmers, etc.

Another form of inter-collective-farm production contacts that has become fairly widespread in many Republics, Territories and Regions is the joint construction of inter-collective-farm enterprises for the manufacture of building materials. In 1958 there were 426 such enterprises catering to 3,765 collective farms in the U.S.S.R., and in 1959 their number continued to increase. In connection with the reorganization of the machine and tractor stations and the sale of farm machinery and implements directly to the collective farms there emerged a new form of inter-collective-farm contacts—the inter-collective-farm mechanical repair shops. Inter-collective-farm organizations for the construction of reservoirs are being established in a number of republics and regions.

New achievements in the development of socialist agriculture have given rise to new forms of inter-collective-farm production contacts—hog-fattening centres and poultry farms, which play an important part in increasing the output of meat and other farm products.

Apart from the construction of production premises and dwelling houses, inter-collective-farm organizations build many cultural institutions. It is highly significant, for example, that in a number of districts inter-collective-farm boarding schools, clubs, theatres, rest homes, Young Pioneer camps and hospitals catering to many collective farms are now being built.

Inter-collective-farm production contacts are not confined to individual districts. A new stage in the development of these contacts is the establishment of inter-collective-farm Regional Councils for the management of construction and production of local building materials. They are being established on the basis of the district inter-collective-farm building organizations with the aim of making a better and more effective use of collective-farm funds and resources in the construction of projects of great economic significance.

Inter-collective-farm property created in the process of developing and extending inter-collective-farm production contacts, the author concludes, represents an important step forward in raising the level of collective-farm property to that of public property, for its level of socialization is much broader than that of individual collective farms and more closely approximates public property. Inter-collective-farm building organizations and enterprises satisfy the needs and requirements of many collective farms, districts and even whole regions.

Another important factor that greatly stimulates the process of raising the level of socialization of collective-farm property and bringing it closer to public property is the steadily increasing participation of the state in the organization of inter-collective-farm enterprises.

P. A. ZAIONCHKOVSKY. **Soviet Historiography of the 1861 Reform**

The article sums up certain results of research into one of the most important historical problems of 19th-century Russia—the downfall of serfdom.

The liberation of peasants in Russia was a problem that was moved to the forefront by the whole course of the country's economic development. The tsarist government was compelled to make preparations for a reform by the revolutionary situation prevailing in Russia. Serfdom in Russia was not abolished by revolutionary means because the peasant masses were unable to rise to a conscious struggle for their emancipation. To all intents and purposes, the 1861 reform was of a serfowning character, for it was carried out by the landlords and their government. However, it fully retained its objectively bourgeois essence and resulted in creating the conditions for the rise of capitalism, although the process of capitalist development was still hampered by strong and deep-rooted survivals of serfdom.

Much attention to the abolition of serfdom in Russia was devoted by the classics of Marxism-Leninism. Every single aspect of this problem was theoretically elaborated and substantiated in V. I. Lenin's works, which provided the methodological basis for further scientific development of this problem by Soviet historians. The factual history of the abolition of serfdom remained practically uninvestigated by pre-revolutionary historians. In the early years of Soviet government research into this problem was hampered by the erroneous approach to its solution by the Pokrovsky "school," which denied the bourgeois essence of the 1861 reform. According to the author, no serious progress was made in investigating the history of the abolition of serfdom until mid-1930's, when the influence of the Pokrovsky "school" was overcome. The only noteworthy feature that deserves attention was the first attempt at analyzing the charters of regulations (charters regulating the mutual relations between the landlord and his liberated serfs) according to the scheme elaborated by I. I. Polosin towards the close of the 1920's. The works by A. M. Pankratova, M. V. Nechkina and other historians, published in the thirties, gave a correct appraisal of the revolutionary democrats' attitude towards the reform. This period also witnessed the first efforts to study the effects produced by the reform in the national areas (A. V. Fadeyev, G. A. Kokiyev). A prominent part in studying the problem from the positions of Marxism-Leninism belonged to E. A. Morokhovets, who wrote a popular scientific survey of the 1861 reform in 1937 and published materials on the peasant movement in the period of the abolition of serfdom, which refuted the views of pre-revolutionary historians on the peasants' attitude to this act initiated by the tsarist government.

Consequently, at the close of the thirties Soviet historians made definite progress in the elaboration of this problem. On the whole, it found a faithful and correct reflection in popular-scientific and educational literature; it was at that period, too, that Soviet historians began their study of certain aspects of the problem on the basis of archive sources showing how the reform had affected the country's individual areas.

A really comprehensive study of the history of the 1861 reform began in the postwar years. At the present time our historians have investigated in great detail the peasant

movement in the period of the preparation and carrying out of the reform and the history of the abolition of serfdom in a number of Russia's national areas. The next important task is to study the questions connected with the practical implementation of the reform as well as with its social and economic consequences. One of the shortcomings characteristic of the postwar research in this field, the author writes, is that in the process of analyzing the problem the authors do not compare the events which took place in Russia with similar processes in other countries.

In examining individual works on the peasant movement in 1859-1863 (by Y. I. Linkov, M. E. Naidenov, N. N. Leshchenko and others), the author of the article emphasizes that one of the major defects common to all these works is the marked tendency to exaggerate the scope of the peasant movement in the period of the preparation and carrying out of the reform—a tendency that contradicts Lenin's definition of the character of the peasant movements in that period. The revolutionary democrats' attitude to the reform is adequately and comprehensively reflected in the works by M. V. Nechkina, B. P. Kozmin, Z. P. Bazileva and other historians, which appeared in the postwar period. Much space is devoted by the author to a detailed analysis of the monographs, articles and theses on the history of the abolition of serfdom in Russia's individual provinces and districts. All these works are divided by the author into two groups: a) works devoted primarily to the preparation and drafting of the reform; b) research works aimed at studying the problem as a whole, including the results produced by the reform. The author criticizes a number of works which are predominantly based on the illustrative method of historical research and give a patently wrong appraisal of the results produced by the reform. As for researches devoted to the abolition of serfdom in Russia's national areas, their chief shortcoming is that they give no analysis of the charters of regulations and redemption arrangements (the peasants' redemption payments to the landlords).

The methods of studying these valuable sources have now been amply elaborated and already employed in many researches, mostly in theses. In some of them the results of the reform are summed up on the basis of a simplified analysis of the charters of regulations. Others are based on a detailed analysis of this source (for example, the theses by B. G. Litvak, D. I. Budayev, A. G. Karevskaya, V. G. Zimina), which signifies an important step forward in studying the problem. But the materials provided by another extensive source—redemption arrangements—are still inadequately used by our researchers. That explains the immense significance of the effort now being made to systematize the existing charters of regulations and redemption arrangements and prepare them for publication. A group of teachers and research workers of Leningrad have already systematized more than 30,000 charters of regulations and redemption arrangements. The author believes that the work accomplished by Soviet historians during the past decade testifies to impressive achievements in the field of studying the peasant reform of 1861.

In conclusion the article outlines the tasks confronting Soviet historians in the further elucidation of this problem. The completion of the work of systematizing the charters of regulations and redemption arrangements according to Russia's internal provinces, which is essential for a detailed study of the process of the development of capitalism in the country's agriculture in the sixties and seventies of the 19th century, is regarded by the author as the first and principal task. Another important problem is the study of the so-called allotment grants (the land granted to freed peasants by their former masters), particularly in connection with the study of the early post-reform period, when the peasants were obliged to rent land from the landlords on most onerous terms, and the development of the rural bourgeoisie. It is also necessary to continue the study of the peasant movement in the period of the preparation and carrying out of the reform. The next problem is to analyze and systematize the charters of regulations and redemption arrangements in the North Caucasus and Transcaucasia and continue research work in this field in Lithuania, Byelorussia and the part of the Ukraine situated on the right bank of the Dnieper. The fulfilment of these tasks is of paramount importance to the study of the process of capitalist development in Russia in the post-reform period. Invaluable assistance in the elaboration of these problems, in the author's opinion, can be rendered by students and post-graduate students of history departments of universities and pedagogical institutes under the guidance of experienced researchers.

内 容

社論　现代卓越的文件

論 文

关于祖国历史的基本問題……苏联科学院通訊院士馬·巴·基姆，阿·維·法捷耶夫
談創作多卷的苏联历史的問題……費·第·克列托夫
摘自集体农庄际生产联系的发生和发展史……勃·伊·克里莫夫
关于1861年改革的苏联历史編写学……彼·安·查伊昂契科夫斯基

历史科学在苏联
在苏联科学院历史科学部和学术委員会

迎接巴貝弗誕生200周年……伊·伊·西波拉普
新发現的巴貝弗文献

短評与書評

新書
苏联历史杂志中的論文

学术动态

論国立烏拉尔高尔基大学历史系的工作……尼·謝·彼恰塔里謝科娃（斯維尔德洛夫斯克）

历史科学在海外
短評与書評
国外刊物巡礼
学术动态

談罗馬尼亚工人党中央直属党史研究所的活动……罗馬尼亚工人党中央直属党史研究所学术秘書
提图·卓尔杰斯庫

書信和短評

CONTENTS

Editorial: Prominent Documents of Our Time. Articles: **Correspondent-member of the U.S.S.R. Academy of Sciences M. P. Kim, A. V. Fadeyev.** On the Main Problems of Native History; **F. D. Kretov.** Certain Aspects of Compiling a Many-Volume Edition of the "History of the U.S.S.R." **P. I. Klimov.** From the History of the Emergence and Development of Inter-Collective-Farm Production Contacts; **P. A. Zayonchkovsky.** Soviet Historiography of the 1861 Reform. Historical Science in the U.S.S.R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: I. I. Syvolap.** On the 200-th Anniversary from the Birth of Babeuf; New Documents of Gracchus Babeuf. **Surveys and Reviews.** New Books. Articles in Soviet Historical Journals. **Chronicle of Scientific Life: N. S. Pechatalshchykova** (Sverdlovsk). On the Activity of Gorky Uralsky State University's Historical Faculty. Historical Science Abroad. **Surveys and Reviews. Scanning Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: Scientific Secretary of the Institute of History of the Party Attached to the Central Committee of R.R.P. Titu Georgescu.** On the Activity of the Institute of History of the Party Attached to the Central Committee of Rumanian Workers' Party. Letters and Notes.

SOMMAIRE

Editorial: Documents proéminants de notre temps. Articles: **M. P. Kim, membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'URSS, A. V. Fadéev.** Sur les problèmes principaux de l'histoire nationale; **F. D. Krétov.** A propos de la création de l'histoire de l'URSS en plusieurs volumes; **P. I. Klimov.** De l'histoire de l'origine et du développement des liens de production interkolkhoziens; **P. A. Zaïontchkovsky.** L'historiographie soviétique de la réforme de 1861. Science historique en URSS. **Au Département des sciences historiques auprès de l'Académie des Sciences de l'URSS et aux Conseils scientifiques: I. I. Sivolap.** Au 200e anniversaire de Babeuf; Documents nouveaux de Gracchus Babeuf. **Revues et comptes-rendus.** Livres nouveaux. Articles publiés dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: N. S. Petchatalchtchikova** (Sverdlovsk). A propos du travail de la faculté historique de l'Université d'Etat Ouralienne Gorki. Science historique à l'étranger. **Revues et comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique. Titu Georgescu, secrétaire scientifique de l'Institut d'histoire du Parti près le C.C. du P.O.R.** L'activité de l'Institut d'histoire du Parti près le C.C. du Parti ouvrier de Roumanie. Lettres et notes.

INHALT

Leitartikel: Hervorragende Dokumente unserer Zeit. Beiträge: **M. P. Kim, Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, und A. W. Fadejew.** Grundprobleme der Geschichte unserer Heimat; **F. D. Kretow.** Zur Schaffung einer vielbändigen Geschichte der UdSSR; **P. I. Klimow.** Aus der Geschichte der Entstehung und Entwicklung der Produktionsbeziehungen zwischen den Kolchosen; **P. A. Sajontschkowski.** Die sowjetische Geschichtsschreibung zur Reform von 1861. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: I. I. Siwolap.** Zum 200. Geburtstag von Babeuf; Neue Schriftstücke von Gracchus Babeuf. **Übersichten und Besprechungen.** Neue Bücher. Abhandlungen in sowjetischen Geschichtszeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: N. S. Petschatalstschikowa** (Swerdlowsk). Über die Tätigkeit der historischen Fakultät der Uraler Gorki-Staatsuniversität. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Übersichten und Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: Titu Georgescu, wissenschaftlicher Sekretär des Instituts für Parteigeschichte beim ZK der RAP.** Die Tätigkeit des Instituts für Parteigeschichte beim Zentralkomitee der Rumänischen Arbeiterpartei. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.

А 01235. Подписано к печати 17/II 1961 г. Тираж 20 800 экз.
Изд. № 404. Заказ 3526. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ŠNEJDAREK A. **Druhá Světová Válka.** Stručný přehled. Praha. Orbis. 1960. 33 s.

ŽIŽKA L. K. **Praha před osmdesáti lety.** Praha. Orbis. 1960. 292 s.

O národnostnej a národnostno-kolonialnej otázke. Bratislava. Slovenské vyd. politickej lit. 1960. 29 + 5 s.

ŠILHAN V. V. **I. Lenin o řízení a plánování socialistického národního hospodářství.** Praha. Státní Nakladatelství politické literatury. 1960. 90 s.

BREJCHOVA J. **50 let veliké cesty.** Praha. Stát. nakl. politické lit. 1960. 87 s.

VČELIČKA G. **Pražské tajemství.** Praha. Československý spisovatel. 1960. 237 s.

JAKUBIČEK M. **15 let kultury v lidově demokratickém Československu.** Brno. Univ. Knihovna. 1960. 64 s.

Rozvoj města Plzně v druhé pětiletce, 1956—1960. Plzeň. Rada městského národního výboru. 1960. 58 s.

PUTÍK J. **Svědomi. Případ profesora Oppenheimera.** Praha. Mladá fronta. 1960. 161 s.

PULEC M. J. **Vyšehrad.** Praha. Sportovní a turistické nakl. 1960. 61 s.

MIGDAL S. **Opolszczyzna przeciw faszyzmowi w przededniu dojścia Hitlera do władzy.** Katowice. Śląsk. 1960. 125 s.

BREZA T. **Spiżowa brama.** Notatnik rzymski. Warszawa. Czytelnik. 1960. 571 s.

DUBIEL P. **Wrzesień 1939 na Śląsku.** Katowice. Śląsk. 1960. 242 s.

CŁOMBIOWSKI K. **Polska literatura polityczna na Śląsku od XVI do końca XVIII wice.** Śląsk. 1960. 211 s.

Twarzą w twarz z Ameryką. Reportaż z wizyty N. S. Chruszczowa w USA. Warszawa. Książka i wiedza. 1960. 621 s.

KOSIDOWSKI Z. **Królestwo złotych łez.** Warszawa. Iskry. 1960. 441 s.

MALINOWSKI M. **W obronie stolicy.** Warszawa. Min. obrony narod. 1960. 145 s.

FINTINARU I. **De la timp urît spre senin.** După istorica vizită a lui N. S. Hruşciov în S. U. A. Bucureşti. Ed. politică. 1960. 52 p.

STANCU H. **Călătorind prin tările Nordului, Finlanda, Suedia, Danemarca şi Islanda.** Bucureşti. Ed. tineretului. 1960. 204 p.

PESCHKA V. A. **Jogviszonyelmélet Alapvetö Kérdései.** Budapest. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. 1960. 219. old.

DOMBAY J. **Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövárkony.** Budapest. Akademiai Kiadó. 1960. 230 S.

Aus dem Nachlass des Freiherrn Carl Friedrich Kübeck von Kübau. Hrsg. von F. Walter. Köln. Böhlau Verlag. 1960. 216 S.

WIDMER S. **Illustrierte Geschichte der Schweiz.** Bd. 2. Zürich. Benziger. 1960. 302 S. + 6 Karte.

Karl V, der Kaiser und seine Zeit. Hrsg. von P. Rassow und F. Schalk. Köln. Böhlau Verlag. 1960. XII + 217 S., 15 Taf., 29 Abb.

TIMM A. **Die Waldnutzung in Nordwestdeutschland im Spiegel der Weistümer.** Köln. Böhlau Verlag. 1960. VI + 136 S.

OTTO K. H. **Deutschland in der Epoche der Urgesellschaft (5 000 000 v. u. Z. bis zum 5./6. Jh. u. Z.).** Berlin. Deutsch Verl. der Wissenschaften. 1960. XI + 202 S.

WOHLGEMUTH H. **Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis zur Novemberrevolution.** Berlin. Dietz. 1960. 164 S.

BORAH W., COOK S. F. **The population of Central Mexico in 1548.** Berkeley-Los Angeles. The University of California press. 1960. 215 p. + 4 cart.

CLAUD H. **Gaullisme et grand capital.** Paris. Editions sociales. 1960. 224 p.

MURY G. **Essor ou déclin du catholicisme français.** Paris. Editions sociales. 1960. 320 p.

HIMMELHEBER H. **Negerkunst und Negerkünstler.** Braunschweig. Klinkhardt und Biermann. 1960. VIII + 436 S.

WALKER A. R. **Notes d'histoire du Gabon.** Montpellier. IEC. 1960. 158 p.

Aspects of caste in South-India, Ceylon and North-West Pakistan. Ed. by E. R. Leach. Cambridge. The University Press. 1960. VIII + 147 p.

NAJAFI N., HINCKLEY H. **Reveille for a Persian village.** London. Gollancz. 1960. 273 p.

LOCKHART L. **Persian cities.** London. Luzac and Co Ltd. 1960. 188 p.

Цена 70 коп.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Издательства социально-экономической литературы

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СССР

ГЕРАСИМОВ В. Г. **Жизнь русского рабочего.** Воспоминания. 1959. 64 стр. Цена 5 коп.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. **Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.** 1958. 470 стр. Цена 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ СССР. Том II. 1959. 768 стр. Цена 1 р. 49 к.

Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сборник документов. 1959. 752 стр. Цена 1 р. 30 к.

ОВСЯННИКОВА С. **Группа Благоева.** 1959. 96 стр. Цена 13 коп.

РАШИН А. Г. **Формирование рабочего класса России.** 1958. 623 стр. Цена 2 р. 45 к.

ТАРЛЕ Е. В. **Северная война.** 1958. 480 стр. Цена 1 р. 80 к.

ФЕДОСОВ И. А. **Революционное движение в России во второй четверти XIX века.** (Революционные организации и кружки). 1958. 416 стр. Цена 1 р. 30 к.

ЛИТЕРАТУРА ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРАБКИН Я. С. **Революция 1918—1919 гг. в Германии.** Краткий очерк. 1959. 444 стр. Цена 1 р. 34 к.

КОЛОСКОВ И. А., ЦЫРУЛЬНИКОВ Н. Г. **Народ Франции в борьбе против фашизма.** (Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 гг.). 1960. 408 стр. Цена 1 р. 43 к.

ЛАВРЕЦКИЙ И. Р. **Симон Боливар.** С предисловием Пабло Неруды. 1958. 100 стр. Цена 14 коп.

ЛЕБОВ М. Ф. **Венгерская республика 1919 года.** 1959. 276 стр. Цена 56 коп.

ЧЕРНЯК Е. Б. **Буржуазная историография рабочего движения.** (Критический очерк). 100 стр. Цена 24 коп.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГАЛАН ХОСЕ МАРИЯ. **Крушение монархии в Испании** (1917—1931 гг.). 1959. 136 стр. Цена 32 коп.

Как выглядит Западная Германия сегодня. 1959. 176 стр. Цена 3 р. 10 к.

Требуйте эти книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

В случае отсутствия литературы в местных книжных магазинах заказы направляйте республиканским, краевым и областным магазинам «Книга — почтой».

«СОЮЗКНИГА»